КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов философских факультетов
и отделений государственных
университетов

Под редакцией проф. А. Д. Косичева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
Москва 1972

1 Ф
К 93

Рецензенты:

Кафедра философии и научного коммунизма Московского государственного педагогического института им. М. Тореза.

Доктор философских наук, профессор К. Т. Кузнецов.

Курс лекций по истории марксистско-ленинской философии

Под редакцией А. Д. Косичева

Научный редактор канд. филос. наук Л. Г. Юлдашев
Редактор В. М. Федоров
Художественный редактор С. Г. Абелин
Художник Б. А. Школьник
Технический редактор Н. Н. Баранова
Корректор М. М. Сапожникова

А-07617. Сдано в набор 27/V-71 г. Подписано к печати 27/XII-71 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Объем 23 печ. л. Уч.-изд. л. 25,50. Изд. № ФПН-5.
Тираж 80 000 экз. Зак. 2111. Цена 69 коп.

План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1972 год. Позиция № 12

Издательство «Высшая школа»
Москва, К-51, Неглинная ул., 29/14

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

1—5—1
12—72

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом выпуске «Курса лекций по истории марксистско-ленинской философии» дается изложение процесса возникновения и формирования философии марксизма, развитие Марксом и Энгельсом диалектического и исторического материализма. В книге рассматривается развитие и распространение марксистской философии, ее борьба с реакционной буржуазной философией, социологией и ревизионизмом начиная с конца 30-х годов XIX в. до конца XIX в., т. е. до начала ленинского этапа философии марксизма.

Большой раздел книги посвящен распространению марксистской философии в конце XIX и начале XX в., роли последователей и соратников Маркса и Энгельса в защите и пропаганде диалектического и исторического материализма.

Новой ступенью в развитии марксистской философии является ленинский этап. Этому будет посвящен второй выпуск «Курса лекций по истории марксистско-ленинской философии».

Авторы книги не ставили перед собой задачу дать всестороннее и полное освещение всей истории марксистско-ленинской философии. В книге освещаются наиболее главные этапы становления и развития философских взглядов Маркса и Энгельса.

«Курс лекций по истории марксистско-ленинской философии» предназначен в качестве учебного пособия для студентов философских факультетов и отделений государственных университетов, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, изучающих курс истории марксистской философии, а также для самостоятельного изучения марксистско-ленинской философии. Некоторые разделы лекций были ранее опубликованы в печати.

В настоящее издание они включаются в переработанном виде.

Работа написана авторским коллективом в составе чл.-корр. АН СССР М. Т. Иовчука, чл.-корр. АН СССР Т. И. Ойзермана, проф. Богомолова А. С., доц. Горшковой Л. Г., доктора философских наук Калтахчяна С. Т., проф. Косичева А. Д., доц. Кузнецова В. Н., проф. Мелещенко З. В., доц. Петрашек А. П., проф. Попова С. И., доц. Филипповой М. М., проф. Шестакова П. М., доц. Шестакова М. Г.

ГЛАВА 1

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

Философия марксизма возникла не сразу. Ее творцы прошли сложный путь идейного и политического развития от первоначальных идеалистических взглядов к материалистическому пониманию природы и истории, от революционного демократизма к теории научного коммунизма.

Формирование философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса — яркий пример диалектического единства теории и революционной практики. Основоположники марксизма никогда не были кабинетными учеными. С самого начала их деятельности решение философских проблем осуществлялось ими в непосредственной связи с насущными практическими задачами политической борьбы, в ходе полемики с реакционными теориями. Совершенно недопустимо поэтому было бы рассматривать процесс становления диалектического и исторического материализма как процесс чисто логический. Исторический анализ ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса, их оценка с позиций сложившегося марксистского мировоззрения имеют чрезвычайно большое значение для уяснения истории марксистско-ленинской философии. Творческое развитие диалектического и исторического материализма невозможно без понимания того, как возникли его проблемы, какие конкретные задачи и практические запросы обусловили их постановку и решение.

Вокруг ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса, вводящих в творческую лабораторию становления марксистской философии, разгорелась ожесточенная идеологическая борьба, в ходе которой марксисты дают отпор буржуазным и ревизионистским фальсификаторам истории и теории марксизма. Тема «молодого Маркса» стала особенно «модной» на Западе после второй мировой войны. Кажущееся разнообразие методов фальсификации периода формирования марксистской философии объединяется стремлением подорвать марксизм изнутри, разрушить его единство, сблизить марксизм с реакционными идеалистическими течениями современной буржуазной мысли. Именно эта задача объединяет современных буржуазных «марксоведов» различных направлений (неотомистов, неогегельянцев, экзистенциалистов и пр.).

Можно выделить два основных приема фальсификации исторического развития философии марксизма.

Первый из них состоит в том, что произведения Маркса периода формирования его мировоззрения объявляются вершиной его философского творчества, противопоставляются как зрелым трудам самого Маркса, так и всему последующему развитию марксистской теории. Этот прием особенно характерен для экзистенциалистских толкователей марксизма. Спекулируя на неадекватной, идущей от Гегеля и Фейербаха терминологии ранних произведений Маркса, на переходном характере этих работ, и прежде всего «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», такие авторы, как Э. Тир, Попитц, М. Лангэ, Э. Франк, пытаются навязать молодому Марксу систему взглядов идеалистической антропологии, абстрактный гуманизм, превратить его в родоначальника современного экзистенциализма.

Неотомисты Гоммес, Дирк, также приписывая Марксу идеалистическую антропологическую доктрину, сближают ее с христианством.

Второй прием фальсификации сводится к тому, что весь марксизм объявляется лишь интерпретацией гегелевской спекулятивной философии, и прежде всего гегелевской концепции отчуждения. На этой основе утверждается «единство» и ранних и зрелых работ Маркса. Наиболее ревностными поборниками этой концепции выступили французские иезуиты Кальвез («Мысль Карла Маркса») и Биго («Марксизм и гуманизм»). Так, Биго утверждает, что у Маркса «феноменология духа просто превратилась в феноменологию труда, диалектика отчуждения человека — в диалектику отчуждения капитала, метафизика абсолютного знания — в метафизику абсолютного коммунизма».

Осуществляя задачу подлинно научного воссоздания процесса формирования диалектического и исторического материализма, марксистские историки философии руководствуются положениями В. И. Ленина о едином, закономерном пути формирования и развития марксизма и его основных этапах (см. статьи «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Три источника и три составные части марксизма» и др.).

За последние годы марксистская историко-философская наука обогатилась рядом исследований, в которых осуществляется научный анализ развития философских и политических взглядов основоположников марксизма и дается отпор буржуазным и ревизионистским фальсификаторам (работы О. Корню, Г. Менде — ГДР, Т. Ойзермана, М. Серебрякова — СССР и др.).

* *
*

С первых шагов своей сознательной жизни Карл Маркс (1818—1883) заявляет о страстном желании посвятить свою жизнь благу человечества, борьбе за его счастье и свободу. По Марксу, счастье заключается в том, чтобы «сделать счастливыми наибольшее число

людей». Работая только для себя, можно стать великим мудрецом, но нельзя стать великим человеком [1].

Первым этапом в идейном развитии Маркса были годы, проведенные в Берлинском университете (1836—1841). В это время Маркс познакомился с гегелевской философией и сблизился с кружком берлинских младогегельянцев, признанным главой которого он скоро становится.

Маркс в 1837 г. пишет отцу, что задумал написать большую работу на тему по истории права и при этом ощутил потребность в философском обосновании этой темы. В процессе работы он обнаруживает несостоятельность идеалистической канто-фихтевской методологии, отрывающей «сущее от должного», теорию от действительности. Гегелевская идея имманентного развития представляется Марксу более пригодной для рассмотрения таких явлений, как государство и право.

Итогом этого периода и первым документом философского развития Маркса явилась докторская диссертация «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1841). Маркс стоит здесь еще на идеалистической точке зрения, утверждая, что «идеализм — не фантазия, а истина». В то же время диссертация свидетельствует о самостоятельности философской позиции Маркса, которая заставляла его во многих вопросах не соглашаться как с Гегелем, так и с младогегельянцами. Уже в диссертации и в подготовительных работах к ней мы видим стремление Маркса дать ответ на актуальные для того времени вопросы о свободе и путях ее достижения, о месте философии в мире. Решение этих вопросов создавало философские предпосылки революционного демократизма Маркса.

В предисловии к диссертации Маркс выступает от имени человеческого самосознания, которое стоит лицом к лицу со всеми силами Вселенной. Рядом с ним не должно быть никакого божества. Строка Эсхила, выражающая ненависть Прометея ко всем богам («По правде, всех богов я ненавижу»), цитируется Марксом как собственное признание самой философии, а Прометей объявляется «самым благородным святым» в философском календаре.

Маркс предстает в диссертации как воинствующий атеист, понимающий антигуманистическую сущность религии. Он восхваляет Эпикура, восставшего против гнетущей силы религиозных предрассудков, и называет его «величайшим греческим просветителем». Маркса привлекает действенное начало философии Эпикура, его учение о свободе. Подробно анализируя учение Эпикура об отклонении атома, Маркс видит в нем выражение принципа свободы. Маркс приводит слова Лукреция о том, что отклонение переступает «fati foedera» (законы судьбы), он видит в этом учении оправдание, обоснование абсолютной свободы человека. Отклонение — это

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 1—5.

символ индивидуального сознания, утверждающего свою свободу в мире путем отхода, уклонения от него. Но примечательно, что Маркс не может согласиться с таким пассивным пониманием свободы, противопоставляющим человека и мир. Изолируясь от мира, человек лишается возможности воздействовать на него. Свобода, понимаемая как «атараксия», — ложная свобода. Вопрос о свободе может быть решен только в обществе, только тогда, когда человек рассматривается во взаимодействии с окружающей средой, когда он действует.

Свобода и счастье человечества, пути их достижения постоянно занимают и вдохновляют молодого Маркса. Тема свободы становится как бы лейтмотивом всей его теоретической и практической деятельности, получая в дальнейшем конкретизацию и научное обоснование.

Решая проблему отношения философии и мира, Маркс не приемлет ни гегелевское отождествление бытия и мышления, ни младогегельянский отрыв теории от жизни и противопоставление их. Маркс говорит о диалектическом взаимодействии сознания и бытия, в результате которого все противоречия бытия должны быть доведены до своей крайности. Маркс ставит перед философией задачу вторжения в мир, «обмирщения», чтобы сделать мир философским, т. е. разумным. Маркс идеалистически преувеличивает возможности теории, но утверждение им единства теоретического сознания и практической активности, стремление придать философии роль орудия революционной борьбы отличает его от большинства младогегельянцев.

Маркс предпринимает попытки научной критики учения Гегеля. Он упрекает младогегельянцев за их обывательское отношение к гегелевской философии, когда они причину ограниченности его системы, его политическую реакционность усматривают в моральных качествах Гегеля, наивно объясняют приспособленчеством. С глубокой проницательностью Маркс указывает, что Гегель был органично связан со своей системой. Научная критика Гегеля должна основываться, по Марксу, на исследовании и осуществлении основного принципа его философии — идеи развития.

Диссертация была отослана Марксом в Иенский университет, и в апреле 1841 г. он получает диплом доктора философии. Начавшиеся в Германии гонения на гегелевскую школу помешали осуществлению планов Маркса на академическую карьеру. Он должен был избрать новое поле деятельности. Эта возможность открылась перед Марксом в связи с приглашением сотрудничать в «Рейнской газете» — органе либеральной рейнской буржуазии. Эта газета начала выходить в г. Кельне с 1 января 1842 г. В первых же статьях Маркс выступает как глубокий и блестящий публицист. Авторитет Маркса среди сотрудников газеты все более растет и с осени 1842 г. он становится главным редактором этой газеты.

Работа в «Рейнской газете» поставила молодого Маркса перед необходимостью осмысливать и решать политические и экономические вопросы, выдвигаемые современностью, включила его в самую

гущу политической борьбы, в которой проявлялись столкновения экономических интересов. Тем самым он порывал с идущим от Гегеля пренебрежительным отношением немецких философов к практике[1]. К. Маркс пренебрег прямым предупреждением Б. Бауэра, который в марте 1841 г. писал ему: «Было бы безумием, если бы ты посвятил себя практической карьере. Теория теперь — сильнейшая практика, и мы не в состоянии даже предсказать, в каком великом смысле она станет практической»[2]. Сам Маркс рассматривал работу в газете как закономерный шаг по пути «обмирщения» философии, связи теории и практики. Маркс ставит перед философией задачу вторжения в жизнь, разрабатывает программу ее практической действенности. Этой программе уже в очень скором времени окажется тесно в рамках идеализма и революционного демократизма.

Все статьи Маркса в «Рейнской газете» носят заостренный политически-полемический характер. Для исследования философского развития Маркса эти статьи являются документами огромной важности, так как именно в этот период практической проверки первоначальных идеалистических установок создаются предпосылки для перехода к материалистическому пониманию природы и общества. В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» указывал, что в период работы в «Рейнской газете» намечается начало перехода Маркса от идеализма и революционного демократизма к диалектическому материализму и научному социализму.

Маркс выступает на страницах газеты в защиту широких трудящихся масс, подвергает критике реакционные немецкие порядки. Он требует непримиримости к феодально-абсолютистской реакции.

Исходными идейными позициями молодого Маркса, когда он начал свою работу в «Рейнской газете», были: революционный демократизм, вера в возможность преобразования действительности силами философии, идеалистическое, близкое к гегелевскому представление о государстве как осуществлении разума и свободы, о праве как выражении всеобщей воли, но в отличие от Гегеля он не видит в прусском государстве воплощения идеального государства, но только применяет к нему эту мерку, веря в возможность преобразования его силами философии. Маркс выступает не только против прусского государства, но и против всякой идеализации буржуазной государственности в Англии и Франции, указывает на чисто формальный характер буржуазных «свобод». Постановка проблемы свободы утрачивает теперь свой чисто теоретический характер. Ее осуществление Маркс начинает связывать с определенным видом общественного устройства.

Идеал Маркса — такое отношение между людьми, когда отдельная личность сливается с широтой целого, а целое находит свое

---

[1] «Теоретическая работа,— писал Гегель,— в этом я убеждаюсь ежедневно, достигает в мире большего, чем практическая: раз революционизируется царство представления, действительность уже не выдержит» (Hegel. Brief am Tr. Tretgammer. Brief von und an Hegel, Leipzig, 1883, I, S. 194).

[2] «Marx — Engels Gesamtausgabe», Erste Abteilung Bd. I, Helb. II. S. 250.

выражение в сознании каждой отдельной личности [1]. Перед мысленным взором Маркса встает общество, где нет искусственного деления на «виды», общество, неравенство которого есть не что иное как «разноцветное преломление равенства». Маркс характеризует это идеальное общество как великий единый организм. Именно с этих позиций и пытается он разрешить практические задачи политической борьбы. Однако немецкая действительность на каждом шагу опрокидывала теоретические убеждения Маркса. Логика политической борьбы приводит его в конце концов не только в прямую оппозицию к прусским государственным порядкам, но и к критике самого гегелевского учения о разумном государстве.

В процессе политической борьбы Маркс очень скоро убеждается, что формы государственных учреждений, нравственные и религиозные представления людей определяются материальными интересами различных сословий общества. В статьях, посвященных дебатам Рейнского ландтага о свободе печати и краже леса, Маркс показывает, что вместо всеобщего разума в государстве выступает борьба партий, сословий. Маркс убеждается также и в иллюзорности своих представлений о преобразовании действительности силами философии. Экономические интересы людей, разделенных на сословия, всегда оказывались неизмеримо сильнее теоретических построений. Этот перелом во взглядах на государство и право порожден не только пониманием несоответствия немецкой действительности 40-х годов XIX в. установкам философов-идеалистов, но также и той конкретностью мышления, практической направленностью в изучении общества, которая была присуща Марксу с самого начала его политической и философской деятельности.

Уже в своей первой публицистической статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс развивает мысль о том, каким должен быть истинно научный метод познания предмета. Этот метод должен определяться и направляться развитием самого предмета. «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?» [2]. Нельзя понимать истину абстрактно, превращать дух в «судебного следователя». Это требование конкретности истины Маркс применяет к анализу соотношения реальных политических сил прусского государства.

Он вплотную подходит здесь к материалистическому выводу о том, что внутренним, скрытым источником, определяющим политическую деятельность существующего государства, является частный интерес, т. е. экономический интерес частных собственников. Поэтому Маркс выступает против господства частных собственников в государстве, решительно требует отмены их политических привилегий.

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 103.
[2] Там же, стр. 7—8.

Работа в «Рейнской газете» заставила Маркса обратиться к экономической жизни общества. В статье о бедственном положении мозельских крестьян («Оправдание мозельского корреспондента») он показывает, что обнищание крестьян, деятельность государства и другие стороны общественной жизни являются закономерным и неизбежным следствием тех объективных общественных отношений, которые господствуют в Германии. И дело вовсе не в отдельных мероприятиях, законах или распоряжениях существующей власти или отдельных лиц. «При исследовании явлений *государственной* жизни,— пишет Маркс,— слишком легко поддаются искушению упускать из виду *объективную природу отношений* и все объяснять *волей* действующих лиц. Существуют, однако, *отношения*, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания. Став с самого начала на эту объективную точку зрения, мы не будем искать добрую или злую волю попеременно то на одной, то на другой стороне, а будем видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица» [1]. Здесь перед нами становление основного принципа исторического материализма о естественноисторическом, объективном характере общественных отношений, к изучению которых Маркс требует подходить так, как естествоиспытатель — к природным процессам, как химик — к исследуемому веществу. Хотя Маркс и не вскрывает еще содержание этих отношений, он уже подчеркивает объективный характер общественных отношений, т. е. отношений, существующих независимо от воли и сознания людей, тех отношений, которые определяют различные явления жизни общества.

Изучение тяжелого положения бедноты, понимание источника нищеты масс — частного интереса «собственников» и несправедливости общественных отношений — привело Маркса к защите интересов трудящихся, что способствовало началу формирования его коммунистических взглядов. Как свидетельствует статья Маркса «Коммунизм и Аугсбургская «Всеобщая газета», в этот период он не составил еще определенного мнения о социалистическом и коммунистическом идеале, но для него уже было совершенно очевидно, что идея коммунизма представляет собой в высшей степени серьезный вопрос современности.

Период работы в «Рейнской газете» отмечен для Маркса влиянием Фейербаха. Статьи Маркса показывают, что фейербаховская критика религии как искаженного отражения сущности человека была им воспринята и усвоена. Маркс несколько преувеличивает значение этого философа, который импонировал ему в то время прежде всего своей критикой спекулятивной идеалистической философии и реакционного романтизма. В 1842 г. предлагая философам, которые мечтают добраться до истины, освободиться от понятий и предрассудков прежней спекулятивной философии, Маркс

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 192—193.

писал: «И нет для вас иного пути к *истине* и *свободе*, как только *через огненный поток*. Фейербах — это *чистилище* нашего времени»[1]. Вместе с тем Маркс уже тогда критически оценивает этическое учение Фейербаха о преобразующей роли новой религии — любви к человеку. Философия Фейербаха не могла дать ответа на историко-социологические проблемы, занимавшие Маркса, и еще меньше удовлетворяла его стремление соединить философию с практикой.

Под руководством Маркса «Рейнская газета» заняла оппозицию к прусскому правительству. Не дожидаясь запрещения газеты, Маркс решает сложить с себя обязанности редактора.

Научной работой, предпринятой Марксом после выхода из «Рейнской газеты», стало критическое рассмотрение философии государственного права Гегеля. Этому посвящена рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права» (1843), которая теоретически обобщала опыт «Рейнской газеты». В «Философии права» Гегель пытается применить идеалистическую диалектику к анализу общественных отношений. Именно в этом труде наиболее отчетливо выступает тенденция примирения противоречий. Поэтому критика гегелевской философии права неизбежно должна была стать для Маркса и критикой гегелевского диалектического метода, в процессе которой он дает новое решение диалектических проблем. 1843 годом можно датировать начало систематической переработки Марксом гегелевской диалектики, создания новой, материалистической диалектики[2].

Главное содержание работы Маркса «К критике гегелевской философии права» — критика гегелевской концепции государства. Государство, по Гегелю,— это высшее воплощение абсолютной идеи. Маркс вскрывает классовый смысл этой концепции, показывает, что по существу она отражает прусскую действительность и возвеличивает ее. Строя свою теорию государства, Гегель исходит не из развития конкретно-исторической действительности, а представляет это развитие в виде развития абсолютной идеи. Так, вместо того чтобы видеть в гражданском обществе и семье предпосылки государства, Гегель считает создание государства, выступающего как момент абсолютной идеи, предпосылкой гражданского общества. Маркс показывает, что объективные условия, определяющие го-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 29.

[2] Именно потому, что рукопись 1843 г. дает ключ к пониманию становления материалистической диалектики, к оценке Марксом метода Гегеля, она является излюбленным объектом фальсификации буржуазных историков философии. Одни из них, как, например, профессор Лондонского университета Макмеррей, пытаются при этом доказать, что конфликт Маркса «с гегелевским идеализмом не означал недовольства гегельянством как теорией». Маркс оставался, по его мнению, «убежденным гегельянцем в теории», а вся проблема сводилась только к поискам перехода от этой теории к эмпирической действительности.

Другие, признавая факт критики Марксом гегелевской философии, пытаются извратить характер этой критики, придать ей субъективно-идеалистический смысл. Так, западногерманский экзистенциалист Э. Тир утверждает, что в 1843 г. Маркс начинает критику Гегеля с позиций экзистенциализма.

сударственные и правовые отношения, коренятся в природе самого общества. Здесь перед нами материалистическое, прямо противоположное гегелевскому, решение коренного вопроса теории государства.

Маркс устанавливает, что причиной отчуждения между обществом и государством, возникшего в новое время, является частнособственническая основа гражданского общества. Ликвидация отчуждения не может осуществиться без ликвидации этой основы. Чтобы ликвидировать разрыв между государством и обществом, недостаточно изменить форму государственного строя, нужно установить принципиально новый общественный строй, который Маркс называет демократией. Демократия делает своей отправной точкой человека: не человек существует для закона, а закон для человека. Маркс приближается, таким образом, к теоретическому обоснованию неизбежности коммунизма как строя, в условиях которого совершается всестороннее развитие человека. В основе оценки Маркса общественных порядков, тех или иных общественных институтов лежит представление о достоинстве человека, его потребностях и правах.

Подвергая критике панлогизм Гегеля, видящего и в государстве лишь осуществление развития логических понятий, Маркс выдвигает материалистический тезис о том, что подлинное развитие свойственно самой действительности. Искаженное представление о соотношении идеи и действительности закрывает для Гегеля, по мысли Маркса, возможность научного познания предмета в его особенностях. Делая исходным пунктом абстрактную идею, Гегель исследует не конкретное политическое устройство, а абстрактную идею в политическом устройстве, искажая, перевертывая, ставя на голову отношение идеи к действительности и закрывая тем самым путь к истинному познанию. «...И таким образом получается только видимость действительного познания...» [1].

Это ложное познание оставляет непонятым предмет в его особенностях, растворяет его в абстрактном движении логических категорий. В противоположность такому мнимому познанию Маркс формулирует материалистическое положение о том, что истинное познание должно быть направлено на постижение «логики дела», на изучение предмета познания в его специфических особенностях. Идею нужно мерить масштабом существующего, стараться постичь логику, смысл самой действительности.

Подвергая критике метод Гегеля, Маркс уже тогда вскрывает направленность его диалектики в прошлое. Мышление, по Гегелю, завершило свой круг в абстрактной сфере логики. Поэтому познание любого предмета, явления природы или общества должно заключаться лишь в подведении его под одну из логических категорий, в конструировании его по образцу этой категории.

Тем самым закрывается путь для дальнейшего развития теоретической мысли, которое возможно только в том случае, если ис-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 230.

ходным пунктом познания является сам предмет с присущей ему тенденцией развития, а мысль, понятие развивается на основе исследования этого предмета.

Одним из самых важных моментов «Критики» является разработка вопроса о природе диалектических противоречий. Раскрывая гегелевскую тенденцию примирения противоречий, Маркс дает вопросу о природе противоречий новое, революционное толкование.

Маркс неоднократно отмечает, что Гегель «везде начинает с *противоположности* определений (в том их виде, в каком они существуют в наших государствах) и на ней делает ударение»[1]. В этом подлинная глубина Гегеля-мыслителя. Неправильным, однако, считает Маркс, является то, что Гегель довольствуется лишь мнимым разрешением этих противоречий, и это мнимое разрешение выдает за существо дела.

Так, правильно улавливая разрыв, противоречие между гражданским обществом и государством, Гегель пытается явно схоластическим путем показать возможность их синтеза, примирения в сословном элементе законодательной власти. Разрешение коллизии между законодательной властью и конституцией он видит в постепенном изменении конституции и т. д.

Здесь диалектический метод Гегеля переходит в свою противоположность — в метафизику, которая и становится теоретической предпосылкой для его политических выводов. «Главная ошибка Гегеля,— указывает Маркс,— заключается в том, что он *противоречие явления* понимает как *единство в сущности, в идее*, между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно — *существенное противоречие*»[2].

Противоречие конституции и законодательной власти опирается в конечном счете на основное, «существенное» противоречие политического государства и гражданского общества. Примирение противоположностей, возможное лишь в мышлении, в самой действительности уступает место борьбе, которая именно и является источником их развития. Подлинное разрешение этого противоречия, заключающееся в его реализации, Гегель заменяет чисто логическим разрешением, синтезом в «сословном элементе» путем постепенного изменения, что не соответствует исторической правде.

Такое освещение проблемы диалектического противоречия проливает свет на ряд других вопросов. Так, новую, по сравнению с Гегелем, трактовку получает вопрос о соотношении сущности и явления, всеобщего и особенного. Точка зрения Гегеля, противопоставляющая противоречивости явлений единство сущности,— дуалистична. Но «дуализма сущности не бывает». Противоречия в явлении всегда имеют своей основой противоречие в самой сущности, «существенное противоречие». Форма проявления сущности всегда

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 281.
[2] Там же, стр. 324.

вытекает из природы самой сущности и находится с ней в соответствии. Гегель здесь изменяет диалектическому методу, развитому им в «Логике». Если там он утверждал, что «сущность является, явление существенно», то в «Философии права» он рассматривает форму проявления лишь как противоречащую сущности, иллюзорную видимость, т. е. механически связывает сущность с несоответствующей ей, чисто эмпирической, а потому действительно иллюзорной формой.

Непонимание «существенного», имманентного характера свойственных самой сущности предмета противоречий, сведение их к видимости противоречия делает критику Гегелем формы государства чисто внешней. Реализующиеся противоречия необходимо соответствуют данному историческому этапу развития. Разрыв между гражданским обществом и государством может быть разрешен отнюдь не путем воссоздания средневековых политических корпораций, как этого хочет Гегель, а, наоборот, путем движения вперед, при помощи назревшего исторического «отрыва» гражданских сословий от их политического представительства, посредством изменения политического представительства сословий в государстве.

Таким образом, в работе «К критике гегелевской философии права» Маркс, хотя еще и в общетеоретической форме, формулирует закон единства и борьбы противоположностей как основной закон развития материальной действительности, проявляющийся в конкретном многообразии исторической жизни.

Характерно, что критику непоследовательности гегелевского диалектического метода Маркс связывает с идеалистической системой гегелевской философии. Маркс приближается к выводу, что подлинно революционная диалектика невозможна на идеалистической основе, так как последняя не может раскрыть причины развития общественной жизни.

Маркс стремится последовательно провести идею диалектического развития, распространяя ее на рассмотрение общественной жизни, в то время как Гегель мистифицирует ее реальное содержание, пытаясь подогнать развитие общества к своим политическим выводам. Критикуя мысль Гегеля о постепенном, эволюционном развитии общества, Маркс вскрывает отступление Гегеля от диалектических принципов и показывает, что категория постепенного перехода, во-первых, исторически неверна и, во-вторых, ничего не объясняет.

Гегелевская категория становления окончательно утрачивает свой рациональный смысл. Если в «Логике» становление рассматривается как единство бытия и небытия, то в «Философии права» момент небытия отрицается и становление превращается в мистическое изменение без видимой формы изменения. В применении к общественной жизни становление истолковывается Гегелем как вульгарно-эволюционное понимание прогресса, исключающее революционное изменение общественной жизни.

Постепенные изменения, считает Маркс, имеют лишь частный характер. Конечно, новые потребности возникают постепенно, «но

для установления *нового* государственного строя всегда требовалась настоящая революция»[1].

Понимание необходимости революции для изменения государства порождает вопрос: имеет ли народ право дать себе новый государственный строй? «На этот вопрос следует безусловно ответить утвердительно, ибо государственный строй, который перестал быть действительным выражением воли народа, превратился в практическую иллюзию»[2].

Если в 1842 г. Маркс критикует прусское государство за то, что оно несоответствует гегелевскому понятию государства, то годом позднее (в середине 1843 г.) он уже критикует гегелевское учение о государстве за его несоответствие действительности.

В этот период Маркс преодолевает идеалистическое учение Гегеля о государстве и праве, устанавливает зависимость государства от системы материальных отношений общества. В то же время Маркс приходит к выводу, что непоследовательность диалектического метода Гегеля, скатывание к метафизике заключается в идеалистической основе его философии. Маркс делает первые шаги к историческому материализму и коммунизму.

В это же время, независимо от Маркса, происходит формирование философских взглядов Фридриха Энгельса (1820—1895). Сын богатого фабриканта, он воспитывался и учился в затхлой атмосфере ханжества и пиетизма. В 1838 г., еще до окончания Ф. Энгельсом гимназии, отец посылает его работать приказчиком в г. Бремен. Письма Энгельса этого времени свидетельствуют о напряженной умственной работе. Юноша рано порывает с религиозной верой и вступает на путь борьбы с ее предрассудками. Влияние этой борьбы привело Энгельса к критическому отношению к Штраусу и его книге «Жизнь Иисуса», которая произвела на молодого Энгельса большое впечатление. В поисках истины он обращается к изучению гегелевской философии. Так же, как и Маркс, молодой Энгельс не стал правоверным последователем Гегеля. Не удовлетворяли его и идеи младогегельянства, представители которого замыкались в сфере чисто теоретических споров, были далеки от политической борьбы. Энгельс обращается к представителям литературного течения «Молодая Германия», прежде всего к Людвигу Берне. Идеал молодого Энгельса — единство мысли и действия, философии и политики. В 1838—1841 гг. зарождаются и развиваются революционно-демократические настроения Энгельса. В статьях, опубликованных в «Немецком телеграфе», и в переписке Энгельс выступает как тираноборец, страстно ненавидящий князей и государей, глубоко сочувствующий угнетенному народу. В «Письмах из Вупператаля» — первом публицистическом произведении Энгельса — рисуется картина тяжелой жизни трудящихся долины реки Вуппер.

В 1841 г. Энгельс приезжает в Берлин для отбывания воинской повинности и ему удается посещать Берлинский университет в ка-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 283.
[2] Там же, стр. 284.

честве вольнослушателя. Он принимает горячее участие в философских спорах младогегельянцев, в частности в тех столкновениях, которые завязались вокруг престарелого Шеллинга, проповедовавшего с кафедры университета свою мистическую теорию откровения. Разоблачению Шеллинга посвящены первые философские работы Энгельса 1841—1842 гг.: статья «Шеллинг и Гегель», брошюры «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг — философ во Христе». Энгельс выступает здесь в защиту философии от религии, против реакционного стремления Шеллинга примирить веру и знание. Он защищает от нападок и то прогрессивное, что содержалось в философии Гегеля, указывая вместе с тем на противоречие между широтой и свободомыслием принципов этого мыслителя и умеренностью и консерватизмом его выводов.

Именно в это время Энгельс окончательно приходит к атеизму. Огромное влияние оказывает на него «Сущность христианства» Фейербаха. Однако, став атеистом, Энгельс, как и Маркс, не сразу перешел на позиции материализма. Энгельс не осознает еще коренного отличия материалистической критики религии Фейербахом от позиции гегелевской философии в отношении к религии; более того, он склонен рассматривать эту критику как непосредственное продолжение гегелевского учения о религии.

Поворотным пунктом в формировании мировоззрения Энгельса явилось время, проведенное им в Англии (1842—1844). В. И. Ленин указывал, что социалистом Энгельс сделался в Англии. Решающую роль сыграло при этом изучение положения английского рабочего класса и критика классической английской политической экономии.

Еще до отъезда в Англию Энгельс объявляет себя сторонником коммунизма. Но, по его собственному позднейшему свидетельству, коммунизм рассматривался им тогда скорее как «необходимое следствие неогегелевской философии». И только во время своего пребывания в Англии он понял, что коммунистические идеи порождаются у пролетариата под влиянием его материального положения в обществе.

Переход Энгельса к социализму произошел, конечно, не сразу. В 1842 г. у Энгельса еще не было научного критерия общественного прогресса, он еще не понимал того, что материальные условия жизни всегда и всюду определяют сознание людей. Однако в ходе наблюдения за экономической и политической жизнью Англии Энгельс приходит к осознанию основного противоречия буржуазного общества — между буржуазией и пролетариатом, связывает дело социальной революции с общественным положением пролетариата. В своих корреспонденциях в «Рейнскую газету» (оказавших, несомненно, влияние на Маркса) Энгельс прямо ставит вопрос, возможна ли революция в Англии.

В 1843 г. Энгельс пишет статью «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (для органа оуэнистов «Новый нравственный мир»), которой начинает коммунистическую пропаганду. В этой статье содержится важнейший вывод о том, что ра-

дикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоятельной необходимостью не в одной Англии, но также во Франции и Германии. Стало быть, идея коммунизма порождена не английскими или какими-либо иными национальными условиями, а всей «современной цивилизацией»[1]. К 1843 г. молодой Энгельс, проделав огромную критическую работу, сумел разобраться в слабостях различных форм утопического социализма и возвыситься над ним. Он приходит к выводу, что «фундаментом и движущими силами» общественного развития являются материальные интересы людей.

Осенью 1843 г. Маркс переезжает в Париж для издания вместе с младогегельянцем Арнольдом Руге нового политического и философского журнала «Немецко-французский ежегодник». Первый (двойной) номер ежегодника вышел в свет в феврале 1844 г. Журнал открывался перепиской между Марксом, Руге, Бакуниным и Фейербахом о целях издания. В третьем письме к Руге Маркс излагает свою программу. Маркс резко выступает против догматизма и доктринерства в понимании социальных проблем. Общественная деятельность может основываться только на изучении внутренних закономерностей общественного развития. Задача философии — теоретически обосновать изменение мира, она должна стать руководством к действию. В опубликованных в «Ежегоднике» двух статьях Маркс ставит и решает вопрос о путях «человеческой эмансипации», т. е. о путях действительного, реального освобождения человека в современном ему обществе.

В полемике с Бруно Бауэром о разрешении так называемого еврейского вопроса («К еврейскому вопросу») речь идет о различии между эмансипацией только «политической» и «человеческой». Политическая эмансипация — этим термином Маркс обозначает в то время осуществление комплекса буржуазно-демократических преобразований — полностью сохраняет раскол человека на «публичного человека» как гражданина государства и на «частное лицо» как члена общества. Частнособственнический характер буржуазного государства не может быть изменен никакими декларациями и конституциями, никакими иллюзорно-демократическими свободами. В обществе, основанном на частной собственности, свобода понимается как свобода эгоистического и противостоящего другим людям индивида, «человека как изолированной, замкнувшейся в себя монады». Поэтому подлинная эмансипация человека может быть только результатом освобождения общества от частной собственности, уничтожением самого общества, в котором господствует дух грязного торгашества. Так приходит Маркс к идее социалистической революции. Силу, способную совершить эту революцию, эмансипировав тем самым все общество, он открывает в пролетариате, указав тем самым его всемирно-историческую миссию (статья «К критике гегелевской философии права. Введение»).

В этой статье материалистически решается важнейший во-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 525.

прос — о соотношении теории и практики, о роли революционной теории в развитии общества. Дело теории, «критики» — поставить, сформулировать задачи. Для решения же их имеется только одно средство — практика. Не идеи, а народные массы — творческая сила истории. Оружие критики не может заменить критики оружием, теория становится материальной силой, когда она овладевает массами. Такой силой должна стать новая философия, которая объявляется Марксом духовным оружием пролетариата. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...»[1]. Открытие всемирно-исторической миссии пролетариата явилось решающей, переломной вехой в формировании марксистского мировоззрения. Оно завершало окончательный переход Маркса от революционного демократизма к коммунизму, открывало принципиально новые возможности осуществления гуманистических идеалов. В самой общественной действительности была найдена сила, способная претворить эти идеалы в жизнь.

Доводя до логического завершения фейербаховскую критику религии, Маркс делает из нее революционные выводы. Религия определяется Марксом как рабское сознание, как опиум народа. Источником религиозных иллюзий является общество, основанное на эксплуатации. Борьба против религии должна закономерно превратиться в борьбу против мира, порождающего ее.

В статьях «Немецко-французского ежегодника» Маркс неоднократно оперирует понятием «родовой сущности» человека. Это обстоятельство нельзя отнести лишь за счет влияния фейербаховского антропологизма и его терминологии. Маркс действительно высоко оценивает в это время Фейербаха. Он пишет, что «единственно *практически* возможное освобождение Германии есть освобождение с позиций *той* теории, которая объявляет высшей сущностью человека самого человека»[2]. Но все содержание статей Маркса свидетельствует о том, что родовая сущность человека — это отнюдь не фейербаховский абстрактный человек как биологическое существо. Человек прежде всего есть продукт общества. В дальнейших трудах Маркс исследует процесс превращения ограниченного условиями человека в подлинно «родовое» существо — процесс преодоления в человеке «частичности» и ограниченности.

В «Немецко-французском ежегоднике» были опубликованы две статьи Энгельса, присланные из Англии: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль». Эти статьи свидетельствуют об окончательном переходе Энгельса на позиции материализма и коммунизма.

Буржуазная политическая экономия — главный объект изучения и критики молодого Энгельса. «Наброски» — гениальный эскиз экономической теории марксизма. Ленин указывал, что в этой работе Энгельс «с точки зрения социализма рассмотрел основные яв-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 428.
[2] Там же, стр. 428.

ления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности»[1]. Энгельс показывает, что частная собственность превращает способность человека к труду в товар, а капиталистическая конкуренция порождает нищету и преступление. Он вскрывает противоречивость и несостоятельность теорий буржуазных экономистов, разоблачает их лицемерие.

Безнравственность буржуазной политической экономии достигает, по Энгельсу, своей высшей формы в мальтузианстве — этом отвратительном кощунстве над природой и человеком. Доказывая ненаучность мальтузианства, Энгельс утверждает, что в обществе, где будет уничтожена частная собственность, «исчезнет противоположность между перенаселением на одной стороне и избыточным богатством на другой, исчезнет тот удивительный факт, удивительнее всех чудес всех религий вместе взятых, что нация должна умирать с голоду как раз от богатства и избытка...»[2].

Критикуя капиталистический строй и его теоретическое отражение в буржуазной экономической науке, Энгельс делает социалистические выводы. В результате Энгельс, так же как и Маркс, приходит к открытию исторической роли пролетариата, его великой социалистической миссии. В полемике с идеологом английской аристократии Карлейлем Энгельс развенчивает теорию «героев» и «толпы», обосновывает историческое значение борьбы рабочего класса.

Издание «Немецко-французского ежегодника» приводит Маркса и Энгельса к полному разрыву с младогегельянством.

Таким образом, в истории формирования марксизма 1844 г. отмечен окончательным переходом его основоположников на позиции материализма и коммунизма (в смысле выработки исходных положений нового мировоззрения).

Занятия политической экономией и историей, вплотную приведшие Маркса к материалистическому пониманию истории, дают ему новый материал для философских обобщений, открывают новые перспективы освещения диалектических и гносеологических проблем. К этому периоду относятся незаконченные «Экономическо-философские рукописи» Маркса (1844) — фрагмент более обширных запланированных Марксом работ.

«Экономическо-философские рукописи» показывают развитие мысли Маркса, когда он вырабатывал основы нового мировоззрения, и являются в известной мере ключом к пониманию всего процесса становления диалектического и исторического материализма. Со времени своего опубликования (в 1932 г.) и по сей день этот незавершенный труд является наиболее излюбленным объектом буржуазной и ревизионистской фальсификации. Отдельные формулировки здесь еще недостаточно отчетливы, а употребление некоторых терминов может ввести в заблуждение. Так, свою философскую позицию Маркс не характеризует еще как материализм (обо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 566—567.

значая ее термином «реальный гуманизм» и «натурализм»); понятие материи не вытеснило еще идущего от Фейербаха понятия чувственности. И хотя за этими терминами здесь уже стоит материалистическое содержание, это обстоятельство послужило для буржуазных идеологов поводом к конструированию мифа о «гуманистическом Марксе», к противопоставлению его Марксу зрелому.

Анализ «Экономическо-философских рукописей» чрезвычайно важен для правильного понимания процесса формирования марксизма. Эта работа Маркса показывает, что начавшаяся с 1844 г. разработка коммунистического мировоззрения, теории научного коммунизма основывалась на исследовании противоречий капиталистического общества и на критике буржуазной экономической науки. К. Маркс приходит к пониманию коммунизма как необходимого результата развития противоречий капиталистического способа производства.

В «Экономическо-философских рукописях» содержатся глубокие высказывания Маркса о роли труда в жизни общества, об определяющей роли материального производства. Маркс развертывает пронизанное историзмом понимание формирования человека в процессе общественной трудовой деятельности. Он приходит к выводу, что возможность освоения всего богатства накопленной культуры, восприятия, понимания и преобразования действительности в целом определяется общественным положением человека. Такое понимание человека принципиально отличалось от метафизического антропологизма Фейербаха. Однако труд — эта основная форма человеческой жизнедеятельности — в условиях частной собственности принимает антагонистический характер. Капитализм по своей природе антигуманистичен, ибо обесчеловечивает труд.

Главным объектом своего анализа Маркс делает отношение рабочего в условиях капиталистического производства к акту своего труда и его результатам. Для характеристики этого отношения он вводит понятие «отчуждение», «отчужденный труд».

Генезис понятия «отчуждение» восходит к гуманизму буржуазного просвещения, им широко пользовались и Руссо, и Гегель, и Фейербах. Маркс вкладывает в это понятие новое, конкретное социально-историческое содержание. В условиях антагонистического разделения труда и частной собственности на средства производства происходит отчуждение рабочего от созданных им продуктов, которые начинают противостоять ему как чуждые враждебные силы. Человек подчиняется стихийной игре им самим созданных общественных отношений.

Не только продукт труда, но и сам труд в капиталистическом обществе становится для рабочего сугубо внешним, чуждым ему и враждебным. Вместо того чтобы быть насущной потребностью, он предстает как принудительная деятельность, как мучительное средство удовлетворения первейших нужд. Поэтому именно в труде, являющемся основной формой человеческой деятельности, рабочий перестает чувствовать себя человеком. Происходит отчуждение человека от природы, от самого себя и от других людей. Эко-

номическое отчуждение порождает политическую, религиозную и идеологическую формы отчуждения.

Потеря человечеством самого себя находит высшее выражение в положении рабочего. «...Вся кабала человечества,— пишет Маркс,— заключается в отношении рабочего к производству...» [1]. Исторической миссией рабочего является поэтому освобождение общества от частной собственности. Маркс открыл общечеловеческий смысл борьбы рабочего класса, его основного требования — уничтожение частной собственности на средства производства, а поэтому и общества, порождающего отчуждение. «...Эмансипация общества от частной собственности и т. д., от кабалы, выливается в *политическую* форму *эмансипации рабочих*, причем дело здесь не только в *их* эмансипации, ибо их эмансипация заключает в себе общечеловеческую эмансипацию...» [2].

Отчуждение для Маркса — отнюдь не вечное явление. Это экономическое, социальное и идеологическое явление, связанное с определенным, а потому преходящим способом производства. Категория отчуждения у Маркса отражает не только силу его теории, но и ее известную слабость, а именно — неразработанность экономического учения. По сравнению с классическими трудами марксизма категория отчуждения характеризует капитализм еще довольно абстрактно, не вскрывая полностью закономерности его развития. Поэтому в процессе углубления марксистской теории она уступает место более конкретным содержательным понятиям, конкретизируется всей совокупностью понятий, развитых в зрелом экономическом и социологическом учении марксизма. Несомненно, однако, что гуманистические критерии оценки общественных отношений, вытекающие из марксистской теории отчуждения, не потеряли своей актуальности и по сей день. Маркс закономерно выдвинул в качестве критерия человечности существующих в обществе отношений положение трудящихся классов.

Фальсифицированная теория отчуждения лежит в основе многих «интерпретаций» марксизма последних лет, в основе искусственно сконструированной концепции «гуманистического» Маркса. Если в понимании Маркса отчуждение выступает как обвинение, разоблачение капиталистического строя, то для его современных фальсификаторов, например экзистенциалистов, оно становится практически средством апологетики этого строя. Источник отчуждения либо приписывается характеру современной цивилизации (в широком смысле), либо отыскивается в извечных свойствах человеческой деятельности. И в том и в другом случае отчуждение оказывается непреодолимым, превращается в проклятие человеческого рода.

Особенно распространено утверждение, что отчуждение кроется в самой природе современного машинного труда, в «демоне техники», одинаково присущего как капитализму, так и социализму. Так,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 570.
[2] Там же.

например, американский неофрейдист Э. Фромм утверждает, что молодой Маркс критиковал капитализм не за несправедливое распределение труда, но лишь за уродующую человека специализацию. Сторонники антропологического истолкования отчуждения — Таккер, Тиллих, Вайнштох и другие отождествляют мысли Маркса с библейской легендой о проклятии труда, с ветхозаветной концепцией идолопоклонства. Такова якобы извечная природа труда, что его творения превращаются в порабощающих его идолов.

Но, по Марксу, отнюдь не всякое «опредмечивание» человеческого труда превращается в отчуждение. Последнее возникает при вполне определенных условиях: частной собственности на средства производства и антагонистическом разделении труда.

Подлинный смысл гуманизма молодого Маркса заключается не в установлении вечности отчуждения, а в указании конкретных путей его уничтожения. Рассматривая отчуждение как сложное явление (экономическое, социальное и идеологическое), Маркс отнюдь не считал, что ликвидация частной собственности автоматически снимает все виды отчуждения. Это явствует из теоретической характеристики коммунизма в «Рукописях» 1844 г. Сущность и основу коммунизма он видит в новом отношении человека к труду как к наслаждению, как к удовлетворению первейшей жизненной потребности. Цель коммунизма, по Марксу,— формирование целостного, гармоничного, всесторонне развитого человека, нуждающегося «во всей полноте человеческих проявлений жизни» [1]. Маркс видит подлинное богатство человека в многообразии его потребностей, в умении наслаждаться всеми достижениями культуры. С этих позиций он резко критикует теории грубого уравнительного коммунизма, сводящие коммунистический идеал к примитивно понятому равенству, нивелирующему всех людей. Такое понимание коммунизма, по Марксу, ведет к отрицанию личности человека, к абстрактному отрицанию всего мира культуры и цивилизации, к возврату к «*неестественной* простоте *бедного* и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее» [2].

В коммунистическом обществе в результате уничтожения частной собственности будут ликвидированы все формы отчуждения. «...Коммунизм,— пишет Маркс,— в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни, как неотъемлемой собственности человека, означает становление практического гуманизма...» [3].

Но коммунизм — это вовсе не утрата человеком всех материальных и духовных ценностей, накопленных предшествующими поколениями. Поэтому простая отмена частной собственности еще не решает дела. Это еще не есть коммунизм, который предполагает одновременно полное и сознательное сохранение всего богатства прежнего развития.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 596.
[2] Там же, стр. 587
[3] Там же, стр. 637.

Эта первоначальная характеристика коммунизма как практического осуществления гуманизма и реальных путей его достижения углубляется и конкретизируется в процессе разработки материалистического понимания истории, экономической теории марксизма, учения о диктатуре пролетариата.

В 1844 г. Маркс приходит к осознанию решающей роли материального производства в истории человечества. Этот вывод определил дальнейшее развитие марксистской философии как единого процесса создания диалектического и исторического материализма.

Именно с позиций материалистического понимания истории оказалось возможным радикальное решение проблем, поставленных предшествующим развитием философии: отношения субъекта и объекта, человека и природы, теории и практики. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс приходит к принципиально новому решению проблем познания. Предметом анализа становится для него не абстрактное самосознание, не метафизически понимаемый, всегда равный самому себе индивид, а человек как совокупность общественных отношений. Маркс делает важнейший вывод о том, что правильное, научное познание может быть осуществлено только в процессе общественной практической деятельности, настаивая на действенной роли познания. Маркс доказывает связь истории и теории познания. Для исследования истории познания он призывает обратиться к изучению техники, представляющей собой раскрытую книгу «человеческих сущностных сил».

В «Экономическо-философских рукописях» Маркс снова обращается к анализу гегелевского диалектического метода, ставя прямой вопрос: «Как нам быть с гегелевской диалектикой?». На этот раз Маркс анализирует «Феноменологию духа», которая есть «истинный исток и тайна гегелевской философии». Маркса привлекает поставленная Гегелем задача: исследовать историческое становление форм субъекта и объекта. Маркс отмечает идею развития, проходящую через всю «Феноменологию», говорит о «величии гегелевской диалектики отрицания». Но эта рациональная мысль о развитии диалектики отрицания превращается Гегелем в нечто мистическое. Внешний мир сводится к иллюзии, к форме проявления самосознания. Поэтому Маркс и говорит о лишь мнимой критике Гегелем мира и его учреждений, показывает невозможность решить проблему снятия отчуждения идеализмом. Маркс показывает, что Гегеля интересует не содержание этого процесса, а лишь диалектическая форма, которая превращается в самостоятельную деятельность. И Маркс делает важнейший вывод о том, что диалектика, лишенная живого содержания, абстрактна и мистична. Логика, диалектика не должна превращаться в пустые, бессодержательные формы, которые могут быть применены к любому содержанию. Диалектика уже понимается Марксом как объективная диалектика развивающегося мира.

Непосредственно к «Экономическо-философским рукописям» примыкает «Святое семейство, или критика критической критики»

(1845). Этот первый совместный труд Маркса и Энгельса был облачен в форму полемики с «Всеобщей литературной газетой» — органом младогегельянцев, издававшимся братьями Бауэрами.

Для того чтобы полностью понять значение этой работы Маркса и Энгельса, необходимо представлять себе ту эволюцию, которую проделало к этому времени младогегельянство. В свое время прогрессивное, оно превратилось в декадентское лженаучное направление, проповедующее отказ от политической борьбы, обращение к «чистой теории», «чистой критике». Лозунгами «Всеобщей литературной газеты» были: отказ от политической борьбы, презрительное отношение к народным массам, проповедь крайнего субъективизма и волюнтаризма. Двигателями общественного прогресса, по мнению Бауэра и К°, являются духовно одаренные личности, оружие которых — «критика», стоящая выше партий и политики.

«Святое семейство» было вызвано к жизни задачами теоретической и политической борьбы. Необходимо было расчистить почву для пропаганды нового мировоззрения, дать теоретическое обоснование для социалистического движения в Германии. Книга носит боевой партийный характер; остроумная научная критика сочетается здесь со страстной защитой интересов пролетарского движения.

Разоблачая заявление «критической критики» о ее якобы внепартийном характере, Маркс и Энгельс показывают, что всякая философия партийна. Они прослеживают, как реакционная философская позиция младогегельянства приводит к реакционным политическим лозунгам.

В лице «критической критики» Маркс и Энгельс разоблачают присущее всякому идеализму стремление превращать действительные материальные противоречия в коллизии чистых идей. Так, по мнению «критической критики», все зло заключается только в мышлении рабочих, ибо как только они избавятся от мысли о наемном труде, эксплуатации и пр., так они в действительности перестанут быть наемными, эксплуатируемыми рабочими и т. д. Полемизируя с Бауэром и компанией, Маркс и Энгельс показывают иллюзорность исключительно теоретического понимания свободы. Для осуществления действительной свободы, кроме воли, направленной на ее достижение, требуется еще и изменение условий существования.

«Чистая критика» — не что иное, как выродившийся гегелевский абсолютный дух. В понимании исторического развития она не выходит за пределы гегелевского идеализма.

В противоположность идеализму младогегельянцев в «Святом семействе» формулируется понимание исторического процесса, как общественно-исторической деятельности людей. «*Идеи* никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»[1]. Это положение развивается и конкретизи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

руется в процессе создания материалистической диалектики. В «Святом семействе» формулируется закон единства и борьбы противоположностей уже не в абстрактной форме, а на основании конкретного анализа общественных отношений. Вскрывая противоречивые тенденции развития капиталистического общества, Маркс и Энгельс показывают, что эти противоречия с объективной необходимостью порождают силу, способную обеспечить их разрешение.

Социальная потребность — практическое выражение этой объективной необходимости — выдвигает пролетариат в качестве передового борца за реальный гуманизм, определяет его всемирно-историческую роль. Определив эту роль, основоположники марксизма одновременно отвергают обвинение младогегельянцев, будто социалистические писатели считают пролетариев богами, делают их предметом культа. Напротив, жизненная задача пролетариата — в упразднении им самого себя в том качестве, в каком он выступает в буржуазном обществе. Одновременно он уничтожит все бесчеловечные жизненные условия этого общества, получающие свое концентрированное выражение в его собственном положении.

Противоречие между трудом и капиталом — движущая сила развития буржуазного общества. В этом противоречии пролетариат представляет революционную, разрушительную сторону, частная собственность — сторону консервативную. «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету... С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность»[1].

Требование конкретного подхода к анализу каждого противоречия, учета его специфики свидетельствует о том, что противоречие между трудом и капиталом не являлось для Маркса и Энгельса простой иллюстрацией диалектической закономерности. Смысл создания материалистической диалектики заключался для них отнюдь не в простом применении гегелевских диалектических категорий к анализу исторической действительности, а в обращении к изучению самой этой действительности, в раскрытии объективно присущих ей тенденций развития.

В книге обосновывается материалистическая теория о роли личности и народных масс в истории. Выступая против субъективизма младогегельянцев и фатализма Гегеля, авторы развивают научное понимание роли исторических личностей (на примерах французской революции 1789 г.) — понимание, возможное лишь на основе признания исторического творчества народных масс.

В главе «Критическое сражение с французским материализмом» дается определение существа философского материализма. Излагая историю материализма, авторы постоянно указывают на его борь-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

бу с метафизикой и идеализмом, т. е. прослеживают две основные линии в философии и их борьбу. Тем самым создавались методологические предпосылки марксистской историко-философской концепции.

Характерно, что в главе не просто констатируется факт победы французского метафизического материализма над идеализмом XVII в. В самой французской действительности авторы усматривают причины этой победы. Одновременно прослеживается прямая связь между материализмом, с одной стороны, и коммунизмом и социализмом — с другой. Материализм рассматривается как логическая основа теории коммунизма. (Маркс и Энгельс не считают в данном случае необходимым входить в оценку французского материализма. Их задача — защитить его от Бауэра и К°.)

Но метафизика и теология, с которыми боролись английские и французские материалисты, восстанавливаются в философии Гегеля при помощи идеалистической диалектики, и для борьбы с ними уже недостаточны те средства и аргументы, которые выдвигали французские материалисты. Поэтому идеализм будет навсегда побежден лишь материализмом, «достигшим теперь благодаря работе самой *спекуляции* своего завершения и совпадающим с *гуманизмом*»[1]. В этом положении ясно выражена идея нового мировоззрения — диалектического материализма, неразрывно связанного с коммунизмом.

В. И. Ленин в своем конспекте «Святого семейства» высоко оценил этот труд как важный этап в становлении философии марксизма, говоря, «видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей».

С 1845 г. начинается практическая деятельность Маркса и Энгельса в качестве вождей международного коммунистического движения. Эта деятельность была направлена прежде всего на осуществление задач международной коммунистической пропаганды. В свете этих практических задач с особой остротой встали вопросы теоретической борьбы как особой формы классовой борьбы.

В 1845—1846 гг. Маркс и Энгельс пишут новый совместный труд «Немецкая идеология». Так же как и «Святое семейство», работа эта была вызвана к жизни задачами политической и теоретической борьбы с противниками марксизма. В «Немецкой идеологии» осуществляется окончательный идейный разгром младогегельянства, а также мелкобуржуазного литературного течения «истинных социалистов».

Сами Маркс и Энгельс характеризовали стоявшие перед ними тогда задачи как «сведение счетов со своей прежней философской совестью», необходимое для детальной разработки нового мировоззрения. Это означало для Маркса и Энгельса прежде всего точную оценку учений Гегеля и Фейербаха. Если по отношению к Гегелю такая работа была уже в основном проделана в предшествующих произведениях Маркса и Энгельса, то теперь необходимо было дать

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 139.

критический анализ фейербаховского материализма, провести четкую грань между ним и новым мировоззрением, которое Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» впервые называют материализмом и научным коммунизмом.

В «Немецкой идеологии» в развернутом виде сформулированы важнейшие положения диалектического и исторического материализма. Возникновение и развитие сознания, вопросы теории познания, проблемы языкознания, материалистическая теория общественного развития, вопросы классовой борьбы и обоснование необходимости революционного свержения капитализма, сущность идеологии и закономерности ее развития, вопросы будущего коммунистического общества — таков далеко не полный перечень проблем, с различной степенью полноты решаемых и затрагиваемых в «Немецкой идеологии».

Теоретическая часть работы сконцентрирована по преимуществу в первом разделе под названием «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического мировоззрений». Раздел этот остался незаконченным, но самым непосредственным дополнением к нему являются одиннадцать тезисов Маркса о Фейербахе, написанных в марте 1845 г.

В противоположность всему предшествующему материализму, включая фейербаховский, Маркс и Энгельс поняли материальную обусловленность сознания не только как биологический, но и как общественный процесс. Сознание и язык возникают только тогда, когда в процессе общественной производственной деятельности у людей появляется настоятельная потребность в общении. Сознание с самого начала есть общественный продукт. В предшествовавшей истории философии объектом гносеологического анализа служило чисто теоретическое сознание абстрактного индивида вне его социальных связей и отношений. Маркс и Энгельс делают исходным пунктом своего анализа сознание общественного человека, содержанием которого оказывается отражение объективной реальности. Теория познания формулируется как материалистическая теория отражения.

Формула «природа первична, сознание вторично» — необходимый исходный пункт для всякого материализма, но она недостаточна для материализма диалектического (см. первый тезис Маркса о Фейербахе). Маркс и Энгельс вскрывают метафизическую ограниченность предшествующего материализма, рассматривавшего действительность лишь как объект созерцания. Классовые корни этой позиции Маркс и Энгельс усматривают в том обстоятельстве, что «точка зрения старого материализма есть *«гражданское»* (в смысле буржуазное.— *А. П.)* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество» [1]. Авторы «Немецкой идеологии» критикуют идеализм и созерцательный материализм за общую им обоим абсолютизацию теоретического, познавательного отношения к миру, которое в дей-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 4.

ствительности является лишь одной из сторон всей совокупности человеческой деятельности. Фейербах, подобно прочим теоретикам, стремится добиться только правильного осознания существующего положения вещей, в то время как «для практических материалистов, т. е. для коммунистов, все дело в том, чтобы революционизировать мир...».

В «Немецкой идеологии» и «Тезисах о Фейербахе» формулируется важнейшее положение диалектического материализма о том, что в основе всего нашего познания лежит практическая деятельность. Причем практика понимается как общественно-производственная деятельность, преобразующая и переделывающая мир, в том числе и как революционная практика. Отсюда следует необходимость вывода о том, что истинность познания должна проверяться практикой. «В практике,— гласит 2-й тезис Маркса о Фейербахе,— должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [1].

Разработка в «Немецкой идеологии» и «Тезисах о Фейербахе» проблемы происхождения и развития сознания, теории познания показывает, что проблемы эти могли быть решены только вместе с созданием материалистического понимания истории. Таким образом, философия марксизма формируется и развивается как единый закономерный процесс — процесс диалектико-материалистического понимания общества, природы и человеческого познания.

Формулировке собственной концепции исторического процесса Маркс и Энгельс предпосылают критику предшествующей идеалистической социологии (Гегеля, младогегельянцев, Фейербаха). В работе подвергнута развернутой критике идеалистическая сущность фейербаховских взглядов на общество, ограниченность и метафизичность его антропологической концепции с ее культом абстрактного человека. В противоположность Фейербаху Маркс определяет сущность человека как «совокупность всех общественных отношений» [2].

Основоположники марксизма выдвигают принципиально новый подход к истории: исследовать историю на эмпирической основе, рассматривать ее такой, какова она есть в действительности. При этом устанавливается, что основой общественного бытия является общественное производство. Отношения людей в процессе производства являются главными, определяющими отношениями; в соответствии с этим рассматриваются исторически сменяющие друг друга формы собственности, закладываются основы учения об общественно-экономических формациях. Маркс и Энгельс показывают, что движущей силой общественного развития является противоречие между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями. Это противоречие на определенной ступени исторического развития приведет к неизбежному уничтожению частной собственности в ходе коммунистической революции. Классовая борьба, революции — движущая сила истории.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.
[2] Там же, стр. 3.

В «Немецкой идеологии» дано научное обоснование всемирно-исторической роли пролетариата. Здесь впервые ставится задача завоевания пролетариатом политической власти.

Чрезвычайно важными являются сформулированные в «Немецкой идеологии» положения о разделении труда при капитализме и в будущем коммунистическом обществе, о взаимоотношении личных и общественных интересов. Только в бесклассовом обществе люди смогут относиться друг к другу как свободные личности. В этом обществе общественные и личные интересы будут сочетаться, совпадать. С уничтожением частной собственности и эксплуатации будет создано «такое объединение индивидов (разумеется, на основе уже развитых к этому времени производительных сил), которое ставит под их контроль условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам...» [1]. Намечая контуры коммунистического общества, Маркс и Энгельс говорят о ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом, городом и деревней, о ликвидации антагонистического разделения труда, порабощающего человека. «Коммунизм,— писали Маркс и Энгельс,— для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал,* с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [2]. Это движение получает в «Немецкой идеологии» историко-материалистическое обоснование. В процессе разработки материалистического понимания истории углубляется и конкретизируется первоначальная характеристика Марксом коммунизма как реального гуманизма.

На основе материалистического понимания истории Маркс и Энгельс завершают идейный разгром младогегельянства. Они делают это, вскрывая социальные корни младогегельянского идеализма как порождения немецкой действительности, как отражения психологии мелкого буржуа. Разоблачая анархизм и идеализм младогегельянца Штирнера, выпустившего нашумевшую книгу «Единственный и его собственность», Маркс и Энгельс показывают, что извращенный характер сознания является закономерным отражением материальной жизни антагонистического общества. Диалектика общественного бытия и общественного сознания такова, что в сознании людей нет ничего, что не было бы отражением реального бытия. «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [3].

В «Немецкой идеологии» с особой остротой подчеркивался именно факт происхождения идеологических образований из материальной жизни общества, но еще не был разработан теоретически во-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 76.
[2] Там же, стр. 34.
[3] Там же, стр. 25.

прос об обратном влиянии идеологии на материальную жизнь общества, об относительной самостоятельности, присущей развитию философских, юридических и других теорий [1]. Такая односторонняя постановка вопроса была тогда исторически оправданной, определялась стоявшими перед Марксом и Энгельсом задачами борьбы против идеализма в социологии.

В «Немецкой идеологии» и «Тезисах о Фейербахе» формулируется понимание задач и предмета философии. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе гласит, что если раньше философы лишь объясняли мир, то теперь задача заключается в том, чтобы изменить его. А поэтому философия уже не может быть чисто логической умозрительной системой. Она должна стать рассмотрением мира таким, каков он есть сам по себе, знанием подлинных законов его развития.

Ряд глав книги посвящен критике мелкобуржуазного «истинного социализма», представители которого отрицали связь социализма с пролетарским движением, доказывали, что социализм — надклассовая теория, приходили в ужас от пролетарского движения. Маркс и Энгельс разоблачают в этой связи проповедь абстрактной идеи человечности, возведения в абсолют человечества как такового. Несколько позже, по поводу доктрины одного из «истинных социалистов» — Криге, Маркс скажет, что это «постыдное, отвратительное угодничество по отношению к оторванному от «собственной личности» и противопоставленному ей «человечеству» [2]. Критикуя «истинных социалистов», основоположники марксизма обосновывали классовый, пролетарский характер научного социализма.

«Немецкая идеология» не была опубликована при жизни ее создателей. Труд Маркса и Энгельса долгое время пролежал в архивах немецкой социал-демократии и лишь в 1932 г. был полностью опубликован в СССР.

Продолжая борьбу с мелкобуржуазной идеологией, псевдосоциализмом, Маркс и Энгельс после разоблачения младогегельянства и «истинного социализма» должны были дать бой прудонизму. Идеи французского социолога и экономиста П. Ж. Прудона получили в то время довольно широкое распространение в немецком и французском рабочем движении. Прудон выступал с критикой крупной частной собственности с мелкобуржуазных позиций, он идеализировал мелкую частную собственность, мечтая увековечить ее и создать «хороший капитализм» без его «дурных» сторон. Отрицая классовую борьбу, пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата, Прудон становится одним из основоположников анархизма.

В 1847 г. Маркс пишет «Нищету философии» — ответ на книгу Прудона «Философия нищеты». Маркс подверг беспощадной критике реакционную и утопическую идеализацию Прудоном капиталистического закона стоимости. Прудон не выходит за пределы

[1] Этим вопросам позднее специальное внимание уделяет Ф. Энгельс в письмах по историческому материализму (Блоху, Штаркенбургу).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 14.

буржуазного мировоззрения; придуманная им якобы революционная теория так называемой «конституированной стоимости» представляет лишь утопическое истолкование действующего при капитализме закона стоимости.

Маркс осуществляет критический анализ методологии Прудона и показывает ее метафизичность и теоретическое убожество. Одновременно в «Нищете философии» углубляется оценка гегельянского метода, извращенного Прудоном, развивается и конкретизируется марксистская материалистическая диалектика.

В центре внимания Маркса — диалектическое учение о развитии как борьбе противоположностей, искаженное и вульгаризованное Прудоном. Единство противоположностей понималось Прудоном как механическая сумма плохих и хороших сторон. С этой позиции он рассматривал все явления капиталистического общества. Маркс показывает, что диалектическая природа противоречий как источника развития была абсолютно не понята Прудоном. Именно «дурная» сторона, которую хотел бы уничтожить Прудон, творит историю, ибо она вызывает борьбу. Противоречия капиталистического общества взаимно обусловлены. Нельзя уничтожить нищету, не уничтожив порождающего ее общества. В связи с этим Маркс формулирует важнейшее положение о том, что разрешение противоречий в антагонистическом обществе невозможно на старой основе. Необходимо уничтожить именно эту основу.

В то время как Прудон стремится затушевать, примирить общественные противоречия, Маркс указывает на антагонистический характер прогресса в классовом обществе. «С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней» [1]. Но именно антагонистическое развитие производительных сил и производственных отношений порождает историческую необходимость устранения общества, основанного на антагонистических противоречиях. Только победа социализма уничтожит антагонистический характер общественного развития и откроет путь всестороннему стремительному прогрессу человечества. И только в бесклассовом обществе общественные эволюции перестанут быть политическими революциями.

Исследуя подлинную диалектику общественного развития, Маркс характеризует закономерность развития человеческой истории. «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,— они изменяют все свои общественные отношения» [2].

В «Нищете философии» характеризуется самая суть марксистского диалектического метода, чуждого произволу субъективиз-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 96.
[2] Там же, стр. 133.

ма. В противоположность Гегелю и Прудону, Маркс рассматривает диалектику как логику развития материальных явлений, существующих независимо от сознания. Понятия, научные абстракции — лишь отражения в мышлении вещей и процессов, происходящих в реальном мире. «...Эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой *исторические и преходящие продукты*» [1].

Книга Маркса пронизана верой в великую историческую миссию рабочего класса. В противоположность Прудону и утопическому социализму вообще Маркс доказывает значение политической борьбы пролетариата, показывает, что его революционность порождается экономическим развитием общества.

В. И. Ленин назвал «Нищету философии» первым зрелым произведением научного социализма.

Завершением же формирования философии марксизма является созданный Марксом и Энгельсом в 1848 г. «Манифест Коммунистической партии», принятый в качестве партийной программы «Союзом коммунистов»— революционной организацией передовых немецких рабочих-эмигрантов. Значение этой книги исчерпывающе определил В. И. Ленин: в «Манифесте Коммунистической партии» с гениальной яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-историческая роль пролетариата, творца нового коммунистического общества.

С гениальной силой научного предвидения Маркс и Энгельс обосновывают историческую необходимость уничтожения капиталистического общества и перехода к обществу коммунистическому. Основой для такого предвидения была постигнутая закономерность исторического процесса, присущих ему внутренних сил и противоречий.

В «Манифесте» дается анализ пути развития рабочего класса, превращения его из «класса в себе» в «класс для себя», обоснование его исторической миссии и необходимости пролетарской революции для социалистического преобразования общества. В «Манифесте» сформулирована одна из важнейших идей марксизма — идея диктатуры пролетариата (хотя сам термин еще не употребляется). Маркс и Энгельс показывают необходимость Коммунистической партии как революционного авангарда пролетариата, без которого он не может добиться своего освобождения, развивают идеи пролетарского интернационализма.

В «Манифесте» дана уничтожающая критика всех институтов буржуазного общества — частной собственности, буржуазного государства, семьи.

Развивая диалектику национального и интернационального в пролетарской классовой борьбе, авторы «Манифеста» научно обосновывают пролетарский интернационализм.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 133.

Углубляя и конкретизируя материалистическое учение о формах общественного сознания, Маркс и Энгельс раскрывают принципиальное отличие научной идеологии пролетариата от всех предшествующих идеологий. Научный пролетарский социализм противопоставляется всем предшествующим (и современным «Манифесту») ненаучным формам сознания. В противоположность утопическому стремлению возвыситься над классовой борьбой творцы «Манифеста» заявляют, что «теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира. Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения» [1].

Разоблачая клеветнические измышления буржуазии и ее идеологов о социализме, Маркс и Энгельс намечают основные контуры грядущего коммунистического общества, научно обосновывают коммунистический идеал.

«Манифест Коммунистической партии» — классический образец диалектики общественного развития. В нем нашли свое конкретно-историческое воплощение все предшествующие теоретические достижения основоположников марксизма — революционная диалектика, материалистическое понимание истории, теория научного коммунизма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 438.

ГЛАВА 2

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ НА ОПЫТЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 г.

Революции 1848 г. были первым великим испытанием и подтверждением учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно в период этих революций марксизм вступил на широкую политическую арену. В статье «Против бойкота» В. И. Ленин указывает, что «в деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт» [1].

Исторический опыт революций 1848 г. позволил основоположникам марксизма развить и конкретизировать те общие положения, которые были выдвинуты ими в предреволюционный период. На основе опыта данного революционного периода К. Маркс и Ф. Энгельс всесторонне разработали вопрос о соотношении между борьбой за социализм и борьбой за демократию. Они сформулировали идею непрерывной революции, обогатили идею диктатуры пролетариата положением о необходимости слома буржуазной государственной машины, разработали важные философские вопросы, например вопрос о роли личности и роли идей в истории и многие другие.

Ленинская оценка значения опыта революций 1848 г. в развитии марксистской теории прямо и непосредственно направлена против оппортунистов II Интернационала, которые рассматривали 1848—1851 гг. как наименее плодотворные в жизни К. Маркса и Ф. Энгельса и ничего не давшие для развития их теории. Произведения этих революционных лет истолковывались оппортунистами II Интернационала как не имеющие большой ценности, ибо в это время пером Маркса «часто водили горечь и страсть», как писал один из немецких социал-демократов.

Такие классические работы Маркса и Энгельса, как «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Революция и контрреволюция в Германии», не говоря уже о замечательных статьях основоположников марксизма в «Новой Рейнской газете», были ославлены оппортунистами II Интернационала, как незрелые, «бланкистские» произведения.

Известно, что оппортунисты II Интернационала в особенности ополчались против идеи Маркса о необходимости слома буржуазной государственной машины, ибо она является развитием и конкретизацией основной идеи марксизма — идеи диктатуры пролетариата. Известно также, что оппортунисты II Интернационала, в частности русские меньшевики, выступали против марксистского положения о непрерывной революции, о возможности перехода от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 24.

Эти великие идеи, значение которых неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, были выдвинуты и разработаны Марксом и Энгельсом на базе теоретического обобщения исторического опыта революций 1848 г. Отсюда понятно, почему международный оппортунизм всячески пытается опорочить произведения Маркса и Энгельса, написанные в этот исторический период.

В настоящее время лидеры правых социалистов в еще большей мере, чем это было в период II Интернационала, стремятся опорочить положения Маркса и Энгельса, сформулированные на опыте революций 1848 г. В связи с отмечавшимся в 1948—1949 гг. столетием революций 1848 г. английские, западногерманские, французские лидеры правых социалистов всячески стремились доказать, что истекшее столетие якобы нисколько не подтвердило выводов Маркса и Энгельса, сделанных в 1848—1851 гг. Эти утверждения представляют собой лишь клевету на действительную историю. Парижская Коммуна 1871 г., Великая Октябрьская социалистическая революция, опыт социалистических государств, всего освободительного движения рабочего класса, особенно в эпоху империализма, полностью подтверждают гениальные выводы марксизма из опыта революций 1848 г.

В. И. Ленин подчеркивал, что в различные исторические периоды то одна, то другая сторона марксизма выдвигается на первый план. В период формирования марксизма выдвинулись его философские идеи; в период революций 1848 г. на первый план выдвигаются его политические идеи. В этот период разработка философских проблем была прямо и непосредственно подчинена решению тех вопросов, которые ставились в ходе революции, философия марксизма применялась для решения таких вопросов, как непрерывная революция, слом буржуазной государственной машины и т. д. В связи с разработкой основных политических вопросов марксизма на первый план выдвигаются проблемы исторического материализма. Революции 1848 г. являются началом нового периода развития взглядов Маркса и Энгельса. Если в период формирования марксизма видное место занимало отношение Маркса и Энгельса к предшествующим учениям, в частности к теоретическим источникам создаваемой ими науки, то теперь уже речь шла о дальнейшем развитии марксизма на основе теоретического обобщения исторического опыта, теоретического анализа исторических событий, фактов.

В. И. Ленин, развивая марксистскую науку, постоянно обращался к опыту революций 1848 г. и его теоретическому обобщению в трудах Маркса и Энгельса. В. И. Ленин писал: «Кто хочет посоветоваться с Марксом о задачах пролетариата в буржуазной революции, тот должен взять суждения Маркса, относящиеся *именно* к эпохе немецкой буржуазной революции» [1]. Ленин подчеркивал, особенно в работе «Государство и революция», что для дальнейшего развития теории марксизма очень важно учесть все то, что дано

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 264.

было Марксом и Энгельсом в связи с историческим опытом 1848—1851 гг.

К. Маркс и Ф. Энгельс с первых дней революционной бури стали вдохновителями и организаторами революционно-демократической борьбы. Основоположники марксизма последовательно осуществляли выработанную ими программу действия пролетариата в буржуазной революции, сформулировав ее в «Требованиях Коммунистической партии в Германии».

Основной задачей германского пролетариата Маркс и Энгельс считали установление единой и нераздельной демократической республики. Это требование в тех исторических условиях наиболее последовательно выражало задачи буржуазно-демократической революции в Германии. Маркс и Энгельс не ставили тогда вопроса об установлении диктатуры пролетариата. Они с самого начала подчеркивали буржуазное содержание происходящей революции. Речь шла о доведении ее до конца, т. е. об уничтожении феодальных производственных отношений и феодальной раздробленности Германии, создании единой демократической Германии путем ликвидации монархического строя, господствовавшего во всех германских государствах, о проведении максимума буржуазно-демократических преобразований.

Под руководством Маркса и Энгельса была осуществлена нелегальная переброска свыше 300 членов «Союза коммунистов» в Германию. В начале апреля в Германию прибывают Маркс и Энгельс. Они останавливаются в Кельне, где находилась община «Союза коммунистов», и начинают издавать «Новую Рейнскую газету», названную так в память редактировавшейся Марксом в 1842—1843 гг. «Рейнской газеты».

«Новая Рейнская газета» выступила на политическую арену как «орган демократии» — таков был ее подзаголовок, который выражал политическую линию Маркса и Энгельса — возглавить общедемократическую борьбу масс в буржуазной революции, развернувшейся при отсутствии политически организованного пролетариата. Газета пропагандирует доведение буржуазной революции до конца, разоблачает контрреволюционность буржуазного либерализма и колебания мелкобуржуазной демократии, рассеивает иллюзии масс, возбуждает их революционную энергию, указывает пути и средства завоевания победы.

Маркс и Энгельс были единственными современниками и участниками революций 1848 г., которые смогли вскрыть и научно объяснить их действительное содержание. Выяснение специфики революций 1848 г. требовало дальнейшего развития марксистской теории. Эта задача была блестяще решена Марксом и Энгельсом.

В теоретическом обобщении опыта революций 1848 г. центральное место занимают вопросы теории революции.

Либералы и мелкобуржуазные демократы стремились представить дело так, будто бы народ уже сделал свое дело, будто бы своим участием в мартовских боях он очистил дорогу для последующего мирного конституционного развития. Народ избрал своих депу-

татов в Берлинское, Франкфуртское и другие национальные собрания, которые являются воплощением воли народа, и, следовательно, массы должны послушно ожидать того времени, когда им преподнесут выработанную этими депутатами конституцию.

В основе всех этих либеральных и частью мелкобуржуазных проповедей лежало реакционное представление о революциях как о бунте, отрицание или принижение значения революций в прогрессивном развитии общества, рассмотрение революций как чего-то такого, что произошло вследствие более или менее случайных причин — неурожая, голода, «неосмотрительности» правительства и т. п.

В противовес всем этим реакционным воззрениям Маркс и Энгельс разрабатывают научное понимание революции как высшей формы социального творчества в условиях антагонистического общества. Они показывают, что именно в периоды революции массы поднимаются к активной политической деятельности, сознают себя действительными творцами истории. Историю творят не те или иные деятели, выплывающие на поверхность в тех или иных представительных учреждениях периода революции, а широкие массы народа, деятельность которых и составляет подлинное содержание революции.

«Новая Рейнская газета» разъясняет массам, что завоевания революции могут быть достигнуты, сохранены и продолжены самими эксплуатируемыми низами, а не эксплуатирующими верхами, и при этом не в результате соглашений, парламентских комбинаций и т. д., а благодаря борьбе самих масс, благодаря применению массами революционного насилия против старой контрреволюционной власти и ее защитников.

Раскрывая закономерность революционного перехода от одной общественно-экономической формации к другой, от феодализма к капиталистическому строю, Маркс и Энгельс подчеркивают решающую роль народных масс в революции. Анализируя закономерности буржуазных революций, основоположники марксизма противопоставляют феодальному абсолютизму самодержавие народа, народный суверенитет, фактическое господство вооруженного народа как существенную особенность победоносной буржуазной революции. При этом Маркс и Энгельс указывают, что это самодержавие народа вовсе не означает выхода за пределы буржуазной революции. Напротив, оно представляет собой подлинное осуществление задач буржуазной революции, ибо буржуазная революция, как и всякая социальная революция, делается не «верхами», а «низами».

Маркс и Энгельс, кроме того, показывают, что во всякой революции решающее значение имеет социальное творчество масс, что существенным содержанием всякой революции является освободительная борьба трудящихся. Это важно подчеркнуть, так как буржуазные идеологи всегда пытаются доказать, что в период революции освободительная борьба трудящихся замирает и что в этот период решаются задачи, никак с ней не связанные.

Конечно, буржуазная революция не является и не может быть

социальным освобождением пролетариата, тем не менее пролетарское освободительное движение играет весьма существенную роль в этой революции. Характер освободительной борьбы трудящихся в той или иной социальной революции определяется прежде всего уровнем экономического развития общества. Именно поэтому освободительная борьба пролетариата в условиях буржуазной революции еще не означает уничтожения капиталистического строя, ибо для уничтожения капиталистического строя необходим определенный уровень экономического и соответственно политического развития, в особенности развития самого пролетариата. Но это не значит, что освободительная борьба пролетариата в рамках буржуазной революции беспредметна, раз она непосредственно не ведет к уничтожению капитализма. Напротив, именно благодаря пролетарской освободительной борьбе в буржуазной революции достигается максимум демократических преобразований.

Как известно, эти идеи основоположников марксизма получили свое высшее, всестороннее развитие в трудах В. И. Ленина, его учеников и соратников, в решениях Коммунистической партии. В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин разъясняет, что в известном смысле слова буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии.

Таким образом, на опыте революций 1848 г. Маркс и Энгельс разрабатывают один из основных вопросов материалистического понимания истории — вопрос о роли трудящихся масс, народа в истории.

Однако основоположники марксизма не ограничиваются одной лишь характеристикой роли народных масс в революции, они также гениально раскрывают значение революционного действия «сверху», т. е. значение революционной власти, воплощающей в себе самодержавие народа. Маркс и Энгельс доказывают, что революцию надо двигать вперед не только «снизу», но и «сверху», что важнейшим вопросом всякой революции является вопрос о власти.

Таким образом, в научном понимании природы буржуазной революции, разработанном Марксом и Энгельсом на страницах «Новой Рейнской газеты» и в трудах последующего времени, мы видим сочетание признания решающей роли народных масс в революции и ведущей роли революционной власти.

Это признание неразрывной связи революционного действия «снизу» и «сверху» коренным образом отличает марксистское понимание революции от анархистского, с одной стороны, и бланкистского — с другой. Анархизм не верит в организованную и сознательную борьбу. Он представляет себе революцию как слепой, стихийный, ничего не видящий, ничего не различающий, но все разрушающий бунт. Поэтому стихийное движение анархизм противопоставляет революционной диктатуре, рассматривая эту диктатуру как контрреволюционное явление. Анархистское понимание роли народных масс в революции носит типично мелкобуржуазный характер. Оно означает умаление роли народных масс, ибо осуждает их на стихийное движение, которое объективно всегда оказывается придат-

ком либеральной буржуазии в буржуазной революции. Бланкисты говорят о революционной власти, о захвате власти революционерами с тем, чтобы успешно совершить революцию. Однако для бланкистов характерно глубокое неверие в способность широких народных масс действовать революционно. Они исходят из того, что массы настолько политически, экономически и духовно подавлены, обездолены, что это вообще делает невозможным массовое революционное движение. Революционная власть рассматривается ими не как выражение самодержавия народа, а как власть небольшой группы революционеров, осуществляющих интересы народа.

Важным моментом в марксистской теории революции является положение Маркса и Энгельса о том, что всякая революция представляет собой высшую форму борьбы классов.

Как известно, буржуазные концепции революции сводятся к тому, что борьба классов в период революции прекращается, что движущей силой революции является не борьба, а солидарность различных классов в борьбе против старой власти и т. д.

Однако недостаточно сказать, что революция — это высшая форма борьбы классов. Дело в том, что в период революции существуют специфические особенности борьбы классов, и без понимания этих специфических особенностей классовой борьбы нельзя уяснить содержания революции.

Подводя итоги революциям 1848 г., сопоставляя их с предшествовавшими буржуазными революциями, Маркс и Энгельс в своей работе «Революция и контрреволюция в Германии» вскрывают следующую объективную закономерность: «...единение разных классов, которое до известной степени всегда является необходимой предпосылкой всякой революции, не может долго продолжаться. Едва лишь одержана победа над общим врагом, как победители уже расходятся между собой, образуя разные лагери, и обращают оружие друг против друга. Именно это быстрое и бурное развитие классового антагонизма в старых и сложных социальных организмах делает революцию таким могучим двигателем общественного и политического прогресса...» [1]. Итак, по мысли Маркса и Энгельса, законом развития буржуазной революции является размежевание между классами, прогрессирующая дифференциация, нарастание борьбы между классами в той специфической форме, которая характерна для периода революции.

Одной из главных причин поражения революции 1848 г. являлось то, что крестьянские массы, а на некоторых этапах и пролетариат, выступали в качестве политического резерва либеральной буржуазии. Буржуазия, хотя и была гегемоном революции, но по своей природе являлась уже контрреволюционным классом. Гегемония контрреволюционной буржуазии обрекала революцию на поражение. К тому же в революциях 1848 г. не было достаточного размежевания между революционными и контрреволюционными силами, что вело революцию по нисходящей линии.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 38.

Положение Маркса о специфической форме развития борьбы классов в революции является важным вкладом и в теорию революции, и в теорию классовой борьбы. Оно вскрывает своеобразные, сложные, противоречивые взаимоотношения классов в условиях революции, показывает, как развитие классового антагонизма движет революцию вперед.

С этим положением Маркса, характеризующим закономерность развития революции, неразрывно связана идея гегемонии пролетариата, основные наброски которой были разработаны основоположниками марксизма в 1848—1851 гг.

Известно, что вопрос о гегемонии пролетариата является одним из основных вопросов марксизма.

Уже в завершающий период формирования марксизма, в частности в «Манифесте Коммунистической партии», основоположники марксизма рассматривают пролетариат как класс, способный возглавить движение всех других прогрессивных классов, освободительную борьбу всех угнетенных и эксплуатируемых. Однако конкретная разработка идеи гегемонии пролетариата была осуществлена Марксом и Энгельсом на опыте революционной борьбы 1848—1851 гг.

В. И. Ленин прямо указывает, что в период немецкой революции Маркс ставил вопрос о гегемонии пролетариата и боролся за руководящую роль рабочего класса в освободительном движении всех трудящихся. «Во время немецкой буржуазной революции,— писал В. И. Ленин,— Маркс считал основной задачей пролетариата — доведение революции до конца, завоевание руководящей роли пролетариатом, разоблачение предательства «соглашательской» буржуазии, вырывание народных масс и особенно крестьянства из-под влияния этой буржуазии. Это — исторический факт, замалчивать или обходить который могут только всуе приемлющие имя Маркса» [1]. В работе «Классовая борьба во Франции» Маркс, обобщая опыт французской революции 1848 г., прямо говорит о том, что разоряемые капитализмом крестьяне находят себе «естественного союзника и вождя в городском пролетариате», призванном ниспровергнуть буржуазный строй. Положение о том, что пролетариат является естественным союзником и вождем трудящегося крестьянства, и представляет собой формулировку идеи гегемонии пролетариата.

Правда, в этот период мы не находим у Маркса самого выражения «гегемония пролетариата», и вообще это выражение и в последующее время встречается у Маркса лишь один раз (см. статью К. Маркса «Чартисты» [2]). Но дело не в самом термине. Известно, что термина «диктатура пролетариата» не было в работах Маркса и Энгельса до 1850 г. Впервые этот термин употребляется в работе Маркса «Классовая борьба во Франции». Между тем идея диктатуры пролетариата была сформулирована Марксом и Энгельсом еще в 1847—1848 гг.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 264—265.

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 359—368.

Важнейшим достижением марксовой теории революции в рассматриваемый исторический период является идея непрерывной революции, отразившая тенденции, которые наметились в зародыше уже в буржуазно-демократических революциях 1848 г. Мысль о возможности непрерывной революции высказывалась Марксом и Энгельсом еще в период формирования их взглядов. Термин «перманентная революция» в ранних работах Маркса и Энгельса обозначал восходящую линию развития буржуазной революции. Уже «Манифест Коммунистической партии» ставит вопрос о том, что буржуазная революция может быть непосредственным прологом революции социалистической. Такая постановка вопроса показывает, что еще до начала революций 1848 г. Маркс и Энгельс полагали, что не всегда обязателен длительный интервал во времени между революцией буржуазной и революцией пролетарской. Напротив, они допускали возможность сравнительно быстрого перехода от революции буржуазной к революции социалистической.

По мысли Маркса и Энгельса, переход от революции буржуазной к революции пролетарской предполагает сравнительно высокий уровень развития капитализма, является закономерным следствием борьбы классов в условиях буржуазной революции.

Классическим изложением идеи непрерывной революции является «Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов» в марте 1850 г. Однако еще до «Обращения» в ряде важнейших трудов Маркса и Энгельса этого периода высказывается и обосновывается идея непрерывной революции. В большинстве работ Маркса и Энгельса рассматриваемого периода мы находим обоснование этой важнейшей идеи. В работе «Классовая борьба во Франции» Маркс показывает процесс развития борьбы парижского пролетариата от февральских дней, когда он надеялся осуществить свое социальное освобождение «бок о бок с буржуазией», до июньских дней 1848 г., когда он с оружием в руках выступил против буржуазной контрреволюции. Маркс характеризует июньское восстание как «рабочую революцию», как великую битву между пролетариатом и буржуазией. Отсюда следует, что эта рабочая, т. е. пролетарская, революция вырастает из недр революции буржуазной и является, таким образом, перерастанием революции буржуазной в революцию пролетарскую.

В этой же работе Маркс показывает, что развитие классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией заключает в себе возможность перехода от революции буржуазной к революции социалистической.

Марксистское понимание отношения между революцией пролетарской и революцией буржуазной не ограничивается одним лишь указанием на их коренную противоположность. Конечно, революция пролетарская в корне противоположна буржуазной, ибо последняя не уничтожает господства человека над человеком, а устанавливает новую, т. е. капиталистическую, форму эксплуатации, в то время как пролетарская революция уничтожает всякий гнет, всякую эксплуатацию. Однако, констатируя и вскрывая коренную

противоположность между пролетарской и буржуазной революциями, Маркс и Энгельс, особенно в работах, подытоживающих опыт 1848—1851 гг., постоянно подчеркивают, что при определенных условиях революция буржуазная превращается в свою противоположность — пролетарскую революцию. Это значит, что нельзя абстрактно, метафизически противопоставлять друг другу эти революции, ибо в таком случае мы неизбежно придем к выводу о невозможности перехода от революции буржуазной к революции пролетарской.

В работе «Классовая борьба во Франции» Маркс показывает, что «рабочая революция» закономерно возникла в лоне буржуазной революции, что к этому вело развитие освободительного движения пролетариата и освобождение его от тяготевших над ним мелкобуржуазных иллюзий.

Характеризуя развитие классового сознания рабочих Парижа в 1848—1849 гг., Маркс прямо говорит, что в конечном итоге лозунгом пролетариата становится: «...*объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще,* к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия...» [1]. Парижские пролетарии впервые в истории сделали попытку перейти от революции буржуазной к революции пролетарской. Эта попытка потерпела поражение, ибо отсутствовал союз между рабочим классом и мелкой буржуазией, в частности крестьянством. Гениальность Маркса и Энгельса проявилась в том, что они увидели возможность и необходимость союза рабочего класса с трудящимися массами крестьянства еще тогда, когда пролетариат не вполне сформировался в самостоятельный класс, а крестьянство выступало, как известно, в качестве политического резерва буржуазии.

В произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс обосновывает ранее выдвинутое им положение о том, что борьба пролетариата против буржуазии лишь тогда может увенчаться низвержением капитализма, когда революция поднимет против капитала «стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа...» [2].

В «Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов» Маркс и Энгельс показывают, что мелкая буржуазия, в особенности крестьянство, является союзником пролетариата в борьбе против крупной буржуазии, а в союзе с беднейшим крестьянством пролетариат осуществляет социалистический переворот. В «Обращении» говорится: «...наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти...» [3]. Это по-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 91.
[2] Там же, стр. 17.
[3] Там же, стр. 261.

ложение является классической формулировкой идеи непрерывной революции.

Известно, что социал-демократы II Интернационала отвергли идею непрерывной революции, заменив ее контрреволюционной концепцией о существовании некой якобы непроходимой стены между революцией буржуазной и революцией пролетарской. Плеханов объявил идею непрерывной революции ошибкой Маркса и Энгельса, вытекающей якобы из того, что Маркс и Энгельс в этот период представляли себе, что эпоха пролетарской революции уже наступила.

Наиболее крайней формой ревизии теории Маркса явилась троцкистская контрреволюционная концепция перманентной революции. Эта концепция лицемерно прикрывается терминологией Маркса, но отвергает существо марксистской идеи, отрицает необходимость союза рабочего класса с крестьянством и гегемонию пролетариата.

В. И. Ленин разоблачил контрреволюционную сущность концепции троцкистов, противопоставив ей действительное существо идеи Маркса, развил ее в учение о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. В произведениях Ленина мы находим конкретный анализ теории Маркса о непрерывной революции, высокую оценку ее значения и вместе с тем указания на имеющиеся в ней пробелы.

На опыте революций 1848 г. Маркс и Энгельс выдвигают и обосновывают идею национального самоопределения вплоть до государственного отделения. Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы. Это положение, сформулированное Марксом и Энгельсом в «Новой Рейнской газете», является одной из теоретических основ пролетарского интернационализма.

Вскрывая классовое содержание национальных движений, разоблачая буржуазный национализм, основоположники марксизма стремились подчинить национальное движение интересам освободительной борьбы трудящихся. Подчеркивая необходимость беспощадной борьбы со всяким национальным гнетом, Маркс и Энгельс учили пролетариат поддерживать лишь те национальные движения, которые являлись резервом революционной борьбы масс. Следовательно, материалистическая оценка национальных движений не сводится к выявлению одного лишь их экономического основания. Маркс и Энгельс конкретно-исторически оценивают национальные движения, проводя в оценке национальных движений партийную точку зрения пролетариата, оценивая каждое из них с точки зрения интересов революции.

Анализируя конкретные исторические условия революций 1848 г., Маркс и Энгельс пришли к выводу о необходимости для победы революций решительной борьбы не только против внутренней, но и против внешней контрреволюции.

При наличии враждебных революционной борьбе за демократию монархий в Англии, Пруссии, России, Австрии буржуазная революция, учили Маркс и Энгельс, не может победить в одной стране. И тем более в подобных условиях не может победить в одной стра-

не пролетарская революция. В этих условиях, подчеркивали Маркс и Энгельс, пролетарская революция не смогла бы устоять против объединенного фронта всех капиталистических государств.

Положение Маркса и Энгельса о невозможности в исторических условиях того времени победы пролетарской революции в одной стране было неразрывно связано с анализом опыта буржуазно-демократических революций 1848 г. Маркс и Энгельс показывали, что эти буржуазно-демократические революции терпели поражение то в одной, то в другой стране, в частности под давлением внешней контрреволюции. С еще большими трудностями должна неизбежно столкнуться пролетарская революция. Отсюда основоположники марксизма делали вывод, что до тех пор, пока капитализм развивается по восходящей линии, пролетарская революция в одной стране победить не может.

Отмечая правильность этих выводов Маркса и Энгельса для периода домонополистического капитализма, В. И. Ленин обосновал необходимость новой теоретической и политической постановки вопроса в эпоху империализма. Поскольку в эпоху империализма капитализм развивается по нисходящей линии, поскольку неравномерность развития капитализма, приобретающая катастрофический характер, ведет к обострению противоречий внутри империализма, неизбежным войнам, росту революционного движения, постольку все это делает возможной и неизбежной победу пролетарской революции первоначально в одной, отдельно взятой стране.

Среди других проблем, разработанных Марксом и Энгельсом в их теории революции, необходимо указать на известное положение о вооруженном восстании как искусстве, сформулированное в работе «Революция и контрреволюция в Германии». Основоположники марксизма рассматривали вопрос о восстании в неразрывной связи с вопросом о революции, считая восстание необходимым проявлением и высшей формой революционной борьбы масс. Следовательно, вопрос о восстании рассматривается не изолированно, а как часть вопроса о закономерности, присущей развитию революции. Но не ограничиваясь оценкой сущности вооруженного восстания как необходимого момента в революции, Маркс и Энгельс выдвигают положение о восстании как искусстве, подчеркивая тем самым субъективную сторону вопроса, значение активной, сознательной и организованной деятельности тех, кто осуществляет это вооруженное восстание.

Как известно, анархисты рассматривали восстание как стихийный процесс, отрицая необходимость его организации. Бланкисты рассматривали восстание как организованное дело, но вне всякого отношения к революции и вне зависимости от нее, т. е. игнорировали объективную основу восстания.

В противовес этим концепциям Маркс и Энгельс вскрывают объективную закономерность восстания и выясняют значение субъективного фактора, значение организации и руководства в обеспечении победоносного восстания, в решении задачи революции на том или ином ее этапе. Подчеркивая значение объективных условий

победоносного вооруженного восстания, Маркс и Энгельс выдвигают на первый план проблему его организации. Они указывают, что «восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении» [1]. Важнейшим правилом в организации вооруженного восстания Маркс и Энгельс считали решительное и смелое наступление.

Положение Маркса и Энгельса о восстании как искусстве является, таким образом, конкретизацией диалектико-материалистического понимания соотношения субъективного и объективного в процессе освободительной борьбы пролетариата в ходе революции.

Главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В предреволюционный период Маркс и Энгельс гениально обосновали необходимость уничтожения диктатуры буржуазии и установления диктатуры пролетариата. Однако в это время Маркс и Энгельс, решая проблему диктатуры пролетариата, не занимались еще анализом вопроса об отношении пролетарской диктатуры к форме буржуазной государственной власти и ограничивались указанием на то, что пролетариат в ходе революции захватывает власть и устанавливает свое политическое господство.

В. И. Ленин в работе «Государство и революция» указывает, что Маркс и Энгельс не ставили еще тогда вопроса о том, какова же должна быть с точки зрения исторического развития эта смена буржуазного государства пролетарским. Ленин подчеркивает, что поправка, которую Маркс и Энгельс внесли в «Манифест Коммунистической партии», сводится к тому, что пролетариат не может просто захватить государственную власть и тем самым установить свое политическое господство. Он должен сломать буржуазную государственную машину и лишь благодаря этому может установиться диктатура пролетариата.

Вывод о сломе буржуазной государственной машины не мог быть результатом чисто логического анализа понятия пролетарской революции. Необходимо было изучить конкретный исторический опыт, проследить действительное развитие событий с тем, чтобы сделать этот имеющий величайшее практически-политическое значение вывод. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» подчеркивает, что решающее значение в формулировке идеи слома буржуазной государственной машины имеет конкретный опыт 1848—1851 гг. Ленин пишет: «Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи» [2].

Что же обозначают Маркс и Энгельс понятием «буржуазная государственная машина», подытоживая опыт революций 1848 г.? Обозначается ли этим понятием вообще капиталистическое государство, т. е. господство капиталистов над рабочими, или же это поня-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 100.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 31.

тие употребляется здесь в определенном конкретно-историческом смысле?

Еще до революции Маркс и Энгельс выдвинули и обосновали задачу уничтожения буржуазного государства вообще. На основе опыта 1848—1851 гг. они развили и конкретизировали эту общую идею. Теперь уже речь шла также об уничтожении специфической государственной формы диктатуры буржуазии. Эта специфическая форма государственной диктатуры буржуазии и называется Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» буржуазной государственной машиной. Ее характерными особенностями являются бюрократически-военная централизация государственной власти, наличие постоянной, антинародной по своему характеру, буржуазной армии и многочисленного кастового чиновничества. Такого рода бюрократически-военное централизованное буржуазное государство в середине XIX в. существовало в развитом виде еще не во всех капиталистических странах. И когда Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» говорит о сломе буржуазной государственной машины, он имеет в виду прежде всего уничтожение этой антинародной армии и бюрократического аппарата, с помощью которых капиталисты осуществляют свое политическое господство. По мысли Маркса, бюрократически-военный централизованный государственный аппарат возникает в период упадка феодализма, т. е. когда в недрах феодализма развивается капиталистический уклад. Это прежде всего относится к Франции, в которой процесс возникновения бюрократически-военной государственной машины развертывался в классической форме. Маркс отмечает, что буржуазная революция, уничтожив феодальные производственные отношения и соответствующую им политическую надстройку, не только не ликвидировала той государственной машины, которая стала возникать до нее, а, напротив, еще более ее усилила, укрепила.

Экономической основой развития бюрократически-военного централизованного буржуазного государства является капитализм, который централизует производство и вызывает необходимость централизации управления.

Возникновение бюрократически-военного буржуазного государственного аппарата непосредственно связано с прогрессирующим обострением борьбы классов. То обстоятельство, что во Франции классовый антагонизм проявлялся острее и глубже, чем в Англии, ввиду чего в ней произошла крупнейшая буржуазная революция 1789 г., и было ближайшей и решающей причиной сравнительно быстрого развития бюрократически-военного государственного аппарата.

Освободительная борьба пролетариата, в отличие от освободительного движения крестьян, объединяет, сплачивает, организует громадные массы рабочих в национальном масштабе. Вот почему буржуазия стремится противопоставить своему антиподу, объединяющемуся в национальном масштабе, государственную машину, централизующую на бюрократический и военный лад силы капи-

тала. Эта бюрократическая и военная государственная централизация необходима буржуазии для подавления пролетариата. Известно, что в 1848—1851 гг. буржуазия противопоставляла революционному натиску социальных «низов» эту государственную машину. Об этот бастион контрреволюционных сил разбивались революционные волны 1848—1849 гг.

Таким образом, буржуазные революции, укрепляя, усиливая бюрократически-военный государственный аппарат и противопоставляя его революционным массам, неизбежно порождают буржуазную же контрреволюцию. В ходе буржуазной революции буржуазный либерализм закономерно становится контрреволюционной силой. При наличии борющегося за свои интересы пролетариата буржуазная революция неизбежно перерождается в буржуазную контрреволюцию, если, конечно, пролетариат не обладает еще достаточными силами для установления своего собственного политического господства.

Вскрывая противоречия, внутренне присущие буржуазной контрреволюции в обстановке демократических преобразований и освободительной борьбы пролетариата, Маркс и Энгельс объясняют характерные особенности бонапартизма как своеобразной исторической формы диктатуры контрреволюционной буржуазии.

В свете анализа Марксом бонапартизма становится понятной эволюция буржуазной монархии в связи с развитием капитализма. Так, например, во Франции эта монархия проделала путь от легитимной монархии периода Реставрации к июльской конституционной монархии после революции 1830 г. и, наконец, к бонапартистской монархии, утвердившейся в результате поражения революции 1848 г. Маркс и Энгельс показывают, что эта эволюция буржуазной монархии выражает приспособление ее к новым, капиталистическим производственным отношениям. Буржуазия превращает бюрократически-военную государственную машину, обслуживавшую раньше господствующие сословия феодального общества в период его разложения, в чисто буржуазную государственную машину.

Маркс и Энгельс еще глубже и полнее вскрыли коренную противоположность революции пролетарской и революции буржуазной. Если буржуазные революции всячески укрепляют антинародный государственный бюрократически-военный аппарат, то пролетарская революция стремится к его уничтожению. Маркс по этому поводу говорил: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»[1].

Пролетарская революция не нуждается в бюрократически-военной централизации государственной власти. Диктатура пролетариата не нуждается для подавления эксплуататоров в этом старом государственном аппарате, который по самой своей природе контрреволюционен, который по самой своей сущности направлен против

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 206.

политической инициативы трудящихся и их революционного творчества. Вот почему рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной и пустить ее в ход для собственных целей. Он должен насильственно сломать, уничтожить государственную машину буржуазии. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» указывает, что идея слома буржуазной государственной машины — это главное, основное в учении Маркса о государстве.

Идея слома буржуазной государственной машины является дальнейшей конкретизацией понятия диктатуры пролетариата. Она раскрывает основное содержание пролетарской диктатуры, ее коренные задачи, коренную противоположность между пролетарской революцией и революцией буржуазной. Она показывает, что политическая основа общества, создаваемого социалистической революцией, в корне противоположна политической основе общества, создаваемого буржуазной революцией. Идеи слома буржуазной государственной машины полностью разоблачают анархистскую идею «взрыва» государства вообще.

Маркс и Энгельс не говорят о взрыве, об уничтожении, о сломе государства вообще. Речь идет об уничтожении лишь буржуазного государства, для того чтобы установить государство пролетарское. В формуле диктатуры пролетариата отрицание буржуазной государственности выступает не как самоцель, а как неотъемлемый момент создания качественно нового пролетарского государства. Что же касается исторических судеб пролетарского государства, то Маркс и Энгельс говорят, что оно постепенно отомрет в условиях бесклассового общества.

Таким образом, если анархистская идея взрыва государства вообще направлена своим острием против диктатуры пролетариата, то марксистская идея слома государственной буржуазной машины является теоретическим обоснованием диктатуры пролетариата.

Все эти положения Маркса и Энгельса наглядно свидетельствуют о том, что их тезис о необходимости слома буржуазной государственной машины, вопреки заявлениям оппортунистов, не является случайным, фрагментарным высказыванием. Напротив, это положение марксизма является выводом из всего многогранного опыта революций 1848 г. и предшествующего общественно-исторического развития. Это положение классически сформулировано в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», но было бы ошибкой думать, что в других произведениях основоположники марксизма не касаются этой проблемы, не решают ее в той или иной степени. Уже в «Новой Рейнской газете», выясняя причины поражения немецкой революции, Маркс и Энгельс указывали, что эта революция не сломала старой власти, не уничтожила старого бюрократического аппарата, не разбила старую антинародную армию. В работе «Классовая борьба во Франции», разоблачая антинародный характер буржуазной государственной машины, Маркс тем самым уже по существу ставил вопрос о необходимости ее слома.

В произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Маркс подытоживает всю эволюцию буржуазного государства во

Франции вплоть до бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г. Именно поэтому в этой работе и дается классическая формулировка знаменитой идеи слома буржуазной государственной машины. Необходимость слома бюрократически-военного государственного аппарата буржуазии доказывается Марксом на основе материалистического анализа объективной закономерности развития политической надстройки капиталистического общества.

Таким образом, задача разрушения бюрократически-военной централизованной государственной машины буржуазии формулируется Марксом не с точки зрения абстрактного долженствования, а как объективная тенденция исторического процесса.

Ликвидация бюрократически-военного централизованного государственного аппарата буржуазии вовсе не означает уничтожения централизации вообще. Этот момент необходимо подчеркнуть, ибо начиная с Э. Бернштейна социал-демократические оппортунисты всячески старались приписать марксизму реакционное стремление ликвидировать всякую централизацию. Все эти оппортунисты разглагольствовали о том, что централизация необходима в силу развития крупной промышленности, а поэтому-де нельзя уничтожать буржуазную государственную машину.

Конечно, централизация является закономерным следствием общественного по своему характеру производства, развивающегося при капитализме. Но эта централизация возможна не только в капиталистической, не только в бюрократически-военной форме, напротив, она возможна и становится необходимой в новой исторической — пролетарской, демократической — форме. Маркс и Энгельс показывают, что разрушение буржуазной государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Они доказывают объективную необходимость новой централизации — пролетарского демократического порядка.

Маркс и Энгельс не считали, что развитие бюрократически-военного государственного аппарата неизбежно для всякого капиталистического государства. Они имели в виду, в частности, Англию и США, где в середине прошлого века такого рода государственный аппарат еще не получил значительного развития.

В. И. Ленин, обобщая новый исторический опыт, доказал, что в эпоху империализма все буржуазные государства становятся бюрократически-военными государственными машинами и что в наибольшей мере это относится к таким крупнейшим империалистическим государствам, как США и Англия. На этом основании В. И. Ленин сделал вывод, что задача слома буржуазной государственной машины составляет неотъемлемый элемент социалистической революции во всех странах.

Маркс и Энгельс в начале 50-х годов, выдвигая гениальную идею о сломе буржуазной государственной машины, не ставили еще вопроса о специфической государственной форме диктатуры пролетариата, вопроса о том, чем заменить эту подлежащую уничтожению буржуазную государственную машину, ибо исторические факты, исторический опыт не давали еще материала для разрешения это-

го вопроса. Основоположники марксизма, указывая, что диктатура пролетариата означает высшее развитие демократии, подчеркивали демократический характер искомой государственной формы диктатуры пролетариата.

Впоследствии, обобщая опыт Парижской Коммуны, Маркс заявил, что буржуазную государственную машину пролетариат должен заменить государством типа Парижской Коммуны. Однако это положение не получило дальнейшего развития в трудах основоположников марксизма, ибо опыт Парижской Коммуны был слишком кратковременным.

В новую историческую эпоху, эпоху империализма, Ленин, опираясь на учение марксизма о государстве, подытожив исторический опыт освободительной борьбы русского пролетариата, открыл в 1917 г. искомую специфическую государственную форму диктатуры рабочего класса — Советскую власть. Это открытие явилось, как известно, одним из необходимых условий победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Дальнейшим развитием идеи диктатуры пролетариата, подытожившим весь исторический опыт революций 1848 г., является знаменитое письмо Маркса к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. В этом письме Маркс разоблачает буржуазную общественную мысль, которая (в особенности после революций 1848 г.) отказалась от тех прогрессивных идей, которые выдвигались ее выдающимися представителями в прошлом. Маркс отмечает, что современные буржуазные социологи отрицают классовую структуру общества, между тем как прогрессивные экономисты и историки конца XVIII и начала XIX в. не страшились признания факта разделения общества на классы. Он указывает на Д. Рикардо, который говорил, что общество складывается из трех классов — землевладельцев, капиталистов и рабочих. Таким образом, буржуазные идеологи, выступающие в середине XIX в. с отрицанием классовой структуры общества, отрекаются от прогрессивных завоеваний буржуазной общественной мысли. В этой связи Маркс отмечает, что ему вовсе не принадлежит заслуга открытия классов, что существование классов было открыто до него; до него уже имели место попытки описать борьбу между классами в различных исторических условиях.

Это положение Маркса свидетельствует о личной скромности этого гениального учителя пролетариата. На самом деле никто до Маркса не дал научного понимания классового деления общества. Французские буржуазные историки 20—30-х годов XIX в. Тьерри, Минье и Гизо указывали на существование классов, но выводили существование классов и борьбу между ними из завоеваний галлов франками. Никто из них не видел, что возникновение классов является результатом экономического развития общества, появления частной собственности на средства производства.

Научное понимание классовой структуры общества было дано только марксизмом. В этой связи Маркс говорит о том, что составляет, собственно, его главное открытие. Он вскрыл связь существования классов с исторически определенными формами производст-

венных отношений. Иначе говоря, он доказал, что классы не вечны, они имеют свое начало в прошлом и свой конец в будущем, доказал преходящий характер классовой структуры общества. Маркс показал, что существование классов обусловлено определенными производственными отношениями и, в конечном счете, определенным уровнем развития производительных сил. Таким образом, Маркс разоблачил реакционные буржуазные социологические представления о классовой структуре общества, согласно которым деление общества на классы столь же «естественно» и необходимо безотносительно к каким бы то ни было историческим условиям, как и наличие различных видов в царстве животных и растений. Наконец, Маркс вскрыл направление развития борьбы между классами, показал пути ликвидации классов и классовых различий, обосновал положение о том, что борьба классов с неизбежностью ведет к диктатуре пролетариата. Это и есть главный вывод марксизма. Это положение принципиально отделяет его от всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных теорий, признающих существование классов и борьбу между ними, но мечтающих о примирении классов.

Мысль Маркса, что борьба классов ведет к диктатуре пролетариата, указывает на непримиримость классовых противоречий. Именно поэтому борьба классов ведет не к примирению, не к смазыванию их противоположности, не к уничтожению пропасти между ними, а к усилению этой полярности, к пролетарской революции, к диктатуре пролетариата.

Впоследствии Ленин указывал, что марксистское понимание классовой борьбы принципиально отличается от либерального понимания борьбы классов именно тем, что марксизм рассматривает классовую борьбу как непримиримую, ведущую к диктатуре пролетариата. «Марксист лишь тот,— говорил Ленин,— кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*»[1].

Развивая свое учение о революции и государстве, основоположники марксизма разрабатывали вместе с тем и марксистскую диалектику — живую душу марксизма. Об этом наглядно свидетельствует анализ противоречий буржуазной революции и возможности ее перехода в свою противоположность — в революцию пролетарскую.

Маркс и Энгельс показывают, что картина политической жизни общества в период революции представляет собой совокупность различных, друг с другом связанных противоречий, причем из всего этого многообразия противоречий они выделяют главные и решающие на каждом этапе революции.

Ярким образцом материалистической диалектики является исследование возникновения и развития буржуазной государственной машины, уничтожение которой является не ослаблением, а, на-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

против, усилением государственной централизации, однако уже на новой, пролетарской, демократической основе.

Анализируя противоречия общественно-политического развития, Маркс разоблачает видимость происходящих событий, которую мелкобуржуазные деятели революции постоянно принимали за их сущность. Мелкобуржуазные деятели революции 1848 г. доказывали, что республика означает власть народа, независимо от фактического господства капитала, что всеобщее избирательное право является подлинным волеизъявлением народа, независимо от того, какому классу принадлежит власть. Маркс разоблачил эту видимость, вскрыв сущность буржуазной демократии.

Изучая органическую взаимообусловленность основных событий революционного периода и качественные изменения, характеризующие развитие этих событий, обосновывая неизбежность превращения эволюционной формы исторического развития в революционную форму, основоположники марксизма разрабатывали свое учение о внутренних противоречиях как источниках развития.

Важное место в развитии марксистской теории этого периода занимают такие вопросы, как роль идей и роль исторических деятелей в истории.

В революционные периоды особенно сказывается значение передовых идей. Поэтому Маркс и Энгельс обстоятельно рассматривают этот вопрос именно в связи с подытоживанием исторического опыта революций 1848 г. Новый шаг вперед в разработке вопроса о роли идей и роли исторических деятелей в истории заключался в том, что Маркс и Энгельс перешли от общего материалистического решения этих проблем к конкретной оценке роли буржуазных и мелкобуржуазных идей и деятелей в период революций. В период выработки своего учения, в борьбе против младогегельянцев и прочих идеалистов, абсолютизировавших роль личности и роль идей, они подчеркивали прежде всего главный принцип своего учения — зависимость идей и исторических деятелей от объективных экономических условий,— но не всегда имели возможность обстоятельно рассмотреть все другие вопросы. Что же касается таких произведений основоположников марксизма, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции», то в них уже специально рассматриваются вопросы о роли идей и роли исторических деятелей в истории. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс, сопоставляя буржуазные революции с революцией пролетарской, показывает, что буржуазные революции всегда совершаются в облачении всякого рода иллюзий, которые необходимы, неизбежны для них в силу ограниченности их социального содержания. Не случайно поэтому английская буржуазная революция проходила под религиозными лозунгами, как будто участники этой революции ставили своей целью установление царства божия на земле; французская буржуазная революция XVIII в. заимствовала фразы из эпохи древнеримской республики. Это иллюзорное идеологическое облачение буржуазных революций помогало, как подчеркивает Маркс,

мобилизации широких народных масс на осуществление буржуазных преобразований. Оно скрадывало ограниченный характер буржуазных революций, которые, естественно, не могли принести социального освобождения трудящимся.

В противоположность буржуазной революции пролетарская революция — это революция без иллюзий, без идеологического облачения, скрадывающего ее содержание. Пролетарской революции необходимо ясное понимание исторической необходимости, путей и средств ее осуществления.

Маркс показывает, что поражение пролетариата в революции 1848 г. было неразрывно связано с его мелкобуржуазными иллюзиями, в частности с иллюзиями наивного республиканизма, т. е. с убеждением в том, что установление республики ликвидирует господство капитала над трудом. Маркс говорит, что преодоление пролетариатом своих собственных иллюзий есть необходимое условие развития в нем классовой сознательности, необходимое условие его классовой организации и понимания грядущих задач. Вот почему революции 1848 г. несмотря на поражение, по мысли Маркса, означают значительный шаг вперед в развитии освободительного движения пролетариата. Маркс подчеркивает, что в буржуазной революции потерпели поражение старые взгляды и иллюзии, которые сковывали революционные силы пролетариата. Поражение этих иллюзий, освобождение передовых слоев французского пролетариата от буржуазных и мелкобуржуазных идей, господствовавших над ними,— это и есть важнейший идеологический результат, являющийся предпосылкой последующего развития.

Маркс и Энгельс вскрывают качественное различие, существующее между влиянием передовых и реакционных идей, разоблачают идеологию буржуазных революций и доказывают, что лишь пролетариат способен поставить на место иллюзий, приукрашивающих действительность, идеи, вооружающие трудящихся в их борьбе за уничтожение всякого гнета. Они не ограничиваются объяснением происхождения идей, они ставят вопрос об их влиянии на общественную жизнь, раскрывают диалектическое взаимодействие между причиной и следствием, которые, как говорит Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», меняются местами.

Разрабатывая вопрос о роли личности в истории, основоположники марксизма изучают отношение между личными качествами исторического деятеля и той ролью, которую он выполняет. Характеризуя реакционных деятелей типа Луи Бонапарта, Маркс и Энгельс показывают, что отсутствие выдающихся личных качеств или, напротив, концентрация пороков, свойственных буржуазному обществу, в отдельном индивидууме при наличии соответствующих объективных условий делают данного индивидуума «выдающейся» исторической личностью. Таланты буржуазных деятелей вырождаются вместе с превращением буржуазии в реакционный класс. Эти выводы Маркса и Энгельса имеют громадное значение для оценки представителей империалистической буржуазии.

Как известно, Маркс развенчал легенду, созданную вокруг Луи Бонапарта, деятеля контрреволюционной монархической буржуазии, не только его сторонниками, но даже его противниками из либерального лагеря. Маркс подверг критике известные работы Прудона и Виктора Гюго, в которых, несмотря на попытки разоблачения Луи Бонапарта, по существу этот деятель возвеличивался. В своем труде «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс не только показал закономерность в условиях французской буржуазной революции государственного переворота бонапартистского типа, но и отношение личных качеств Луи Бонапарта в этой исторической закономерности. Вскрывая исторические корни бонапартизма, Маркс указывает на иллюзии широких масс французского крестьянства, которое вышло из первой французской буржуазной революции, имея землю, отнятую у помещика. Первая бонапартистская диктатура, т. е. диктатура Наполеона I, падает на тот период французской истории, когда крестьянство, получив землю, конфискованную у помещиков, удовлетворяло свою молодую страсть к собственности. Это было время сравнительного благосостояния крестьянского сословия, когда оно еще владело землей, когда долги не тяготели над ним.

Ко времени революции 1848 г. непрерывная парцелляция земельной собственности, рост ипотеки приводят к тому, что основная масса крестьянства разоряется. Отсюда, показывает Маркс, из этого разорения крестьянства, еще не порвавшего со своими старыми иллюзиями, проистекают бонапартистские идеи, т. е. иллюзорные надежды на возможность возвращения утраченных благ путем бонапартистского переворота. Маркс говорит, что мания Луи Бонапарта к установлению своей императорской власти совпадала с мелкобуржуазными предрассудками самого многочисленного класса французской нации — крестьянства, и это было одной из причин успеха бонапартистского переворота. Маркс отмечает, что бонапартистский переворот был подготовлен политикой буржуазии, которая боролась против демократии и таким образом совершала государственные перевороты в миниатюре на каждом шагу своей парламентской деятельности. Сама буржуазия отменила всеобщее избирательное право и тем подготовила почву для контрреволюционного переворота Луи Бонапарта в 1851 г.

Таким образом, переворот, осуществленный Луи Бонапартом, явился продолжением, хотя и на иной манер, той политики, которую вела сама буржуазия. При этом Маркс подчеркивает, что личные качества Луи Бонапарта вполне гармонировали с той исторической миссией, которую пришлось ему выполнить.

Вскрывая объективную обусловленность поведения исторических деятелей, Маркс и Энгельс показывают, что правильное или неправильное понимание ими общественной жизни и исторических задач является существенным фактором в характеристике той политической линии, которую они осуществляют. В этом отношении представляет большой интерес анализ Марксом политической линии мелкобуржуазной демократии и ее главного персонажа — Ле-

дрю Роллена. Маркс говорит, что неправильно полагать, будто идеологи мелкой буржуазии сами должны быть лавочниками или сторонниками лавочников. По своему социальному положению, образованию они могут отличаться от лавочников, как небо от земли, но идеологами мелкой буржуазии их делает то, что теоретически они приходят к тем же самым задачам, к которым мелкая буржуазия приходит стихийно, на основе своих повседневных занятий. Следовательно, идейная ограниченность этих людей, их неспособность выйти за пределы мелкобуржуазной обстановки играет существенную роль в формировании их как идеологов мелкой буржуазии.

Это положение Маркса имеет громадное значение для борьбы против вульгарного представления о соотношении идеологов и класса. Оно указывает на то, что идеолог именно потому и является идеологом данного класса, что в его взглядах и поведении находит свое теоретическое выражение практика данного класса. В произведениях последующего исторического периода Маркс и Энгельс развили и конкретизировали рассмотренные выше положения исторического материализма.

Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 г. показывает, что марксизм с честью выдержал испытание революционной практикой. Основные положения марксистской теории, разработанные Марксом и Энгельсом до революций 1848 г., получили свое полное подтверждение в огне революционных боев. Марксизм оказался единственной теорией, которая дала научный анализ хода и результатов революций 1848 г., сумела предвидеть развитие событий, дать пролетариату истинные лозунги борьбы. Опыт революций 1848 г. не только подтвердил учение Маркса и Энгельса, но и дал возможность обогатить марксизм новыми теоретическими положениями. Теоретическое обобщение опыта 1848—1851 гг. явилось основой для дальнейшего развития теории революции, учения о государстве и философских основ марксизма.

Вместе с подытоживанием исторического опыта Маркс и Энгельс вносили также отдельные коррективы в положения своей теории. Если до 1848 г. и в 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс полагали, что эпоха пролетарских революций, эпоха свержения капитализма уже наступает, то, подытожив опыт революций, они пришли к правильному выводу, что данный период не является еще тем периодом, когда задачи пролетарской революции непосредственно стоят на повестке дня.

Изучение развития марксистской теории на опыте революций 1848 г. раскрывает перед нами важнейшие идеи Маркса и Энгельса, сыгравшие выдающуюся роль в освободительном движении пролетариата. Ленинизм отстоял эти идеи в борьбе с оппортунизмом, творчески развил их на базе нового исторического опыта.

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРУДАХ К. МАРКСА

Глубочайший теоретический анализ капитализма, произведенный в «Капитале» и других экономических трудах Маркса, был бы невозможен без применения и дальнейшего творческого развития материалистической диалектики как методологии, теории познания и логики марксизма. «Если Маркс не оставил *„Логики"* (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала"...,— писал В. И. Ленин.— В „Капитале" применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»[1].

Это высказывание Ленина является ключом к пониманию важнейших особенностей «Капитала» со стороны его философского содержания, оно же характеризует одну из существеннейших черт диалектического материализма вообще. Речь идет о совпадении, тождестве диалектики, логики и теории познания марксизма, классическим образцом чего является «Капитал» и примыкающие к нему экономические произведения Маркса. В этих трудах с особой ясностью выявляется роль материалистической диалектики как метода познания объективного мира, как методологии всякого научного познания.

Гениальная характеристика метода политической экономии дается Марксом в экономических рукописях 1857—1858 гг. Правильный в научном отношении метод, считает Маркс, должен вести к воспроизведению конкретного, данного в представлении, посредством мышления. Под конкретным Маркс понимает прежде всего объективную реальность, например, население, которое представляет, по его словам, основу и субъект всего общественного процесса производства. Можно ли прямо и непосредственно отобразить конкретное во всем богатстве его внутренних существенных связей и отношений? Нет, говорит Маркс, такой путь оказывается неплодотворным и в конечном счете ошибочным. По этому пути следовала в период своего возникновения буржуазная политическая экономия, всегда начинавшая с живого целого: с населения, нации, государства, нескольких государств и т. п. Однако, указывает Маркс, «население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например, наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например,— ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д.»[2].

Таким образом, попытка непосредственно отобразить конкретное (в данном случае население) дает, по словам Маркса, лишь

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 301.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 726.

«хаотическое представление о целом», которое нуждается в аналитическом расчленении на более простые понятия. Экономисты XVII столетия, следуя от конкретного, данного в представлении, приходили ко все более простым, «тощим» абстракциям. Анализ конкретного (населения, класса и т. п.) приводил их к выделению нескольких абстрактных всеобщих отношений (разделение труда, деньги, стоимость и т. д.). Эту стадию в развитии политической экономии можно условно назвать аналитической. Познание при этом шло от конкретного к абстрактному.

После того как были выделены и зафиксированы наиболее абстрактные, простейшие экономические категории, политическая экономия получила возможность пуститься в обратный путь: от абстрактного к воспроизведению конкретного в понятиях, категориях, т. е. стать на путь синтеза категорий. Стали возникать теоретические системы экономики, которые восходили от простейших экономических категорий, таких, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к более сложным и конкретным — к государству, международному обмену, мировому рынку и т. п. Последний метод Маркс называет правильным в научном отношении. На первом пути, по которому шли экономисты XVII в., конкретное, данное в представлении, испарялось до степени простейших абстрактных определений. Второй же путь вел от абстрактных определений к воспроизведению конкретного посредством мышления, т. е. к получению сложных конкретных понятий, более полно и точно отображающих объективную реальность.

Путь от познания конкретного (объективной действительности) к выделению абстрактных (простейших) понятий — это необходимый, хотя и недостаточный момент научного познания.

Надо получить, воспроизвести, отразить конкретное в мышлении, т. е. сформулировать систему конкретных понятий, отображающих предмет познания во всей его сложности, со всеми его существенными признаками, свойствами и отношениями. «Конкретное потому конкретно,— пишет Маркс,— что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления»[1].

Итак, диалектический процесс познания объекта проходит как бы два этапа: от конкретного (объективной действительности) к абстрактному и от абстрактного — к конкретному (в мышлении).

Применив метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, Маркс создал «Капитал», который можно рассматривать как одно чрезвычайно сложное конкретное понятие, воспроизводящее в синтетическом виде капиталистическую общественно-экономическую формацию в ее главных чертах и закономерностях.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 727.

Маркс не первый применил метод восхождения от абстрактного к конкретному — им пользовались классики буржуазной политической экономии, а также в определенной степени Гегель. Однако только у Маркса мы находим подлинно научное, диалектико-материалистическое истолкование и применение этого метода. Маркс критикует Гегеля за идеалистическую мистификацию метода восхождения от абстрактного к конкретному. По словам Маркса, Гегель «впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» [1].

Для Гегеля процесс мышления, будучи демиургом (творцом) действительности, создает самое конкретное, для Маркса «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [2]. Поэтому духовное конкретное отображает объективно существующую конкретность материального мира. Синтезируя абстрактные определения и воспроизводя конкретное, научное познание не отрывается от действительности. Применительно к политической экономии это означает, что «субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка» [3].

Имеются принципиальные отличия между методом восхождения от абстрактного к конкретному у Маркса и одноименным методом у представителей буржуазной политической экономии. Последние, будучи метафизиками, понимали восхождение как чисто количественный процесс наращивания, синтезирования определений, в основе которого лежат законы формальной логики.

Для Маркса восхождение от абстрактного к конкретному — это сложный познавательный процесс, главными закономерностями которого являются основные законы диалектики, или диалектической логики, прежде всего закон единства и борьбы противоположностей.

Операция восхождения в экономических трудах Маркса представляет собой дедукцию особого рода, сущность которой состоит в движении и развитии противоречий. «У Маркса в „Капитале“,— пишет Ленин,— сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* дви-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 727.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 728.

жение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца»[1].

Товар как элементарная «клеточка» буржуазного общества есть, таким образом, та предельная абстракция, с которой начинается Марксов анализ, или, иными словами, исходный пункт восхождения от абстрактного к конкретному. Подобная «клеточка» должна, очевидно, обладать рядом особых свойств: во-первых, быть основным, массовидным, типичным отношением исследуемого объекта; во-вторых, быть исторически первым отношением, т. е. началом развитого целого; в-третьих, быть решающим первым, т. е. содержать в себе зародыши всех основных противоречий предмета.

Именно такими свойствами обладает товар как наиболее общее экономическое отношение буржуазного строя, отношение, исторически предшествующее возникновению собственно капиталистического способа производства. С непревзойденным мастерством Маркс анализирует товар, показывая, что эта «элементарная форма буржуазного богатства» представляет собой единство противоположностей. Задолго до Маркса было известно, что товар есть нечто двойственное: и потребительная, и меновая стоимость. Маркс раскрывает причину этого, показывая, что она коренится в двойственно-противоречивом характере самого труда, создающего товары. Такой труд одновременно является и конкретным трудом, создающим определенные потребительные стоимости, и трудом абстрактным, создающим стоимость товара. Стоимость товара определяется общественно необходимым рабочим временем, затраченным на его производство, и является кристаллом бескачественного, лишенного различий, равного общечеловеческого труда.

Положение о двойственном характере труда представляет собой один из главных методологических принципов, с помощью которых Маркс, как рентгеном, просвечивает тайны капиталистического производства, вскрывая внутренние противоречия его узловых категорий — денег, прибавочной стоимости, капитала и т. д.

Внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, имманентно присущее товару, приводит к возникновению денег с их противоречиями, которые разрешаются в возникновении капитала с его противоречиями и т. д. Превращение простого товарного производства в товарно-капиталистическое знаменуется тем, что товаром становится сама рабочая сила человека. Маркс анализирует последнюю в качестве товара особого рода, потребительная стоимость которого состоит в способности производить бóльшую стоимость, чем стоит сам этот товар. Иными словами, рабочий создает прибавочную стоимость, отчуждаемую у него капиталистом. Учение о прибавочной стоимости, раскрывающее тайну капиталистической эксплуатации, Ленин называл краеугольным камнем экономической теории Маркса.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

Шаг за шагом анализирует Маркс всю систему буржуазных производственных отношений, начиная от форм стоимости и кончая кризисами мирового рынка, и каждый шаг на пути этого анализа, каждая ступень конкретизации, каждая новая категория представляет собой развитие и углубление познания противоречий, заложенных еще в элементарной клеточке буржуазного строя — в товаре.

Марксистская теория абстрагирования коренным образом отличается от всего того, что было дано по этому вопросу в буржуазной философии [1].

Домарксовский метафизический материализм понимал общее как стандартно-общее, которое исключает из себя особенное и единичное. Понятие рассматривалось им как формально общее, как формальная абстракция. Маркс не против самих общих абстракций. Например, *«производство вообще* — это абстракция,— говорит он,— но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многократно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам» [2]. По мысли Маркса, общее представляет собой диалектическое единство общего, особенного и единичного. Понятие производства включает в себя то общее, что свойственно человеческой истории на всем ее протяжении: человечество всегда выступает как субъект, а природа — как объект. Человек с помощью орудий труда присваивает себе вещества природы, а труд, по определению Маркса, есть вечное условие существования людей. Но существуют и особые законы производства, присущие только некоторым общественно-экономическим формациям.

Указание на специфику, на особенное очень важно для определения понятий и для теории абстрагирования. Хотя при определении понятия «производство» особенное и единичное не перечисляется, тем не менее они имеются в виду, иначе абстракция будет

[1] Это особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что современные антикоммунисты пытаются бросить тень на марксистскую теорию абстрагирования. Так, иезуит Густав Веттер в своей книге «Диалектический материализм. Его история и система в Советском Союзе» утверждает, будто марксизм совершил плагиат у Фомы Аквинского, поскольку теория абстракции диалектического материализма якобы совпадает в своих основных чертах с теорией абстракции, которая дается томизмом (см.: G. Wetter. Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. 4 Auflage. Wien, 1958).

Нетрудно показать, что ни о каком плагиате не может быть и речи. Фома Аквинский различал три рода универсалий: первое — ante rem — общее до вещей, т. е. мысли бога до сотворения мира; второе — in re — общее в вещах; третье — post rem — после вещей, или общее, как результат абстрагирования.

Эта примитивная схоластическая теория, склоняющаяся в общем и целом к реализму, как небо от земли, далека от марксистской теории абстрагирования Хорошо известно, что марксизм не признает существования общего вне единичного, отвергает нелепые религиозно-идеалистические выдумки о существовании «общего» в виде «мыслей бога» и т. п.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 711.

формальной, безжизненной, «стерильной». В забвении этого, говорит Маркс, и заключается вся «мудрость» буржуазных экономистов, которые выкидывают из общего особенное, берут общее только как формально общее и с помощью этого доказывают вечность и гармонию капиталистических отношений.

Маркс показывает это на примере с орудиями производства. Орудия производства всегда были и будут у человечества. Человек — это существо, производящее орудия труда. Капитал есть, утверждают буржуазные экономисты, между прочим, и орудие производства, накопленный, объективированный, прошедший труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное, внеисторическое общественное явление.

Подобное искаженное понимание капитала получается потому, пишет Маркс, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только делает «орудие производства» и «накопленный труд» капиталом [1]. Общее понятие «орудия труда» берется как безжизненная абстракция, из которой исключено богатство особенного и исторически изменяющееся содержание.

Диалектическая логика помогла вскрыть ложность подобных апологетических умозаключений. Она учит, что «орудия труда» — это понятие, которое наряду с общим отражает черты, характерные только для какой-то определенной общественно-экономической формации. Орудия труда в каждой общественно-экономической формации особенным, специфическим образом соединяются с производителями материальных благ, с рабочей силой, а капитал есть особая форма соединения орудий труда с работниками производства. Если учитывать эту специфику, то легко доказать, что капитал не является вечным общественным институтом, а представляет собой историческое явление, которое носит преходящий характер. Орудия труда имеются во всякой исторической форме общества, но капиталистический способ соединения орудий труда с работниками производства является преходящим, исторически ограниченным.

Другая особенность марксистской теории абстрагирования состоит в том, что общее берется не просто как общий признак, а как признак, который является наиболее существенным, необходимым и закономерным для явления. Общее в этом смысле однопорядково с необходимым, существенным, закономерным.

Маркс очень ярко и выпукло показывает силу абстракции, мощь абстрактного мышления. В предисловии к первому изданию «Капитала» он пишет, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [2]. Например, стоимость — это материальное общественное отношение, но никакими способами ее невозможно непосредственно воспринимать в товарах, ибо в нее не входит ни один атом природного естественного

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 711.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 6.

вещества. Маркс по этому поводу замечает, что стоимость товаров тем отличается от вдовицы Квикли, подруги Фальстафа, что неизвестно, как ее ухватить. Стоимость постигается путем теоретического анализа, с помощью абстракции.

Важнейшей особенностью Марксовой теории абстрагирования является анализ явлений в чистом виде. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс указывал, что «все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты» [1]. Это было одной из гносеологических причин того, что до Маркса наука не смогла раскрыть тайны прибавочной стоимости. Анализ процесса производства прибавочной стоимости в чистом виде «требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма» [2].

Вскрывая самую суть капиталистического производства с помощью абстракции, Маркс затем воссоздает конкретное во всей его полноте, во всей совокупности его определений, выводит особенные, специфические формы проявления сущности. Обнаружив тайну прибавочной стоимости, Маркс мог затем сравнительно легко объяснить, что такое прибыль, рента и т. д. Если бы Маркс исследовал капиталистическое производство в ином порядке, то его постигла бы неудача. Следовательно, здесь существует определенная логическая закономерность, строгий порядок исследования экономических явлений.

Анализ явлений в чистом виде и метод восхождения от абстрактного к конкретному лежат в основе общего плана «Капитала». Первый том этого труда посвящен капиталистическому производству, взятому в чистом виде, абстрагированно от обращения капитала. Во втором томе таким же образом рассматривается процесс обращения, а в третьем воссоздается капиталистическое производство как конкретное единство производства и обращения.

Характеризуя способ развития противоречий в экономических трудах Маркса, Энгельс указывал, что анализ наиболее простого, исторически первого экономического отношения обнаруживает противоречия, которые требуют своего разрешения. «Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.» [3].

В этой характеристике очень важно указание Энгельса на тесную связь метода восхождения от абстрактного к конкретному с

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 6.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 577.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 498.

практикой, с самим реальным процессом развития объекта, в данном случае с развитием буржуазных экономических отношений.

Мы назвали восхождение от абстрактного к конкретному дедукцией особого рода. Это правильно лишь в том отношении, что моменты дедуктивного выведения при данном способе изложения материала выступают на первый план. Однако дедукция берется Марксом в неразрывном единстве с индукцией, анализ — с синтезом. Характеризуя метод, примененный Марксом в «Капитале», Ленин писал: «Анализ *двоякий,* дедуктивный и индуктивный,— логический и исторический (формы стоимости).

Проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»[1].

Остановимся подробнее на вопросе о соотношении индукции и дедукции в «Капитале». Возьмем в качестве примера восьмую главу первого тома «Капитала» — «Рабочий день». В ней, как и в других главах, Маркс одновременно применяет и индукцию и дедукцию, однако в некоторых частях главы преобладает дедуктивный, в других же частях индуктивный анализ.

В первых двух параграфах этой главы Маркс дедуктивным путем устанавливает, что рабочий день должен быть больше необходимого рабочего времени; иначе было бы невозможно существование капиталистического способа производства, как и вообще любого другого эксплуататорского антагонистического строя. Маркс выдвигает общее положение, которое имеет силу закона: «Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства»[2]. Следовательно, рабочий день закономерно должен делиться на две части: на необходимое и прибавочное рабочее время.

Необходимое рабочее время определяется стоимостью рабочей силы, а стоимость рабочей силы определяется стоимостью средств существования, которые нужны рабочему и его семье в определенных исторических условиях. Следовательно, величина необходимого рабочего времени может быть выведена из общей закономерности, сводящейся к тому, что стоимость любого товара регулируется в конечном счете уровнем производительных сил, производительностью труда. Чем выше уровень производительности труда, тем короче необходимое рабочее время, и наоборот.

Безусловно, Марксом здесь применяется дедукция, которая не сводится к формально-логической дедукции, хотя и включает все богатство законов формальной логики.

Вторая же часть рабочего дня — прибавочное время — не может быть дедуктивным путем выведена из каких-то закономерностей. Эта часть рабочего дня с количественной стороны определяется в

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 302.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 246.

конечном счете борьбой рабочего класса за свои права, т. е. чисто эмпирически. Поэтому все остальные разделы восьмой главы, где Маркс исследует и определяет величину рабочего времени, построены по методу индукции. В них Маркс привлекает громадное количество фактического материала. Он говорит о положении в различных отраслях английской промышленности, исследует условия труда во многих отраслях производства, в самых разнообразных профессиях: в кружевной промышленности, в гончарном производстве, в производстве спичек, обоев, в пекарном и швейном производствах, в железнодорожном деле. Далее Маркс детально исследует дневной и ночной труд, систему смен в металлургии и металлической промышленности. Три параграфа восьмой главы посвящены истории борьбы пролетариата за сокращение рабочего дня начиная с XIV в. вплоть до середины XIX столетия.

По существу перед нами детальнейшее конкретное социальное и историческое исследование, которое органически вплетается в ткань логического исследования категорий политической экономии. Этот чрезвычайно яркий, впечатляющий фактический материал, который индуктивно-эмпирическим путем был взят Марксом из самой жизни, связан с дедукцией, так как он подчинен одной цели — цели обоснования общетеоретических положений, которыми он сам в свою очередь и объясняется.

Таким образом, восходя дедуктивным путем от общих положений к более конкретным, Маркс все время опирается на огромное количество фактического материала, т. е. он идет не только от общего к конкретному, но и от частного к общему.

В рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс отмечает, что в ней диалектический метод «становится единственно правильной формой развития мысли»[1]. С еще большим основанием это можно отнести к «Капиталу». Это замечание характеризует важную особенность марксистского диалектического метода — его способность быть логикой научного познания, определять последовательность мышления, необходимую связь между категориями науки. Здесь мы переходим к вопросу о соотношении логического и исторического, который является одной из главных проблем логики «Капитала» и диалектической логики вообще. Данная проблема имеет несколько аспектов.

Соотношение самого предмета, взятого в развитии, и теоретического познания развивающегося предмета представляет собой самый общий аспект проблемы исторического и логического. В качестве исторического здесь берется объективный предмет в его развитии, в качестве логического выступает теоретическое познание этого предмета, отражение его в понятиях, категориях. В данном плане проблема исторического и логического непосредственно совпадает с диалектико-материалистическим решением основного вопроса философии. Историческое (предмет в процессе его развития) является первичным, логическое как познание предмета,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

его отражение в мышлении — вторичным. Логическое есть отражение закономерных черт, тенденций в развитии предмета, т. е. такое отражение в понятиях, категориях, которое охватывает главное, существенное в развитии предмета и отбрасывает второстепенное, случайные исторические зигзаги, отступления в сторону и т. п. Логическое как бы исправляет историческое, но исправляет не по субъективному произволу исследователя, а на основе тех законов, которые даются самой действительностью. В этом случае логическое берется в самом широком виде, как наука, как теория развития вещей.

Но наука пользуется различными способами изучения предмета. Существуют логический и исторический способы рассмотрения, изучения предмета. Оба они являются научными, относятся к сфере теории. Вопрос о соотношении этих двух способов составляет второй аспект проблемы логического и исторического.

Исторический способ рассмотрения — это тоже научное познание, освобожденное от случайностей, пользующееся методом абстракции и т. д. Таким путем строятся все исторические науки, на основе этого метода написаны многие марксистские труды: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса, «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельса и т. п. Здесь события берутся в их последовательности, отражаются не только необходимые, существенные связи, но и особенная, специфическая форма проявления исторических закономерностей.

Логический же способ рассмотрения — это более активное, более обобщенное отражение истории предмета. Данный способ также отбрасывает случайности, зигзаги истории и т. д., но он делает это более решительно, может даже нарушать историческую последовательность событий, переставлять события, «исправлять» ход истории.

В конечном счете логический способ рассмотрения неизбежно отражает ход истории со стороны главных тенденций в развитии предмета, ибо в противном случае был бы разрыв между мышлением и объективным миром, между познанием и действительностью. Развитие предмета идет от простого к сложному, познание повторяет этот путь, углубляясь от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. «...Ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»,— указывает Маркс [1].

Но что считать простейшим, с чего начинать исследование? Проблема начала научного исследования — важный вопрос диалектической логики. Маркс в «Капитале» замечает, что всякое начало исследования трудно — это истина, справедливая для каждой науки. Как известно, Маркс начинает исследование с товара. Ленин на этот счет указывал, что «товарное производство» вообще есть и логически и исторически prius по отношению к капитализму» [2].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 728—729.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 221.

Товарное производство — основа капитализма, а капитализм — это такая стадия производства, когда товарные отношения становятся универсальными, когда сама рабочая сила превращается в товар.

Но исторически первым этапом становления капитализма было первоначальное капиталистическое накопление, которое Маркс называет исходным пунктом капиталистического производства вообще. Между тем о нем Маркс говорит только в двадцать четвертой, предпоследней главе первого тома «Капитала». И это, разумеется, не случайно. Маркс замечает, что исследование первоначального капиталистического накопления не связано с анализом товара как такового. Маркс не мог начать своего исследования и с кооперации, хотя он и отмечает, что, кооперация «составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»[1]. О кооперации Маркс говорит только в одиннадцатой главе первого тома «Капитала». Маркс не начал изложение в «Капитале» и с купеческого и ростовщического капитала, хотя они были первыми историческими формами капитала, или с земельной ренты, хотя земледелие — это не только основа всякого производства, но наиболее древняя форма производства вообще.

Ответ на все эти вопросы надо искать в логике самого «Капитала». Любое исследование должно начинаться в общем с того, с чего исторически начиналось развитие предмета. Однако возникающий предмет имеет бесконечное множество сторон, свойств, отношений и т. д., которые сосуществуют более или менее одновременно. В каждом предмете, особенно в таком сложном, каким является капиталистическая общественно-экономическая формация, существует множество тенденций, «ниточек», которые тянутся в глубь истории, протягиваются в будущее, развиваясь в нем, и т. д. Капитализм есть и товарное производство, и кооперация, и строй, который подчинил своим отношениям земледелие, и общество, в котором имеется торговый капитал, и т. д. За какую же сторону должен прежде всего взяться исследователь? Очевидно за ту, которая не просто является исторически первой, но и наиболее существенной, характеризующей основные противоречия данного предмета.

Такой стороной, или «клеточкой», является, как уже говорилось, товар, таящий в себе зародыши противоречий, характеризующих самую суть капиталистической формации. Маркс говорит о том, что каждая форма общества имеет решающий вид производства, определяющий остальные его виды. Он называет его общим освещением, в котором утопают все остальные краски. «Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается»[2]. Таким «эфиром» является товарное капиталистическое производство.

Если бы Маркс выбрал другой порядок рассмотрения категорий, он бы не достиг успеха, не вскрыл бы сущности капиталисти-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 333.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.

ческих отношений. Нельзя было, например, сначала исследовать земельную ренту, а потом прибавочную стоимость. Маркс замечает, что «легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ni l'un, ni l'antre [ни того, ни другого]» [1].

Ясно, что выбор логических категорий, их порядок, последовательность зависит не от случайностей, не от произвола исследователя. Здесь существует логика, опирающаяся на определенные закономерности научного познания. Формальная логика бессильна решить эту проблему. Ее успешно решает логика диалектическая, которая учит, что в общем и целом порядок в системе экономических категорий, их последовательность совпадает с историей возникновения и развития капитализма. Об этом ярко свидетельствует описание развития форм стоимости в первой главе I тома «Капитала» (от простой, единичной, или случайной, к полной, или развернутой, а от нее ко всеобщей форме, к деньгам). Это развитие воспроизводит фактическую историю товарного производства.

Итак, логическое совпадает с историческим: логический способ рассмотрения, с одной стороны, отражает историю развития самого предмета, а с другой стороны, находится в единстве с историческим способом рассмотрения предмета. В этом смысле логическое и историческое находятся в единстве, тождественны друг другу. Однако это не мертвое, абстрактное, а конкретное, диалектическое тождество, включающее в себя момент различия, несовпадения. Логическое и едино с историческим и противоположно ему; и совпадает и не совпадает с историей развития предмета. Очевидно, что перед нами диалектическое противоречие.

Логическое, отражая в конечном счете историческое и находясь с ним в единстве, обладает относительной самостоятельностью. Эта относительная самостоятельность проявляется в том, что логический способ может идти и в направлении, противоположном историческому ходу развития предмета. «Размышление над формами человеческой жизни,— пишет Маркс,— а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития» [2].

Прежде чем становится возможным научный анализ какого-нибудь явления, последнее должно вполне созреть, оформиться, выявить свои внутренние тенденции, свою сущность. Например, научный анализ буржуазных производственных отношений стал возможен только тогда, когда капитализм созрел, когда обнаружились его основные противоречия. После этого и стал возможен ретроспективный взгляд, т. е. взгляд в прошлое, в историю станов-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 227.
[2] Там же, стр. 85.

ления капитализма и его развития, взятую в ее основных, существенных чертах. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны... Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.»,— указывает Маркс [1].

Но это не опровергает принципа историзма (совпадения исторического и логического), а говорит о трудности, противоречивости познания. Можно сказать, что существуют две ветви, два пути теоретического рассмотрения, познания объекта: а) ретроспективный (аналитический) — от познания развитых форм к первоначальным, исходным, путь, обратный историческому развитию, исследование от конкретного в представлении к абстрактным понятиям, категориям («от человека к обезьяне», от развитого капитализма к возникновению товара); б) перспективный (синтетический) — соответствующий направлению исторического развития, исследование от абстрактного к воссозданию конкретного в мышлении («от обезьяны к человеку», от товара к деньгам и капиталу).

Обе эти ветви находятся в единстве, дополняют друг друга, являясь по существу сторонами единого диалектического метода, пути познания, отражающего историю развития объекта исследования.

История необратима, она идет в одном направлении. Но человеческое познание может не только следовать за развитием предмета и предвидеть будущее, но и уходить в прошлое, подвергая его анализу с точки зрения сегодняшнего, исходя из знания основных противоречий сформировавшегося предмета. В экономических рукописях 1857—1858 гг. Маркс пишет: «...Было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [2].

Это утверждение по видимости противоречит принципу существа логического и исторического, оно как бы говорит о несовпадении, разрыве логического с историческим, причем как будто бы противоречит заявлению самого Маркса о том, что ход абстрактного мышления соответствует историческому развитию.

Разумеется, никакого формально-логического противоречия во взглядах Маркса нет. Маркс последовательно проводит принцип единства логического и исторического — это станет ясным, если приведенную выше цитату взять не изолированно, а в контексте. Как говорит Маркс, кажется вполне естественным начать экономический анализ капитализма с земельной ренты, с земельной собственности, с земледелия — этого источника всякого производства, этой исторически первой формы производства, игравшей решаю-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 731.
[2] Там же, стр. 734.

щую роль во всех добуржуазных формациях. Но поступать так — грубая ошибка. Дело в том, что в буржуазном обществе земледелие — это лишь одна из отраслей производства, подчиненная капиталу как господствующей экономической силе. Поэтому капитал «должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности»[1]. Если земельная рента не может быть понята без капитала, то капитал вполне может быть понят без земельной ренты.

Всякое логическое должно соответствовать своему историческому. Если дается теоретический анализ капитализма, то для этого логического историческим служит история буржуазного общества, а не вся всемирная история. Следовательно, «речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных следующих одна за другой общественных формах (формациях.— *С. П.*). Еще меньше речь идет об их последовательности «в идее» (*Прудон*), этом извращенном представлении исторического процесса. Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества»[2].

Но как производится это расчленение? Чем определяется логический порядок последовательности экономических категорий при теоретическом анализе капиталистического общества? Можно ли считать, что и в этих пределах порядок категорий должен быть прямо противоположным исторической последовательности развития экономических отношений? Ответ на эти вопросы мы находим как в самой логике «Капитала», так и в многочисленных высказываниях Маркса: порядок категорий в общем и целом соответствует истории развития капитализма, логическое отражает историческое.

Третьим аспектом проблемы логического и исторического является вопрос о соотношении истории науки и современного состояния науки.

В. И. Ленин учил, что в логике законы мышления должны совпадать с историей познания и что категории — это узловые пункты истории познания. Отсюда следует, что изучение истории познания, истории науки представляет собой базу для развития теории. Нельзя постичь теории вопроса, не изучив истории этого вопроса. Данное положение целиком относится и к политической экономии. Маркс был не только теоретиком, который сформулировал основные положения научной политической экономии, он также историк политико-экономических учений. Об этом свидетельствует четвертый том «Капитала» — «Теории прибавочной стоимости»,— являющийся результатом многолетних историко-экономических исследований Маркса.

История любой науки представляет собой пример диалектики человеческого познания. Научное познание идет от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д., от простого к сложному. Политическая экономия, развива-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733—734.
[2] Там же, стр. 734.

ясь, отражала происходящие в обществе изменения. Этапы ее развития в общем и целом соответствуют этапам развития капиталистического общества, хотя абсолютного совпадения здесь, разумеется, нет.

Первыми попытками дать анализ капитализма были монетарная и меркантилистская системы (Джемс Стюарт). Они исходили из товарного обращения, из денег, видя в них источник прибыли.

Следующая стадия развития политической экономии — мануфактурная, или коммерческая, система. Ее представители перенесли источник богатства в коммерческий и мануфактурный труд. Хотя сама мануфактурная и коммерческая деятельность понималась ими в ограниченной форме (только как производящая деньги), это был один из важных этапов развития политической экономии.

Физиократические системы (Тюрго и Кене) также учили, что создает богатство определенный вид труда — труд земледельческий. Вершиной развития буржуазной политической экономии были системы Адама Смита и Давида Рикардо. Огромный прогресс их теории в сравнении с предыдущими состоял в том, что они в качестве источника богатства рассматривали не какой-то определенный вид труда, а труд вообще. Однако классики буржуазной политической экономии не были последовательными и не дошли до понимания абстрактного труда, независимого от его конкретных форм, не дали анализа прибавочной стоимости. Это смогли сделать только Маркс и Энгельс — идеологи пролетариата.

Как это очевидно, экономическая мысль шла от единичного к особенному и от него к всеобщему, от раскрытия специфических разновидностей труда (мануфактурного, земледельческого и т. д.) к труду вообще, т. е. к общечеловеческому абстрактному труду, следовательно, от конкретного к абстрактному. Здесь проявилась закономерность, свойственная не только политической экономии, но и всему человеческому познанию.

Как же соотносится марксистская политическая экономия с историей развития политико-экономических учений? Энгельс в «Диалектике природы» отмечал, что отношение между логикой познания в голове отдельного «диалектика» и историей познания аналогично отношению между эмбриологией и палеонтологией: онтогенез в сжатом обобщенном виде повторяет филогенез, т. е. индивидуальное развитие в схематическом виде повторяет развитие всего рода, в данном случае — целой отрасли научного знания.

Основные этапы истории политической экономии в «Капитале» непосредственно не воспроизводятся, и это зависит от того, что способ исследования не совпадает со способом изложения познанного материала. Но всякая сложившаяся теория есть итог, вывод, обобщение предшествующей истории познания. Это относится и к «Капиталу», который хотя и построен логическим методом, но воспроизводит огромное количество материала, целый «Монблан фактов», обобщает гигантский материал из истории политической экономии.

Нельзя, конечно, думать, что теория, которая знаменует собой новый этап развития науки, просто механически суммирует мнения различных мыслителей прошлого. Марксистская политическая экономия является коренной критической переработкой и усвоением всего лучшего, что было создано в области политической экономии. Это был революционный скачок со снятием и усвоением в новом, высшем синтезе всего лучшего, что было создано до Маркса. Следовательно, логическое и историческое здесь, как и во всех других случаях, находится в единстве, совпадает.

Четвертый аспект проблемы логического и исторического: соотношение способа исследования и способа изложения материала.

В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс отмечал, что «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» [1].

Изложение может не совпадать с последовательностью тех этапов, по которым проходила работа исследователя. В письме к Зигмунду Шотту Маркс сообщал: «...Для себя, я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой...» [2]. Свое исследование Маркс начал не с анализа товара (хотя изложение в «Капитале» начинается с этого), а с детального изучения истории вопроса. «Теории прибавочной стоимости» (четвертый том «Капитала») с точки зрения порядка исследования представляются как раз первым томом «Капитала». Маркс начал с изучения того, что оставили ему предшественники в области политической экономии, а одновременно провел исследование от конкретного к абстрактному.

Научное познание — это не прямая линия, не непрерывное и плавное восхождение от простого к сложному. Маркс отмечает, что развитие науки только через множество перекрестных и окольных путей приходит к своей действительной исходной точке, к своему действительному началу. Иногда наука начинает решать вопрос в сложной форме раньше, чем он решен в элементарной форме, занимается формами проявления прежде, чем решен вопрос о сущности этих форм. По образному выражению Маркса, наука строит верхние этажи здания раньше, чем построен фундамент. И только потом путем длительного, часто мучительного развития наука доходит до фундамента, до подлинного начала своего исследования.

Мы сталкиваемся с парадоксальным положением — подлинное начало науки не стоит в самом начале, оно есть итог какого-то

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 238.

сравнительно длительного пути развития. Так, например, физиократы сосредоточили свои усилия на выяснении того, какой труд создает прибавочную стоимость, хотя они еще не выяснили вопроса о стоимости вообще[1].

Хотя способ исследования и способ изложения материала не всегда совпадают друг с другом, хотя они иногда идут в прямо противоположных направлениях, все же различие между ними носит формальный характер. Лишь на первый взгляд «Капитал» кажется априорной конструкцией, на деле этот труд опирается на огромное количество фактов, на историю научного познания, и в этом смысле метод исследования и метод изложения находятся в единстве, а именно: диалектический метод познания разнообразных объектов включает в себя, во-первых, непосредственно аналитическое исследование, движение мысли от развитых форм к простым, от настоящего к прошлому, от конкретного в представлении (созерцании) к абстрактным понятиям, категориям. Этот процесс не всегда фиксируется. У Маркса этот процесс отчасти дан в «Теориях прибавочной стоимости». Но исследование не заканчивается на анализе — необходим синтез, который позволяет в логической форме проследить развитие объекта от простого к сложному, в исторической последовательности, очищенной от второстепенного и случайного, которое выступает как движение мысли, от абстрактных понятий к воссозданию конкретного в мышлении при помощи имеющихся понятий. Эта часть исследования одновременно является изложением результатов аналитического исследования. Изложению результатов исследования объекта и посвящен «Капитал» Маркса. Основой данного единства является совпадение исторического и логического.

Итак, во всех своих аспектах проблема логического и исторического решается на единой основе и сводится к одному общему выводу: логическое и историческое представляют собой единство, которое, наряду с моментами тождества и совпадения, включает моменты различия и несовпадения. Иными словами, логическое и историческое — это диалектическое противоречие, одно из специфических проявлений закона единства и борьбы противоположностей в области научного познания.

---

[1] В «Математических рукописях» Маркс показывает, что аналогичное положение сложилось в истории математики. Творцы дифференциального и интегрального исчисления тоже не смогли найти элементарную клеточку, реальный алгебраический базис, с которого можно было бы начинать развитие всех математических построений, хотя созданное ими дифференциальное и интегральное исчисление давало блестящие практические результаты. Изучавшая «Математические рукописи» Маркса С. А. Яновская пишет: «Подобно тому, как в политэкономии начали не с товара и стоимости, а с земельной ренты, подобно этому и в математике начали не с алгебраического дифференцирования, а непосредственно с готового дифференциала, т. е. начали с обсуждения вопроса в его сложной и развитой форме до того, как обсудили его в простой» («Материалы научной сессии. К пятидесятилетию со дня смерти Маркса». Коммунистическая Академия. Институт философии. ОГИЗ — Соцэкгиз, 1934, стр. 376).

Другое проявление этого закона — разрешение противоречий между сущностью и явлением в процессе познания. Классическим образцом разрешения данной проблемы является «Капитал» Маркса.

Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, говорит Маркс, тогда всякая наука была бы излишней. Задача науки и состоит в том, чтобы в исследуемом объекте раскрыть противоречие между сущностью и явлением, т. е. познать сущность в явлениях, а тем самым вскрыть внутренний источник развития объекта, законы развития и т. д. Маркс в третьем томе «Капитала» эту задачу формулирует следующим образом: «...задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...»[1]. Данная задача является чрезвычайно сложной, ибо, как указывает Маркс, вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде, т. е. явление может не просто не совпадать с сущностью, но представлять ее в извращенном, мистифицированном виде[2].

Возьмем в качестве примера выражение «стоимость труда». Эта формула была широко распространена до Маркса, ею охотно пользуются и современные буржуазные экономисты. Маркс называет это выражением мнимым, так как понятие стоимости в нем не только полностью исчезает, но и превращается в свою противоположность... Но такое мнимое выражение, отмечает он, возникает из самих производственных отношений[3]. На поверхности явлений кажется, что рабочий продает свой труд, причем по его полной стоимости. Но это только видимость. На самом деле труд продать нельзя, стоимости он не имеет. Рабочий продает капиталисту не труд, а свою рабочую силу, или особый товар, потребительная стоимость которого заключается в способности рабочего трудиться и создавать стоимости бóльшие, чем стоит его рабочая сила. В этом и заключается сущность капиталистической эксплуатации, суть буржуазных производственных отношений. Но добраться до этой сути было очень трудно. Дело не только в том, что буржуазные экономисты не были заинтересованы во вскрытии этой сущности, но также и в том, что в самом процессе познания встречаются трудности, препятствующие вскрытию подлинной сущности в явлении. В области политической экономии капитализма явления вырастают из производственных отношений, связаны с сущностью, выражают сущность, но в то же самое время извращают, мистифицируют действительное положение вещей.

Только познав сущность исследуемого объекта, можно правильно объяснить его проявление. Но как это сделать? Здесь недостаточно общей методологической установки, указывающей на то, что сущность проявляется в явлениях, а явления несут в себе элементы сущности. Показать, как конкретно явления связаны с

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 343.
[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 547.
[3] Там же.

сущностью,— это трудная, творческая задача каждой отдельной науки. Для вскрытия сущности в явлениях необходим анализ посредствующих звеньев, связывающих явления с сущностью.

Буржуазные экономисты в силу метафизичности своего метода не могли правильно понять соотношения между сущностью и явлением. Например, Рикардо из сущности экономических отношений формально-логическим, дедуктивным путем выводил конкретные формы ее проявления. Из закона стоимости он пытался непосредственно вывести прибыль, ренту и т. п., полагая, что здесь существуют родо-видовые отношения, установленные формальной логикой. Но здесь имеются не родо-видовые отношения, а отношение диалектической противоположности между сущностью и формами ее проявления. Закон стоимости непосредственно не совпадает, не тождествен закону средней нормы прибыли, а стоимость не совпадает с ценой производства. Рикардо объявил отклонение цен производства от стоимости исключением, но тогда весь закон стоимости превращался в сплошное исключение. Это дало повод вульгарным буржуазным экономистам вообще отрицать реальность закона стоимости. Маркс по этому поводу писал: «Вульгарные экономисты сделали отсюда тот вывод, что теоретические истины представляют собой абстракции, противоречащие действительному положению вещей. Они не видят того, что Рикардо, наоборот, недостаточно далеко идет по пути правильной абстракции и что это и приводит его к абстракции ошибочной» [1].

Маркс показывает, что закон стоимости, закон развития товарообмена представляет собой часть сущности, определяющую явления, но определяющую их не непосредственно, а лишь в конечном итоге, через ряд промежуточных звеньев. Если стоимость произведенного товара представляет сущность, то в качестве явления выступает цена производства, по которой и продается товар на капиталистическом рынке. Между сущностью и явлением стоит целый ряд промежуточных звеньев. Например, переменный капитал (V) выступает в виде заработной платы, а последняя в сумме с постоянным капиталом (C) составляет издержки производства. Прибавочная стоимость (M) выступает в форме прибыли и средней прибыли, которая образуется под воздействием механизма конкуренции. Издержки производства и средняя прибыль в сумме составляют цену производства.

Содержание цены производства как часть сущности капиталистического производства ($C + V + M$) выражает классовые экономические отношения между пролетариатом и буржуазией, взятые в чистом виде. В явлениях (средняя прибыль, земельная рента и т. п.) выступают наряду с сущностью и некоторые добавочные моменты, связанные с наличием различных группировок буржуазии, а также собственников земли, паразитическое существование которых обеспечивается за счет единственного источника — неоплаченного труда рабочего, или прибавочной стоимости.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 484.

В девятой главе первого тома «Капитала» Маркс формулирует закон, который гласит, что стоимость и прибавочная стоимость прямо пропорциональны переменному капиталу, т. е. прямо пропорциональны стоимости рабочей силы, которая затрачивается в данном производстве. «Этот закон,— говорит Маркс,— явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений» [1]. Владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, например, получает прибыль нисколько не меньше, чем владелец пекарни, хотя для бумагопрядения требуется более высокий органический состав капитала, т. е. больше постоянного и меньше переменного капитала, чем при выпечке хлеба.

Для разрешения этого кажущегося противоречия, указывает Маркс, требуется много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев, чтобы понять, что ноль, деленный на ноль, может представлять действительную величину. Обнаруживая эти звенья, Маркс сводит явления к сущности и «снимает» это кажущееся противоречие. Дело сводится к механизму конкуренции, который производит перераспределение общей массы прибавочной стоимости между различными отраслями производства, в результате чего получается, что прибыль не зависит от того, каково соотношение постоянного и переменного капитала. Хотя цены производства, которые выступают на поверхности явлений, отклоняются от стоимости, сумма стоимостей всех произведенных товаров совпадает с суммой цен, по которым эти товары продаются, что доказывает объективный характер закона стоимости, представляющего собой одно из самых глубоких, существенных отношений буржуазного общества.

Большое значение для познания сущности капиталистических производственных отношений имело раскрытие Марксом тайны товарного фетишизма. Производственные отношения — это отношения между людьми в процессе производства, которые внешне проявляются как кажимость отношений между вещами. То, что производственные отношения суть отношения между людьми, составляет сущность, а то, что эти отношения прикрыты вещной оболочкой, относится к проявлениям данной сущности, которые искажают сущность.

Товарный фетишизм сводится к тому, что сущность проявляется неадекватно — как кажимость, маскируется за другими явлениями, т. е. что производственные отношения людей выступают на поверхности только как отношения между вещами. «...Это вывернутое наизнанку отношение,— метко замечает Маркс,— является олицетворением вещей и овеществлением лиц...» [2].

В чем состоит олицетворение вещей? Возьмем любой товар, например стол. Стол, конечно, неодушевленный предмет. Но поскольку эта вещь выступает как товар, произведенный в условиях капитализма, то он обладает некоторыми признаками, которые ка-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 316.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 397.

жутся несвойственными неодушевленным предметам (например, меновой стоимостью). Стол как товар обладает свойствами и подчиняется всем законам товарного мира, но кажется, что эти свойства стола присущи ему от его природы. Стол как бы олицетворяется, приобретает сверхчувственные свойства. «Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать»[1]. Товар, конечно, обладает такими сверхчувственными свойствами не от природы, а потому, что через него проявляются буржуазные производственные отношения, отношения эксплуатации человека человеком, когда пролетарий как бы овеществляется. Рабочий в условиях капитализма кажется простым придатком, продолжением машины, превращается в вещь, которую применяет к делу капитал: кажется, что мертвые вещи оживают и властвуют над живыми людьми, овеществляют их.

Когда мы сводим кажущиеся отношения, явления к их сущности, то раскрываем тайну товарного фетишизма. Именно поэтому задачей науки выступает и очищение объекта исследования от кажимости или видимости, затемняющей и искажающей его сущность, в частности объяснение того, что за кажимостью обмена вещей скрываются отношения людей[2]. Сам же товарный фетишизм не уничтожается, ибо он имеет реальные корни, вырастает из самой сути буржуазных производственных отношений. Для того чтобы уничтожить товарный фетишизм, надо уничтожить капитализм — таков вывод, к которому приходит Маркс в «Капитале».

Буржуазная политическая экономия скользит по поверхности явления, по кажущемуся проявлению сущности. На это имеются причины и классового, и гносеологического характера. Гносеологические корни буржуазных теорий, которые дают ложную картину капиталистической действительности, состоят, в частности, в том, что буржуазный ученый не видит за деревьями леса, за кажущимися явлениями — сущности. Что же касается классовых корней, то буржуазный экономист не может вылезти из своей «буржуазной кожи», особенно в тот период, когда уже достаточно ясны противоречия между рабочим классом и буржуазией. Поэтому он заменяет беспристрастное, объективное, научное исследование угодливой апологетикой буржуазной действительности.

Рассмотренные нами проблемы свидетельствуют о том, что Маркс в «Капитале» и других своих экономических трудах мастерски использует диалектику в качестве методологии, логики и теории познания диалектического материализма. Основные категории и законы диалектики — качество, свойство, пространство, время, количество, мера, скачок, противоречие, необходимость и случайность, возможность и действительность и т. д. и прежде всего за-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 81.

[2] Материалистическое понимание К. Марксом кажимости или видимости как объективных явлений развито В. И. Лениным в «Философских тетрадях».

кон единства и борьбы противоположностей — применяются к конкретному исследованию капитализма и выступают в качестве основных законов диалектической логики и теории познания, что говорит о фактическом совпадении последних. Об этом же ярко свидетельствует и тот факт, что каждый из рассмотренных нами вопросов с равным основанием может быть отнесен к проблемам и методологии, и логики, к теории познания диалектического материализма.

* *
*

Если главной особенностью рассматриваемого периода развития марксистской философии в области диалектического материализма была разработка материалистической диалектики как метода научного познания, всех ее категорий и законов на конкретном материале — исследовании капитализма, создание логики «Капитала», подлинно научное решение вопроса о совпадении, тождестве диалектики, логики и теории познания,— то в области исторического материализма самым характерным было превращение материалистического понимания истории из гипотезы в научно доказанную теорию [1].

Материалистическое понимание истории, или исторический материализм, созданное в основном уже в период формирования марксизма, нашло свое подтверждение в событиях революции 1848—1849 гг., обобщение опыта которой обогатило и развило дальше сам исторический материализм.

Ленин писал, что «новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира» [2].

Однако к тому времени еще не было детального анализа капитализма как общественно-экономической формации. Без вскрытия глубинных экономических связей, без обнаружения тайны капиталистической эксплуатации материалистическое понимание истории (и весь марксизм в целом) носило незавершенный и во многом гипотетический характер, хотя уже революция 1848—1849 гг. доказала правильность основных положений научного социализма и марксистского учения о классовой борьбе.

Экономическое учение Маркса Ленин считал наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением правильности всего марксистского учения в целом. Создав «К критике политической экономии» и «Капитал», Маркс подвел под исторический материализм и вообще под марксизм необходимый экономический фунда-

---

[1] «Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение»,— указывает В. И. Ленин, отмечая, что материалистическое понимание истории, созданное Марксом и Энгельсом, стало «синонимом общественной науки» (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139—140).

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 48.

мент. «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации,— пишет Ленин,— дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу,— точно так же, как идея трансформизма, доказанная по отношению к достаточному количеству фактов, распространяется на всю область биологии, хотя бы по отношению к отдельным видам животных и растений и нельзя было еще установить в точности факт их трансформации» [1].

Было бы неправильным представлять себе дело таким образом, что одна система теоретических положений (экономическое учение марксизма) выступала в качестве критерия, подтверждающего истинность другой системы теоретических положений (материалистическое понимание истории). Критерием истины является в конечном счете практика — «Капитал» опирался на огромное количество экономических фактов, истинность его была доказана повседневной экономической практикой буржуазного общества, всем ходом всемирной истории.

Хотя экономическая сторона марксистского учения выдвинулась в 60-х годах XIX в. на первый план, «Капитал» — это не исключительно экономическое произведение, а книга, представляющая собой драгоценный сплав всех трех составных частей марксизма, причем вопросы философии и теории научного коммунизма рассматриваются в ней не в виде отдельных замечаний или иллюстраций, а в органическом единстве с решением проблем политической экономии.

Важное значение для развития исторического материализма имеет предисловие к работе Маркса «К критике политической экономии», в котором дается исключительно четкая, классическая формулировка материалистического понимания истории.

Распространяя материалистическое решение основного вопроса философии об отношении сознания к бытию, природе, материи на жизнь общества, Маркс указывает, что общественное бытие определяет общественное сознание, что способ производства материальных благ, условия материальной жизни обусловливает все остальные процессы общественной жизни — социальные, политические и духовные. Этот теоретический вывод подкрепляется научным анализом экономики капиталистического общества. Маркс не только дает «скелет» капитализма, вскрывая структуру буржуазных производственных отношений, а облекает этот скелет плотью и кровью, воссоздает всю капиталистическую общественно-экономическую формацию в целом, показывая зависимость форм духовной жизни общества от экономических отношений как отношений материальных и поэтому основополагающих, первичных.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 143—144.

В предисловии дано новое понимание общества. Общество на данном этапе исторического развития Маркс называет общественно-экономической формацией, которая является сложным социальным организмом с определенным экономическим базисом и надстройкой, в связи с чем развитие общества предстает как естественноисторический процесс смены общественно-экономических формаций. Здесь же дается определение базиса общества как совокупности производственных отношений, как экономической структуры общества, определяющей юридическую и политическую надстройку и формы общественного сознания. Раскрывая закономерности в развитии общества, Маркс пишет: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [1].

Надстроечные, идеологические формы являются отражением экономического базиса и вообще противоречий материальной жизни общества, они изменяются вслед за изменением базиса. Маркс говорит о перевороте в надстройке. И, действительно, в периоды социальных революций, когда одна общественно-экономическая формация сменяется другой, различные элементы надстройки претерпевают изменения, некоторые из них довольно быстро ликвидируются (например, буржуазное государство и право в ходе социалистической революции), другие претерпевают более или менее длительные изменения (например, такая форма общественного сознания, как религия, которая в качестве пережитка прошлого бытует даже в условиях социалистического общества). Поскольку сам базис, или экономические отношения, в условиях капитализма и других классово-антагонистических формаций является антагонистическим, то и надстройка, которая возвышается над этим базисом, как его следствие, также носит противоречивый, двойственный характер, включая в себя противоположные идеи и учреждения антагонистических классов.

Последовательно проводя материализм в анализе общественной жизни, Маркс подчеркивает объективный, материальный характер производительных сил и производственных отношений, единство которых составляет способ производства, присущий общественно-экономической формации. Производственные отношения, учит Маркс, это необходимые, объективные, т. е. независимые от воли и сознания людей, отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Это такие отношения между людьми, которые в обществе с товарным производством скрыты за предметной, вещной оболочкой, т. е. внешне проявляются как отношения между вещами.

---

[1] К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

Основой производственных отношений является собственность на орудия и средства производства, которая и порождает отношения групп, классов в процессе производства. В процессе производства создаются реальные продукты, вещи, а произведенные материальные блага определенным образом распределяются между классами и общественными группами. Следовательно, собственность, отношение группы и классов и распределение благ — это вполне объективные материальные отношения между людьми, а не какие-то духовные, идеальные связи, как утверждают фальсификаторы марксизма.

Материальный характер носят и производительные силы, в том числе и важнейшая из них — человек. «Сам человек,— пишет Маркс,— рассматриваемый только как наличное бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы» [1].

Материальность человеческого труда подчеркивается Марксом в общем определении труда как процесса, совершающегося между человеком и природой, в ходе которого человек в результате своей деятельности опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой (см. главу пятую первого тома «Капитала»).

Материальные общественные отношения, из которых сплетается ткань общественного бытия, складываются, не проходя через сознание человека. Вступая между собой в экономические, производственные отношения, люди во всех докоммунистических общественно-экономических формациях, особенно в капиталистической, не сознают ни характера, ни законов развития этих производственных отношений. Но если они даже и познают эти законы, то экономические отношения не потеряют от этого своего объективно-реального, материального характера.

Короче говоря, общественное бытие, в том числе производительные силы и производственные отношения, представляют собой объективную реальность, существующую независимо от общественного сознания, от сознания людей. А общественное сознание есть лишь более или менее точное отражение общественного бытия, материальной жизни общества [2] в разнообразных социальных чувствах, взглядах и теориях.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 213—214.

[2] Подчеркивание материального характера производительных сил и производственных отношений необходимо потому, что буржуазные идеологи, реформисты и ревизионисты пытаются фальсифицировать это важнейшее положение исторического материализма. Они заявляют, что производственные отношения и сам процесс труда носят идеальный характер, поскольку это отношения между людьми, а человек всегда обладает сознанием, эмоциями, волей и т. д.

Нетрудно заметить, что враги марксизма совершают элементарную логическую ошибку, которая в логике называется non sequitur («не следует»). Если А связано с В, то отсюда не следует, что А тождественно В. Если труд связан с мышлением, то это не значит, что труд духовен. Если в процессе производства люди выступают как существа, одаренные сознанием, то это не значит, что сами производственные отношения носят идеальный характер.

Маркс не только последовательно распространяет материализм на область социальных явлений, но одновременно вскрывает сложнейшую диалектику общественной жизни. Характеризуя диалектику производительных сил и производственных отношений, Маркс отмечает, что производственные отношения соответствуют уровню развития производительных сил. Но на определенной ступени своего развития производительные силы общества, которые постоянно развиваются, поднимаются на новый уровень, вступают в противоречие с существующими старыми производственными отношениями. Производственные отношения из формы развития производительных сил превращаются в их оковы. «Ни одна общественная формация,— пишет Маркс,— не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [1].

Превращение производственных отношений из форм развития производительных сил в их оковы представляет собой яркий пример превращения явления в свою собственную противоположность. Способ производства рассматривается Марксом как единство противоположностей — производительных сил и производственных отношений, причем первое выступает как его содержание, второе — как форма связи человека со средствами труда. Противоречие производительных сил и производственных отношений является внутренним источником самодвижения способа производства, а в конечном счете — и всего общества. В то же время Маркс в полной мере учитывает и взаимопротиворечивые отношения между общественным бытием и общественным сознанием, экономикой и политикой, базисом и надстройкой, сложное взаимодействие которых выявляется в ходе исторических событий. Конфликт между выросшими новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями есть наиболее глубокая материальная основа социальных революций. В социальной революции уничтожаются старые производственные отношения, возникает новый базис и надстройка — в целом новая общественно-экономическая формация, развитие которой также подчиняется основным социологическим законам развития общества.

Указывая на диалектику производительных сил и производственных отношений как на главную причину развития материального производства, Маркс в предисловии к «Критике политиче-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

ской экономии» не дает готового ответа на вопрос о причинах развития самих производительных сил. Однако в «Капитале» он убедительно показывает, что стимулы развития производства в условиях капитализма коренятся в специфических особенностях буржуазных производственных отношений, а именно — в стремлении капиталистов извлекать во все возрастающих масштабах прибавочную стоимость. Подобное стремление является лишь субъективным выражением объективных законов капиталистической экономики и не зависит от сознания и воли буржуазии.

Положение Маркса о том, что ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, издавна подвергалось и подвергается фальсификации со стороны реформистов и ревизионистов. Они утверждают, что поскольку буржуазные производственные отношения якобы еще дают простор для развития производительных сил, то нет необходимости заменять капитализм социалистическим обществом. Однако практика опровергает подобные измышления.

Капитализм и противоречия, которые ему свойственны, приводят к разрушению производительных сил, к задержке технического, социального прогресса, к экономическим кризисам, безработице и другим неизлечимым в рамках буржуазного общества социальным язвам.

Конечно, развитие производства продолжается даже в условиях монополистического капитализма. Производство растет в силу определенных причин, но оно растет медленнее, чем в условиях социализма, а главное — монополистической стадии капитализма, империализму свойственны такие явления, как милитаризм, совершенно непроизводительная, бессмысленная растрата человеческих сил, ресурсов и средств на подготовку войны и на сами войны, приводящие к массовому разрушению производительных сил и гибели трудящихся — главной производительной силы общества.

В предисловии «К критике политической экономии» и в «Капитале» Маркс ставит и решает вопрос о развитии общества как естественноисторическом процессе. В предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс высоко оценил рецензию на «Капитал», написанную русским экономистом И. И. Кауфманом, которому удалось удачно охарактеризовать сущность диалектического метода Маркса, отразив такую важнейшую черту марксистского учения, как положение о естественноисторическом развитии общества. Кауфман пишет, что Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения людей, но и сами определяющие их волю, сознание и намерения.

По словам Ленина, Маркс исследовал развитие капитализма, как естествоиспытатель рассматривает возникновение, развитие и грядущую гибель какого-нибудь живого организма.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс отмечает в качестве большой заслуги физиократов то, что они рассматривали буржуазные формы производства «как физиологические формы общества: как формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это — материальные законы; ошибка состоит здесь лишь в том, что материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества» [1].

Следовательно, ошибка физиократов состояла в том, что законы, свойственные только капиталистической формации, они рассматривали абстрактно, в качестве всеобщих внеисторических законов, якобы свойственных любой стадии развития человеческого общества. Разумеется, термин «физиологические формы общества», употребляемый физиократами, не соответствует духу марксистской философии. Когда Маркс говорил, что развитие общества есть естественноисторический процесс, он меньше всего стремился отождествить общество с биологическим организмом. Но рациональная мысль физиократов состоит в том, что законы общественного развития носят объективный характер. Естественность исторического процесса заключается в том, что законы развития общества действуют с необходимостью, как и законы природы, и, подобно последним, их нельзя отменить, аннулировать.

Еще при жизни Маркса его обвиняли в том, что он якобы проповедует фатализм, сводит к нулю роль личности и вообще роль субъективного фактора в истории. Понятно, что в этом проявилось непонимание или извращение сути марксистского учения.

Марксизм учит, что законы общественного развития — не просто естественные, а естественноисторические законы. Они действуют с принудительной необходимостью, их нельзя отменить или уничтожить, но они воплощаются в жизнь благодаря действиям людей, которые сами творят свою историю. Поэтому в развитии истории нет автоматизма. Люди могут влиять на развитие общества, тормозить, или, наоборот, ускорять ход истории.

Маркс эту очень важную мысль выражает в следующих словах: «Общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» [2].

В предисловии «К критике политической экономии» Маркс пишет: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [3].

После исследования первобытнообщинного строя и будущей коммунистической формации Маркс и Энгельс создали ту классификацию общественно-экономических формаций, которая сущест-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 12.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

вует и поныне и является единственно правильной: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая.

Было бы ошибочно думать, что Маркс сводит общественно-экономическую формацию только к способу производства или только к одним производственным отношениям. Последние лишь основа, экономический костяк общественной формации.

Ленин не случайно отмечает, что Маркс не ограничился исследованием только скелета капиталистического общества, т. е. анализом одних производственных отношений. Он облек этот скелет плотью и кровью, дал анализ не только экономического базиса, но и всей надстройки, бытовых сторон и черт буржуазного общества. Общественно-экономическая формация — это качественно особое состояние общества, определяемое способом производства, прежде всего производственными отношениями, экономическим базисом. Таково понятие общественной формации, выработанное Марксом.

Однако формация как качественно определенный тип организации общества никогда не выступает в чистом виде, не исчерпывает собой всего многообразия исторического процесса. Маркс отмечал, что «экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[1]. В понятии формации отражены общие и существенные признаки, свойственные любому способу производства, базису общества и его надстройке. Но в реальном историческом процессе, в каждой конкретной формации общее выступает в единстве с особенным и единичным, что и необходимо учитывать в научном исследовании.

Основные усилия в «Капитале» Маркс сосредоточивает на всестороннем анализе капиталистической формации. В сущности говоря, «Капитал» — это одно большое понятие, отражающее капиталистическую формацию, взятую в целом. Маркс дает критерий для отличия классово-антагонистических формаций друг от друга. Таким критерием служит способ, или форма, в которой прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя.

Производство прибавочной стоимости составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства. И это составляет основной мотив, основной дух, основной закон капиталистического строя. Сколько бы апологеты и защитники капитализма ни разглагольствовали о свободе, равенстве, справедливости и т. п., якобы присущих этому обществу, Маркс беспощадно срывает те идеологические покровы, которыми буржуазия и ее

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 354.

идеологи прикрывают эксплуататорскую сущность капиталистического строя. Оппортунисты всегда старались отделить экономическое учение от тех революционных выводов, которые с неумолимой логикой вытекают из «Капитала». Зомбарт, Струве и многие другие буржуазные идеологи утверждали, что Маркс дал только анатомию капиталистического общества, а научный социализм с его тезисом о необходимой гибели капиталистического строя якобы не вытекает из экономического учения Маркса.

Маркс не закончил третьего тома «Капитала», где предполагал написать главу о классах, государстве и революции. Но все содержание первого, второго и третьего томов «Капитала» показывает объективную необходимость гибели капитализма и революционного переустройства общества на социалистических началах. Маркс в каждой главе любого тома «Капитала» выявляет противоречия, внутренне присущие капиталистическому строю, дает анализ развития, углубления, обострения этих противоречий, показывает, что сами законы развития капитализма ведут его к гибели. Прежде всего необходимо указать на всеобщий закон капиталистического накопления. Капиталистическое накопление носит антагонистический характер. Накопление богатства на одном полюсе, говорит Маркс, есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе. Избыток богатств у одних людей порождает нищету других, а нищета — условие для возникновения избытка. Это внутренняя связь взаимопроникающих и взаимоисключающих противоположностей. В этом суть всеобщего закона капиталистического накопления. Маркс открыл абсолютное и относительное обнищание пролетариата. По мере развития капитализма эксплуатация рабочего класса растет и вследствие этого жизненный уровень рабочих по сравнению с жизненным уровнем буржуазии падает. Это нищета не в физическом, а в социальном смысле. Она составляет содержание понятия «относительное обнищание пролетариата»: доля рабочего класса в национальном доходе неуклонно понижается, а доля капиталистов увеличивается.

Абсолютное обнищание выводится Марксом из действия всеобщего закона капиталистического накопления. Накопление капитала, показывает Маркс, ведет к возрастанию органического состава капитала. Постоянная часть капитала растет быстрее переменной его части, и чем больше возрастает органический состав капитала, тем большей становится тенденция к росту резервной армии труда, т. е. к росту безработицы. Относительное перенаселение становится все бóльшим и бóльшим, безработные все сильнее давят на занятую часть рабочего класса, снижая заработную плату. Но это давление — величина не постоянная, а переменная. Она зависит, в частности, от экономической конъюнктуры: в годы промышленных подъемов давление уменьшается, а в годы кризисов увеличивается, соответственно меняется и заработная плата рабочих.

Маркс и Ленин никогда не говорили, что заработная плата рабочих, их жизненный уровень должны неуклонно снижаться и что у рабочего класса нет никаких возможностей противодействовать этому процессу.

Наши идейные противники в карикатурном виде изображают закон абсолютного обнищания, и против этого, ими же самими созданного «закона» они открывают огонь, ссылаясь на несомненный факт повышения жизненного уровня рабочего класса после второй мировой войны в ряде капиталистических стран по сравнению с 30-ми годами XX в.

Марксизм-ленинизм в полной мере учитывает, что закон абсолютного обнищания рабочего класса, как и всякий общественный закон, прокладывает себе дорогу в различных условиях, испытывая действие других законов экономического и социального развития, видоизменяясь под их влиянием. К этим воздействиям относится прежде всего борьба рабочего класса за свои права. Кроме того, буржуазия не может не учитывать примера социалистических стран. Все это вынуждает ее идти на некоторые уступки рабочему классу. Но отсюда не следует, что закон абсолютного обнищания уже утратил свою силу. Маркс писал, что по мере того, как капитал накопляется, положение рабочего класса должно ухудшаться, как бы высока или низка ни была его заработная плата. Абсолютное обнищание идет даже тогда, когда заработная плата рабочего растет. Дело в том, что постоянно растет интенсификация труда, возрастает расход физической и умственной энергии рабочего. Требуется большее потребление жизненных средств для того, чтобы даже увеличенная заработная плата покрыла возросшие затраты энергии рабочего.

Маркс показал, что законы человеческой истории — и в этом их специфика — действуют преимущественно как закономерные тенденции, выражающие общее направление развития данной системы. Например, закон тенденции нормы прибыли к понижению, по словам Маркса, «есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, *выражение, свойственное капиталистическому способу производства*. Это не значит, что норма прибыли не может временно понижаться и по другим причинам, но таким образом, исходя из сущности капиталистического способа производства, доказано, как сама собой разумеющаяся необходимость, что с развитием капиталистического способа производства общая средняя норма прибавочной стоимости должна выражаться в понижающейся общей норме прибыли» [1]. Именно таким законом-тенденцией и является закон абсолютного и относительного обнищания рабочего класса при капитализме.

Маркс учил, что капиталистическое воспроизводство производит не только прибавочную стоимость, но и капиталиста и рабочего, т. е. антагонистические производственные отношения бур-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 233.

жуазного общества. Противоречия становятся более глубокими, более острыми, и для того чтобы их разрешить, нужно уничтожить их носителя — буржуазный способ производства, капиталистический строй.

Маркс вскрывает основное противоречие капиталистического производства — противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения — и указывает пути его разрешения. В двадцать четвертой главе первого тома «Капитала» он пишет, что вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[1].

В исторической смене способов производства Маркс усматривает действие закона отрицания отрицания. Капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство, учит Маркс, с неизбежностью процесса природы порождает отрицание самого себя. Это отрицание отрицания, которое восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность, основанную на общем владении всеми средствами производства, т. е. на собственности социалистического и коммунистического типа.

Как известно, Дюринг, Михайловский и другие буржуазные и мелкобуржуазные теоретики утверждали, будто Маркс использует гегелевскую триаду для доказательства неизбежности гибели капитализма, причем эта триада выполняет роль повивальной бабки при теоретическом рождении нового общественного строя. Этот затасканный прием врагов марксизма постоянно повторяется почти без всяких изменений и по сей день.

Но у Маркса нет даже упоминания о триадах. Понятно, что закон отрицания и гегелевские триады — это не одно и то же. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» показал всю несостоятельность рассуждений Михайловского на этот счет[2]. На деле Маркс исходит не из готовой схемы, а из самой действительности. Законы диалектики для Маркса — это не априорные схемы, не волшебная палочка, с помощью которой можно доказать все что угодно. Доказательство необходимости гибели капиталистического общества Маркс выводит из самой действительности, из внутренних законов развития капитализма. Маркс показывает, что процесс

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 772—773.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 150—157.

развития и обострения противоречий капитализма совершается в самой действительности и должен еще совершаться в будущем, и лишь потом он характеризует этот процесс как такой, который совершается согласно закону отрицания отрицания.

Таким образом в 60-х годах XIX в. великая идея Маркса и Энгельса об исторической миссии пролетариата получает прочное обоснование в действии самих законов экономического развития капиталистического общества. Маркс рассматривает пролетариат как активнейший субъект истории, как ту историческую силу, которая призвана, опираясь на действие объективных законов капиталистической действительности, разрушить эту действительность и построить новое, коммунистическое общество. В рецензии на работу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс замечает: «...при дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности нам сразу открывается перспектива великой, величайшей революции всех времен»[1]. Этот пророческий вывод был блестяще подтвержден историей.

В трудах Маркса и Энгельса 60-х годов идет дальнейшая разработка учения о социалистическом и коммунистическом обществе. Маркс называет будущее социалистическое общество «царством свободы». Царство свободы, учит Маркс, начинается там, где развитие всех человеческих способностей становится целью общественного прогресса, самоцелью общества. Коммунизм есть скачок из царства необходимости в царство свободы. Но свобода основана на необходимости. Поэтому царство свободы основывается на познании и использовании объективных законов в интересах всего общества. Объективные законы исторического развития действуют и в условиях социализма и коммунизма, но общество не только с максимальной глубиной познает эти законы, но и сознательно, планомерно, целеустремленно использует их в своих интересах. Такова суть идей Маркса о скачке из царства необходимости в царство свободы.

Глубокие мысли высказываются Марксом о мериле богатства в условиях буржуазного и коммунистического обществ.

В подготовительных рукописях к «Капиталу» Маркс замечает, что в условиях капитализма мерилом богатства является рабочее время, стоимости, которые создаются в этот период времени, или товары, в которых овеществлен труд человека. Чем больше товаров, тем богаче общество. Иное дело в условиях социализма и коммунизма.

Общество, которое вынуждено измерять свое богатство в вещах,— это еще бедное общество. Коммунизм будет настолько богатым обществом, он создаст такое изобилие материальных ценностей, что говорить об измерении богатства в вещах будет бессмысленным. В коммунизме люди будут измерять свои богатства временем, свободным от работы. «...Действительным богат-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 491.

ством,—пишет Маркс о коммунизме,— является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время» [1].

Капиталист смотрит на свободное время рабочего, как на время пустое, как на время ничегонеделания: ведь за это время рабочий не приносит ему прибыли. В действительности же свободное время — это тоже в какой-то мере производительное время. За это время человек должен отдыхать физически, культурно, совершенствовать способности. «Время есть пространство человеческого развития» [2]. Но в условиях капитализма рабочий по существу совершенно лишен возможности для нормального роста и развития.

Для социализма и коммунизма характерен обратный процесс: всемерное сужение рабочего времени (тяжесть труда перекладывается на машины) и всемерное расширение свободного времени. Люди, их рост и развитие, расцвет всех человеческих способностей — вот самый ценный капитал социалистического и коммунистического общества. Свободное время есть необходимое условие для того, чтобы осуществить идеал человека будущего коммунистического общества, который будет обладать духовным богатством, физическим совершенством и моральной чистотой. Сбережение рабочего времени, пишет Маркс в рукописях 1857—1858 гг., равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для полного развития индивида, которое само в свою очередь как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства это сбережение можно рассматривать как производство основного капитала: этим основным капиталом является сам человек.

Глубоко вскрывая диалектическое взаимодействие свободного и рабочего времени, производительности труда и способностей человека, Маркс подчеркивает, что целью общественного прогресса при социализме и коммунизме, основным капиталом является именно человек.

Маркс тем самым дает обоснование важнейшего положения о цели общественного развития в условиях социализма и коммунизма. Для капитализма целью общественного развития является извлечение прибыли, а в условиях империализма — максимальной прибыли. В условиях же социализма и коммунизма целью общественного прогресса является сам человек, всестороннее развитие человеческих способностей.

Данное положение является одним из краеугольных камней марксистского гуманизма. Оно подтверждено всем ходом социалистического и коммунистического строительства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 2, стр. 217.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 147.

ГЛАВА 4

РАЗВИТИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

После Парижской Коммуны начался второй, так называемый «мирный» период всемирной истории, наиболее характерными чертами которого являлись сравнительно быстрое развитие капитализма, рост рабочего класса, создание социал-демократических партий и групп в Западной Европе, России и Америке.

Распространение марксизма вширь, его победа в среде рабочего класса над различными формами домарксовского социализма сопровождались ростом реформистских элементов, которые в борьбе против марксистского учения использовали буржуазную философию — гегельянство, позитивизм, кантианство и дюрингианство. В 70-е и 80-е годы особенно широко распространялось неокантианство, составлявшее философскую основу деятельности II Интернационала.

Перед Марксом и Энгельсом встала историческая задача — подвергнуть острой критике эпигонские идеалистические и метафизические теории, защитить и развить дальше диалектический и исторический материализм, вооружить научным мировоззрением социал-демократические партии.

Необходимость дальнейшего творческого развития марксистской философии обусловливалась и естественнонаучными открытиями, которые подорвали господство метафизического метода мышления.

Маркс и Энгельс внимательно следили за развитием естествознания, глубоко обобщая с точки зрения диалектического материализма его достижения, особенно три великих естественнонаучных открытия. Еще в 50-е и 60-е годы в переписке они ставят и обсуждают важнейшие философские вопросы естествознания, обосновывают необходимость всесторонней критики идеалистических и метафизических представлений о природе и подведения естественнонаучной основы под диалектический материализм. Такая важнейшая работа ими была выполнена в 70-е и 80-е годы, когда Энгельс написал свои знаменитые работы «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». В. И. Ленин писал, что эти марксистские работы «подобно «Коммунистическому Манифесту»... являются настольной книгой всякого сознательного рабочего» [1]. Кроме этих работ, Энгельсом в апреле 1892 г. была написана также статья «Исторический материализм», опубликованная в виде введения к английскому изданию работы «Развитие социализма от утопии к науке».

После Парижской Коммуны основоположники марксизма, обобщая опыт классовой борьбы и достижения естественных наук,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

в процессе критики идеализма и метафизики разработали широкий круг философских проблем, в числе которых наибольшее значение имели вопросы о философском источнике марксистской философии, о предмете и задачах диалектического материализма, о материи и формах ее существования, о процессе познания внешнего мира, о системе материалистической диалектики и др.

Разрабатывая вопрос о предмете диалектического материализма, классики марксизма выдвинули и обосновали его исходные теоретические принципы, которые обычно искажаются идеалистами, особенно позитивистами.

Маркс и Энгельс показали, что идеалисты отождествляют предмет философии с духом, сознанием, мышлением, рассматривают философию как науку «наук», возвышающуюся над всеми конкретными науками о природе, об обществе.

Наиболее типичным примером «науки наук» является гегелевская идеалистическая система, в том числе его натурфилософия, рассматривающая природу как инобытие абсолютной идеи, втискивающая природу в прокрустово ложе своих категорий, отрицающая ее действительное развитие во времени.

Натурфилософская концепция защищалась и Дюрингом, претендовавшим на создание философской системы абсолютного знания, основанной на аксиоматических априорных принципах, выведенных им из мышления, а не из внешнего мира.

Отмечая лишь некоторые положительные моменты, содержавшиеся в натурфилософии, Энгельс подвергает ее резкой критике. По его словам, в свое время, когда еще не была создана научная картина мира, натурфилософия предугадала некоторые позднейшие открытия, но при этом наговорила и много вздора, конструировала идеальные фантастические связи и вносила их в факты, заменяла еще не открытые законы науки вымыслами. После того как в середине XIX в. в связи с успехами естественных наук представилась возможность взглянуть на результаты изучения природы диалектически, натурфилософии пришел конец, всякая же попытка воскресить ее является излишней и реакционной.

Энгельс боролся не только против натурфилософских концепций, он не менее резко критиковал и позитивистское отрицание философии как науки, шедшее от английского эмпиризма и защищавшееся Дюрингом. Например, Дюринг сочетал спекулятивную натурфилософию с защитой позитивистского тезиса «наука сама по себе философия», отождествлял свою «философию действительности» с «естественной системой знания», с наукой о всеобщей мировой схематике. В противовес Дюрингу Энгельс указывал, что если мировую схематику выводить не из априорных принципов, а из действительного мира, то для этого нам нужна не философия, а положительные естественнонаучные знания. Но в таком случае «курс философии» Дюринга оказался бы не более как даром потраченным трудом.

Критика Марксом и Энгельсом идеалистического, в том числе и позитивистского понимания предмета философии, сыгравшая

большую роль в защите и развитии диалектического материализма, приобрела особо важное значение в настоящее время, когда современные буржуазные философы пропагандируют мистику и фидеизм, предпринимают попытки извратить мировоззренческую сущность философии, ограничить ее предмет. Например, английский позитивист А. Дж. Айер, отрицая философию как науку, ограничивает ее роль изучением формальных свойств понятий и структуры языка!

Основоположники марксизма выдвинули и обосновали диалектико-материалистическое определение предмета философии. В «Анти-Дюринге» Энгельс определяет диалектику как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления. Следует заметить, что эти слова Энгельса имеют прямое отношение не только к материалистической диалектике, но и к другим составным частям марксистской философии. Давая научное определение предмета марксистской философии, Энгельс исходил из материалистического решения основного вопроса философии, что дало ему возможность преодолеть типичное для домарксистской философии метафизическое противопоставление друг другу так называемых онтологии и гносеологии, глубоко раскрыть единство законов внешнего мира и их отражение в сознании человека. По Энгельсу, марксистская философия исследует наиболее общие законы внешнего мира, которые являются первичными и определяющими по отношению к сознанию. Она также исследует их действие и в сфере мышления. Такое понимание предмета философии прямо противоположно гегелевской идеалистической диалектике, рассматривающей мышление как внутреннее содержание всякого процесса развития, оно составляет одно из основных положений революционного переворота в философии.

Однако новое качество марксистской философии, определяемое ее предметом, вовсе не означает отрицания того положительного, что содержится в домарксистской философии, прежде всего в гегелевской диалектике. Высоко оценивая наследие, оставленное гегелевской философией, Энгельс в то же время указывал, что Гегель лишь поставил, но не решил задачу — вскрыть диалектическую закономерность самой действительности.

Эта историческая задача была решена диалектическим материализмом, который в отличие от прежней философии не стоит над другими науками, не подменяет их конкретные исследования, а является научным мировоззрением.

В «Диалектике природы» и других работах Энгельс показал, что предметом отдельных естественных и социальных наук являются разнообразные формы движения материи, различные стороны общественной жизни. Но ни одна из этих наук сама по себе не может раскрыть связей различных форм движения материи или многообразных сторон общественной жизни, открыть наиболее общие законы, по которым развиваются все явления внешнего мира и сознания. Между марксистской философией и естество-

знанием существует внутренняя связь. Марксистская философия не может творчески развиваться вне связи с естествознанием. Энгельс указывал, что всякое крупное открытие в естествознании неизбежно отражается на развитии материалистической философии, ведет к изменению формы материализма, укрепляет его позиции в борьбе с идеализмом и религией. Особенно большое значение для развития материалистической диалектики имели три крупных естественнонаучных открытия середины XIX в. (клеточное строение организмов, теория Дарвина и закон сохранения и превращения энергии). Благодаря им природа предстала как связное, единое целое, в движении и развитии.

Развиваясь на основе обобщения данных естествознания, марксистская философия в свою очередь воздействует на него, вооружает научным мировоззрением, знанием общих закономерностей развития внешнего мира и мышления, материалистической теорией и диалектическим методом и выступает методологией других наук.

Маркс и Энгельс вели решительную борьбу против позитивизма и эмпиризма в науке, представлявших особо серьезную опасность в период крутой ломки естественнонаучных представлений, препятствовавших процессу замены механической картины мира диалектико-материалистической. Эмпирическое презрение к диалектике, говорил Энгельс, наказывается тем, что многие эмпирики-естествоиспытатели становятся жертвой самого дикого суеверия — спиритизма. Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, продолжает Энгельс, как бы они не игнорировали или не бранили философию, все же она над ними господствует. Поскольку естествоиспытатели без мышления не могут двигаться ни на шаг, а для мышления необходимы логические категории, то последние они некритически заимствуют из каких-нибудь «модных» философских систем. На деле получается, что те, кто больше всех ругает философию, являются, по словам Энгельса, рабами как раз вульгаризованных остатков наихудших философских учений.

Критикуя натурфилософские и позитивистские концепции, Энгельс обосновал все возрастающую роль марксистской философии, особенно в период, когда естествознание из собирающей науки превратилось в теоретическую и вступило в противоречие с метафизическим методом мышления. Он показал, что конфликт между метафизическим методом мышления и открытиями в области естествознания может быть разрешен лишь путем приобщения естествоиспытателей к диалектическому материализму.

По мнению Энгельса, возрастающее значение диалектического материализма для естествознания объясняется также изменением предмета философии, от которой в ходе исторического развития постепенно отпочковывались различные науки. Этот прогрессивный процесс, берущий свое начало у греков александрийского периода и продолжающийся в настоящее время, приводит к возникновению новых научных дисциплин, могущих уяснить свое

место в общей системе знаний о природе только при помощи диалектического материализма.

Энгельс доказывает, что диалектический материализм имеет большое значение и для социальных наук, для революционного преобразования действительности, он является мировоззрением коммунистических партий, составляет теоретический фундамент революционной политики, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата.

Мировоззренческий характер марксистской философии наиболее полно проявляется в учении о материи и формах ее существования.

Вопрос о понимании материи является необходимым пунктом философии, противополагающим друг другу материалистическое и идеалистическое направления, борьба между которыми происходит со времени их возникновения.

Подвергая резкой критике обывательские, филистерские представления о материализме и идеализме, Энгельс обосновывает основной вопрос всякой философии: вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе. Он показывает, что этот вопрос резко разделяет всех философов на два больших лагеря сообразно тому, что они признают первичным — материю или сознание. Те философы, которые признают первичным материю, составляют материалистический лагерь; те философы, которые признают первичным сознание, составляют идеалистический лагерь.

Постановка и решение Энгельсом основного вопроса философии имеет большое методологическое и теоретическое значение для научного освещения истории философии как истории борьбы материализма и идеализма, отражающей тенденции и борьбу общественных групп, классов. То или иное решение основного вопроса философии дает возможность определить принадлежность любого философа к одному из борющихся направлений, разоблачить реакционный характер современных идеалистических систем.

Взгляды Энгельса об основном вопросе философии, подтвержденные последующим развитием науки и практики, всячески искажаются современными буржуазными философами и ревизионистами. Одни из них, например З. А. Иордан, представляют дело так, будто Маркс, в отличие от Энгельса, определяя природу в социально-культурных терминах, не мог видеть в физической реальности абсолютно первичный фактор [1].

Другие критики марксизма в духе позитивизма вообще оспаривают правомерность деления философов на два лагеря, считают всякое решение основного вопроса философии метафизикой.

Попытки уйти от решения основного вопроса философии всегда критиковались классиками марксизма. Об этом, например, свидетельствует идейная борьба Энгельса против Дюринга, пытавшегося рассуждать о единстве мира вне связи с материалистическим реше-

[1] См.: Jordan Z. The evolution of dialectical Materialism. A Philosophical and Sociological Analysis. London, 1967, p. 55.

нием основного вопроса философии, что привело его к путанице и идеализму. Дюринг считал, что единство мира состоит в понятии бытия, поскольку мы, по его мнению, словно рамой, охватываем все нашей единой мыслью, в мышлении объединяем элементы сознания в единство, мыслим мир единым, постольку он таковым и является.

Критикуя Дюринга, Энгельс указывает на ряд его ошибок в понимании единства мира. Прежде всего он замечает, что мышление состоит не только в объединении, в синтезе, но и в разъединении, в анализе. Кроме того, мышление может объединять элементы сознания в единство лишь в том случае, если в их реальных прообразах это единство уже до этого существовало. Если мы, иронизирует Энгельс, зачислим сапожную щетку в класс млекопитающих, то от этого у нее не вырастут молочные железы. Когда мы говорим о бытии, продолжает Энгельс, то единство предметов может заключаться лишь в том, что все они существуют. Но как только мы удалимся от этого, пойдем по пути дальнейшего рассмотрения предметов, то мы обнаружим их различия. «Действительное единство мира,— пишет Энгельс,— состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» [1].

Решающее значение для правильного философского обоснования единства мира имеет выдвинутое и обоснованное классиками марксизма понятие материи.

Марксизм-ленинизм рассматривает понятие материи как результат строго научного, материалистического решения основного вопроса философии, его конкретизации и дальнейшего развития.

В марксистской литературе вопрос о материи был выдвинут и обоснован еще в 40-х годах. По словам Маркса, материя является субъектом всех изменений [2].

Это материалистическое положение получило дальнейшее развитие в трудах Энгельса, написанных после Парижской Коммуны. Критикуя идеалистов, в том числе и агностиков, Энгельс дает общее философское понятие материи, разрабатывает положение о ее строении и формах существования. Энгельс рассматривает материю как философскую категорию, охватывающую все качественное многообразие реально существующих предметов и процессов. По его словам, понятие «материя» есть сокращение, в котором мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество чувственно воспринимаемых вещей [3].

Эти мысли Энгельса составляют основу научного определения материи, данного Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Прежде всего они указывают на объективное существование «чувственно-воспринимаемых вещей», на объективное содержание

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 43.
[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 143.
[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 550.

понятия материи, превосходящего по своему объему всякое другое понятие естественной или социальной науки.

Хотя в естествознании, в исторической науке и т. д. тоже имеются общие понятия, охватывающие широкий круг сходных явлений, таких, например, как «металл», «металлоид», «органический мир», «флора», «фауна», «общество», но все они являются более узкими по объему в сравнении с философской категорией материи.

По определению Энгельса, понятие материи охватывает не только всю совокупность вещей, но и другие материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом. Говоря о материи, Энгельс имел в виду различные виды и формы ее существования.

Критикуя представителей ошибочных взглядов о единообразной однокачественной материи, существующей помимо конкретных предметов, Энгельс указывал, что они поступают таким же образом, как если бы вместо вишен, груш, яблок желали видеть плод как таковой, вместо кошек, собак, овец — млекопитающее как таковое, газ как таковой, металл как таковой, камень как таковой и т. д.

Энгельс показывает, что научное понятие материи отражает объективное существование внешнего мира, его материальное единство.

Говоря о противоположности материи и сознания в рамках основного вопроса философии, Энгельс в то же время видел между ними внутреннюю связь, резко критиковал христианскую догму об абсолютной противоположности души и тела и дуалистическое представление о параллельном и независимом существовании материальной и духовной субстанций.

В противоположность религии и дуализму Энгельс раскрыл материальную основу сознания, определил мысль как функцию мозга, указал на соответствие между развитием сознания и совершенствованием всех органов чувств в их совокупности.

Разрабатывая и обосновывая марксистское философское понятие материи, Энгельс опирался на достижения естественных наук середины XIX в., на учение о строении тел природы. Ссылаясь на атомно-молекулярную теорию, Энгельс указывает, что материя расчленена на ряд хорошо отграниченных групп с относительно различными размерами масс, такими, как звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы, атомы, которые находятся со стороны своей массы в определенных, конечных отношениях друг к другу, а к членам ближайших к ним групп относятся как к бесконечно большим или бесконечно малым величинам в смысле математики. Энгельс последовательно опровергал метафизические представления о «последних» и «неизменных» «кирпичиках» мироздания, рассматривая атом как сложное материальное образование. Но атомы, как отмечал Энгельс, не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества, не говоря уже о

самой химии, которая все больше и больше склоняется к мнению, что атомы обладают сложным составом.

По вопросу о материи Энгельс критиковал не только идеалистов, но и метафизиков, в том числе и сторонников тепловой смерти Вселенной, отрицавших движение как внутреннее состояние природы, внешнего мира.

Энгельс подверг резкой критике Дюринга за выдуманное им первоначальное состояние мира, равное самому себе, в котором не происходит абсолютно никакого изменения. Концепция Дюринга в своей основе была метафизической, она неизбежно подводила к выводу о первом толчке. Но идея о первом толчке означает только другое выражение для обозначения бога, она является составной частью религиозной идеологии.

Энгельс показывает, что одной из причин ошибок Дюринга являлось сведение им движения к механической силе, что не давало возможности понять действительную связь между материей и движением.

Энгельс проводил существенное различие между понятиями «сила» и «энергия», считал не силу, а энергию мерой движения. По его мнению, представление о силе заимствовано из проявлений деятельности человеческого организма по отношению к окружающей его среде. Не зная действительных причин изменения, вызванного какой-нибудь функцией нашего организма, люди подсовывали фиктивную причину, так называемую силу, соответствующую этому изменению, говорили о прыгательной силе ног, о пищеварительной силе желудка, об ощущающей силе нервов и т. п. Затем это представление переносилось и на внешний мир, сочинялось столько же сил, сколько существует различных явлений, были выдуманы такие силы, как тепловая, контактная, жизненная и др.

Энгельс указывал, что представление о силах свидетельствует о недостаточности нашего знания, предполагает мысль о вложении движения в тело или организм извне, т. е. мысль о том, что только одна часть активная, а другая пассивная, тогда как все процессы двусторонние. Сила преломления света, поясняет Энгельс, заключается столько же в самом свете, сколько в прозрачных телах.

Энгельс подверг критике и сторонников теории тепловой смерти Вселенной, тоже отрывавших движение от материи. Исходя из физического принципа, согласно которому всякое нагретое тело отдает свое тепло среде с меньшей температурой, остывает, они неправомерно распространили его на всю Вселенную и пришли к ошибочному выводу, что в космосе происходит только рассеивание энергии: раскаленные тела передают свое тепло в космическое пространство, вследствие чего наступит тепловая смерть Вселенной, прекратится всякое движение.

Энгельс показал, что Клаузиус и другие сторонники теории тепловой смерти Вселенной объективно пришли к защите идеи о пер-

вом толчке, о сотворимости и уничтожении материи и движения, отрицанию их вечности и нераздельности.

Хотя теория о «промысле божием» уже давно разоблачена Марксом и Энгельсом, но она окончательно не похоронена, защищается современными идеалистами, особенно неотомистами. Например, Г. А. Веттер считает, что диалектический материализм не приводит никаких убедительных доказательств в пользу вечности материи и ее неразрывности с движением. Более того, он противопоставляет положение о вечности материи «тезису» о неотделимости движения от материи, пытаясь защитить идею первотворца мира как основу идеалистической философии. По мнению Веттера, отрицание диалектическим материализмом идеалистического признания превращения массы в энергию якобы расходится с данными естествознания.

В действительности марксистская философия по всем вопросам опирается на достижения естествознания, она не оставляет места для творца, изгоняет из природы выдуманные таинственные силы, рассматривает ее как действительную причину самое себя, ее вечного существования, движения и развития.

Энгельс рассматривал движение в широком смысле слова как изменение вообще, которое обнимает собой все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. *«Движение,* — говорит Энгельс,— *есть способ существования материи.* Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения» [1].

Неотделимость движения от материи Энгельс доказывал исходя из признания существования универсального взаимодействия тел, предметов во Вселенной. По его словам, в том обстоятельстве, что материальные тела находятся во взаимной связи, уже заключено воздействие их друг на друга. Это взаимное воздействие и есть движение. Здесь обнаруживается, что материя немыслима без движения.

И поскольку материя вечна, то отсюда следует, что и движение вечно, оно так же несотворимо и неуничтожимо.

Научное подтверждение положения о вечности движения, о его внутренней связи с материей Энгельс видел и в законе сохранения и превращения энергии. Этот абсолютный закон природы, опровергающий идеалистические и метафизические представления о первом толчке, позволяет понять причины существования многообразных форм движения материи и их превращаемость друг в друга.

В процессе критики механистического материализма Энгельс выдвинул и разработал положение об основных формах движения материи — механической, физической, химической, биологической и общественной, об их особенностях, связях и взаимных переходах. Он показал, что каждая из этих форм движения связана с определенными видами материи: механическая — с небесными и земны-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 59.

ми телами, физическая — с атомами, химическая — с молекулами и т. д.

Современное естествознание подтвердило выводы Энгельса. Теперь известно, что пространственные перемещения свойственны и микроскопическим, или элементарным, частицам. Расширились и углубились также представления о физической форме движения материи, которая охватывает тепловые, электрические, гравитационные, внутриатомные, внутриядерные и многие другие процессы.

Энгельс считал первой и наиболее простой формой движения материи механическое перемещение тел в пространстве. Чем выше или сложнее форма движения материи, тем незначительнее становится это перемещение. Механическое перемещение никоим образом не исчерпывает природы соответствующего вида движения, но оно неотделимо от него.

По словам Энгельса, при изучении природы движения должно исходить из простейших форм, необходимо научиться понимать их прежде, чем могут быть объяснены высшие и более сложные формы движения материи.

Разрабатывая вопрос об основных формах движения материи, Энгельс раскрывает их специфические особенности и резко критикует укоренившуюся в философии и естествознании традицию сводить более сложные явления природы и общественной жизни к механической форме движения материи. Он показал, что простая, низшая форма движения материи, присущая более высокой, не объясняет природу последней, не исчерпывает ее существа. «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» [1]. Предостерегая против механического отождествления низших и высших форм движения материи, Энгельс не упускал из виду их внутренние связи и взаимопереходы.

С открытием закона сохранения и превращения энергии было доказано, что разнообразные формы движения материи переходят друг в друга. Например, механическое движение массы порождает теплоту и электричество, а теплота и электричество переходят в химическое разложение и соединение, которые опять порождают теплоту и электричество, и т. д. Причем во всех этих процессах, во взаимных переходах определенному количеству движения в одной форме движения материи всегда соответствует точно определенное количество движения другой формы. Закон сохранения и превращения энергии говорит о том, что неуничтожимость движения следует понимать не только в количественном, но и в качественном смысле. Энгельс писал: «...движение материи — это не одно только грубое механическое движение, не одно только перемещение; это — теплота и свет, электрическое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и, наконец, сознание. Говорить, будто материя за все время своего бесконечного существова-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 563.

ния имела только один-единственный раз — и то на одно лишь мгновение по сравнению с вечностью ее существования — возможность дифференцировать свое движение и тем самым развернуть все богатство этого движения и что до этого и после этого она навеки ограничена одним простым перемещением,— говорить это значит утверждать, что материя смертна и движение преходяще»[1].

Многообразие форм движения материи и их превращаемость друг в друга есть проявление одного и того же универсального движения, является по своей природе бесконечным и абсолютным. Энгельс показал, что движение всеобще, универсально, вечно и абсолютно, а покой относителен, временен, есть лишь состояние движения. Относительность покоя и равновесия состоит в том, что они неотделимы от движения, являются частным случаем, временным состоянием движения. Когда мы говорим, что какое-либо тело находится в покое и равновесии, мы имеем в виду его определенное отношение к другим объектам или отдельному виду движения. Так, мы рассматриваем разнообразные виды домашней мебели как покоящиеся относительно пола комнаты и только в отношении к механическому движению, перемещению в пространстве. Но относительный покой тел, говорил Энгельс, нисколько не мешает им принимать участие в движении Земли и всей солнечной системы, а также не мешает их мельчайшим физическим частицам совершать обусловленные температурой колебания, атомам вещества совершать известный химический процесс. Если движение отдельных тел представляет собой стремление к установлению относительного покоя, то совокупное движение постоянно нарушает его.

По определению Энгельса, покой, равновесие есть важнейшие условия существования качественного многообразия тел и процессов жизни на земле. «Возможность относительного покоя тел,— писал Энгельс,— возможность временных состояний равновесия является существенным условием дифференциации материи и тем самым существенным условием жизни»[2]. Энгельс рассматривал движение и покой как противоречивое единство, ведущей стороной которого является движение, существующее, как и материя, во времени и пространстве.

По вопросу о времени и пространстве Энгельс вел борьбу против идеалистов, отрицающих их объективное существование, и против метафизиков, не понимающих их связи друг с другом и с движущейся материей.

Идеалистическое понимание пространства и времени, которое более всего критиковал Энгельс, мы находим в философии Канта и Гегеля. По мнению Гегеля, время и пространство порождены абсолютной идеей в определенной последовательности, при которой сначала возникает пространство, а затем время. Кант рассматривал время и пространство как априорные формы чувственности, созерцания, оторванные от предметов объективного мира.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 360.
[2] Там же, стр. 561.

Критика Энгельсом идеалистических представлений о пространстве и времени, в частности представлений Дюринга, искажена буржуазными философами. Так, американский прагматист Сидней Хук в работе «Диалектический материализм и научный метод» заявляет, что по вопросу о природе пространства и времени Дюринг занимал более правильную позицию, чем Энгельс, что Дюринг предвидел развитие, изменение пространства, в то время как Энгельс соглашался с теорией Ньютона абсолютного пространства и времени. Защищая Дюринга против Энгельса, Хук ссылается и на Маха, который в своей работе «Наука механики» признает заслуги Дюринга [1].

Энгельс критиковал Дюринга за отрицание им бесконечности мира во времени и безграничности его в пространстве. Опираясь в своих философских рассуждениях на математическое представление о бесконечном ряде, Дюринг применил его к понятиям времени и пространства, оторвал их друг от друга и от самого мира. Однако, если мы представляем себе время, говорил Энгельс, как ряд, начинающийся с единицы, или как линию, выходящую из определенной точки, то мы тем самым уже говорим, что время имеет начало и может быть отсчитано. По Дюрингу выходило, что был период, когда не было никакого времени, хотя уже существовал мир.

Энгельс же говорит о вечности времени, которое не имеет предела ни в какую сторону, ни назад, ни вперед, оно бесконечно и безгранично, вечно течет в одном направлении, от прошлого к настоящему и будущему, так как время есть лишь определенный порядок изменения развития самой материи.

Энгельс показывает неприменимость понятия ряда к пространству. Бесконечный ряд в применении к пространству, продолжает Энгельс,— это линия, которая из определенной точки в определенном направлении проводится в бесконечность. Но такая линия ни в какой мере не выражает понятия бесконечности пространства, так как требуется в данном случае не меньше шести линий, проведенных из одной точки в прямо противоположных направлениях, чтобы дать представление о трех измерениях бесконечного и безграничного пространства, не имеющего конца ни в какую сторону, ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево. Энгельс указал на логическую противоречивость отрицания Дюрингом положения о бесконечности мира во времени и безграничности его в пространстве, являющегося результатом метафизического противопоставления бесконечного конечному, безграничного ограниченному. Дюрингу, говорил Энгельс, не удастся представить себе действительную бесконечность, лишенную противоречий. Противоречием является уже то, что бесконечность слагается из одних только конечных величин, представляет собой без конца развертывающийся во времени и пространстве процесс. Уничтожение этого противоречия было бы концом бесконечности.

---

[1] См.: Hook Sydney. Dialectical Materialism and Scientific Method. Manchester, 1955, p. 25.

Выступая против эмпирического противопоставления конечных пространственно-временных величин бесконечному времени и пространству, Энгельс раскрывает их внутреннюю связь, а также их связь с материей. Он показал, что время и пространство вне своего конкретного содержания суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове. Энгельс отвергал и критиковал представление Ньютона о пространстве как огромном вместилище вещей, означающее отрицание их взаимной связи, хотя и ценил его за признание объективности пространства и времени. В отличие от Ньютона Энгельс считал, что пространство и время основные формы всякого бытия, что бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как и бытие вне пространства [1].

Эти положения Энгельса получили всестороннее подтверждение и развитие в неэвклидовой геометрии и теории относительности.

Таким образом, Энгельс в процессе критики идеализма и агностицизма разработал основы научного понимания материи, определил движение как изменение вообще, как неотделимое свойство материи, доказал, что пространство и время имеют объективный характер, являются основными формами всякого бытия.

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. КРИТИКА МЕТАФИЗИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Вопрос о материалистической диалектике, ее системе и социальной значимости всегда стоял в центре внимания Маркса и Энгельса.

Особенно обстоятельно этот вопрос был разработан в трудах Энгельса, написанных после Парижской Коммуны, в которых глубоко и всесторонне обобщен естественнонаучный материал, подтверждающий диалектический характер процесса развития природы.

Энгельс рассматривал диалектику как единственно научный метод в философии, прямо противоположный метафизике. В «Диалектике природы» он охарактеризовал эти два метода как два философских направления: метафизическое — с неподвижными категориями и диалектическое — с текучими.

Вскрывая социальные и естественнонаучные причины возникновения ограниченного метафизического способа мышления, Энгельс отметил, что в свое время он имел историческое оправдание, соответствовал сравнительно низкому уровню естествознания, а затем, когда оно из описательной науки превратилось в теоретическую, стал тормозом его развития. Метафизический метод мышления начал складываться в период возникновения капиталистического способа производства, вызвавшего потребность в развитии опытных естественных наук, которые изучали природу по частям, разделяли ее процессы и предметы на классы, исследовали строение органических тел по их многообразным анатомическим формам.

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 51.

Энгельс сравнивает метафизический метод мышления со здравым смыслом, являющимся, по его словам, весьма почтенным спутником в четырех стенах своего домашнего обихода, но испытывающего весьма удивительные приключения, как только он отважится выйти на широкий путь исследования.

Давая общую оценку метафизическому образу мышления, Энгельс писал, что он «хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса»[1]. Метафизика XVII и XVIII вв., указывал Энгельс, вступившая в противоречие с дальнейшим развитием естествознания, закрывшая себе путь от понимания единичного к постижению целого, взаимной связи вещей, их движения и развития, должна уступить место материалистической диалектике.

Для того чтобы облегчить представителям теоретического естествознания переход от метафизического способа мышления к диалектическому, Энгельс рекомендовал им ближе познакомиться с двумя историческими формами диалектической философии, с греческой и гегелевской диалектикой.

Высоко оценивая домарксистскую диалектику, противопоставляя ее метафизике, Энгельс в то же время отметил ее серьезную историческую ограниченность. Например, он указывал, что греческая философия, превосходя метафизику XVII и XVIII вв. в целом, уступала ей в подробностях, являлась наивной, не опиралась на опытный, естественнонаучный материал. Гегелевская диалектика, провозгласив диалектические принципы, выводила их не из внешнего мира, а из абсолютной идеи, ограничивала их духом, не распространяла на природу.

Только материалистическая диалектика является строго научной и революционной, представляет собой мощное идейное оружие в борьбе против метафизики и ее всевозможных защитников.

Энгельс резко критикует противников материалистической диалектики, в числе которых особенно выделялся Дюринг.

Энгельс указывал, что одно слово «диалектика» приводило Дюринга в состояние невменяемости. Извращая диалектику, Дюринг сводил ее к чисто субъективной игре понятиями, считал каким-то инструментом простого доказательства. По справедливому замечанию Энгельса, презрение к диалектике не остается безнаказанным. Неправильное мышление приводит к результатам, которые прямо противоположны его исходному пункту. Энгельс показал, что эмпиризм как метод исследования приводил многих естествоиспытателей к мистике и спиритизму.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 21.

Энгельс определяет два вида диалектики, говорит об объективной и субъективной диалектике, об их различии и единстве.

Под объективной диалектикой Энгельс понимал диалектический характер развития самой действительности, природы и общественной жизни. Опираясь на достижения естествознания, Энгельс всесторонне и убедительно доказал выдвинутое им положение о том, что природа есть пробный камень диалектики. Он говорил, что законам диалектики подчиняется и развитие общества, человеческая история.

Субъективная диалектика, по словам Энгельса, есть диалектическое мышление, правильно отражающее объективную диалектику.

Объективная диалектика стихийно господствует в природе, а субъективная сознательно применяется для познания и изменения действительности в интересах передового класса.

Выдвинув и обосновав положение о соотношении объективной и субъективной диалектики, Энгельс затем конкретизировал, развил учение о системе материалистической диалектики, ее законах и категориях.

В системе материалистической диалектики Маркс и Энгельс всегда выдвигали на первое место ее законы, всесторонне доказывая их объективный и всеобщий характер. В «Капитале», «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» дана глубокая характеристика наиболее общих законов развития природы, общества и мышления — единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания.

Отрицание буржуазными философами объективных противоречий, как показал Энгельс, основано на метафизически понятом законе тождества — законе формальной логики, который гласит: $a = a$ и в отрицательной форме: a не может в одно и то же время быть равно и не равно a.

Энгельс считал, что понятие об абстрактном тождестве годится лишь для домашнего обихода с его небольшими масштабами, короткими промежутками времени, но не для научного исследования развивающегося мира, ибо рассматривает его постоянным и неизменным.

Критикуя Дюринга и метафизически мысливших естествоиспытателей, Энгельс защищает и развивает основные положения закона единства и борьбы противоположностей, которые были выдвинуты и обоснованы Марксом еще в 40-е годы и особенно обстоятельно были разработаны в «Капитале».

Обобщая опыт классовой борьбы и естественнонаучные открытия XIX в., Энгельс разработал вопросы о соотношении тождества и различия, движения и противоречия, о всеобщем характере противоречий и их конкретно-историческом выражении в различных областях внешнего мира.

Энгельс признает конкретное тождество, включающее в себя различие. Уже в неорганической природе, говорит Энгельс, каждое тело непрерывно подвержено механическим, физическим, химиче-

ским воздействиям, которые все время производят в нем изменения. Поэтому нельзя метафизически противопоставлять тождество различию, считать их односторонними полюсами, поскольку они связаны и взаимодействуют друг с другом.

Диалектический материализм рассматривает различие как начальную форму противоречия, которое присуще всем состояниям материи и всесторонне проявляется в ее движении.

Критикуя Дюринга, отрицавшего противоречия в природе, Энгельс выдвинул и обосновал диалектико-материалистическое положение о связи противоречий с движением тел. Он показал, что пока мы рассматриваем вещи не в связи друг с другом, в неподвижном состоянии, мы не наталкиваемся ни на какие противоречия в них, «но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия. Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение»[1]. Если уже простое механическое перемещение, продолжает Энгельс, содержит в себе противоречие, то тем более содержат его высшие формы движения материи, а в особенности органическая жизнь и ее развитие. Энгельс указывает на живой организм как пример противоречия, так как в каждый момент он является тем же самым и все-таки иным, отличается от самого себя благодаря обмену веществ, процессам ассимиляции и диссимиляции, усвоению и выделению веществ, образованию и отмиранию клеток. В зависимости от преобладания одного из противоположных полюсов живой организм или развивается, растет, или разрушается.

Маркс и Энгельс прослеживали противоречия и в общественной жизни, особенно в развитии капиталистического общества. Они видели основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, которое проявляется как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе, выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией.

Раскрывая всеобщий характер противоречий, Энгельс показывает, что они свойственны как вещам, так и мыслям. По его определению, любое суждение, зафиксированное в предложении, выражает различие в тождестве, ибо в нем сказуемое по необходимости отлично от подлежащего, например, «лилия есть растение», «роза красна» и т. д. Энгельс считал противоречие наиболее существенной чертой мышления, так как оно отражает противоречия

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 123.

самой действительности, действие закона единства и борьбы противоположностей.

Показывая объективный и всеобщий характер противоречий, Энгельс не отождествляет их с внешними противоположностями, а раскрывает их внутреннюю связь и единство. Он отрицал метафизическую концепцию о внешнем антагонизме сил, действующих друг против друга в противоположных направлениях, и доказал, что эта теория искажает действительность, отрицает объективные внутренние противоречия, их связь и единство.

В противоположность Дюрингу, признавая объективные внутренние противоречия вещей и явлений, Энгельс, как и Маркс, рассматривает их в связи и взаимообусловленности. По словам Энгельса, одна сторона противоречия немыслима без другой[1]. Например, разделение, распилка магнита не может дать в одной части только плюс, а в другой части — минус. Это значит, продолжает Энгельс, что в магните положительное и отрицательное имеют смысл только в своем взаимоотношении, а не каждое само по себе.

Создатели философии марксизма борьбу противоположностей рассматривали как источник движения и развития объективного мира. Согласно диалектической точке зрения, противоположности не только взаимно проникают, но и исключают друг друга, борются друг с другом. Без взаимного проникновения противоположностей не может быть и борьбы между ними. Движение и развитие происходят путем взаимоотношения противоположностей, «которые и обусловливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга, resp. в более высокие формы»[2]. Это положение марксизма отрицается буржуазными философами с целью оправдания религии, веры в бога. Например, неотомисты решительно выступают против диалектического принципа, по которому материя движется в силу присущих ей внутренних противоречий, борющихся друг с другом. Они считают, что активность принадлежит не самой материи, а форме, которая в конечном счете представляет собой духовную сущность бога.

Таким образом, в трудах Энгельса содержится конкретизация и развитие закона единства и борьбы противоположностей, впервые высказана мысль о его связи с другими законами материалистической диалектики.

Мысль Энгельса, что борьба противоположностей обусловливает развитие природы, возникновение ее более высоких форм, дает нам ключ для более глубокого понимания объективного источника развития и механизма действия закона перехода количественных изменений в качественные.

При этом Энгельс выдвигает и обосновывает ряд новых положений о категориях качества и количества, меры, о форме скачков.

Важнейшим новым положением, обоснованным Энгельсом, является характеристика им качественной определенности тел, предметов, явлений, так как существуют не качества, а только вещи,

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 70.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 526.

обладающие качествами, и притом бесконечно многими. Критикуя механицизм и субъективизм в понимании качества, Маркс и Энгельс раскрывают внутреннюю связь между качествами вещей и движением материи, определяют качественное многообразие внешнего мира как проявление многообразных форм его движения. Указывая, что без качества не может быть количества, Энгельс говорит, что в категории «количество» отражается число и величина свойств, протяженность, объем, скорость движения, интенсивность цвета и т. д.

Указывая на различие качественной и количественной определенности вещей, Энгельс, однако, не противопоставляет их друг другу, раскрывает их единство, называемое мерой. Мера — объективная характеристика вещей. Ее нарушение количественными изменениями приводит к качественным превращениям вещи.

Обосновывая и развивая материалистическую диалектику, Энгельс сформулировал новое положение о том, что все качественные различия в природе основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения, либо на том и другом.

Это положение показывает закономерный характер перехода количественных изменений в качественные, оно подтверждается развитием естествознания, особенно химии.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» для иллюстрации перехода количества в качество и обратно использовал явление гомологии. Он показал, что в любом гомологическом ряду каждый новый член образуется прибавлением CH_2, т. е. одного атома углерода и двух атомов водорода, и что это количественное изменение вызывает каждый раз образование качественно иного тела.

Анализируя многочисленные переходы количественных изменений в качественные, Энгельс указывал на их скачкообразный характер. Он писал, что при всей постепенности переход от одной формы движений к другой всегда остается скачком, решающим поворотом. Таков, например, переход от небесных и земных масс к молекулам, а от последних к атомам. Энгельс считает, что наличие промежуточных ступеней между этими группами материальных объектов (астероиды, метеориты, клетки в органическом мире) доказывает, что в природе нет скачков именно потому, что она слагается сплошь из скачков.

Признавая скачки неотделимыми от материи, Энгельс различал их по форме, определяемой условиями существования и свойствами материальных объектов. При обосновании этого нового положения он опирался прежде всего на достижения физики и биологии. В частности, на примере превращения механического движения в теплоту Энгельс показал, что этот процесс может осуществляться двояко: при трении предметов — постепенно, при ударе — мгновенно.

Энгельс определяет трение предметов как ряд маленьких ударов, рассредоточенных во времени, а удар — как мгновенное сконцентрированное в одном месте трение.

Зависимость форм скачков от самих объектов и условий их существования раскрыта Энгельсом и на примере развития жизни белковых тел. По его словам, скачки в сфере органической жизни происходят в весьма запутанных условиях, затрудняющих количественное измерение, становятся все более редкими и незаметными. Формулируя эту новую мысль, Энгельс имел в виду не ограничение скачков в сфере органической жизни, а их своеобразное постепенное, как бы «незаметное» осуществление.

Классики марксизма писали также о многообразии скачков в общественной жизни, проявляющихся в революциях, в революционном творчестве масс. Энгельс определил социалистическую революцию как скачок человечества из царства необходимости в царство свободы, который во всех странах не может осуществляться одинаковыми средствами. В речи, произнесенной в 1872 г. на митинге в Амстердаме, Маркс выдвинул положение о возможности применения в революции не только насильственных, но и мирных средств, которые определяются расстановкой классовых сил внутри страны и на международной арене.

Основоположники марксизма рассматривали качественные изменения как диалектическое отрицание одних качеств и утверждение других, происходящее закономерно. Они показали, что в природе, обществе и сфере мышления действует чрезвычайно общий закон отрицания отрицания, раскрывающий общее направление развития материального мира.

Против этого закона особенно ожесточенно «воевал» Дюринг, отождествляя его с триадами Гегеля. Дюринг считал, что закон отрицания отрицания не имеет никакого отношения к действительности, он заимствован Гегелем из религиозного катехизиса и некритически применен в «Капитале» Маркса, в частности в анализе первоначального капиталистического накопления. По его мнению, в главном экономическом труде Маркса доказательство неизбежности гибели капитализма и победы социализма основывается исключительно на последнем члене гегелевской триады, не опирается на исторические факты, имеет субъективистский характер.

В современных условиях метафизическую позицию Дюринга пытается защитить Сидней Хук в работе «Диалектический материализм и научный метод», в которой отрицается объективный и универсальный характер закона отрицания отрицания, искажаются приведенные Энгельсом доказательства, в том числе примеры, взятые из различных областей науки и практики.

В 1847 г. Маркс в статье «Морализующая критика и критизирующая мораль» сформулировал положение о том, что отрицание имеет всеобщий характер, является составной частью развития самой действительности. Он писал, что «ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 297.

В «Капитале» Маркс раскрыл сущность закона отрицания отрицания, особенности его действия в конкретно-исторических условиях возникновения и развития капиталистической формации.

В трудах Энгельса, написанных после Парижской Коммуны, марксистское понятие отрицания отрицания конкретизируется и развивается дальше. В них значительное место отведено критике метафизического понимания отрицания, разработке и обоснованию вопроса о прогрессивном характере и спиралевидной форме развития в природе, обществе и мышлении.

Метафизике, как показывает Энгельс, свойственно «голое» отрицание — уничтожение, исчезновение вещей и процессов, исключающее их действительное развитие, превращение в другие вещи и процессы, например, для метафизики отрицание зерна означает его размалывание, разваривание и т. д.

«В диалектике,— говорит Энгельс,— отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или разрушить ее любым способом» [1]. Диалектическое отрицание в развитии вещей есть не только преодоление отжившей ступени, стадии цикла, оно также есть момент связи нового со старым. Основоположники марксизма доказали, что всякая новая форма развития полностью не отбрасывает старое, берет из него некоторые стороны и элементы, преобразует их, включает в собственное развитие, поднимает на новую ступень. Вследствие этого образуется преемственность, происходит прогрессивное историческое развитие в виде «спирали».

Основоположники марксизма доказали, что не только живая природа, но и общественная жизнь развивается по спирали, от низшего к высшему, путем отрицания отрицания. Маркс в процессе анализа первоначального капиталистического накопления показал, как в свое время в Англии была уничтожена индивидуальная собственность крестьян и ремесленников, основанная на их личном труде, и утвердилась частная капиталистическая собственность. Прослеживая развитие частной капиталистической собственности, он пришел к выводу о неизбежности ее смены общественной собственностью. Это есть отрицание отрицания, утверждающее, по словам Маркса, снова индивидуальную собственность, но «на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [2]. Конкретизируя это положение, Энгельс разъяснил, что общественная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная — на остальные продукты, т. е. предметы потребления.

Энгельс показал, что спиралевидное развитие проявляется и в более широких исторических рамках, охватывающих всю историю человечества. Так, в свое время существовала общественная собственность на землю, которая определялась низким уровнем развития производительных сил. В процессе развития первобытная общественная собственность уничтожается, подвергается отрицанию

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 145.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 773.

частной собственностью, существовавшей в различных формах многие тысячелетия и превратившейся в оковы производства. Уничтожение противоречия общественного характера производства и частной формы присвоения ведет к утверждению высшей формы общественной собственности, открывающей неограниченные возможности для развития производительных сил, для рационального использования открытий и технических изобретений.

Энгельс считал, что спиралевидная форма свойственна также развитию идеологии, в том числе философии. Например, развитие философии характеризуется сменой древнегреческой наивной диалектики метафизикой, которая в свою очередь отрицается марксистской философией, представляющей собой высшую форму диалектического мышления.

Основоположники марксизма указывали, что различное проявление закона отрицания отрицания обусловливается самими объектами и конкретными условиями, в которых они существуют и развиваются. Энгельс многократно подчеркивал, что общее направление всякого процесса видоизменяется в зависимости от ряда причин, прежде всего от способа существования самого объекта. «Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует, следовательно, свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие. В исчислении бесконечно малых отрицание происходит иначе, чем при получении положительных степеней из отрицательных корней. Этому приходится учиться, как и всему прочему. С одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватываются понятием «отрицание отрицания», я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать, точно так же, как знание одних только законов зависимости тонов от размеров струн не дает еще мне умения играть на скрипке» [1].

Таким образом, после Парижской Коммуны, в трудах Маркса и Энгельса материалистическая диалектика получила дальнейшее развитие, она разрабатывается как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, которые выражаются во взаимосвязи философских категорий движения, противоречия, количества, качества, меры, отрицания и др.

Маркс и Энгельс раскрыли внутреннюю связь между познанием законов и категорий материалистической диалектики. Они показали, что изучение философии и познание законов развития действительности предполагает знакомство с основными логическими категориями. Энгельс писал, что исследование форм мышления, например логических категорий,— очень благодарная и необходимая задача, которая в домарксистской философии систематически решалась только двумя философами — Аристотелем и Гегелем. Однако эти домарксовские философы не смогли правильно решить вопрос о содержании логических категорий. Например, у Гегеля категории принимают таинственный и мистический вид, выступают

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 146.

в виде «самостоятельных сущностей», а диалектика реального мира — как их простой отблеск. В действительности же они — только отражение форм движения природы, истории в сознании познающего мир человека. Энгельс критиковал также и метафизическое понимание категорий как абсолютных, неизменных результатов познания, которого придерживались буржуазные философы и естествоиспытатели.

Несостоятельность идеалистического и метафизического понимания категорий стала особенно очевидной в свете достижений естествознания, раскрывших качественное своеобразие сил природы, их взаимодействие и взаимное превращение. По определению Энгельса, естественнонаучные открытия показали ограниченность старого, метафизического понимания. Значение таких категорий, как «положительное и отрицательное», «часть и целое», «простое и составное», их неприменимость к явлениям органической жизни потребовали гибкости понятий, которые бы отразили сложнейшие закономерные процессы, происходящие в природе.

Энгельс считал, что в диалектико-материалистическом понимании категории представляют собой сокращенное выражение, отражение в понятиях наиболее существенных сторон и свойств развивающейся материи. Это положение он обосновывает в процессе анализа содержания так называемых «парных», или релятивных, категорий, их связи и взаимопереходов. Основоположники марксистской философии применяли «парные» категории для раскрытия диалектических процессов, происходящих в самой действительности, в природе и истории. Например, Маркс в «Капитале» применяет категории общего, особенного и единичного, сущности и явления, формы и содержания, логического и исторического, анализа и синтеза, индукции и дедукции и др.

Обобщая социальный опыт и естественнонаучные открытия, Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» развивает дальше марксистское учение о категориях, уделяя наибольшее внимание рассмотрению таких общих философских понятий, как причина и следствие, необходимость и случайность, необходимость и свобода и др.

В трудах Энгельса значительное место отведено прежде всего критике идеалистического и метафизического понимания причинности, которое защищалось Юмом и другими идеалистами. По Юму, причинность — не объективная зависимость между явлениями, из которых одно порождает другое, а лишь последовательность, привычная связь восприятий.

Идеалистическое истолкование причинности особенно распространено в современной буржуазной философии и социологии. Например, современные позитивисты считают, что нет объективной причинности, а есть лишь последовательность ощущений.

В противоположность субъективизму и скептицизму Энгельс выдвинул и обосновал положение об объективности содержания категории причинности, которое подтверждается общественно-исторической практикой. Он указывал, что уже одно знание чередова-

ния смены явлений природы во времени может породить представление о причинности, хотя еще не дает научного ее понимания. Только в процессе практической деятельности вскрывается различие между простой последовательностью явлений во времени и их причинной зависимостью.

Человеческая практическая деятельность не только подтверждает объективную причинную зависимость явлений природы, но и создает соответствующие условия для проверки причинности. Если мы возьмем заряженное ружье и выстрелим, то сможем в деталях проследить процессы, обусловившие давление газа на пулю, и подтвердить причинную зависимость полета пули от давления газа.

По определению Энгельса, практика производит проверку наших знаний причинности и в том случае, когда предполагаемое событие не повторяется, например, когда заряженное ружье не стреляет. Но это опять-таки не опровергает, а подтверждает причинность, ибо в данном примере отклонение от правил всегда происходит в силу какой-либо причины — либо от химического разложения капсюльного ударного состава, либо от сырости пороха и т. д.

Опираясь на практику и достижения естествознания, Энгельс вскрывает реакционную сущность и других форм идеалистического истолкования причинности, особенно телеологической концепции, получившей широкое распространение в современной буржуазной философии и социологии [1].

Он показывает, что телеология подменяет понятие причины идеей божественной целесообразности установленных в природе порядков. Критикуя телеологическую концепцию с ее понятием конечной целесообразно действующей причины, Энгельс обосновывает материалистическое положение об объективном существовании природы, которая не нуждается ни в какой сверхъестественной силе, является причиной своего собственного изменения и развития. Он доказывает, что в развитии органического мира, как и всей природы, мы обнаруживаем не промысел божий, а правильно понятую целесообразность, например, приспособляемость животных к среде, не тождественную сознательной, целенаправленной деятельности человека.

Впервые обстоятельное, материалистическое объяснение целесообразности в живой природе дал Чарлз Дарвин, рассматривая ее как одностороннее приспособление растений и животных к окружающей среде. Однако сам Дарвин не раскрыл причин повторяющихся изменений, происходящих в отдельных особях, он писал прежде всего о том, каким образом эти изменения мало-помалу становятся признаками вида. Энгельс отмечает, что лишь несколько позже в трудах Геккеля изменчивость стала рассматриваться как результат взаимодействия между приспособлением и наследственностью.

---

[1] См.: Planty Bonjour C. Les catégories du materialisme dialectique. L'ontologie soviétique contemporaine. Dordrecht, 1965, p. 183.

Энгельс по вопросу о причинности критиковал не только идеализм, но и метафизику, в том числе и механический детерминизм, господствовавший в естествознании XVII—XVIII вв. и составлявший историческую ограниченность домарксовского материализма. Метафизический материализм признавал лишь механическую форму причинности, применяя ее к разнообразным явлениям природы и общественной жизни. Он не только отрицал разнообразие причинных связей в природе, но и односторонне противопоставлял друг другу причину и следствие, не признавал их внутренней связи и взаимных переходов.

Критикуя механический детерминизм, Энгельс, по словам Ленина, подчеркивает диалектический взгляд на причину и следствие. Он обосновывает и развивает диалектико-материалистическое положение о причинности как частичке всемирной объективной связи явлений внешнего мира [1].

Отмечая, что у естествоиспытателя-метафизика все недоразумение насчет причинности происходит от того, что он не справляется с категорией взаимодействия, Энгельс писал: «...причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами: то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» [2].

Категория причинности в известной мере упрощает универсальную связь явлений, вещей, отдельных движений внешнего мира. Познавая отдельные стороны действительности, мы вынуждены вырвать их из всеобщей связи, рассматривать изолированно, исследовать по их свойствам, качествам, отношениям, причинам и следствиям.

Согласно марксистской философии, причинность не исчерпывает многообразия форм связей материи. Так, внутренние существенные причины порождают необходимость в развитии явлений, внешние — случайность, причем необходимость и случайность взаимосвязаны.

Энгельс резко критиковал одностороннее противопоставление необходимости и случайности, перешедшее в естествознание из вольфовской метафизики, в соответствии с которой в мире рядом существуют необходимые и случайные явления, раз навсегда исключающие друг друга. Сторонники этой точки зрения считали необходимыми те явления, которые уже известны науке, подведены под понятие закона, а все остальное рассматривали как случайное, не представляющее научного интереса. Например, они признавали необходимыми лишь решающие видовые признаки, а случайным — все другие изменения, встречающиеся у индивидов одного и того

---

[1] См: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 160—161.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 22.

же вида. По словам Энгельса, подобная метафизическая концепция закрывает путь науке, перед которой стоит важнейшая задача открыть еще неизвестные законы развития природы и общества. Энгельс не менее резко критиковал и механический детерминизм, когда необходимость понимается расширительно, всякое явление рассматривается как неизбежное следствие, вызываемое неизменным сцеплением причин и следствий, и притом так, как это заранее было обусловлено газовым шаром, из которого произошла солнечная система. Энгельс справедливо указывал, что такое понимание необходимости, являясь механистическим и фаталистическим, не выводит за рамки теологии, признающей божественное предопределение событий.

Кроме того, когда самому незначительному факту, например какому-то числу горошин в стручке, придают то же значение, что и закону всемирного тяготения или закону сохранения и превращения энергии, то на деле не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость низводится до уровня случайности. Поэтому механицизм, в том числе французский материализм XVIII в., многие явления внешнего мира объяснял случайными обстоятельствами. «Для него тот факт,— писал Энгельс,— что материя развивает из себя мыслящий мозг человека, есть чистая случайность, хотя и необходимо обусловленная шаг за шагом там, где это происходит. В действительности же материя приходит к развитию мыслящих существ в силу самой своей природы, а потому это с необходимостью и происходит во всех тех случаях, когда имеются налицо соответствующие условия (не обязательно везде и всегда одни и те же)»[1]. Еще в большей мере признавалась ими роль случайности в объяснении истории человеческого общества. В их представлении целые исторические эпохи, в частности феодальная общественно-экономическая формация, являлась «случайным» отклонением от нормального исторического развития, результатом ошибки законодателя, не понявшего требования природы человека.

Критикуя вольфовскую метафизику и механический детерминизм, Энгельс выдвигает и разрабатывает положение о практике как основе доказательства правильного познания необходимости. По его определению, эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость, оно фиксирует лишь последовательность явлений, но не раскрывает их внутреннюю причинную обусловленность. Последняя на основе практического освоения действительности выявляется наукой, вскрывающей необходимые связи явлений.

Основоположники марксизма показали, что необходимость не существует в чистом виде, она неразрывно связана со случайностью.

Энгельс рассматривал случайность как форму проявления и дополнения необходимости. Это теоретическое положение подтверж-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 523—524.

дается развитием естествознания, например законом Бойля — Мариотта, который за случайным движением молекул в сосуде раскрывает необходимость, определяющую важнейшие свойства газа — давление, плотность и др.

В истории за случайностью скрывается также необходимость. По словам Энгельса, с диалектико-материалистической точки зрения история перестала казаться клубком бессмысленных насилий, она предстала как необходимый естественноисторический процесс, в котором общее проявляется через единичное, необходимое через случайное. Так, например, необходимость в развитии капитализма — систематическое расслоение мелких собственников — всегда осуществляется через возвышение и расслоение конкретных лиц, через единичное, которое является случайным по отношению к общему экономическому процессу.

Критикуя метафизическое противопоставление необходимости и случайности, Энгельс прослеживает их превращение друг в друга. При этом он использует богатейший естественнонаучный материал, в особенности теорию Дарвина, являющуюся, по его выражению, естественнонаучной основой диалектической концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью. Опровергая концепцию неизменности видов животных, дарвиновская эволюционная теория показала, как в живой природе случайность превращается в необходимость, как некоторые из бесконечных случайных различий индивидов внутри отдельных видов постепенно усиливаются и выходят за пределы видового признака, становятся необходимыми.

Мы видим, что Энгельс раскрывает объективную диалектику необходимости и случайности, которую следует учитывать в практической и научной деятельности.

Перед всякой действительной наукой стоит прежде всего важнейшая задача исследования необходимых связей в развитии материи, вооружения передовых социальных сил знанием законов развития природы и общества, познанием связи необходимости и свободы действий, расширения сферы их сознательного, свободного творчества.

С точки зрения диалектического материализма между объективной необходимостью и свободой человеческой деятельности существует внутренняя связь, которая отрицается антимарксистскими идеологами.

Так, в позитивистской философии Дюринга свобода противопоставляется необходимости, она определяется как средняя величина между пониманием и влечением, разумом и неразумием.

Стремление определить свободу вне связи с необходимостью является типичным и для современной буржуазной философии. Например, французский эксистенциалист Марсель Габриель в книге «Люди против человеческого» заявляет, что материалистическое понимание необходимости исключает идею свободного человека. Он представляет себе человека свободным только в той степени, в какой он связан с трансцендентным, потусторонним миром.

Критикуя идеалистическое и метафизическое понимание Дюрингом свободы, Энгельс раскрывает и обосновывает ее внутреннюю диалектическую связь с необходимостью.

Он показывает, что диалектический материализм признает существование в природе и обществе объективных закономерностей, не зависящих от воли и сознания людей. Он отрицает абсолютную свободу воли и утверждает, что разнообразная человеческая деятельность обусловлена определенными законами, причинами.

Но это не значит, что признание объективной необходимости ведет к фатализму, к проповеди пассивности и бездействия, к отрицанию роли субъективного фактора в истории.

Наоборот, только на принципах материализма и возможно научное понимание свободы, представляющей собой, по определению Энгельса, деятельность в соответствии с познанной необходимостью.

Энгельс рассматривает объективную необходимость в развитии, прослеживает ее превращение в свободу. Он показывает, что в первобытном обществе люди, как и животные, во многом были не свободны, зависели от стихийных сил природы, которым они приписывали сверхъестественные свойства.

Прошло много времени, пока люди научились использовать некоторые силы природы. Решающим шагом на пути к свободе явилось открытие добывания огня трением, превращения механического движения в теплоту. Энгельс считает, что это открытие по своему историческому значению превосходит изобретение паровой машины, при помощи которой люди превращают тепло в механическое движение, так как оно впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно выделило человека из животного царства.

Энгельс в определение свободы включил не только познание действительности, но и ее практическое революционное преобразование. Он писал, что «не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» [1].

Мы видим, что, по Энгельсу, в познании и использовании законов объективного мира осуществляется процесс превращения необходимости в свободу, означающую господство человека над природой.

Энгельс считал, что для развития свободы особо важное значение имеет установление господства людей над социально-экономическими отношениями. По его словам, общественные силы подобно силам природы действуют слепо, насильственно, разрушительно,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

пока мы не познали их и не считаемся с ними, но раз мы познали их природу и характер, то можем подчинить их своей воле, превратить в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг.

Энгельс рассматривал революционное преобразование капитализма в социализм как скачок из царства необходимости в царство свободы, означающий ликвидацию анархии общественного производства, организацию и ведение планового социалистического народного хозяйства, всемерное развитие социалистического демократизма, открывающего неограниченные возможности для всестороннего сознательного творчества масс во всех областях общественной жизни.

Таким образом, после Парижской Коммуны основоположники марксизма успешно продолжали работу по созданию материалистической диалектики как науки, всесторонне разработали учение о ее системе, ее законах и категориях.

Они рассматривали диалектический материализм как мировоззрение коммунистических партий, теорию и метод познания и революционного изменения мира, теоретический фундамент стратегии, тактики и политики массового революционного движения.

КРИТИКА ЭНГЕЛЬСОМ АГНОСТИЦИЗМА И РАЗВИТИЕ ИМ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Разрабатывая и развивая материалистическую диалектику, Маркс и Энгельс применяли ее также к процессу познания, создали новую теорию познания. Об этом убедительно свидетельствуют философские труды Энгельса, в которых развита марксистская теория отражения, учение о ступенях и формах познания объективной действительности, об истине, о роли практики в познании и т. д.

Первым важнейшим принципом диалектико-материалистической теории познания является признание объективного существования внешнего мира и отражение его в сознании человека. Этот принцип Энгельс обосновывал в процессе критики априоризма и агностицизма, получивших в 70—90-х годах широкое распространение в буржуазной философии и естествознании.

Априоризм Дюринга ярко проявляется в его мировой схематике, построенной из совокупности некоторых логических элементов, существующих якобы независимо от внешнего мира и составляющих основу всякого знания о природе и обществе. Например, Дюринг признавал существование чистой математики, являющейся, по его мнению, продуктом «свободного» творчества и воображения.

Энгельс показал, что априорный, не опирающийся на практику метод познания мира искажает действительность, так как он исходит не из фактов жизни, а из логических принципов. Однако принципы не есть исходный пункт для исследования, а его заключительный результат, они возникают в результате познания природы и истории. Так, в частности, в историческом процессе познания внешнего мира были получены принципы математики — понятия цилинд-

ра, четырехугольника и др. Прежде чем создать эти математические понятия, люди развили способность абстрагирования, они исследовали большое количество действительных цилиндров и четырехугольников.

Понимание материи как источника знания составляет основу для определения общей природы логических принципов и понятий, имеющих объективное содержание, отражающих материальную действительность. Энгельс рассматривал диалектические принципы как копии, снимки, «оттиски» с внешнего мира, он разработал основы марксистской теории отражения, которая отрицается идеалистами. Известный антимарксист и марксолог Ирвинг Фетчер в книге «Карл Маркс и марксизм», изданной в 1967 г. в Мюнхене, считает материалистическое положение о возможности познания действительности «догмой», называет марксистско-ленинскую теорию отражения «наивным реализмом». По его мнению, ощущения и мысленные образы не представляют реальности, существующей независимо от познающего субъекта [1].

Эта теория, устанавливающая перегородку между сознанием и внешним миром, не является оригинальной — в последней четверти XIX в. она активно пропагандировалась кантианцами и юмистами, которых Энгельс подверг резкой критике. Например, Дюбуа-Реймон в докладе на тему «О границах познания природы» считал возможным составление механико-математической формулы, в которой был бы представлен весь мировой процесс и из которой для любого времени можно было бы предсказать место, расположение, направление движения и скорость каждого атома во Вселенной. Декларируя возможность составления подобной формулы в отдаленном будущем, Дюбуа-Реймон одновременно защищал принципы агностицизма, считал непознаваемым сущность материи и движения, возникновение жизни, ощущения, речи. Принципы агностицизма и механицизма ярко выражены и у Негели в докладе «Границы естественнонаучного познания», прочитанном в сентябре 1877 г. на собрании немецких естествоиспытателей и врачей в Мюнхене. Отрицая познаваемость сущности вещей, Негели ссылается на «однородность» познаваемых объектов, на несовершенство органов чувств и на ограниченность разума.

Говоря о «препятствиях» познанию, заложенных в самих объектах, агностики-естествоиспытатели отрицали качественное многообразие явлений природы, защищали механистическую концепцию о совершенной однородности раздражителей. С их точки зрения выходило, что качественные различия, встречающиеся в природе, тождественны впечатлениям, возникающим в различных участках мозга под влиянием однородных раздражителей. Они по сути дела возрождали локковскую теорию о субъективности так называемых вторичных качеств, отрицали объективное содержание ощущений. Дюбуа-Реймон писал, «что в действительности не существует ника-

[1] См.: I. Fetscher. Karl Marx und der Marxismus. Von der Philosophie des Proletariats zur proletarischen Weltanschauung. München, 1967, S. 140.

ких качеств, это следует из анализа наших чувственных восприятий... Без зрительной и слуховой чувственной субстанции весь этот окружающий нас мир, блистающий красками и полный звуков, был бы объят мраком и безмолвием» [1].

Критикуя положение о совершенной однородности объектов, которое приводило некоторых естествоиспытателей к агностическим выводам, Энгельс вскрывает его механистическую сущность, указывает на качественное многообразие внешнего мира, которое отражается в сознании человека, в его ощущениях и понятиях.

В противоположность агностицизму, не доверяющему показаниям органов чувств, марксистская философия рассматривает чувственное познание как первую ступень отражения объективного мира. Энгельс опроверг «довод» агностиков, основанный на отрицании достоверности чувственного познания. который защищали некоторые естествоиспытатели, ошибочно ссылаясь на выдвинутый И. Мюллером закон специфической энергии органов чувств, согласно которому ощущения не имеют объективного содержания, а различие их типов (слуховых, зрительных, вкусовых, обонятельных и осязательных) объясняется исключительно различным устройством анализаторов. На той же позиции стоял и Гельмгольц, писавший о несовершенстве глаза как оптического прибора, приспособленного для восприятия световых раздражителей. Гельмгольц указывает на нечеткость изображения, светорассеяние и прочие свойства глаза и в связи с этим рассматривает зрительные восприятия как символы вещей. Он различал ощущения по модусу или типу (зрительные, вкусовые и др.) и по качеству, считая сравнимыми лишь последние, т. е. ощущения какого-либо одного анализатора.

Критикуя скептические рассуждения Гельмгольца, Энгельс писал, что из несовершенства нашего зрения не следует, будто глаз дает нам ложные или ненадежные сведения о свойствах видимых вещей. Энгельс показал, что глаз и другие органы чувств при воздействии на них объективной реальности вызывают в сознании различные формы чувственного познания — ощущения, восприятия и представления, которые правильно отражают внешние стороны, свойства и особенности объективных предметов.

Говоря о познавательной роли форм чувственного познания, Энгельс рассматривает их исторически, в связи с развитием практики, особенно промышленности и техники. Он обосновывает и развивает положение о том, что познание мира человеком неограниченно (суверенно) и одновременно ограниченно (не суверенно). Человек может познать мир, но это познание ограничено исторически накопленными знаниями, средствами познания и т. д. Это противоречие разрешается в практике созданием научных приборов и т. д., которые позволяют глубже познать мир. Существуют материальные частицы, которые невидимы невооруженным человеческим глазом, но

[1] Э. дю-Буа Реймон. О границах познания. Семь мировых загадок. Изд. 2. М., 1901, стр. 7, 8.

они познаются человеком посредством научных приборов. Муравьи, например, видят ультрафиолетовые световые лучи, а человек — нет, но люди не только узнали о них, но и познали причины возникновения этих невидимых лучей и их разнообразные свойства. На основе достижений науки и техники люди увеличили познавательную силу своих органов чувств. Следовательно, чувства человека — не перегородка между сознанием и объективным миром, а первая ступень познания объективной действительности.

Основоположники марксизма отвергли односторонние точки зрения домарксовых философов — сенсуалистов и рационалистов, противопоставлявших друг другу первую и вторую ступени познания. Сенсуалисты (Кондильяк, Локк и др.) преувеличивали роль чувственного познания и недооценивали логическое мышление, а рационалисты (Декарт, Лейбниц, Спиноза) только в деятельности разума видели путь, ведущий к приобретению достоверных знаний.

Создатели диалектического материализма разработали и обосновали положение о связи и качественном различии чувственного и логического познания.

Критикуя «довод» эмпириков и агностиков об ограниченности разума, о его «неспособности» познать бесконечное, Энгельс показывает, что этот «довод» основан на смешении качественно различных ступеней отражения сознанием человека внешнего мира. Эмпирики, говорит Энгельс, сперва создают себе абстракции, отвлекая их от действительного мира, а затем хотят познать их чувственно, желают видеть время и обонять пространство даже тогда, когда оперируют общими понятиями, представляющими более высокую ступень отражения действительности. Вследствие этого эмпирики не понимали природы понятий, отрицали способность разума познать бесконечность, которую они противопоставляли конечным вещам. Например, Негели ограничивал познание лишь конечным, к тому же считал его непостижимым, если к нему примешивается бесконечное.

Энгельс раскрывает объективную внутреннюю связь конечного и бесконечного, которая отражается в диалектическом мышлении. «И в самом деле,— говорит Энгельс,— всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное... Форма всеобщности в природе — это *закон*...» [1].

Энгельс показывает, что в действии всякого закона проявляется единство конечного и бесконечного, ссылаясь на данные естествознания. Известно, что хлор и водород под действием света соединяются при определенной температуре и давлении в хлористо-водородный газ, давая взрыв. Этот закономерный процесс происходит

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 548—549.

везде и повсюду, где имеются для этого соответствующие условия. Человеческий разум не ограничивается рамками конечного, он в конечных вещах, явлениях схватывает всеобщее и бесконечное, постигает внутреннюю сущность вещей, недоступную чувственному познанию.

Энгельс многократно подчеркивал, что логическое мышление отличается от чувственного познания прежде всего тем, что оно оперирует понятиями. В понятиях, возникших в сознании человека под воздействием внешнего мира, обобщается опыт, практика людей, отражаются наиболее существенные свойства объективного мира. Умение мыслить, оперировать понятиями не является врожденной человеческой способностью, а приобретается и совершенствуется в ходе исторического развития практики, в процессе изучения истории культуры, естествознания и философии. Понятие есть основа для формирования других форм логического мышления: суждений и умозаключений. Исследуя природу логических форм, Энгельс выдвигает и обосновывает новое положение о существенном различии между логикой диалектической и формальной.

Основоположники марксистской философии не отождествляли формальную логику с метафизикой. Например, Энгельс критиковал и отвергал метафизику, а в формальной логике он видел хотя ограниченный, но полезный способ отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному. Он ставил задачу освободить формальную логику от оков метафизики, мешающей формальной логике выполнять присущие ей познавательные функции.

Отдавая должное формальной логике, Энгельс указывал, что диалектическая логика есть более глубокий метод познания, ибо она не довольствуется перечислением и описанием форм мышления, а прослеживает их связь и развитие, устанавливает между ними отношение субординации, показывает их связь с объективным миром.

Выявление существа диалектической логики мы находим в энгельсовском анализе развития форм суждения от единичности к особенности и затем ко всеобщности. Энгельс показывает, что люди еще в первобытном обществе изобрели способ добывать огонь трением и лишь спустя несколько тысячелетий высказали суждение единичности — «трение есть источник теплоты». Прошли новые тысячелетия до того времени, когда в 1842 г. Майер, Джоуль и Кольдинг на основе достижений техники и науки сформулировали суждение особенности — «всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту». Уже через три года Майер поднимает это суждение на новую ступень, он формулирует суждение всеобщности — «любая форма движения способна при определенных условиях превращаться в любую другую форму движения». На ступени всеобщности это суждение стало полным научным выражением закона, получая лишь новые подтверждения в дальнейшем развитии науки и техники.

Обосновывая диалектический характер связи и движения форм мышления, Энгельс показывает, что восхождение от единичного к

особенному и от особенного ко всеобщему совершается не одним, а многими способами. Он резко критиковал односторонюю точку зрения индуктивистов, считающих индукцию — путь исследования от частного к общему, от фактов к обобщениям — единственным и всеобъемлющим методом образования суждений и умозаключений с целью получения новых научных знаний. По его замечанию, индуктивисты так увязли в противоположности между индукцией и дедукцией, что сводят все многообразие форм умозаключения к этим двум, на деле применяя под этими названиями другие логические формы, и вследствие этого превращают индукцию и дедукцию в чистейшую бессмыслицу. Он доказывает, что сами по себе как индукция, так и дедукция — способ рассуждения от общего к частному — не дают положительных результатов в научных исследованиях.

В противоположность метафизикам Энгельс защищает и развивает диалектическое положение о внутренней связи индукции и дедукции. «Индукция и дедукция,— пишет Энгельс,— связаны между собой... как синтез и анализ. Вместо того чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга» [1].

Познавательное значение логических форм — понятий, суждений и умозаключений — не ограничивается тем, что они прямо или косвенно отражают законы внешнего мира и мышления. Их роль проявляется также в образовании более высоких форм познания — гипотез и теорий.

Энгельс показывает, что гипотеза, т. е. научное предположение об изменениях явлений, опирается на знание законов развития внешнего мира и выступает важнейшей формой развития естествознания, без гипотез ученые «увязли» бы в эмпирическом материале, не могли бы развивать науку.

Подтверждение гипотезы практикой приводит к созданию научной теории, дает объективную истину, но идеалисты и метафизики отрицают и искажают объективное содержание наших знаний, истину. Например, Дюринг отрицал зависимость истин от внешнего мира, от времени и реальных перемен, считал их неизменными.

Критикуя априоризм и метафизику Дюринга, Энгельс развивает дальше марксистское учение об истине, уделяя наибольшее внимание раскрытию диалектического процесса познания объективной действительности. Он доказывает, что в марксистском понимании истина не представляет собой собрание готовых положений, она постоянно развивается, отражая развитие самой действительности, поднимается с низших ступеней на более высокие.

Опираясь на выдвинутую Марксом идею о познании как общественно-историческом процессе и конкретизируя ее, Энгельс обнажает противоречивый характер человеческого мышления, являюще-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 542—543.

гося по своей природе и исторической цели абсолютным, но и относительным, ограниченным. По определению Энгельса, человечество постоянно сталкивается с противоречием между исторической задачей исчерпывающего полного познания «системы мира в ее всеобщей связи» и ограниченностью познания мира людьми в каждый исторический период, т. е. между истиной абсолютной и относительной. Он показал, что это противоречие обусловлено не только развитием материи, но общественной природой самих людей, каждое поколение которых ограничено временем жизни, уровнем развития общественно-исторической практики и науки, что не позволяет им исчерпывающим образом познать абсолютную истину.

Раскрывая противоречие относительного и абсолютного в познании, Энгельс рассматривает его как источник непрерывного развития человеческой культуры и науки. «...это противоречие,— пишет Энгельс,— не только лежит в природе обоих факторов, мира и людей, оно является также главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества — совершенно так, как, например, известные математические задачи находят свое решение в бесконечном ряде или непрерывной дроби» [1].

Энгельс указывает не только на противоречия, но и на единство относительного и абсолютного в познании. Он обосновывает положение о том, что познающее мышление развивается в виде некоторого бесконечного ассимптоматического прогресса, который слагается из относительных истин, имеющих определенное конкретно-историческое выражение.

В противоположность априоризму Дюринга, отрицающему зависимость истины от времени и пространства, от внешнего мира, Энгельс считал: истина имеет конкретно-исторический характер. Он указывал, что конкретные истины применимы только в ограниченных рамках, за пределами которых они теряют свое значение, превращаются в свою противоположность. Иллюстрируя это положение, он ссылается на закон Бойля — Мариотта, согласно которому при постоянной температуре объем данной массы газа обратно пропорционален давлению. Наукой доказано, что этот закон имеет относительное значение, он действителен только в известных пределах давления и температуры, применим лишь для идеальных газов.

Говоря об ограниченности, относительности достоверных человеческих знаний, Энгельс указывал на необходимость не упускать из виду их объективное содержание, чтобы не затеряться в куче заблуждений. С точки зрения диалектического материализма единственным объективным критерием для отличия истины от заблуждения является общественно-историческая практика, роль которой в теории познания не была понята домарксовскими философами.

Первая краткая, но строго научная формулировка роли практики в процессе познания содержится в марксовых «Тезисах о Фей-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 36.

ербахе». Научное понимание практики было всесторонне обосновано и развито в более поздних работах основоположников марксистской философии.

В 70-х годах в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» Энгельс уделяет наибольшее внимание разработке вопроса о роли практики как основы и исходного пункта процесса познания. «Как естествознание, так и философия,— пишет Энгельс,— до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [1].

Из совокупности различных сторон практики Энгельс особо выделял материальное производство, показывая его определяющую роль в возникновении и развитии наук. Он указывал, что астрономия возникла под влиянием практических потребностей, она была необходима для пастушеских и земледельческих племен. А вместе с астрономией возникла и математика. Дальнейшее развитие земледелия, необходимость регулирования воды для орошения в Египте, возникновение городов и ремесла вызвали к жизни механику, которая вскоре стала также необходимой для судоходства и военного дела.

Еще более ярко проявляется зависимость наук от производства в буржуазную эпоху. Энгельс говорил о том, что после темной ночи средневековья возрождение и быстрое развитие наук было обязано промышленности, обусловившей появление новых механических, физических и химических орудий и приборов, новых видов деятельности: ткачества, часового, мельничного, красильного дела, металлургии, производства алкоголя и др., которые доставили не только большой материал для наблюдения, но и средства для экспериментирования.

Энгельс показывает, что на основе практики развивается и философия, совершается весь процесс познания, происходит переход от чувственного познания к логическому мышлению, формулируются общие философские понятия — категории. Считая практику основой процесса познания, Энгельс одновременно всесторонне раскрывал ее значение как критерия истины. Этот критерий отрицается и искажается буржуазными философами. Например, уже упоминавшийся Дж. Грегор в статье «Марксизм как философия» заявляет, что при помощи практики невозможно узнать, что ощущаемые и мысленные образы представляют реальность. Он считает, что выдвинутые и обоснованные Энгельсом положения о практике как критерии истины являются «неопределенными». К числу таких «неопределенных» положений он относит известное высказывание Эн-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.

гельса, согласно которому свойства какой-либо вещи проверяются в действии, в практике. Этот критерий достоверности человеческих образов Вселенной, таков, рассуждает Грегор, что Беркли, Кант, Гегель могли бы равным образом воспользоваться им в своих системах [1]. По Грегору выходит, что Маркс и Энгельс по вопросу о практике как критерии истинности тех или иных человеческих представлений ничего нового, достойного упоминания не внесли. Однако известно, что основоположник марксистской философии еще в середине 40-х годов указали на противоположность диалектико-материалистического и идеалистического понимания человеческой деятельности. Например, Маркс отметил, что деятельная сторона объяснялась и развивалась идеализмом абстрактно, что идеализм не знает действительной материальной чувственной практики. В процессе критики идеализма он сформулировал положение о том, что спор об истинности или ложности любых теорий, изолированный от практики, есть чисто схоластический вопрос.

В отличие от представителей домарковского материализма, выдвигавших в качестве критерия истины опыт, ограниченный сферой чувственных впечатлений, Энгельс под практикой прежде всего понимал материальное производство и эксперимент, в которых, по его словам, заключается самое решительное опровержение философских вывертов и софизмов агностицизма.

Одним из наиболее распространенных софизмов агностицизма является отрицание достоверности чувственного познания. Хотя агностик и соглашается, что все наши знания основаны на данных органов чувств, он отрицает сходство между образами чувственных восприятий и вещами. Рассуждая о вещах и их свойствах, агностик имеет в виду не вещи и их свойства, а ощущения, восприятия, впечатления, которые имеются у человека.

Энгельс доказывает, что такая точка зрения успешно опровергается практикой. При этом он поясняет, что практика обнаруживает ложность и подтверждает истинность разнообразных человеческих представлений не непосредственно, а опосредованно. Например, он указывает, что всякое ложное чувственное представление о свойствах данной вещи необходимо проявляется в ложности нашего суждения о возможности ее использования и приводит к неудаче такого использования. Но если мы достигнем поставленной цели, успешно используем какой-либо предмет, то «успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей» [2].

Энгельс показывает, что действенность объективного критерия истины наиболее всесторонне проявляется в сфере науки, в развитии которой широко применяются гипотезы. Практика одни гипотезы опровергает, другие подтверждает и превращает в научные

---

[1] См.: James Gregor. Marksism as philosophy. «The Europien» August, 1956, № 42, pp. 13—14.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр 304.

теории. Величайшим триумфом науки Энгельс считал подтверждение практикой истинности гелиоцентрической системы Коперника, получение промышленным способом красящего вещества марены, ализарина из каменноугольного дегтя, что свидетельствует о превращении «вещей в себе» в «вещи для нас». Таким образом, в борьбе против агностицизма и метафизики Энгельс не только защитил, но и развил далее диалектико-материалистическую теорию познания, в том числе учение об истине, о практике как основе процесса познания и критерии истины.

ГЛАВА 5

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

К. Маркс и Ф. Энгельс во все периоды своей деятельности проявляли глубокий интерес к достижениям современного естествознания. В период многолетних работ над «Капиталом» Маркс обращается к изучению широкого круга естественнонаучных знаний. В сохранившихся его «записных тетрадях» имеются выписки из трудов крупнейших химиков и агрономов по вопросам агрохимии, по истории сельского хозяйства, геологии, механике, технологии и т. д. Одновременно Маркс проявляет интерес к биологическим наукам: проблеме происхождения и сущности жизни, физиологии, антропологии, биохимии. Он хорошо знал труды таких крупнейших естествоиспытателей, как Вирхов (учение о клетке), Мюллер и Гельмгольц (физиологи), Шорлеммер, Гофман (химия), Р. Даниэльс (антропология), А. Грант (геология), Поппе (история математики), Дюбуа-Реймон и др. Маркс изучал в оригинале труды русского химика Энгельгардта. Маркс не просто конспектирует труды естествоиспытателей, а делает свои выводы и замечания, что свидетельствует о его глубоких познаниях в области естественных и технических наук. Изучая, например, классические работы известного ученого химика Либиха, Маркс одновременно с высокой оценкой его трудов подвергает критике Либиха за его теоретическую непоследовательность и классовую ограниченность. Либих утверждал, что истощение почвы является неумолимым законом природы. Маркс видит причину истощения почвы исключительно в условиях капиталистического строя, расхищающего и силы трудящихся, и естественные богатства почвы. Конспектируя работы Шлейдена и Шванна по физиологии, Маркс отмечает большое научное значение открытия клетки. При этом он обнаруживает глубокое понимание сущности физиологических процессов клеточного деления у растений и животных. Маркс подчеркивает единство этих процессов, показывает, что процессы ассимиляции и диссимиляции хотя и различны, но это различие не абсолютно.

Ф. Энгельс вначале проявлял интерес к естествознанию в связи с критической переработкой гегелевской натурфилософии. В письме к Марксу от 14 июля 1858 г. Энгельс писал: «Пришли мне все-таки обещанную «Философию природы» Гегеля. Я занимаюсь теперь немного физиологией и собираюсь увязать с этим занятия сравнительной анатомией. В них много чрезвычайно важного с философской точки зрения, но все это открыто лишь недавно; мне очень хотелось бы знать, не предвидел ли старик что-нибудь из этого. Не подлежит сомнению, что если бы ему пришлось писать «Философию природы» *теперь*, то доказательства слетались бы к нему со всех сторон. ...Главный факт, революционизировавший всю физиологию и впервые сделавший возможной сравнительную физиологию, это — открытие клеток: в растении — Шлейденом, в животном — Шванном... Все есть клетка»[1]. Уже в этом письме Энгельс

делает некоторые философские обобщения из новейших открытий в естествознании. «Клетка есть гегелевское в-себе-бытие и в своем развитии проходит именно гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается «идея», данный завершенный организм»[2]. И далее: «Изучая сравнительную физиологию, испытываешь величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над другими животными. На каждом шагу натыкаешься носом на полнейшее соответствие строения человека с остальными млекопитающими ...Гегелевская история с качественным скачком в количественном ряду тоже прекрасно сюда подходит»[3].

Большое впечатление на Маркса и Энгельса произвела книга Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», вышедшая в 1859 г. В письме к Марксу Энгельс писал: «Дарвин, которого я как раз теперь читаю, превосходен. Телеология в одном из своих аспектов не была еще разрушена, а теперь это сделано. Кроме того, до сих пор никогда еще не было столь грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да к тому же еще с таким успехом»[4].

Такую же оценку теории Дарвина дал Маркс в письме от 16 января 1861 г. к Лассалю: «Очень значительна работа Дарвина, она годится мне как естественнонаучная основа понимания исторической борьбы классов. Приходится, конечно, мириться с грубой английской манерой изложения. Несмотря на все недостатки, здесь впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естествознании, но и эмпирически объяснен ее рациональный смысл»[5]. В другом письме к Энгельсу он пишет, что «эта книга дает естественноисторическую основу для наших взглядов»[6]. По воспоминаниям В. Либкнехта, Маркс и его друзья целыми месяцами не говорили ни о чем другом, как о Дарвине и революционной силе его открытий.

Если в 50—60-е годы Маркс и Энгельс обращаются к естественным наукам для обоснования диалектико-материалистических взглядов, то развитие самого естествознания в 70—80-е годы выдвигает необходимость теоретического обобщения и философского осмысления достижений науки. Вторая половина XIX в. характеризуется бурным развитием науки. Революционизирующее влияние на все отрасли естествознания оказали три великих открытия — закон сохранения и превращения энергии, сформулированный Майером, открытие клетки Шлейденом и Шванном и эволюционная теория Дарвина. Значительные успехи достигнуты в области математики, астрономии, в исследовании электричества и магнетизма, в частности, создание Максвеллом электромагнитной теории света. Огромное значение для развития науки имело выдающееся откры-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 275—276.
[2] Там же, стр. 276.
[3] Там же, стр. 276.
[4] Там же, стр. 424.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 475.
[6] Там же, стр. 102.

тие Менделеева, которое заложило новое учение о строении материи. Появились новые данные в области физиологии (теория Гексли, Геккеля, Л. Пастера), палеонтологии, эмбриологии и др.

Достижения естествознания не могли не сказаться на характере (структуре) научного мышления. Важнейшими особенностями развития познания в этот период является то, что каждая наука все шире и глубже раскрывает диалектико-материалистическую сущность природы. Естествознание самим ходом своего развития, своим содержанием, по выражению Энгельса, составляет «установление отдельных переходов и связей всех, даже самых малых, звеньев в цепи бытия» [1].

Но господствующий старый метафизический способ мышления не только не способствовал дальнейшему ходу развития науки, а являлся своеобразным ее тормозом. Развитие естествознания обнаружило глубокие противоречия между накопленными новыми данными наук и метафизическим методом мышления. Открытие фундаментальных законов природы и формирование обобщающих теорий стихийно вытесняло метафизику, объективно требовало нового метода мышления.

Как реакция на беспомощность «метафизики», с именем которой связывалось представление о всякой философии, среди ученых создалось впечатление о ненужности для науки какого-либо философского обобщения. Так возник и распространился среди естествоиспытателей позитивизм, влияние которого испытали многие крупные ученые. Как модное течение реакционной философии позитивизм получил широкое распространение особенно в Германии, что нашло свое отражение в писаниях Дюринга.

После Парижской Коммуны резко обострилась идеологическая борьба между буржуазией и пролетариатом. Эта борьба нашла свое отражение и в естествознании. Буржуазные идеологи, спекулируя на создавшихся методологических трудностях в естествознании, возрождали идеалистические философские системы. Прислужники буржуазии стали привлекать современные достижения науки, чтобы фальсифицировать их в духе релятивизма, субъективизма, агностицизма и мистики. С помощью естествознания буржуазные идеологи пытались опровергнуть марксизм, его теоретическую основу — диалектический материализм.

В этот период широкое распространение получил социальный дарвинизм, сущность которого заключается в отрицании объективных законов общественного развития. Социальные дарвинисты утверждали, что человеческое общество якобы развивается исключительно по биологическим законам. В человеческом обществе, так же как и среди животных и растений, происходит борьба за существование, поэтому эксплуатация человека человеком есть естественный процесс, вытекающий из самой природы человека.

Среди естествоиспытателей возрождался агностицизм. Новейшие данные в физиологии, особенно физиологии органов чувств,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 54.

использовались для отрицания познаваемости природы, ее качественного своеобразия. В Германии создалась целая школа «физиологического идеализма», возглавляемая крупнейшими учеными И. Мюллером и Г. Гельмгольцем, создавшими «теорию» о «границах познания». Среди физиков распространялась теория тепловой смерти Вселенной, математика трактовалась только как чистое творение мысли, она, дескать, лишена объективного содержания и т. д.

Перед Марксом и Энгельсом встала практическая задача борьбы с буржуазной идеологией, задача укрепления материалистического мировоззрения в естествознании, обобщения современного естествознания с точки зрения диалектического материализма. Необходимо было показать, что диалектический материализм — единственное научное мировоззрение, которое полностью опирается на науку и подтверждается ею, что данные естествознания в свою очередь могут быть правильно истолкованы и теоретически обобщены только на основе материалистической диалектики.

Философские вопросы естествознания нашли более глубокое отражение в классическом произведении Энгельса «Анти-Дюринг». Энгельс предполагал посвятить теоретическому обобщению современных данных естествознания специальный труд «Диалектика природы», в котором хотел раскрыть закономерности природы, обосновать и подтвердить диалектико-материалистическую картину мира. «Для меня дело могло идти не о том,— писал Энгельс,— чтобы внести диалектические законы в природу извне, а в том, чтобы отыскать их в ней и вывести их из нее.

Однако выполнить это систематически и в каждой отдельной области представляет гигантский труд».

И далее: «...само естествознание во всей этой области охвачено столь грандиозным процессом радикального преобразования, что за ним едва может уследить даже тот, кто располагает для этого всем своим свободным временем. Между тем, с тех пор, как умер Карл Маркс, все мое время было поглощено более настоятельными обязанностями, и я должен был поэтому прервать свою работу в области естествознания» [1].

Книга осталась незаконченной, но Энгельс предполагал вернуться к ней. В предисловии к «Анти-Дюрингу» он писал: «В данный момент я вынужден ограничиться набросками, содержащимися в предлагаемой работе, и ждать в будущем случая, который позволил бы мне собрать и опубликовать добытые результаты,— быть может, вместе с оставшимися после Маркса рукописями по математике, имеющими в высшей степени важное значение» [2]. Однако сделать это Энгельсу не удалось.

Тем не менее в «Диалектике природы» имеются важные положения по методологическим вопросам естествознания, а также смелые предсказания в области самой естественнонаучной теории, ко-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 12.
[2] Там же, стр. 12—13.

торые подтвердились последующим развитием науки. Мысли Энгельса, изложенные в «Диалектике природы», оказали большое влияние на развитие естествознания.

В работе «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Энгельс впервые в истории развития марксистской мысли столь широко анализирует современное естествознание с точки зрения диалектического материализма. В этих работах наиболее ярко проявился творческий характер марксизма. Энгельс подверг уничтожающей критике буржуазных идеологов, которые пытались вести за собой естествознание, и обосновал необходимость перехода естествоиспытателей на позиции материалистической диалектики. Он показал несостоятельность теоретических выводов позитивистов, отрицающих роль философии в науке. «Естествоиспытатели воображают,— пишет Энгельс,— что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (которые представляют собою не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений,— то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших... философских учений» [1].

Энгельс на многочисленных примерах показал значение передовой философии для развития естествознания. Он отмечает, что в истории развития науки философы часто предвосхищали открытия естествоиспытателей: «Положения, установленные в философии уже сотни лет тому назад, положения, с которыми в философии давно уже покончили, часто выступают у теоретизирующих естествоиспытателей в качестве самоновейших истин, становясь на время даже предметом моды. Когда механическая теория теплоты привела новые доказательства в подтверждение положения о сохранении энергии и снова выдвинула его на передний план, то это несомненно было огромным ее успехом; но могло ли бы это положение фигурировать в качестве чего-то столь абсолютно нового, если бы господа физики вспомнили, что оно было выдвинуто уже Декартом?» [2].

Энгельс всесторонне исследовал вопрос о взаимоотношении философии и естествознания, показал их неразрывную связь. Указания Энгельса о том, что диалектика становится абсолютной необ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 524—525.
[2] Там же, стр. 367.

ходимостью для естествознания, не только не потеряли значения в настоящее время, а еще больше раскрыли ее значимость для современного научного мышления.

Подвергая критике буржуазных идеологов, Энгельс выдвинул в противовес им свое решение философских вопросов естествознания. В работах «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Энгельс останавливается на широком круге вопросов научного знания, имеющих огромное значение для развития самой марксистской философии.

Буржуазные идеологи пытаются утверждать, что Энгельс «устарел» и современная наука якобы несовместима со взглядами Энгельса на природу, что взгляды Энгельса представляют только исторический интерес. Несомненно, современный уровень знаний о природе значительно отличается от уровня знаний второй половины XIX в. Наши представления о картине мира стали глубже, и это естественный процесс движения познания. Но философский анализ и диалектико-материалистическое осмысление достижений естествознания Энгельсом имеет не только историческое, но и большое методологическое значение для современной науки.

Неоценимый вклад в науку внес Энгельс созданием научной классификации естествознания. Современное естествознание, отмечает Энгельс, накопило такой большой эмпирический материал, что в каждой отдельной области исследования возникла необходимость упорядочить этот материал систематически и сообразно его внутренней связи, а также связи между собой отдельных дисциплин. Здесь эмпирические методы оказываются бессильными и помощь может оказать только теоретическое мышление.

Господствующее до сих пор метафизическое мышление стало невозможным. И только «диалектика,— указывает Энгельс,— является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»[1]. Само естествознание требовало создания такой классификации, которая отражала бы объективные связи природы и отношения материального мира в ходе человеческого познания. Энгельс, подойдя исторически к решению вопроса о классификации наук, на основе диалектического метода создал именно такую их классификацию. Он исследовал историю развития естествознания и показал, как по мере накопления знаний о мире изменялся, начиная от древних греков, общий ход человеческого познания. Греки рассматривали природу как одно целое, дифференциации наук не существовало, и, следовательно, у них не было классификации наук. С развитием знаний о мире происходил процесс дифференциации наук, возникла необходимость в их классификации. Но дифференциация естествознания, теоретическое «разложение» природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и пред-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367.

метов природы на определенные классы привело к тому, что вещи и явления природы стали рассматриваться в их обособленности, вне их связи и взаимодействия, как «неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого»[1]. Поэтому классификация наук носила формальный характер. Это был период создания и господства метафизического метода познания[2].

Научные открытия второй половины XIX в. разрушили старые представления о природе. «Новое воззрение на природу,— указывает Энгельс,— было готово в его основных чертах: все застывшее стало текучим, все неподвижное стало подвижным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте»[3]. Новое естествознание накопило массу экспериментального материала, возникла необходимость упорядочить этот материал на новой теоретической основе, воссоздающей целостную картину. Классификация наук помогает выполнить эту задачу. Она дает систематизацию всех знаний человека о мире и о самом процессе познания. Классификация наук составляет главное содержание произведения Энгельса «Диалектика природы».

В письме к Марксу от 14 июля 1858 г. Энгельс впервые указывает на последовательность в превращении форм движения материи. Характеризуя закон сохранения и превращения энергии, Энгельс писал, что это «закон, согласно которому при данных условиях механическое движение — следовательно, механическая сила (например, путем трения) — превращается в теплоту, теплота — в свет, свет — в химическое сродство, химическое сродство (например, в вольтовом столбе) — в электричество, а это — в магнетизм. Эти переходы могут также совершаться иначе, в этом же порядке или в обратном»[4]. Уже тогда перед Энгельсом встала задача раскрыть и изучить эти переходы, зародилась мысль о том, что развитие природы может быть выражено в последовательном расположении форм движения материи. В том же письме Энгельс отмечал взаимосвязь наук, в частности, значение органической химии для развития физиологии и особенно органического синтеза, который устанавливал связи между живой и неживой природой. Впервые идеи о необходимости построения системы естественных наук высказаны Энгельсом в письме к Марксу от 30 мая 1873 г.: «Предмет естествознания — движущаяся материя, тела́. Тела́ неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что́ оно есть. Поэтому естествознание познает тела́, только рассматривая их

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 21.

[2] Проблема классификации наук всесторонне исследована Б. М. Кедровым. При подготовке статьи использованы материалы книги «Классификация наук», т. 1.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 354.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 276.

в отношении друг к другу, в движении. Познание различных форм движения и есть познание тел»[1].

В «Диалектике природы» Энгельс более четко обосновывает историческую последовательность и субординацию отдельных отраслей науки и создает основную схему системы естествознания: механика, физика, химия и биология. Таким образом, развитие природы он показывает как развитие и последовательный переход различных форм движения материи друг в друга, начиная с механической и кончая биологической. В природе происходит развитие от низших, простейших форм до более высоких, сложных форм. Переход этот совершается посредством скачка. В историческом развитии естествознания действительно раньше всего стала разрабатываться теория простого перемещения, механика небесных и земных тел, а затем физические и химические формы движения и лишь потом был сделан переход к объяснению жизненных процессов. Энгельс сформулировал в «Диалектике природы» важные положения о том, что *«классификация наук,* из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение... Подобно тому, как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой»[2].

Это положение позволяло сделать вывод о том, что между науками не может быть абсолютной грани. Исходя из диалектического принципа всеобщей связи, Энгельс предсказал, что на стыке таких наук, как физика и химия, химия и биология, следует ожидать величайших открытий. Последующее развитие естествознания подтвердило это предсказание.

Классификация наук, разработанная Энгельсом, позволила глубже проникнуть в сущность явлений природы, дала возможность для каждой науки более точно определить свой предмет исследования, позволила обобщить данные естествознания, и этим способствовала его дальнейшему развитию. В классификации наук нашли свое подтверждение законы материалистической диалектики. Научный принцип классификации наук выдержал проверку временем и укрепил позиции диалектического материализма в естествознании. За 90 лет со времени создания Энгельсом классификации наук произошли огромные изменения во взглядах на природу. Наше познание все глубже и глубже раскрывает объективную картину мира. Происходит дальнейший процесс дифференциации наук, с одной стороны, и процесс интеграции — с другой; возникают новые отрасли знания. И неизбежно, что отдельные естественнонаучные данные, используемые Энгельсом, устарели и конкретная схема классификации уже не соответствует современным данным научного познания.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 67—68.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 564—565.

Сам Энгельс понимал, что классификация, созданная им, может устареть по мере прогресса науки. В предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга» он писал: «Может статься, что прогресс теоретического естествознания сделает мой труд, в большей его части или целиком, излишним, так как революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накопляющихся чисто эмпирических открытий, должна даже самого упрямого эмпирика все более и более подводить к осознанию диалектического характера процессов природы» [1].

Энгельс создал классификацию, которая отражала уровень развития науки 70—80-х годов прошлого века. Она возникла как завершение определенного этапа познания. Общий метод, примененный Энгельсом к анализу и обобщению естествознания,— материалистическая диалектика — не может устареть.

Энгельс в работах «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» философски обобщил очень важные проблемы биологической науки. Большие трудности для понимания сущности живой природы представляла проблема происхождения жизни. На нерешенных вопросах этой проблемы расцветали различные формы идеализма. Выдающиеся открытия XIX в.— клеточная теория, синтез органических соединений, теория дарвинизма, данные физиологии, сравнительной анатомии, палеонтологии и др. — подготовили научную базу для диалектико-материалистического решения этой проблемы. Однако она не была решена. Господствующий среди естествоиспытателей метафизический способ мышления не позволил сделать правильные материалистические выводы. Буржуазные идеологи использовали создавшееся положение в биологии для возрождения идеализма и «опровержения» материализма. Опираясь на положение материализма, что жизнь является одной из форм движения материи, возникшей в процессе ее развития как новое качество, Энгельс указал, что изучение истории развития материи есть путь к решению проблемы происхождения жизни. Энгельс писал, что жизнь возникла на отдаленной ступени развития материи в виде бесструктурного белка, который лишь постепенно и медленно развился до образования клетки: «Прошли, вероятно, тысячелетия, пока создались условия, при которых стал возможен следующий шаг вперед и из этого бесформенного белка возникла благодаря образованию ядра и оболочки первая клетка. Но вместе с этой первой клеткой была дана и основа для формообразования всего органического мира» [2]. Энгельс поставил перед естествоиспытателями задачу объяснить возникновение жизни из неорганической природы. «На современной ступени развития науки,— пишет он,— это означает не что иное, как следующее: изготовить белковые тела из неорганических веществ. Химия все более и более приближается к решению этой задачи, хотя она и далека еще от этого... В настоящее

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 13.
[2] Там же, стр. 357.

время она в состоянии изготовить всякое вещество, состав которого она точно знает. Как только будет установлен состав белковых тел, химия сможет приступить к изготовлению живого белка»[1]. Идеи, высказанные Энгельсом о возникновении жизни химическим путем из неорганической природы, лежат в основе современной гипотезы о происхождении жизни на Земле, выдвинутой академиком Опариным. Современные научные данные позволяют представить происхождение и эволюцию живого.

Теоретические положения Энгельса о происхождении жизни на земле имели большое значение для борьбы с идеализмом и теологией, а также с вульгарно-материалистической гипотезой «о самопроизвольном зарождении».

Вопрос о происхождении жизни на Земле Энгельс связывает с проблемой сущности жизни. Что такое жизнь, каковы ее особенности — это всегда казалось человеку «загадкой». Разные школы естествоиспытателей по-разному пытались дать ответ на эти вопросы. Виталисты определяли жизнь с идеалистических позиций, считая, что все живое обладает особой «жизненной силой», заложенной «свыше»; естествоиспытатели-метафизики выдвигали различные механистические концепции. Философы XVIII и первой половины XIX в. также не дали научного определения жизни. Впервые в истории науки научно-философское содержание понятия жизни раскрыл Энгельс. *«Жизнь есть способ существования белковых тел,* и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел»[2]. Это качественно особая форма движения материи. Живым существам присущи особые специфические биологические свойства и закономерности. Белковые тела являются материальным субстратом жизни, а обмен веществ — их качественно особой формой существования. Энгельс белковые тела (клеточные и неклеточные формы) рассматривает как сложные системы, как единство функции и системы. В живом теле, кроме белков, находятся и другие химические соединения. Сформулированное понятие жизни Энгельсом в отличие от понятия, сформулированного Дюрингом, не есть плод «умозрительного творчества», а есть результат обобщения достижений биологической науки XIX в. Энгельс сам никогда не претендовал на исчерпывающее определение жизни. «Наша дефиниция жизни,— писал он,— разумеется, весьма недостаточна, поскольку она далека от того, чтобы охватить *все* явления жизни, а, напротив, ограничивается самыми общими и самыми простыми среди них... Чтобы получить действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от самой низшей до наивысшей. Однако для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись...»[3]. Свое определение жизни Энгельс противопоставил ненаучным спекуляциям Дюринга, положив в основу самое существенное, что

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 512—513.
[2] Там же, стр. 82.
[3] Там же, стр. 84.

отличает живое от неживого,— обмен веществ, при этом Энгельс указал на коренное отличие обмена веществ в живой природе от обмена веществ в неживой природе. В неживой природе обмен веществ является причиной разрушения предмета, в живой — становится основным условием их существования. Способ существования белковых тел есть постоянное самовозобновление составных частей живой материи. Самовосстановление и развитие, ассимиляция и диссимиляция — вот главное, что определяет все остальные функции жизни: раздражимость, рост, развитие, размножение, наследственность, приспособление, относительную целесообразность и др. С прекращением обмена веществ с окружающей природой прекращается и жизнь. Энгельс дал методологическую основу для дальнейшего раскрытия сущности жизненных процессов. Возникшие с того времени многие отрасли биологической науки — биохимия, биофизика, генетика, цитология — исследуют материальный субстрат и функцию жизни. Диалектико-материалистическое определение сущности жизни имело большое методологическое значение для развития биологии в целом.

За годы, прошедшие после определения Энгельсом понятия жизни, наука более глубоко проникла в тайны развития органической природы, обогатила наши представления о жизненных процессах, наполнила их новым содержанием и, несомненно, потребовала уточнения самого понятия жизни. Но это не является основанием считать философское решение Энгельсом проблемы жизни и ее происхождения «устаревшим». Диалектико-материалистический подход к решению этой проблемы не может устареть. Как бы наши знания ни обогащались конкретными данными современной науки о жизни, главное, что «схвачено» Энгельсом в определении жизни,— обмен веществ — останется всегда сущностью живого.

К. Маркс и Ф. Энгельс в процессе своей деятельности неоднократно возвращались к учению Дарвина. Доказательства прогрессивного характера развития живой природы, приводимые Дарвиным, привлекали их внимание. Работы Дарвина по изучению различных форм отражения в органическом мире — раздражимость, инстинкты — и в особенности его исследования проблемы происхождения человека послужили естественнонаучной основой для разработки теории антропогенеза.

В 70—80-х годах учение Дарвина было подвергнуто критике Дюрингом. Как метафизик, Дюринг не мог сделать правильных выводов из эволюционного учения Дарвина, не понял главного в нем и третировал его. В противовес Дюрингу Энгельс сделал важные диалектико-материалистические выводы, вытекающие из учения Дарвина. Эволюционное учение Дарвина явилось подтверждением марксистского учения о том, что природа развивается через борьбу противоположностей и что это развитие идет скачкообразным путем. Одновременно Маркс и Энгельс считали односторонним взгляд Дарвина, в соответствии с которым борьба за существование рассматривается как главный источник развития в органическом мире. Главным в эволюционном процессе является борьба

наследственности и приспособления. «Начиная с простой клетки,— писал Энгельс, — каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, и до человека — с другой, совершается через постоянную борьбу наследственности и приспособления»[1]. Маркс и Энгельс критиковали Дарвина за то, что он некритически, «наивно» воспринял реакционную идею Мальтуса о народонаселении. Дарвин говорил, что его теория борьбы за существование есть теория Мальтуса, примененная ко всему миру животных и растений. Энгельс указывает, что не требуется мальтусовских очков, чтобы увидеть в природе борьбу за существование. За эти ошибки Дарвина ухватились буржуазные идеологи и стали, наоборот, переносить борьбу за существование в природе на развитие общества.

Обобщая данные биологических наук, Энгельс обогатил конкретным материалом законы диалектики, разработал ряд категорий материалистической диалектики: тождество и различие, случайность и необходимость, причину и следствие.

Энгельс дал анализ и философски обобщил современные данные в области математики, физики, химии, космогонии, показал проявление законов диалектики на примерах этих наук[2]. Критикуя Дюринга, который считал, что будто в чистой математике разум имеет дело только с продуктами своего собственного творчества, Энгельс показал, что понятия числа и фигуры взяты из действительного мира, а не возникли в голове из чистого мышления.

На первый взгляд, кажется, что математические абстракции не имеют никакой связи с объективной реальностью. Энгельс показал, что это впечатление неверное: математика связана своим происхождением и своим применением с практикой. При этом Энгельс подчеркнул, что математические абстракции имеют некоторую независимость, относительную самостоятельность в своем развитии. Эту самостоятельность идеалисты пытаются представить как полный отрыв математических законов от реального мира и, ссылаясь на математику, утверждают, что ум творит законы природы и вносит в нее порядок. То, что чистая математика имеет значение, независимое от особого опыта каждой отдельной личности, это конечно, верно, указывает Энгельс. «Но совершенно неверно, будто в чистой математике разум имеет дело только с продуктами своего собственного творчества и воображения»[3].

В научном познании Маркс и Энгельс отводили абстракции большую роль и поэтому выступали против извращений этой роли. Современная нам наука все чаще и больше оперирует абстракциями. Поэтому указание Энгельса имеет большое значение для диалектико-материалистического познания и для борьбы с буржуазно-идеалистической философией.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 526.

[2] Эти вопросы освещены в III томе истории философии. В данной работе указывается значение разработки философских проблем естествознания Марксом и Энгельсом для современного естествознания.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 36—37.

Образцом применения метода материалистической диалектики к изучению конкретных проблем математики являются математические рукописи К. Маркса. К. Маркс занимался математикой много лет. Вначале эти занятия были подчинены задачам экономического анализа, но с течением времени математика для Маркса стала самостоятельным предметом исследования. Большая часть рукописей посвящена проблеме диалектико-материалистического обоснования математического анализа. Маркс ставил своей задачей выявить происхождение и развитие основных понятий и методов математического анализа от элементарной математики к высшей, раскрыть диалектическое содержание скачка в истории математики. Энгельс высоко ценил познания Маркса в области математики. В письме к Ф. А. Ланге от 29 марта 1865 г. он писал: «Я не могу не упомянуть о Вашем замечании по поводу старика Гегеля, которому Вы отказываете в глубоком математическом и естественнонаучном образовании. Гегель знал математику настолько, что никто из его учеников не был в состоянии издать оставшиеся после него многочисленные математические рукописи. Единственный человек, знающий, насколько мне известно, достаточно математику и философию для того, чтобы это сделать,— это Маркс» [1].

Маркс и Энгельс дали диалектико-материалистическую трактовку дифференциального и интегрального исчисления [2].

Энгельс подверг критике теорию Клаузиуса о неизбежности «тепловой смерти Вселенной». Подробно анализируя этот вопрос и показывая абсурдность этой теории, Энгельс высказал важную мысль о том, что излученная в мировое пространство теплота вновь становится используемой, т. е. превращается в другой вид энергии. Философский анализ этой проблемы дал возможность Энгельсу высказать мысль о перспективах дальнейшего развития теории превращения одного вида энергии в другой. Такие мысли не были доступны ни одному из ученых-естествоиспытателей того времени, стоявших на метафизических позициях.

Центральным вопросом в естествознании второй половины XIX в. было учение о строении вещества. К тому времени существовала уже атомно-молекулярная теория.

По своему существу атомно-молекулярная теория была диалектична, но сами химики не видели этой диалектики, они все еще были в плену метафизики. Энгельс, высоко ценя работы крупнейших химиков Дальтона, Гоффмана и др., одновременно дал критический разбор их теоретических взглядов. С точки зрения атомистики Дальтона и молекулярной теории Гоффмана атом существует как неизменная механическая частица, бескачественная и неделимая. С точки зрения Энгельса атом есть лишь относительная ступень в развитии материи, а не абсолютная граница делимости материи. «Атомы,— пишет Энгельс,—

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 395.

[2] Подробно освещено в III томе «Истории философии». М., 1959.

отнюдь не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества.... атомы обладают сложным составом»[1].

Развитие атомной физики в конце XIX и начале XX в. принесло блестящее подтверждение прогнозам Энгельса и открыло перед нами сложную внутреннюю структуру атома. Энгельс, рассматривая вопрос о делимости материи, высказал положение о том, что материя делима и непрерывна и в то же время ни то, ни другое. Это положение Энгельса о противоречивости непрерывной и дискретной материи нашло свое подтверждение в экспериментальных данных науки XX в., обобщенных в корпускулярно-волновой теории вещества.

Энгельс критиковал метафизические взгляды по поводу понимания материи вообще и ее конкретных форм. Он показал, в противовес Дюрингу, что в природе «материи вообще» не существует. Познавая объективный мир, изучая конкретные вещи, мы тем самым познаем и материю как таковую. Обобщая современные данные естествознания, Энгельс отметил, что материалистическое воззрение на природу покоится теперь на еще более крепком фундаменте, чем в прошлом столетии: «Теперь вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов... Конечно, материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений»[2]. Энгельс показал, что современное естествознание верно отражает сущность и законы природы, оно служит фундаментом материалистической философии. Задача естественных наук и материалистической диалектики выработать единую научную картину мира. При этом он отметил, что научную картину мира можно выработать лишь исходя из решения основного вопроса философии, из материалистического понимания законов природы, их объективности. Энгельс в своих работах подчеркнул, что идеалисты, толкующие законы природы как нечто зависимое лишь от субъекта, диктующего законы природе, не могут воссоздать картины мира в целом, так же как и метафизики, не видевшие все многообразие связей, взаимопереходов в природе.

Таким образом, в своих работах после Парижской Коммуны Энгельс разоблачает идеализм, который свил себе гнездо в старых системах натурфилософии, пытавшейся создать целостное учение о природе умозрительным путем на основании идеалистических философских принципов Гегеля, Канта, Дюринга. Работы Энгельса написаны в воинствующем духе, с партийных позиций. Он показал связь реакционных философских течений с политикой, с борьбой классов. Опираясь на естественнонаучные данные, Энгельс создает диалектико-материалистическую картину природы. Он раскрыл логику развития естественных наук и показал, как

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 585.
[2] Там же, стр. 513.

они вскрывают объективную диалектику самой природы и тем самым ниспровергают метафизику в естествознании.

На огромном фактическом материале Энгельс показал связь естествознания и философии, значение теоретических обобщений для развития естествознания, с партийной принципиальностью раскрыл классовый характер теоретического обобщения фактов, добытых учеными.

Обобщая данные естествознания, Энгельс мастерски применяет положения диалектики конкретно к естествознанию и творчески разрабатывает важные проблемы в области математики, физики, химии, биологии, одновременно обогащая саму диалектику как науку.

Работы Энгельса «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» оказали неоценимую помощь в развитии науки и не потеряли своего методологического значения в настоящее время.

ГЛАВА 6

РАЗВИТИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Наиболее важное значение для понимания основных принципов исторического материализма, развитых в 70—90-х годах, имеют II и III тома «Капитала» Маркса, работы Энгельса «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», письма Энгельса об историческом материализме и др.

В этих трудах классиков марксизма всесторонне обосновано и развито материалистическое учение о первичности экономического базиса и вторичности надстройки, о решающей роли производства в истории, о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций, о возникновении и исторически преходящем характере классов и государства, об относительной самостоятельности идеологии, о роли идей в общественном развитии и другие вопросы.

ОБОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О РЕШАЮЩЕЙ РОЛИ СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, КРИТИКА ТЕОРИИ НАСИЛИЯ

Маркс и Энгельс всегда уделяли большое внимание разработке и обоснованию основного вопроса материалистической социологии о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Они доказали, что совокупность производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.

Говоря об общественном бытии, создатели исторического материализма имели в виду прежде всего способ производства материальных благ, включающий в себя производительные силы и производственные отношения.

Вопрос о значении способа производства приобрел особо важное значение в 70—80-х годах, т. е. в период борьбы Энгельса против натуралистических концепций общественного развития и теории насилия.

Большое значение для развития материалистического понимания истории имеет разработка и обоснование Энгельсом вопроса о роли труда в процессе превращения обезьяны в человека, в создании и развитии человеческого общества. Энгельс защищает и развивает выдвинутое Марксом еще в 40-х годах в «Немецкой идеологии» положение о том, что людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно, но сами они начинают себя отличать от животных, как только начинают

производить необходимые им средства производства материальных благ.

Энгельс показывает, что труд составляет основное условие всей человеческой жизни, он в известном смысле создал самого человека. Под решающим влиянием труда происходило становление, совершенствование и развитие всех органов человека, прежде всего руки, приобретавшей все большую гибкость и универсальность, которые передавались по наследству от поколения в поколение.

Развитие труда по необходимости способствовало все более тесному сплочению формировавшихся людей и оказало решающее влияние на возникновение языка как орудия человеческого мышления и общения. Труд, а затем членораздельная речь явились самыми главными причинами, под влиянием которых происходило постепенное превращение мозга обезьяны в мозг человека, шло дальнейшее развитие и совершенствование его органов чувств.

Развитие мозга и подчиненных ему органов чувств оказало обратное воздействие на труд и на язык.

Процесс становления и формирования человека, длившийся сотни тысяч лет, привел к возникновению человеческого общества, качественно отличного от любого стада животных. По определению Энгельса, характерным признаком человеческого общества является труд, общественное производство.

Основоположники марксизма подвергли критике натуралистические теории, которые отождествляют природу и общественную жизнь. Энгельс одним из основных недостатков домарксовского материализма считал его механистичность, попытку распространить законы механики на все явления действительности, в том числе и на общественную жизнь. Несостоятельность такой попытки наиболее ярко проявляется в отождествлении животных и человека с машиной, в стремлении обнаружить явления притяжения и отталкивания в общественной жизни.

Конкретизируя и развивая марксистскую критику натуралистических теорий в социологии, Ленин указывает на их противоположность историческому материализму. Он считал, что перенесение биологических и энергетических понятий в общественные науки есть пустая фраза. Марксистская социология располагает целой системой категорий, в которых отражается объективная историческая закономерность, специфика общественной жизни [1].

Отождествляя явления природы и общественной жизни, буржуазные социологи пытаются представить буржуазные производственные отношения в качестве естественных и вечных, стремятся затушевать исторически преходящий характер капитализма, отрицают марксистскую теорию классовой борьбы, защищают мальтузианство, социальный дарвинизм и расизм.

Критикуя натуралистические концепции истории, защищавшиеся Дрейпером и другими буржуазными историками, Энгельс ука-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 348.

зывает на их антинаучный характер. По его словам, представители натуралистического понимания истории защищают ошибочную точку зрения, согласно которой только природа действует на человека и только природные условия определяют повсюду его историческое развитие, т. е. они игнорируют специфику общественной жизни, проявляющуюся в развитии общественно-исторической практики, прежде всего в развитии общественного производства.

В противоположность натуралистической концепции марксизм видит различие между явлениями природы и общества. Он показывает, что в природе действуют бессознательные, стихийные силы, в ней нигде нет желаемой цели — ни в бесчисленных случайностях, ни в результатах ее закономерного развития. Пользуясь природой, животные производят в ней изменения без всякого намерения. Они, по словам Энгельса, в лучшем случае доходят до собирания, человек же производит.

В отличие от животных человек сознательно воздействует на часть природы, изменяет ее, создает себе все новые условия существования. Он изменяет климат, поверхность земли, совершенствует растительный и животный мир, производит продукты, которые в готовом виде не встречаются в природе, создает все новые орудия производства. Воздействуя на природу, люди вступают в отношения друг к другу, в производственные отношения, составляющие экономическую основу общества, которая развивается по своим особым законам, отличным от законов природы.

Маркс и Энгельс в то же время искусственно не противопоставляли друг другу общество и природу, проводили между ними определенную аналогию. Маркс в предисловии к первому немецкому изданию I тома «Капитала» сформулировал положение о развитии общества как естественноисторическом, т. е. необходимом и объективном процессе.

В процессе критики натуралистических теорий истории, в том числе и социального дарвинизма, Энгельс сформулировал новое положение о том, что чем больше люди отдаляются от животных, тем сильнее проявляется созидательный, целесообразный характер их действий, направленных на достижение поставленных целей, решение определенных задач.

Развивая материалистическое понимание истории, Энгельс показывает, что в досоциалистических формациях объективный процесс общественного развития не контролируется людьми. Хотя в обществе живут люди, имеющие волю и сознание, ставящие перед собой определенные цели, стремящиеся их осуществить, их практическая деятельность приводит к общественным последствиям, которых никто не желал и не предвидел.

В классовом антагонистическом обществе историческое развитие определялось господством частной собственности на средства производства, которая исключала всякую возможность централизованного управления всеми производственными процессами, развитием общества в целом. В классовом обществе постоянно сталкиваются противоположные интересы общественных классов, из

взаимодействия и борьбы которых складывается историческое развитие.

Иллюстрируя положение о несоответствии целей людей и общественных последствий их деятельности в классовых антагонистических формациях, классики марксизма опираются на исторические явления. Люди в XVII и XVIII вв., говорил Энгельс, работавшие над созданием паровой машины, не задумывались над тем, что создание этой машины будет в значительной степени революционизировать общественные отношения во всем мире, что приведет сначала к социальному и политическому господству буржуазии, а затем к классовой борьбе, которая может закончиться только низвержением буржуазии и уничтожением всех классовых противоречий. В обществе желательное осуществляется в виде исключения, поставленные цели приходят во взаимные столкновения и противоречия либо оказываются недостижимыми или по существу, или по недостатку средств для их осуществления.

В противоположность идеалистическому пониманию исторический материализм за конкретными целями, идеальными, побудительными мотивами людей видит и вскрывает их материальные причины. По словам Энгельса, когда речь заходит об исследовании движущих социальных сил развития общества, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, сколько побуждения народов, классов. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоро преходящие вспышки, а продолжительные движения, вызывающие великие исторические перемены.

Таким определяющим фактором изменения общества марксизм признает развитие производительных сил и производственных отношений, смену способа производства. Маркс писал Анненкову, что люди не свободны в выборе своих производительных сил, так как последние уже были созданы прежним поколением. Благодаря тому, что каждое последующее поколение находит производительные силы, уже добытые прежним поколением, образуется связь в развитии производства, которая имеет объективный характер.

Люди не свободны также и в выборе своих производственных отношений, которые определяются уровнем развития производительных сил. Каждая система производственных отношений определяет идеологию классов, их мировоззрение, политику, мораль и другие формы общественного сознания, надстройку в целом. Это значит, что не цели и желания людей определяют общественное развитие, а другие, более глубокие объективные причины, именно — изменение производительных сил и производственных отношений. Цели и желания людей являются отражением экономических отношений.

Большим вкладом в материалистическое понимание истории является борьба Энгельса против теории насилия Дюринга, согласно которой политико-юридические порядки определяют экономический строй, общественное развитие.

Пытаясь оправдать теорию насилия Дюринга, ревизионист Э. Бернштейн заявлял, будто Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» ограни-

чивает значение производственных отношений. По мнению Бернштейна материалистическое положение о решающей роли способов производства и обмена товаров, как о «конечной причине» всех общественных перемен и политических переворотов следует понимать не в прямом, а в условном смысле. Конечные причины, рассуждает он, заключают в себе другого рода причины различных степеней, и чем длиннее их ряд, тем большее влияние они оказывают на ход истории. Отсюда, мол, следует вывод о том, что характер общественного строя в решающей степени определяет не экономический базис, а совокупность всех других социальных факторов [1].

Ревизуя материалистическое понимание истории, Бернштейн пытается его отождествить с эклектической теорией факторов, которая смешивает различные социальные силы, не выделяет особо производственные отношения, преуменьшает их значение в общественной жизни, против чего Маркс и Энгельс вели постоянную борьбу.

Потуги Э. Бернштейна совершенно не основательны. Известно, что в процессе критики социологических взглядов Дюринга Энгельс обосновывает и развивает материалистическое положение, согласно которому не насилие, а экономические причины определяют всю социальную структуру общества и общественное сознание.

Уточняя и конкретизируя понятие материальной основы общественно-экономической формации, Энгельс особо выделяет способ производства материальных благ, подчеркивает его определяющую роль в истории. Он показывает, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов составляют основу всякого общественного строя, что способ производства определяет распределение, а вместе с ним и разделение общества на классы. Энгельс характеризует также последовательность социальных изменений, которые начинаются с техники, с развития производительных сил. Он подвергает резкой критике идеалистическую точку зрения на насилие как волевой акт, якобы не зависимый от производства. В действительности, поясняет Энгельс, насилие требует весьма реальных предпосылок, в числе которых первостепенное значение имеют орудия производства. Насилие, т. е. политическое принуждение, война и т. д., само по себе никогда не являлось целью человечества, оно всегда представляло лишь средство для получения экономической выгоды, для принуждения зависимых людей к «хозяйственной службе», к работе. А «насколько цель «фундаментальнее» средства, применяемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая» [2]. Принуждение во всех его формах предполагает запас некоторых средств производства, с помощью которых можно использовать порабощенного и создать средства принуждения — оружие — и сверх того жизненные средства, необходимые для прокормления работника.

---

[1] См.: Э. Бернштейн. Исторический материализм. СПб., 1901, стр. 10—11.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 164.

Энгельс показывает, что зависимость насилия, а следовательно, и политики классов, государств и т. д., от производства не менее ярко проявляется в истории международных отношений, в которой более совершенное оружие одерживало верх над менее совершенным. Как известно, насилие основывается на производстве оружия, а производство оружия — на производстве вообще. Ничто так не зависит от производства, от уровня экономического развития, как армия и флот, которые требуют много денег, постоянно нуждаются в новых образцах оружия, поставляемых военной промышленностью. Производство через вооружение воздействует на построение армии, на стратегию и тактику ведения войны, а также на политические отношения господства и подчинения. Обосновывая это положение, Энгельс ссылается на введение пороха, на распространение огнестрельного оружия, на использование его западноевропейскими горожанами и нарождающейся монархией в борьбе против феодального дворянства, в результате которой рухнуло его политическое господство.

С точки зрения марксистской философии ниспровержение дворянства и возвышение буржуазии представляет собой объективный естественноисторический процесс, обусловленный развитием капиталистического производства, втиснутого в средневековые экономические и политические формы. Опираясь на экономическую мощь, буржуазия совершила политическую революцию, создала относительно более передовой общественный строй, в условиях которого могло более успешно развиваться новое капиталистическое производство.

Обобщая опыт социального развития, Энгельс обосновывает и развивает материалистическое положение о политической власти, которая, по его словам, может развиваться в двояком направлении. Либо она действует в направлении экономического развития, ускоряя его, либо политическая власть действует наперекор этому развитию, тогда она, за немногими исключениями, как правило, падает под давлением экономического развития. К этим немногим исключениям Энгельс прежде всего относил случаи завоеваний, когда менее культурный завоеватель истреблял местное население, уничтожал его производительные силы, не умея их использовать. Так, например, поступили христиане в мавританской Испании с частью оросительных сооружений, которые до этого использовались для развития хлебопашества и садоводства.

Но по прошествии времени победители были вынуждены приспосабливаться к новому хозяйственному положению, и если новая политическая власть вступала с ним в конфликт, то она в конечном итоге терпела поражение.

Энгельс показывает, что не только политическая власть, но и другие виды надстройки в конечном счете определяются экономическим развитием. По его определению, «экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиоз-

ных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода»[1].

Таким образом, в историческом развитии решающую роль играет не насилие, а экономика, которая в конечном счете определяет все политико-юридические учреждения и разнообразные течения общественной мысли.

Выявляя зависимость насилия от экономики, марксизм, однако, не отрицает его определенную роль в истории. В противоположность дюрингианству он не считает его абсолютным злом, запятнавшим первородным грехом всю историю, исказившим законы природы и общественной жизни, и указывает на его двойственное значение.

Марксизм особо выделяет роль революционного насилия, которое, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым.

Энгельс, критикуя отрицательное отношение Дюринга к революционному насилию, определяет насилие как важнейшее орудие, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы.

Материалистическое положение о взаимоотношении экономики и политического насилия постоянно искажается современными буржуазными социологами. Так, например, неотомист Бохенский в «Справочнике по мировому коммунизму», изданному в 1958 г. в Мюнхене, пытается противопоставить материалистические принципы современному коммунистическому движению. Он считает, что если для Маркса экономика является основой политики, то для коммунистов последняя имеет безусловный приоритет. Коммунисты, по его мнению, не учитывая экономических отношений, стремятся захватить государственную власть, чтобы потом с помощью политических средств форсировать экономическое развитие[2].

Подобные рассуждения фальсифицируют марксистско-ленинское понимание истории, признающее различные стороны во взаимоотношениях экономики и политики. В. И. Ленин в первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» писал, что преимущественное значение имеет не политика, а экономика. В то же время он подчеркивал активную роль политики, рассматривал ее как концентрированное выражение экономики, так как в ней получают свое выражение коренные интересы общественных классов.

Марксизму-ленинизму чужда субъективистская авантюристическая концепция, искажающая объективный естественноисторический процесс развития общества.

Для «левых» ревизионистов наиболее характерным является забвение исторического материализма, идеалистическое понимание соотношения объективных и субъективных факторов в истории, отрицание понятия прогресса как смены одной общественно-экономической формации другой, основанной на более высоком уровне раз-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 26.

[2] См.: «Handbuch des Weltkommunismus». München, 1958, стр. 642.

вития производительных сил и производственных отношений, односторонняя апологетическая приверженность к насильственным средствам борьбы.

РАЗРАБОТКА И ОБОСНОВАНИЕ УЧЕНИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И УНИЧТОЖЕНИИ КЛАССОВ

Маркс и Энгельс показали коренную противоположность идеалистического и материалистического понимания классов и классовой борьбы. Они подвергли резкой критике теорию насилия, отрицающую экономические основы разложения первобытно-общинного строя, возникновения классов и классовой борьбы.

Критически используя социологические и этнографические данные, содержащиеся в работах американского этнографа Льюиса Моргана и русского исследователя Максима Ковалевского, относящиеся к истории первобытно-общинного строя, Энгельс раскрывает механизм перехода от бесклассового общества к классовому, прослеживает исторические пути образования классов, показывает экономическую обусловленность классовой структуры рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций, определяет общие материальные основы уничтожения классов в будущем коммунистическом обществе.

По определению Энгельса, идеалистическая теория насилия опровергается уже тем простым фактом, что угнетенные были во все времена многочисленнее эксплуататоров, превосходили их в действительной силе.

Марксизм не в насилии, а в экономическом развитии видит основную причину образования классов, разложения родового строя. Обосновывая решающую роль экономики в образовании классов, Энгельс особо выделяет общественное разделение труда, которое оказывало положительное влияние на развитие производительных сил, способствовало созданию и совершенствованию новых орудий труда.

С точки зрения теории исторического материализма первым крупным общественным разделением труда является отделение скотоводства от земледелия. Энгельс показывает, что первое разделение труда привело к количественному росту и разнообразию продуктов труда. Появление более совершенных орудий труда и увеличение производительности его в скотоводстве и земледелии явились важнейшими условиями для создания и присвоения прибавочного продукта, для появления обмена продуктами.

Энгельс показывает, что дальнейшим шагом на пути разложения родового строя был переход от каменных орудий к металлическим — к железному топору, к сохе с железным лемехом, к железному мечу.

Совершенствуя и применяя новые орудия труда, люди создали новую отрасль хозяйственной деятельности — полеводство, начали получать от земледелия больше хлеба, плодов и масла.

Все возрастающее искусство изготовления орудий труда и расширяющаяся хозяйственная деятельность вызвали потребность во втором крупном общественном разделении труда, в отделении ремесла от земледелия, а следовательно, города от деревни.

На основе роста общественного разделения труда и обмена продуктов возникла частная собственность, появились классы рабов и рабовладельцев.

В процессе критики идеалистической теории насилия Энгельс обосновывает новое положение об основных двух путях возникновения общественных классов рабовладельческой формации. Первым путем возникновения классов он считал постепенное превращение ранее избираемых должностных лиц из слуг общества в его господ, выполнявших такие функции, как разрешение споров между членами общины, определение наказания нарушителям общественного уклада, осуществление надзора за орошениями, отправление религиозных обрядов и пр. Энгельс прослеживает, как выборные должности постепенно становились наследственными, закреплялись за отдельными семьями, узурпировавшими органы общинного самоуправления и составившими родовую аристократию, которой стала принадлежать политическая власть, например советы старейшин. Главным средством, которым пользовалась родовая аристократия для экономического принуждения, служили деньги и ростовщичество. С их помощью она разоряла мелких крестьян, превращала их в должников, а затем в рабов.

Другим путем образования классов Энгельс считает превращение военнопленных в рабов, которое происходило в условиях разложения родового строя, когда старый общинный способ владения землей и ее обработка уступили место обработке земли отдельными семьями, нуждавшимися в дополнительной рабочей силе. На достигнутой ступени развития производительных сил военнопленные могли создавать так называемый избыточный продукт, в связи с чем их начинали оставлять в живых и стали пользоваться их трудом в земледелии, скотоводстве и ремесле. Рабство сделалось господствующей формой производства у всех народов. В IV тысячелетии до н. э. оно утвердилось в Египте, Вавилоне и Ассирии, в III и II тысячелетии до н. э. — в Индии и Китае, в I тысячелетии — в Древней Греции и Риме.

Классическим примером рабовладельческой системы являлась Древняя Греция, где численность рабов в несколько раз превышала свободных граждан. Например, во времена персидских войн число рабов в Коринфе достигало 460 тыс., в Эгине — 470 тыс. человек. В Афинах во время их наивысшего расцвета на каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось 18 рабов и свыше 2 неполноценных иностранцев и вольноотпущенников.

Возникновение классов означало новый этап в развитии всемирной истории. Внося поправку в «Манифест Коммунистической партии», Энгельс показал, что со времени разложения первобытного общинного землевладения происходила классовая борьба между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и

господствующими, которая определила антагонистический характер исторического процесса.

В антагонистическом обществе классовая борьба имеет всеобъемлющий характер, она охватывает все сферы общественной жизни — экономическую, политическую и идеологическую. По определению Энгельса, всякая политическая борьба есть борьба классовая, которая в конечном счете ведется из-за освобождения экономического.

Классики марксизма рассматривали классовую борьбу как движущую силу истории, подчеркивали ее прогрессивный революционный характер. Они показали, что в процессе классовой борьбы осуществлялся переход от одной общественно-экономической формации к другой, в частности от рабовладельческого строя к феодальному.

Маркс еще в 1847 г. в «Нищете философии» определил рабство как противоречивое историческое явление, содержавшее «дурную» и «хорошую» стороны, но в целом сыгравшее прогрессивную роль в развитии хлопководства, промышленности и мировой торговли.

Конкретизируя и развивая это марксистское положение, Энгельс показывает, что рабство в известном смысле явилось шагом назад, упадком во взаимоотношениях людей, в том числе и в области морали. По его словам, самые низменные инстинкты — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, а также эгоизм, воровство, насилие, коварство и измена характеризуют классовое рабовладельческое общество. Наряду с этим рабство означает и прогресс, оно сделало возможным разделение труда между земледелием и промышленностью, создало условия для расцвета культуры древнего мира, греческого искусства и науки. «Нам никогда не следовало бы забывать,— пишет Энгельс,— что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма» [1].

Энгельс показывает, что противоречивый характер рабовладельческих отношений ярко проявляется и в области семейных отношений. Прослеживая зависимость форм брака от экономических отношений, он раскрывает противоречия, критикует пороки моногамной семьи классового общества, всецело подчиненной отношениям частной собственности, основанной на господстве мужчины над женщиной, которое будет уничтожено лишь в коммунистической формации.

Марксизм учит, что экономическое развитие в конечном счете определяет не только возникновение классов, но и их изменение и уничтожение. По словам Энгельса, разделение общества на классы является неизбежным следствием сравнительно низкого развития производства. Пока труд дает в совокупности продукцию, едва пре-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 185—186.

вышающую самые необходимые средства существования всех, пока в сфере материального производства труд отнимает почти все время громадного большинства населения, общество необходимо делится на классы. Только более высокая материально-техническая база в виде крупной индустрии кладет конец историческому оправданию существования классов, которые не только становятся излишними, но и являются препятствием для экономического и общественного развития. Таким образом, экономика и прежде всего возникновение частной собственности на средства производства обусловили возникновение и изменение классов.

Это марксистское положение искажается буржуазной идеалистической социологией. Для буржуазных социологов характерным является стремление представить социальную структуру капиталистического общества как вечную и естественную, отрицание зависимости существования классов от форм частной собственности на средства производства, деление людей на группы в зависимости от различных второстепенных факторов. Например, с точки зрения Херцога понятие «класс» не есть четко очерченное социальное явление, оно охватывает лишь определенные возможности вариаций[1]. Отрицание главного признака образования классов является типичным для всей буржуазной идеалистической социологии, в том числе и для теории насилия, которую Энгельс подверг резкой и всесторонней критике.

РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Марксизм-ленинизм рассматривает государство как продукт раскола общества на классы с противоположными экономическими и политическими интересами.

Это материалистическое положение было обосновано Марксом и Энгельсом в процессе критики идеалистической социологии, прежде всего религиозно-мистической концепции Гегеля, согласно которой государство есть результат развития «творческого духа», шествие бога в мире, действительность нравственной идеи, образ абсолютного разума. Критикуя гегелевскую концепцию, Маркс еще в 40-х годах выдвинул положение о том, что государство есть не определяющее, а определяемое историческое явление, находящее свое собственное материнское лоно, свою собственную основу в гражданском обществе. В работе «К критике гегелевской философии права» он писал, что государственный, политический строй общества того времени есть строй частной собственности.

Марксистское учение об определяющей роли частной собственности по отношению к государству получило дальнейшее развитие в трудах Энгельса, написанных им после Парижской Коммуны.

---

[1] См.: Herzog. D. Klassengeselschaft ohne Klassenkonflikt. Eine Studie über William Lloyd Warner und die Entwiklung der neuen amerikanischen Stratifikationsforschung. Berlin, 1965, S. 152.

Энгельс доказал, что частная собственность определяет государство не прямо, а через классы и их борьбу. Прямая связь между классами и государством всесторонне раскрыта Энгельсом в процессе анализа им разложения родового строя и образования рабовладельческого строя Древней Греции. Энгельс показывает, что в первобытно-общинном строе не было классов, государства и его органов принуждения. По его словам, государство есть продукт общества на известной ступени развития, когда оно запуталось в непримиримых классовых противоположностях, избавиться от которых оно бессильно. Оно возникло на основе появления частной собственности и классов, постепенно вытесняя и преобразуя органы родового строя.

Прежде всего государство, по словам Энгельса, отличается от родовой организации тем, что оно разделило народ для общественных целей не по родственным группам, а по территориальному признаку.

Построение государства по территориальному признаку являлось естественным, особенно в период разложения родового строя, когда все полнее развивалось разделение труда между земледелием и ремеслом, между различными разновидностями ремесленного производства, торговлей, судоходством и т. п. Вследствие этого население делилось по определенным занятиям на довольно устойчивые группы, происходило все большее смешивание членов различных родов и фратрий. Старые родовые союзы, возникшие и державшиеся в силу кровной связи, сделались недостаточными для подвижного населения. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, являющееся общепринятым во всех государствах.

Вторую политическую черту государства составляет учреждение публичной власти, не совпадающей по своей функции с властью вооруженного народа. Главными ее орудиями являются чиновничество, армия и полиция, которые располагают средствами принуждения: тюрьмами, принудительными учреждениями и пр. Для содержания государственной власти требовались налоги, которые взыскивались с населения чиновниками. Вместе с государством возникло право, представляющее совокупность юридических норм, законов, правовых актов, имеющих принудительный характер, выражающих волю и интересы господствующего класса.

Когда не было классов, основным средством принуждения людей к соблюдению правил общежития являлось общественное мнение. С появлением бедных и богатых, эксплуатируемых и эксплуататоров потребовалась государственная принудительная сила, которая начала осуществлять свою главную функцию — держать в повиновении большинство населения страны — рабов.

Энгельс указывает также и на внешнюю функцию рабовладельческого государства — защиту страны или завоевание других народов, пополнение класса рабов.

Внутренняя и внешняя функции характеризуют деятельность всякого государства, являющегося, по определению Энгельса, ору-

дием самого могущественного, экономически господствующего класса, при помощи которого этот класс обеспечивает и свое политическое господство и таким путем приобретает решающие средства для эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было машиной в руках рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство — органом дворянства для угнетения крестьян, капиталистическое государство — орудием буржуазии для эксплуатации наемных рабочих.

Говоря о классовой сущности различных исторических типов государств, Энгельс имеет в виду характер их деятельности, выражающей интересы эксплуататоров. Классовая сущность государства, составляющая его содержание, может проявляться и проявляется в различных формах — монархии, аристократии и демократии.

Энгельс показывает, что в во всех антагонистических формациях классовая сущность государства определяется интересами богатства, частной собственности, с которыми соразмерялись права и обязанности граждан. Так было уже в рабовладельческом государстве Греции и Рима, где граждане делились на категории по имуществу. Так было и в феодальном обществе, где политическое положение определялось размерами землевладения. Зависимость между экономическим могуществом и политическим господством существует и в буржуазных демократических республиках, в которых богатство, по словам Энгельса, пользуется своей властью не прямо, а косвенно, в виде прямого подкупа чиновников и в форме союза правительства и биржи.

Марксизм показывает, что государственная эксплуататорская власть усиливалась в связи с обострением классовой борьбы внутри страны, особенно в периоды буржуазных революций, возрастала численность армии и полиции, совершенствовался и увеличивался чиновничий аппарат, возвышающийся над обществом.

В процессе анализа опыта социальных революций Маркс и Энгельс пришли к выводу о необходимости слома старой буржуазной государственной машины, замены ее новой государственностью типа Парижской Коммуны, являющейся первой исторической формой диктатуры пролетариата.

Таким образом, в 70-х годах Маркс и Энгельс обосновали и развили дальше материалистическое понимание истории, учение о первичности экономического базиса и вторичности надстройки, о значении способа производства материальных благ в истории, о естественноисторическом процессе развития общественных формаций, о возникновении и исторически преходящем характере классов и государства и др.

* *
*

Новая историческая обстановка, сложившаяся в 80—90-х годах XIX в., потребовала дальнейшего развития и конкретизации исторического материализма, выявления роли надстройки, передовых

идей в развитии общества, в революционной борьбе рабочего класса.

За двенадцать последних лет своей жизни Энгельс написал и опубликовал ряд важных теоретических исследований, статей, предисловий к издаваемым и переиздаваемым сочинениям своим и Маркса. Вместе с тем в эти годы Энгельс максимально использует переписку как доступное и весьма действенное средство агитации и пропаганды. Кто бы ни обращался к Энгельсу: немецкие ли социалисты, сила которых внутри страны и значение на международной арене быстро и непрерывно увеличивались, или русские, которые делали свои первые революционные шаги,— «все они,— писал В. И. Ленин,— черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» [1].

В. И. Ленин в статье о переписке Маркса и Энгельса, снабженной подзаголовком: «Энгельс как один из основателей коммунизма», писал: «Богатейшее теоретическое содержание марксизма развертывается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное» [2].

Эпистолярная деятельность Энгельса стала еще обширнее после смерти Маркса. Всю переписку Энгельса пронизывает основная идея борьбы за создание и всемерное укрепление самостоятельной революционной партии рабочего класса как вождя социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Письма Энгельса дополняют его теоретические статьи, а многие из них, в которых содержатся высказывания по философским, экономическим и историческим вопросам, имеют выдающееся теоретическое и политическое значение. К ним прежде всего нужно отнести письма 90-х годов, известные в истории марксистской философии под названием «Письма об историческом материализме». Они явились новым важным вкладом в марксистское понимание общества. Письма особенно наглядно доказывают, что Энгельс наряду с Марксом должен быть назван «творцом исторического материализма» [3].

Непосредственным поводом к написанию писем об историческом материализме послужила книга немецкого буржуазного социолога П. Барта (1858—1922) [4], в которой он искажал марксистскую теорию общественного развития в духе модного в 90-х годах XIX в. вульгарно-социологического толкования истории — «экономического материализма». Кроме того, эта переписка во многом была вызвана теоретической незрелостью вождей германской и

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 263.
[3] «Einheit», 1955, H. 8, S. 765.
[4] P. Barth. Die Geschichte Philosophie Hegels und Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Leipzig, 1890.

международной социал-демократии, которые и в конце XIX в. по-прежнему видят лишь старых противников марксизма — идеалистов — и не могут усвоить методологического значения марксистской теории и использовать ее как руководство к действию.

Из всех проблем материалистического понимания истории, поставленных и решенных Энгельсом в переписке 90-х годов, наибольшее внимание уделяется проблеме соотношения материальной и духовной жизни общества, взаимодействию базиса и надстройки. Разработка этих вопросов диктовалась не столько полемикой с различного рода «опровергателями» марксизма, сколько задачами освободительной борьбы пролетариата в «мирных» условиях конца XIX в.

В обстановке, когда рабочее движение и марксизм «идут вширь», когда важнейшей задачей социал-демократических партий становится подготовка сознания масс для грядущих битв, Энгельсу приходилось решать те вопросы марксистской теории, которые раньше в силу тех или иных причин не освещались в ней детально. Проблема взаимоотношения общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки интересует Энгельса главным образом в связи с определением роли идей. На первый план был выдвинут вопрос о формах общественного развития, о путях образования идеологических отношений, обусловливаемых действием социально-экономических отношений, о способе и характере их обратного воздействия на это экономическое основание, о специфических чертах и общественной роли различных форм общественного сознания.

Такой направленности теоретических исследований Энгельса в этот период способствовали и письма-запросы его корреспондентов, интересовавшихся марксистской концепцией общественного развития, с которой они в своем большинстве были знакомы только в изложении буржуазных профессоров. В этом отношении интересно письмо одного из будущих инициаторов философского ревизионизма в германской социал-демократии К. Шмидта к Энгельсу (20 октября 1890 г.). В связи с появлением книги П. Барта Шмидт писал: «Главный аргумент Барта заключается в том, что он считает возможным исторически доказать влияние неэкономических (особенно политических) процессов на экономическую основу. Это не противоречило бы материалистическому пониманию истории, если бы сами неэкономические процессы в свою очередь могли быть объяснены из экономических процессов (а этого-то у Барта и нет.— *Л. Г.*). В таком случае воздействие этих последних на экономику само опять было бы экономически обосновано и все опять в основе своей было бы сведено к экономическому фактору. Именно это, кажется мне, следовало бы доказать по отношению к Барту. Если это было бы невозможно доказать, тогда марксовское понимание истории не было бы выдержано в самом его строгом смысле. Экономика не была бы больше единственно определяющим фактором, другие самостоятельные, не выводимые из нее процессы стали бы влиять на экономический ход развития, в то

время как у Маркса как раз самостоятельность таких влияющих процессов объявляется иллюзией»[1].

Эпистолярная форма теоретических исследований Маркса и Энгельса не уменьшает их научной ценности. К тому же письма Энгельса об историческом материализме зачастую представляют собой маленькие статьи с конкретным анализом какой-нибудь одной, а то и нескольких сторон важнейшей проблемы взаимодействия базиса и надстройки.

В современную эпоху, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, проблема взаимоотношения базиса и надстройки, активной роли идеологии является жгучим вопросом революционных преобразований. Именно этот факт заставляет нынешних ревизионистов вновь и вновь всячески фальсифицировать марксистское понимание существа базиса и надстройки, их взаимодействия, правильность которого подтвердила Великая Октябрьская социалистическая революция и социалистические преобразования в странах народной демократии. Поэтому письма Энгельса 90-х годов XIX в. служат боевым оружием марксизма, которое никогда не стареет в борьбе с его противниками.

Посвятив себя «Капиталу», Маркс смог по многим вопросам пролетарского мировоззрения дать лишь основополагающие идеи. В силу общеметодологической разработки этих идей они нередко неверно воспринимались людьми, считавшими себя марксистами, но не усвоившими при этом души марксизма — его метода революционной диалектики. В результате теоретики из «молодых», не имея никакого представления о научно-методологическом значении исторического материализма, пытались противопоставить материалистическому пониманию истории свою собственную, идеалистическую концепцию общественного процесса, включающую наряду с обычными идеалистическими положениями также учение вульгарного «экономического материализма», основные положения которого ревизионисты вслед за буржуазными критиками связывали с именами Маркса и Энгельса.

В сущности же это был не материализм, а извращение материалистического понимания истории в духе модного тогда буржуазного позитивизма. Характерной особенностью так называемого «экономического материализма» явилось сведение всего многообразия общественной жизни лишь к экономике, к тому же нередко извращенно понятой. Исторический материализм изображался «критиками» как односторонняя, фаталистическая концепция, рассматривающая общественный процесс исключительно с точки зрения автоматического действия экономического фактора и несовместимая с признанием активной роли идеологии, всей надстройки в жизни общества. Так, немецкий буржуазный вульгарный экономист В. Зомбарт, мнивший себя «марксоведом», писал: «Марксистская теория умалила идеальные силы самого социального движе-

[1] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 65, № 5055/9008.

ния. По мере того как привыкали доказывать неизбежность социализма научными аргументами, утрачивался смысл творческого идеала»[1]. Здесь искажено все: Маркс говорит об идеалах, целях, основанных на научном анализе прежде всего экономического развития. Зомбарт делает отсюда вывод об игнорировании марксистами активной роли идеологии, политики, личности в общественном процессе.

Защищая и разрабатывая теорию Маркса, Энгельс всегда выделял те проблемы научного социализма, которые имели актуальное значение для рабочего движения в конкретной исторической ситуации. С начала 80-х годов XIX в. представители «экономического материализма» под флагом борьбы с «односторонностью» марксизма обрушили огонь своей критики на марксистское учение о сущности и роли материальной основы общественного развития. Разоблачая вульгарно-механистическую методологию «экономического материализма», Энгельс показал, что дело тут не только и не столько в том, что представители вульгарного материализма односторонне оценивали общественные явления. Такое понимание вопроса, в сущности, было бы оправданием экономического материализма. Главное заключалось в том, что «критики» порвали с научным марксистским пониманием экономической жизни общества. Сама экономика понималась обычно не как совокупность производственных отношений, а идеалистически. П. Барт утверждал, что экономическая основа общества, как и все общественные отношения, может рассматриваться лишь как функция человеческой души, главным образом человеческих знаний и понятий[2]. Это в свою очередь приводило к неверному толкованию политики, надстройки в целом и их роли в общественном развитии.

Энгельс решительно отверг приписываемые историческому материализму положения об исключительном влиянии экономики на историю, об автоматическом движении истории и отрицании активной роли надстроечных явлений в обществе.

Раскрывая существо главного принципа марксистской теории исторического процесса, Энгельс прежде всего большое внимание уделяет анализу вопроса о единстве и различии категорий «способа производства» и «базиса». Это одинаковые, но не тождественные понятия. Экономическая структура общества, его базис — это лишь одна сторона способа производства. Вместе с тем базис нельзя рассматривать как простой механический результат вычитания из способа производства другой его стороны — производительных сил, которые якобы не играют никакой роли в определении духовной жизни

---

[1] В. Зомбарт. Социализм и социальное движение. СПб., 1906, стр. 61.

[2] См.: П. Барт. Философия истории как социология. СПб., 1900, стр. 334—338. Этот тезис и аргументы Барта, нашедшие широкое хождение среди не только буржуазных, но также и социал-демократических «критиков» марксизма в конце XIX — начале XX в., с усердием, достойным лучшего применения, повторяются и современными «марксологами» (см., например: E. Böse. Materialistische Geschichtsauffassung. Hamburg, 1948, S. 25; H. B. Acton. The illusion, epoch: marxism-leninism as a philosophical creed. London, 1955, S. 100).

общества. Производительные силы как конечная основа общественного развития оказывают влияние на изменение духовной жизни общества, но это влияние опосредовано, оно преломляется через базис, через производственные отношения, которые непосредственно рано или поздно изменяются вслед за изменившимися производительными силами.

В ходе решения задач, связанных с освободительной борьбой пролетариата и созданием действительной науки об обществе, и в борьбе с разного рода фальсификаторами марксизма Энгельс вносил определенные уточнения в марксистское учение об экономической обусловленности общественной жизни, углублял и развивал само понятие экономических отношений. В письме к В. Боргиусу от 25 января 1894 г.[1], раскрывая взаимодействие различных сторон общественной жизни, Энгельс указывал, что действительная история экономических отношений несводима к какому-нибудь одному фактору, она предполагает в качестве необходимого условия взаимосвязь различных сторон живого исторического общественного процесса. В обществе, писал Энгельс, целесообразная трудовая деятельность людей выступает во всем многообразии отраслей: промышленности, транспорта, сельского хозяйства, науки, техники. Соответственно этому разнообразию деятельности людей возникают и разнообразные отношения в процессе производства. Но это разнообразие — в единстве. Люди, участвуя в совокупном процессе общественного производства данного периода, являются носителями отношений производства, определяемых уровнем развития производительных сил.

Фокусом исследований Маркса и Энгельса был прежде всего анализ производственных отношений, потому что только они составляют специфическую сторону общественного производства, раскрывают тот особый характер и способ, каким осуществляется соединение средств производства с людьми, только они различают отдельные экономические эпохи общественного строя. Но поскольку в действительной жизни производственные отношения неразрывно связаны с производительными силами, с процессом производства, Энгельс, определяя понятие «экономические отношения» в широком смысле, включает в него и способ производства, одну сторону которого составляют производственные отношения.

Прослеживая дальше реальное многообразие всех общественных взаимоотношений, Энгельс связывает «экономические отношения» с географической средой, плотностью народонаселения. Способ производства каждой эпохи включает в себя свойственную этой эпохе зависимость труда от природных условий, свои законы роста народонаселения. В письме к Боргиусу Энгельс предупреждал, что было бы неверным отождествлять собственно явления общественного процесса с той социальной ролью, которую они играют в обществе, оказывая взаимодействие друг на друга. То обстоятельство, что производственные отношения не мыслятся в от-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 174—177.

рыве от производительных сил, не означает, что производительные силы сами по себе включаются в понятие экономической структуры, базиса общества. Сказанное тем более относится к таким явлениям, как географическая среда и другие природные силы.

В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и в отмеченном письме к Боргиусу Энгельс не расширяет марксистское понятие производства, как это ему пытаются приписывать разного рода «критики», а лишь подчеркивает отличие условий существования какого-либо явления от самого явления. Если возможно существование условий до возникновения явления, то явление, ничем не обусловленное, невозможно. Здесь Энгельс различает общественное значение производства и его естественные предпосылки. Это во-первых.

Во-вторых, в борьбе с «экономическим материализмом» Энгельс акцентирует внимание на марксистском понимании единства и многообразия социальной детерминации. Задача исторического материализма, признающего сложность, многообразие явлений социальной истории, заключается в том, подчеркивает Энгельс, чтобы объяснить их существование и взаимодействие друг с другом лишь в *конечном счете* экономическим развитием, отразившим прогресс производительных сил. Формулируя основное положение о роли и значении производственных отношений в развитии общества, Энгельс писал: «Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки... Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...»[1]. Последняя формулировка понимается в том смысле, что не все явления общества прямо, непосредственно определяются производством. Огромную роль играет борьба классов и другие общественные отношения, среди которых и особенно на ранних стадиях развития общества далеко не последнюю роль играют семейные отношения. В действительной жизни все причины общественного развития составляют относительное единство. В этой диалектике — сложность самой жизни. Если бы, указывал Энгельс, экономическое движение было единственной причиной общественного развития, то применение материалистической теории к анализу любого исторического периода было бы легче решения самого простого уравнения с одним неизвестным.

Уделяя решающее внимание разработке вопроса об антагонистической природе экономического базиса при капитализме, Энгельс также поставил вопрос и об экономической структуре будущего социалистического базиса, в частности о способе распределения при социализме. Эти мысли, высказанные в письме к К. Шмидту от 5 августа 1890 г., непосредственно примыкают к положениям К. Маркса, сформулированным в «Критике Готской программы», о

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 394—395.

двух фазах коммунистического общества. Жизнь покажет, писал Энгельс, какие конкретные формы и принципы распределения должны иметь место при социализме. В 90-х годах XIX в., здраво рассуждая, можно только «1) попытаться отыскать способ распределения, с которого, будет *начато,* и 2) постараться найти *общую тенденцию* дальнейшего развития» [1].

В борьбе против вульгаризаторства и упрощенчества марксистской теории, отстаивая и развивая материализм, прежде всего в вопросах происхождения и сущности экономических отношений, Энгельс, как и Маркс, не отрицает роли субъективного фактора, творческой активности людей, сознания, личности, как ему пытались и пытаются приписать различного рода «критики марксизма» [2]. Материализм в истории, которого так пугаются «критики», писал Энгельс, не отрицает реальности идеологии, обратного воздействия надстройки на ее экономическое основание. Он лишь раскрывает и объясняет направление этого влияния, его возможные пределы.

В период формирования и развития марксизма, когда идеализм господствовал в общественных теориях, в которых на «историю,— и в целом и в отдельных частях,— смотрели как на постепенное осуществление идей, и притом, разумеется, всегда только любимых идей каждого данного философа» [3], Маркс и Энгельс делали главный упор на выведении политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе. И так, добавляет Энгельс, мы должны были делать. «При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» [4].

В признании определяющей, главной роли экономических условий жизни, общественного бытия людей состоит решающий вывод материалистического понимания истории. Но из того, что говорится о главной роли экономических отношений, нисколько не отвергается существование других сторон общественной жизни, имеющих не главное, не решающее, но весьма существенное значение в общем взаимодействии.

В письме к Боргиусу Энгельс писал, что нет автоматического действия экономического положения, «а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обусловливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия ... являются в конечном счете все же решающими...» [5].

Формулой «в конечном счете» Энгельс выступил как против исторического идеализма, рассматривающего идеи, мысли в качестве

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 370—371.

[2] Так, П. Барт уже после смерти Энгельса не уставал повторять: «У Маркса и Энгельса совершенно отсутствует указание на обратное влияние идеологии на народное хозяйство» (см.: П. Барт. Философия истории как социология. СПб., 1900, стр. 350).

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 305.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 82.

[5] Там же, стр. 175.

самостоятельных сущностей, так и особенно против вульгарного материализма.

В борьбе против извращений исторического материализма, указывал Энгельс, огромное значение приобретает вопрос о характере связи различных частей надстройки с базисом, о понятии идеологии, о механизме извращенного сознания. Энгельсу принадлежит заслуга историко-материалистического анализа происхождения и развития идеологических форм — политических и правовых взглядов, нравственности, искусства, философии, религии,— раскрытия взаимодействия их как с материальной основой общественной жизни, так и между собой.

Маркс и Энгельс отметили сложность надстройки как системы различных форм общественного сознания, взглядов, идей и соответствующих им учреждений и отношений. Они указали на своеобразный, неодинаковый характер зависимости различных частей надстройки от базиса. Если рассматривать надстройку в целом, то она непосредственно связана с базисом, непосредственно определяется экономической структурой общества. Но надстройка не есть нечто однородное, она представляет собой сложную систему. Различные ее части неодинаково относятся к материальной основе, по-разному взаимодействуют с базисом. Одни, как, например, политические, правовые и другие учреждения и соответствующие отношения людей, непосредственно примыкают к базису, другие, как, например, идеологические формы, после возникновения государства, права и других учреждений, связаны с базисом опосредованно, через эту первую группу. Эти различия были вскрыты Марксом в предисловии «К критике политической экономии», которые были рассмотрены в дальнейшем Энгельсом в труде «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

Развитие Энгельсом марксистской теории о взаимодействии базиса и надстройки, о характере зависимости общественного сознания от общественного бытия, о сущности и специфике каждого элемента надстройки нашло яркое выражение в его учении о двух видах, группах надстройки и их своеобразной связи с базисом и между собой. Речь идет, с одной стороны, о государстве и других материальных элементах надстройки, т. е. об учреждениях и отношениях (политических и т. д.), которые, будучи производными от экономического базиса общества, не являются, однако, идеологическими отношениями. Последние образуют вторую группу надстроечных явлений, которые относятся к экономическому базису, как сознание к материальной жизни общества. Их Энгельс называет «идеальной надстройкой»[1]. Содержание идеального всегда материально по своему источнику, происхождению, в какой бы форме оно ни выступало. Сознание, писали Маркс и Энгельс, не может быть не чем иным, как осознанным бытием. Под содержанием идеологии, ее различных форм понимаются не сами производственные

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 90.

отношения, а то, как люди воспринимают их, тот мыслительный материал, в котором отражено бытие людей.

Понятие «идеология» основоположники марксизма употребляют в нескольких аспектах. Прежде всего в широком смысле как синоним понятия «общественное сознание», куда входят не только идеологические формы, но и психология классов и наций. В этом смысле общественное сознание представляет собой совокупность всех идей, взглядов, теорий и социальных чувств данного общества, совокупность всего того, что является отражением жизни общества в сознании как его отдельных представителей, отдельных классов, так и всего общества в целом. «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений» [1].

В более узком смысле идеология понимается как совокупность различных систематизированных идей, взглядов, теорий об обществе, выражающих интересы и потребности определенных социальных групп, независимо от того, истинны они или ложны. Юридические, политические, нравственные, художественные, религиозные, философские воззрения различных классов потому являются идеологическими формами общественного сознания, что они порождаются базисом и отражают его. Они представляют собой такое содержание общественного сознания, в котором люди так или иначе осознают конфликт между производительными силами и производственными отношениями и борются против него. Различные формы идеологии как часть общественного сознания отличаются большей систематизацией, стойкостью, которая объясняется тем, что возникновение идеологий связано с общественным разделением умственного и физического труда и создается особой группой людей — идеологами.

Наиболее широкое распространение получило у Маркса и Энгельса употребление термина «идеология» для обозначения иллюзорного, фантастического, искажающего действительность сознания, которое характерно для господствующих классов в эксплуататорском обществе. «Идеология,— писал Энгельс в письме к Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г.,— это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [2]. «Идеологами» они называли тех представителей эксплуататорских классов, в теориях которых реальная объективная действительность выступала в извращенном виде. Идеологией Энгельс, как и Маркс, называл не только измышления младогегельянцев, «истинных» социалистов, Прудона и пр., но и различные теорийки представителей социал-демократического ревизионизма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 145.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 83.

Борьба Маркса и Энгельса против буржуазной идеологии как идеалистического искажения объективной реальности не означает отрицания ими всякого идеологического отражения действительности и его активной роли в обществе. Там, где Маркс и Энгельс рассматривали идеологию в этом узкоспецифическом смысле, они противопоставляли «идеологию» научно познанной действительности. В корне ошибаются те, кто приписывает основоположникам марксизма взгляд на идеологию лишь как на извращенное представление о природе и обществе, кто утверждает, что идеология для Маркса и Энгельса лишь ругательное слово. Так, М. Ланге, в своей нашумевшей книжонке противопоставляя марксизм науке, объявляет его только идеологией, которая по своей природе иррациональна, алогична: диалектический материализм «в сущности трансформирует коммунистическую теорию революции в философское учение» [1]. Эти мысли на разные лады повторяются и другими «марксоведами». Известный антимарксист И. Фетчер, пытаясь сконструировать различие во взглядах основоположников марксизма в связи с их отношением к такой идеологической форме, как философия, заявлял, что хотя они оба говорят о необходимости уничтожения философии, но при этом у Маркса будто бы философия по мере своего осуществления вообще перестает существовать, а у Энгельса она фактически сохраняется, превращаясь в «простое мировоззрение». Если Маркс якобы говорит еще о философии пролетариата, то «у Энгельса она превращается в развернутое, всеобщее пролетарское мировоззрение» [2].

В действительности из того факта, что Маркс и Энгельс весьма широко, особенно в период формирования марксизма, разработали теорию идеологии как ложного сознания и сам термин «идеология» употребляли в основном для характеристики этого сознания, отнюдь не следует делать вывод о том, что с их точки зрения общественное сознание любого класса везде и всегда носит фантастический, мистифицированный характер.

Произведения Маркса и Энгельса убеждают нас в том, что понятие «идеология» употреблялось ими и для характеристики правильного научного отображения бытия. Сама разработка теории идеологии как ложного сознания была возможной потому, что Маркс и Энгельс исходили из необходимости создания научной идеологии, хотя у них и не было этого термина. Свое собственное мировоззрение они считали наукой, стоящей на страже интересов революционного рабочего класса.

В этом особенно большая заслуга Ф. Энгельса. Энгельс проводит идею о том, что идеология, особенно такая ее форма, как философия, в своем развитии должна стать наукой и в качестве таковой соединиться с жизнью, практикой, воплотиться в ней. Наряду с этой познавательной функцией философии, Энгельс постоянно подчеркивал ее роль как формы общественного сознания, ее идеологи-

[1] M. Lange. Marxismus-Leninismus-Stalinismus. Stuttgart, 1955, S. 139.
[2] I. Fetscher. Von proletarischer Philosophie zur proletarischen Weltanschaung. «Marxismus Studien». Zweite Folge, 1957, S. 40—43.

ческую функцию. Чем смелее и решительнее, писал Энгельс в работе «Людвиг Фейербах...», выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями единственно революционного класса — пролетариата [1].

В дальнейшем из отдельных идей и набросков Энгельса В. И. Ленин разработал теорию научной идеологии. Впервые в истории, писал В. И. Ленин, марксизм в силу присущего ему имманентного единства партийности и объективности несет в себе черты «научной идеологии». Эта особенность марксизма, где полностью преодолевается противоположность между наукой и идеологией, где научность и партийность дополняют друг друга, привела к тому, что впервые сама философия стала предметом научного исследования как форма общественного сознания.

И этот факт, что марксизм с самого начала формировался как пролетарское мировоззрение, а, следовательно, в этом вопросе не могло быть никаких расхождений между Марксом и Энгельсом, полностью опровергает «критические» построения Фетчера и других «марксологов».

С самого начала своей теоретической и практической деятельности, объявив непримиримую борьбу фатализму и волюнтаристскому субъективизму — двум противоположным, но одинаково ложным концепциям в трактовке места и роли субъективного фактора в историческом прогрессе,— основоположники марксизма не только никогда не отрицали величайшее значение субъективного фактора в истории, но впервые раскрыли его истинную природу и роль в обществе. Это и не могло быть иначе. Анализ субъективного фактора на основе диалектико-материалистической методологии в первую очередь давал возможность вскрыть механизм воздействия человека на окружающую его действительность с целью ее революционного преобразования.

Развивая и по-новому аргументируя марксистскую идею внутреннего единства общих объективно детерминирующих закономерностей и многообразных форм духовного творчества, «идеальной надстройки», Энгельс разрабатывал ее в непримиримой борьбе с фатализмом и волюнтаризмом, которые своей ложной односторонностью либо тормозили революционную активность масс и партий, либо дезориентировали ее.

Подобно тому как Маркс никогда не был фаталистом, не признающим роли и значения субъективного фактора в историческом развитии, хотя прежде всего подчеркивал главный принцип материализма, так и развитие Ф. Энгельсом в 80—90-х годах XIX в. преимущественно проблем относительной самостоятельности общественного сознания не означало ни изменения главного материалистического принципа понимания истории, ни отступления от него. Этот принцип оставался по-прежнему главным и определяющим, а вопрос об относительной самостоятельности идеологии, надстройки в целом был лишь дополнением к нему, более подробным разви-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 317.

тием той стороны теории, которая в свое время не получила должного теоретического освещения. И это вовсе не было результатом запоздалого размышления ранее не замеченной стороны теорий, а вынужденным упущением, вызванным определенными обстоятельствами.

Раскрыв методологические принципы фатализма, Энгельс решительно выступил также против попыток буржуазных и реформистских идеологов изобразить социальный процесс в духе идеализма и свойственных ему иллюзий о независимости сознания от бытия. Энгельсу принадлежит заслуга замечательного всестороннего анализа корней идеализма в исторических теориях, вскрытия причин и обстоятельств, породивших видимость независимости идеологии, которая и поныне используется буржуазными апологетами для проповеди иллюзии о первичности сознания [1].

Выступая против идеалистического признания абсолютной самостоятельности идей в общественной жизни, Энгельс теоретически обосновывает относительную самостоятельность общественного сознания и такого его важнейшего уровня, как идеология. Отрицание именно этой закономерности, впервые научно установленной и разработанной марксизмом, как убедительно показал Энгельс, приводило к упрощенному пониманию всего исторического процесса, своеобразия и сложности классовой природы искусства, философии, религии и т. п. В письме к К. Шмидту от 27 октября 1890 г., уточняя и углубляя понятие «относительная самостоятельность» [2], Энгельс указывает, что в нем отражена способность общественного сознания развиваться по своим внутренним специфическим законам, действующим в пределах конечной зависимости идеологии от экономического развития общества. Каждая область общественного сознания располагает определенным мыслительным материалом, самостоятельно образовавшимся из мышления прежних поколений и прошедшим «самостоятельный, свой собственный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений» [3]. Суть проявления относительной самостоятельности идеологических форм состоит в том, что они развиваются не только по законам бытия, но и по законам логики, не только по материальным законам, но и по законам сознания.

Свое содержание и характер отражения идеологические формы общественного сознания черпают из главной причины — из экономических отношений. Но, подчеркивал Энгельс, поскольку главная причина находится за пределами самих идей, предпосылкой развития идеологии, ее активности является природа самого идеологического процесса, сложность его развития и зависимость от материального бытия, которая опосредуется взаимосвязью различных форм общественного сознания и проявляется в первую очередь в

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 414—422, т. 39, стр. 82—86.

[2] Впервые этот термин был употреблен Ф. Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 83.

преемственной связи идей. Очевидность этого взаимодействия Энгельс прослеживает прежде всего на примере таких «идеологий более высокого порядка», как философия и религия. Рассматривая взаимоотношение философии с экономическими отношениями, Энгельс отмечал, что экономика, безусловно, воздействует на имеющийся философский материал, доставленный предшественниками. Но ее воздействие опосредовано: «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [1].

Исходя из преемственности философских идей как важнейшего проявления их относительной самостоятельности, Энгельс резко осуждал негативный подход ко всему прошлому наследству. В полемике с П. Бартом, объявившим историю философии лишь «грудой развалин» не оправдавших себя систем [2], Энгельс писал, что это верный путь «из ничего через ничто прийти к ничему». В связи с этим давая советы К. Шмидту, как читать Гегеля, Энгельс подчеркивал: «Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное» [3].

В работе «Людвиг Фейербах...» и письмах об историческом материализме Энгельс углубил анализ, данный в труде «Анти-Дюринг», такой формы идеологии, как религия. Отмечая, что она возникает еще в бесклассовом обществе, т. е. в условиях, когда не было таких экономических отношений, которые бы порабощали человека, Энгельс спрашивает, можно ли отсюда сделать вывод, что в условиях бесклассового первобытного общества религия не имела экономических корней, и отвечает на этот вопрос отрицательно. Энгельс показывает, что условием возникновения религии был именно крайне низкий уровень экономического развития общества, или, как говорит Энгельс, «отрицательное экономическое развитие». Стихийные силы природы господствуют над человеком вследствие неразвитости производительных сил общества. Этим отличается марксистский взгляд по данному вопросу от взгляда домарксового материализма, который может говорить о господстве сил природы над человеком, о страхе, который вызывают эти силы, порождая религию, совершенно упуская из виду исторически преходящий характер самого этого факта, т. е. господство стихийных сил природы над человеком. Развитие производительных сил ведет к освобождению человека от господствовавших над ним стихийных сил природы, к завоеванию человеком природы, наконец, к господству человека над природой. Но исчезает ли в связи с этим религия? Отнюдь нет, хотя постепенно и уменьшается господство сил природы над человеком. Оказывается, здесь материальные отноше-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 420.

[2] См.: P. Barth. Die Geschichtephilosophie Hegels und Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Leipzig, 1890, S. 101.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 177.

ния выступают уже в новом виде — как господство стихийных сил общественного развития над человеком, как господство антагонистических отношений, как господство одного класса над другим.

Религия, как и всякая идеология, пишет Энгельс, развивается со всей совокупностью существующих представлений, которые образовались еще в первобытные времена, и подвергает их дальнейшей переработке. Она сохраняет известный запас представлений, «но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, следовательно, экономическими отношениями людей, делающих эти изменения» [1]. Наличный определенный материал религиозных представлений, начиная от наивного представления дикаря о том, что душа после смерти отделяется от тела, покидает его, и кончая христианским представлением о том, что бог создал мир из ничего, изменяет свою форму, изменяется также его содержание, но как оно изменяется — это зависит, конечно, от данных экономических, классовых условий. Следовательно, здесь экономика действует соответственно со спецификой данной формы общественного сознания.

Влияние экономического развития на идеологию — форму общественного сознания — Ф. Энгельс видит не в том, что экономика уничтожает идеологический запас прошлых веков и на его месте создает новый, а в том, что она определяет направление и характер дальнейшего развития уже имеющегося налицо мыслительного материала. История — великий процесс, где все, пишет Энгельс, происходит «в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно» [2]. Поэтому если непосредственно выводить все содержание идеологии из экономики, как это делают представители «экономического материализма», тогда, конечно, не приходится говорить об ее относительной самостоятельности, тогда преемственность не имеет никакого значения. Но если исходить из того, как учит Энгельс, что экономика лишь определяет характер развития идей, тогда понятно, что без известного предшествующего развития последующий прогресс невозможен.

Преемственность, указывает Энгельс, есть не простое перенесение прошлых идей в новую эпоху, не пассивное заимствование всего содержания используемых идей, теорий, систем. Преемственность, по Энгельсу, это органическое единство двух моментов: наследования и критической переработки предыдущего мыслительного материала. Раскрывая связь последующих и предшествующих ступеней развития общественного сознания, Энгельс подчеркивал, что каждый стиль в искусстве, каждая школа в науке, каждое направление в философии имеет свои особенности, свое особое содержание, а следовательно, и свои особые закономерности преемственности идейного содержания. Одно дело преемственность в историческом

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 315—316.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 420—421.

развитии религии, другое дело преемственность в историческом развитии философии, где происходит специфическая для нее, как закон, борьба материализма и идеализма, которая, конечно, накладывает свою печать на характер преемственности. Совсем иной характер преемственности в развитии естествознания, где, конечно, тоже борются материализм и идеализм, но нельзя утверждать, что борьба между материализмом и идеализмом есть специфический закон развития наук о природе.

В полемике с П. Эрнстом, объяснявшим вопрос о социальном содержании и классовой обусловленности творчества художника (например, норвежского писателя Г. Ибсена) простой ссылкой на принадлежность автора к мелкой буржуазии, Энгельс не только разоблачил это упрощенчество, эту вульгаризацию, но и глубже обосновал марксистскую аргументацию о классовости идеологии, поставил и решил вопрос о процессе оформления идейного содержания представления того или иного класса в связи с общественным бытием. Развивая мысль Маркса о том, что «не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников» [1], Энгельс указывал, что классовый характер идеологии вообще, творчества того или иного художника, философа, писателя в частности, по своему содержанию и форме определяется не происхождением, положением или личной симпатией автора, а тем, с позиций какого класса он воспринимает мир, укреплению позиций какого класса объективно способствует его творчество. «В том, что Бальзак..,— писал Энгельс,— ...вынужден был идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, в том, что он *видел* неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и в том, что он *видел* настоящих людей будущего там, где их в то время единственно и можно было найти,— в этом я вижу одну из величайших побед реализма и одну из величайших черт старого Бальзака» [2]. Классовость идеологии не означает того, что материальные интересы класса являются непосредственным предметом и содержанием всех форм идеологии. Если бы дело обстояло так просто, тогда не нужно было бы анализировать сами идеи, достаточно было бы установить только классово-сословную «аттрибуцию». Но одной экономикой, одной классовой принадлежностью автора невозможно объяснить не только творчество Ибсена, «доктора социологических наук» Бальзака, реалистически воспроизведшего действительность «июльской монархии», несмотря на свои личные симпатии к дворянству, но также нельзя понять, почему сторонник абсолютной монархии, самодержавия в Англии Гоббс явился «первым современным материалистом», почему «в немецкой философии от Канта до Гегеля отразился немецкий обыватель — то в позитивном, то в негативном смысле» [3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 148.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 37
[3] Там же, стр. 419.

Подобный классовый, политический подход характерен для Энгельса не только в оценке самой личности идеолога, но и в оценке тех философских систем и теорий, которые они создали. Энгельс показал, что если в сознании философа может неправильно отражаться действительность, то здесь не исключена возможность, что сами авторы философских систем далеко неправильно осознают истинный смысл своих собственных творений. Поэтому, согласно марксистскому пониманию принципа историзма и идейной преемственности, Энгельс считает необходимым оценивать философские системы прошлого не по тому, как они являлись в головах самих творцов, которые, оперируя с мыслями как с самостоятельными сущностями, далеко неправильно осознают истинный смысл своих собственных творений, а по тому, как в них отражена связь с их историческим существованием, с эпохой. Но сама эта историческая связь утверждается как развитие и преемственность в истории философских идей, устанавливающих связь более ранних систем с поздними.

Этот вывод и требование Энгельса привели к другому, чрезвычайно важному принципу, положенному им в основу методологии истории философии. Поскольку у идеологов господствующих классов наблюдается иллюзорное представление об их собственных теориях, постольку нельзя по общественному сознанию (философии и т. д.) эпохи судить о самой эпохе.

Освободиться из плена философских иллюзий историк может только сойдя с почвы чистой идеологии, филиации идей и найдя земную классовую основу. То обстоятельство, писал Энгельс, что «Лютер и Кальвин «преодолевают» официальную католическую религию, а Гегель — Канта и Фихте, если Руссо своим республиканским общественным договором косвенно «преодолевает» конституционалиста Монтескьё...» [1], не должно рассматриваться как процесс, который остается внутри теологии, философии, государственной теории, как процесс, не выходящий «за пределы мышления», как «чистая победа мысли», не отразившая в области мышления изменившихся экономических фактов.

Энгельсу принадлежит заслуга не только анализа сложности идеологического процесса как процесса отражения действительности в сознании людей, но и механизма этого отражения. В этом отношения большое методологическое значение имеет письмо Энгельса Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. Именно в нем Энгельс, теоретически обосновывая положения об относительной самостоятельности идеологии, наряду с борьбой против вульгарного экономического материализма, отрицавшего внутренние закономерности развития идеологических форм, решительно выступил против попыток изобразить этот социологический процесс в духе идеализма и свойственных ему иллюзий о независимости сознания от бытия. Энгельсу принадлежит заслуга замечательного всестороннего анализа корней идеализма в исторических теориях, вскрытия причин и обстоя-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 83.

тельств, породивших видимость независимости идеологии, которая и поныне используется буржуазными апологетами для проповеди иллюзии о первичности сознания.

В письмах об историческом материализме Энгельс вскрыл материальные основы относительной самостоятельности идеологии в общественном разделении физического и умственного труда [1]. С противопоставлением в классовом обществе умственного и физического труда, писал Энгельс К. Шмидту, духовное производство, развитие идей лишь до некоторой степени обособляется от материальной жизни общества. Однако это обстоятельство в классовом обществе всячески искажается. Поскольку идеология в различных ее формах создается особой группой людей (законодатели, юристы, философы, ученые и т. д.), которые оторваны от материального производства и по внешней видимости не связаны с борьбой определенных классов, буржуазные идеологи пытаются представить дело таким образом, что будто бы мыслительный процесс есть абсолютно самостоятельный мир. Так как речь идет о мыслительном процессе, они, писал Энгельс, выводят «как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» [2]. Из того факта, что идеологический процесс совершается *при посредстве* мышления, идеалисты делают вывод, что «всякое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении...» [3], что люди все время продолжают оставаться в сфере чистой мысли. В результате в идеологических воззрениях буржуазии отражение экономических и социальных отношений стоит вверх ногами — «этот процесс отражения происходит помимо сознания действующего; юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражения экономических отношений» [4].

Раскрывая дальше вопрос об относительной самостоятельности общественного сознания, Энгельс показывает, что она находит яркое выражение и в той активной роли, какую играют его различные формы в историческом развитии. При этом, на наш взгляд, нельзя отождествлять понятие активности идеологии и ее относительной самостоятельности. Активность — это обратное воздействие идеального на свою материальную основу. Но сама эта активность определяется относительной самостоятельностью идеологии в ее развитии. Ускорять или замедлять ход исторического развития идеология может потому, что она относительно самостоятельна. Последнее проявляется помимо преемственной связи идей также и в отставании общественного сознания от общественного бытия, а в некоторых случаях и в возможности его опережения.

---

[1] См. об этом письмо Энгельса К. Шмидту от 27 октября 1890 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 415.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 83.
[3] Там же.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 418.

Именно эта черта относительной самостоятельности идеологии и проявляется в активной роли ее, в активном влиянии идеологии на базис.

Развивая мысль Маркса о том, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[1], Энгельс показал, в чем и как проявляется активная роль идеологии, поставил вопрос об условиях, при которых общественные идеи становятся великой силой в историческом процессе. Идеи и теории, являясь выражением материальных, экономических потребностей развития общества, воздействуют на людей, заставляя их поступать согласно своим требованиям и нормам. И это действие, писал Энгельс, тем сильнее, чем правильнее и глубже выражены потребности общественного развития.

Активность идей наиболее ярко прослеживается на деятельности передовых классов. Борьба любого исторически передового класса не могла бы быть успешной, если б его не воодушевляли созданные классовыми идеологами истинные или ложные идеалы грядущего, к которому они стремились. «Мы знаем теперь,— писал Энгельс об идеях французской революции,— что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность... Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»[2]. Как бы ни были иллюзорны идеи, провозглашенные буржуазными просветителями, без их вдохновляющего влияния буржуазия, все третье сословие не могли бы начать борьбу с феодализмом и осуществить основные задачи буржуазной революции.

Рассматривая вопрос об активности идеологии, Энгельс не ограничивает его анализом роли передовых идей в жизни общества. Так же активна и роль идеологии уходящего класса. Идеи этого класса оказывают воздействие на общество даже тогда, когда они уже не отражают условий жизни людей, не соответствуют этим условиям. Существование их, писал Энгельс, определяется присущей идеям консервативностью, способностью передаваться по наследству в силу привычки, в силу традиций.

Эти теоретические положения Энгельс применил к ряду конкретных исторических исследований, в частности в работе «Развитие социализма от утопии к науке» и в английском предисловии к этому труду. На примере первых представителей нового материализма — Бэкона, Гоббса и Локка, отразивших в своих философских системах компромисс новой аристократии и буржуазии, Энгельс раскрыл роль идей в английской буржуазной революции[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 17.
[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 599—601.

Активное влияние надстройки на базис Энгельс прослеживает прежде всего на взаимоотношениях экономики и политики, на обратном воздействии государственной власти на экономическое развитие. Решающее влияние политической надстройки на экономику объясняется тем, что политика, по определению Энгельса, становится мощной экономической силой.

Государство влияет на экономическую и другие стороны общественной жизни лишь постольку, поскольку оно выражает потребности класса, господствующего в производстве. В неменьшей степени активная служебная роль государственной власти и политических идей объясняется самой природой идеологического процесса. «В лице государства,— писал Энгельс,— перед нами выступает первая идеологическая сила над человеком. Общество создает себе орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть»[1]. В качестве идеологической силы государство, возникнув в результате общественного развития, приобретает по отношению к обществу самостоятельный характер, т. е. способность обратно воздействовать на исторический процесс. Ф. Энгельс отмечал троякое действие государственной власти на экономическое развитие: государство содействует экономическому развитию и тем самым ускоряет его; оно может действовать против него, и тогда в определенный период наступает крах государственного строя; оно может в одних отношениях способствовать его развитию, а в других отношениях тормозить его[2].

Воздействие политики на экономику бесспорно. В письмах И. Блоху и К. Шмидту, доказывая идейную строгость марксизма, который не имеет ничего общего с вульгарным «экономическим материализмом», проповедовавшим бессилие политической власти, Энгельс утверждал, что коммунисты потому и борются за диктатуру пролетариата, что «насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!»[3].

В современных условиях буржуазное государство стало тормозом на пути экономического и политического развития общества, главным препятствием в борьбе рабочего класса за переход от капитализма к социализму. И никакие попытки буржуазных теоретиков и примыкающих к ним ревизионистов оправдать капиталистический строй распространением концепции «государства всеобщего благоденствия» не завуалируют подчинения буржуазного государства капиталистическим монополиям, политика которых всегда враждебна интересам народа. Уже Энгельс опроверг тезис буржуазных теоретиков о «надклассовости» государства[4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 311.

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 417.

[3] Там же, стр. 420.

[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, 21, 22. Энгельсу принадлежит заслуга развития марксистского учения о происхождении и классовой сущности государства, постановки вопроса о дальнейших судьбах государства. Но все эти вопросы становятся предметом специального исследования.

Вопрос об обратном, активном воздействии надстройки и идеологии на общество Энгельс связал и с вопросом о роли личности, особенно выдающихся исторических деятелей в области политики, философии, культуры. Согласно энгельсовской концепции социальной детерминации, творчески развитой в новых условиях В. И. Лениным, конкретное многообразие спонтанно-активного поведения личностей не только не отрицает объективной закономерности (а эти утверждения, особенно в последние годы, нередко встречаются и среди некоторой части философов в отдельных социалистических странах) [1], но и само становится возможным по мере расширения границ материальных условий.

В известном письме к В. Боргиусу Энгельс анализирует деятельность великих людей в связи с рассмотрением взаимоотношения свободы и необходимости, взаимосвязи категорий случайности и необходимости. Теоретические положения, изложенные им в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы» и позже в труде «Людвиг Фейербах...», Энгельс еще раз иллюстрирует в отмеченном письме на исторических примерах. Он указывает, что активная сознательная деятельность людей не отрицает необходимости, которая пробивается через господствующую на поверхности случайность, сквозь перекрещивающиеся различные стремления людей. Эта необходимость в конечном счете экономическая. Взаимоотношение необходимости и случайности лучше всего видно на примере роли великих людей, отдельной выдающейся личности в истории. Человеческая личность развивается тем многограннее и оказывает на ход истории тем большее влияние, чем яснее и глубже она знает законы социального развития. «Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится... Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано» [2].

История общественной, философской мысли, история передовых идей и революционного дела не знает другого равного примера великого, поистине пророческого предвидения неизбежной победы нового, социалистического общественного строя над старым, капиталистическим, какое содержится в бессмертных произведениях творцов марксизма.

Вся жизнь и деятельность Маркса, Энгельса и Ленина — это свидетельство того, какую великую роль играют передовые исторические личности, идеологи, вожди передового класса, когда они правильно, научно выражают потребности и исторические задачи своей эпохи, когда они стоят во главе народных масс, творящих историю. Именно поэтому международное Совещание коммуни-

[1] См. Karl Kosik. Die Dialektik des Konkrekten. Frankfurt am Main, 1967, S. 236.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 175—176.

стических и рабочих партий, обращаясь ко всем коммунистам, ко всем борцам за социалистическое преобразование общества, ко всем сторонникам прогресса и мира с призывом изучать труды величайшего продолжателя дела К. Маркса и Ф. Энгельса — В. И. Ленина, подчеркивает: «В них вы найдете неиссякаемый источник вдохновения для борьбы против реакции и угнетения, за социализм и мир. Знакомство с ними поможет молодому поколению яснее увидеть революционные перспективы нашей эпохи» [1].

Подводя итоги творческой деятельности Энгельса в 70—90-х годах в развитии и конкретизации важнейших проблем исторического материализма, надо еще и еще раз подчеркнуть, что поставленные и решенные им проблемы имеют значение не только для тех исторических условий. И в последующей истории марксизма борьба против вульгаризации, упрощения материалистического понимания истории занимает важное место. Еще при жизни Энгельса В. И. Ленин подверг критике взгляды «легальных марксистов». Существует прямая связь и преемственность между письмами Энгельса 1890—1895 гг., в которых нашла яркое отражение его борьба против первых проявлений «экономического материализма», и выработкой идеологических основ марксистской партии России в «Что делать?» и других работах Ленина, созданных в борьбе с «экономизмом» и меньшевизмом.

В борьбе против «легального марксизма», бернштейнианства и «экономизма» В. И. Ленин требовал развития марксистской теории в соответствии с новыми историческими условиями и задачами политического движения рабочего класса. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса,— писал он,— как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [2].

Если в досоциалистических формациях преемственность в развитии общественного сознания носила классово-ограниченный, противоречивый характер, была односторонней и непоследовательной, то в социалистической революции и в социалистическом сознании, где впервые и чем дальше, тем больше совпадают познавательная и идеологическая функции, научность и классовость, марксистский тезис об активной роли политической борьбы, субъективного фактора в целом приобрел первостепенное значение.

---

[1] «Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий». М., 1969, стр. 48.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.

ГЛАВА 7

РАЗВИТИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА В 70—90-е ГОДЫ

КРИТИКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ БАКУНИСТОВ, ЛАССАЛЬЯНЦЕВ И ДЮРИНГИАНЦЕВ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

После Парижской Коммуны, когда встала историческая задача создания массовых социал-демократических партий, вопросы о социализме и коммунизме приобрели первостепенное значение, они явились важнейшим объектом идейной борьбы между марксистами и представителями буржуазной и мелкобуржуазной идеологии.

По вопросам социализма особенно острая борьба происходила между марксизмом и такими мелкобуржуазными «социалистическими» сектами, как бакунизм, лассальянство и дюрингианство. Эта борьба, начавшаяся еще в 60-х и развернувшаяся в 70-х годах, наиболее полно обнажила враждебность эпигонских социалистических утопий массовому рабочему движению, обогатила теорию научного коммунизма новыми положениями и выводами.

В начале 70-х годов основоположники марксизма обосновывают и развивают теорию научного коммунизма прежде всего в борьбе против анархистов, которые активизировали свою деятельность в ряде стран Западной Европы, например, в Германии — прудонист Мюльбергер, в романских странах — сторонники Бакунина.

Опираясь на «Альянс социалистической демократии», бакунисты проводили дезорганизаторскую раскольническую деятельность в I Интернационале, пытаясь взорвать его изнутри и навязать ему анархистскую программу с ее требованиями «уравнения классов», воздержания от политической борьбы, построения рабочих партий на принципах автономии и федерации, «отмены права наследования» и др.

Первая марксистская критика эклектической программы и дезорганизаторской деятельности бакунистов содержится в письме «Конфиденциальное сообщение», написанном Марксом в первой половине 1870 г. и разосланном всем секциям I Интернационала.

Разоблачение Бакунина и изгнание его из редакции ежедневной французской социалистической газеты «Эгалите», выходившей под редакцией Ж. Геда, привело к еще большему обострению борьбы между марксистами и анархистами. Обвиняя Маркса и Энгельса в «тоталитаризме», в нарушении Устава I Интернационала, они усилили раскольническую деятельность в Швейцарской федерации, более активно повели пропаганду своих принципов, выступили с проповедью политического воздержания, которая становилась все более опасной в свете уроков Парижской Коммуны.

Ответом на усиление дезорганизаторской деятельности бакунистов была Лондонская нелегальная конференция, состоявшаяся в сентябре 1871 г., которая своими резолюциями о швейцарском конфликте, о политическом дезавуировании сторонника Бакунина — Нечаева, о политических действиях рабочего класса нанесла мощный удар по «Альянсу».

На основе анализа итогов Лондонской конференции Маркс в первой четверти 1872 г. написал циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале», в котором разоблачил тактику бакунистов, их двурушничество, развил учение о марксистской партии, о ее построении на принципах демократического централизма. Эта работа Маркса нанесла новый удар по бакунизму, подготовила необходимые условия для его окончательного разоблачения на очередном Гаагском конгрессе, состоявшемся в сентябре 1872 г. Материалы этого конгресса, изобличающие раскольническую деятельность бакунистов, были обработаны Марксом и Энгельсом и опубликованы под названием «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих».

После окончательного идейного разгрома бакунистов Маркс и Энгельс не прекратили борьбу против анархистов. Об этом свидетельствуют речь Маркса, произнесенная им 15 сентября 1872 г. на митинге в Амстердаме, его конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» (1874), а также работы Энгельса «К жилищному вопросу», «Бакунисты за работой» (1873), «Об авторитете» (1874) и др., в которых изложена глубокая критика теоретических и политических принципов анархизма, обобщен опыт Парижской Коммуны, обосновано и развито учение о социалистической революции, о разнообразии форм перехода от капитализма к социализму, о диктатуре пролетариата, о союзе рабочего класса и крестьянства и др.

Потерпев поражение на Гаагском конгрессе, бакунисты сосредоточили основное внимание на искажении марксистского учения. Так, например, Бакунин в книге «Государственность и анархия», вышедшей в свет в 1873 г., возлагает на Маркса и Энгельса ответственность за все то, что происходило в германском рабочем движении, в том числе и за теоретические ошибки руководителей эйзенахской партии, отождествляет марксизм с лассальянством, хотя между ними и происходила ожесточенная идейная борьба.

Известно, что Энгельс еще в сентябре 1864 г. в письме к Марксу писал о Ф. Лассале, что «он был для нас в настоящем очень ненадежным другом, в будущем — довольно несомненным врагом...»[1]. Это предвидение Энгельса целиком подтвердилось опубликованной уже после смерти Маркса и Энгельса перепиской Лассаля с Бисмарком, которая показывает его стремление приспособить немецкое рабочее движение к реакционной политике «железного канцлера». Критика Марксом и Энгельсом Лассаля и его сторонников получила дальнейшее развитие после Парижской Ком-

[1] К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 349.

муны, когда подготовлялось организационное слияние Германской социал-демократической рабочей партии (эйзенахцы) и Всеобщего германского рабочего союза, осуществленное в 1875 г. на Готском объединенном съезде, на котором была принята националистическая и реформистская программа. Понимая великое значение единства рабочего движения, основанного на научных и революционных принципах, Маркс и Энгельс предостерегали руководителей эйзенахцев против объединения с оппортунистами, которые считали политической программой рабочей партии мирную и законную агитацию, идеализировали всеобщее избирательное право в буржуазном обществе, требовали организации производительных товариществ с помощью государства, отрицали необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата, отрицали значение экономической борьбы против капитализма, отвергали идею союза рабочего класса и крестьянства, защищали буржуазный национализм.

Лассальянские реформистские принципы, положенные в основу проекта Готской программы, Маркс и Энгельс подвергли острой и всесторонней критике. Резкий тон критики лассальянства усиливался тем обстоятельством, что основоположников марксизма, тесно связанных с германским рабочим движением, особенно возмутила попытка навязать социал-демократической партии программу, которая ее деморализует, является шагом назад в сравнении с эйзенахской программой. Кроме того, Маркс и Энгельс в это время вели резкую идейную борьбу с бакунистами, от которых можно было ожидать, что они припишут Марксу и Энгельсу главную роль в авторстве Готской программы. В критике принципов лассальянства особо важное значение имеют выдвинутые и обоснованные Марксом в «Критике Готской программы» положения о диктатуре пролетариата, о политическом переходном периоде от капитализма к коммунизму, о двух фазах развития коммунистической формации, об интернационализме.

Объединение лассальянцев и эйзенахцев в Социалистическую рабочую партию Германии не только сплотило немецких рабочих перед лицом международной и внутренней реакции, но и оживило деятельность оппортунистических элементов. Основоположники научного коммунизма многократно подчеркивали, что фактическая капитуляция перед лассальянцами в программных вопросах привела к компромиссу и с другими оппортунистическими элементами, среди которых наиболее выделялся Дюринг, выступивший в качестве реформатора социализма. В «Критической истории национальной экономии и социализма» Дюринг и декларирует свое отрицательное отношение к домарксистским социалистическим теориям, называя Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна «социальными алхимиками». Одновременно он создает свою «социалитарную» систему, провозгласив ее «окончательной истиной в последней инстанции». Энгельс показывает, что попытка Дюринга почти через 80 лет после выступления социалистов-утопистов сконструировать «руководящую» схему нового общественного строя, вывести ее не

из наличного развивающегося исторического материала, а из своей собственной головы, означает наихудшую «социальную алхимию», противоречащую действительным потребностям массового рабочего движения.

Рассматривая всякую социальную утопию как сектантское течение, основоположники марксизма, однако, отличали их друг от друга, поскольку эти учения в различных исторических условиях играли неодинаковую роль. По словам Маркса, «секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными»[1]. Реакционная сущность сектантства проявилась и в «социалитарной» доктрине Дюринга, которую его поклонники готовились распространить в популярной форме среди рабочих.

Критикуя «социалитарные» упражнения Дюринга, Энгельс показывает качественное различие между утопическим и научным коммунизмом, раскрывает внутреннюю связь между тремя составными частями марксизма, характеризует некоторые черты коммунистической формации, указывает на необходимость ликвидации в будущем коммунистическом обществе противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Критика Марксом и Энгельсом Дюринга нанесла мощный удар и по его сторонникам — по Мосту, Вольтейху и др., которые защищали ультралевую позицию в объединенной Социалистической рабочей партии Германии. Не учитывая объективных исторических условий, они пропагандировали немедленную революцию и индивидуальный террор, отрицали необходимость работы в массовых легальных организациях и участия в выборах в рейхстаг, вели сектантскую линию на отрыв партии от масс, от рабочего класса.

В «Циркулярном письме» основоположники марксизма подвергли резкой критике и правых оппортунистов — Гехберга, Шрамма и Бернштейна, которые, ссылаясь на исключительный закон против социалистов, требовали отказаться от нелегальной социал-демократической партии, отвергали идеи классовой борьбы и политической революции, защищали реформистскую политику, призывали к всеобщему соглашательству.

Критика основоположниками марксизма оппортунизма в объединенной Социалистической рабочей партии Германии имеет творческий характер, она конкретизирует и обогащает программные принципы марксизма. Об этом, например, свидетельствует критический анализ Энгельсом Эрфуртской программы, принятой в октябре 1891 г. на Эрфуртском партийном съезде. Хотя Эрфуртская программа и представляет собой некоторый прогресс в сравнении с Готской программой, но в своей основе являлась оппортунистической, ибо в ней отсутствовал пункт о диктатуре пролетариата. Критикуя новый проект социал-демократической программы,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 30.

Энгельс, указывая на необходимость постановки и марксистского решения коренных программных вопросов, выдвигает положение о демократической республике как специфической форме диктатуры пролетариата и др.

Творческое решение программных вопросов Энгельс дает также в написанном им в 1894 г. труде «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», в котором подвергнута критике аграрная программа французских социалистов, обосновано и развито марксистское учение о путях социалистического преобразования сельского хозяйства и укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

Таким образом, Маркс и Энгельс в ходе идейной борьбы против мелкобуржуазной и буржуазной идеологии ставят и освещают важнейшие вопросы теории научного коммунизма — о ее социальном содержании и идейном источнике, о ее связи с политической экономией и материалистическим пониманием истории, о социалистической революции, о диктатуре пролетариата, о союзе рабочего класса и крестьянства, о двух фазах развития коммунистической формации и др.

НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МАРКСИЗМА

Вопрос о социализме, о превращении его из утопии в науку занимает важнейшее место в марксистской классической литературе. Разрабатывая его на основе глубокого изучения фактов капиталистического общества, Маркс и Энгельс при этом пристально изучали труды великих социалистов-утопистов. Уже в 1843 г. в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» Энгельс отмечает положительные и отрицательные стороны учения социалистов-утопистов, указывает на положительное значение идеи Фурье об исторически преходящем характере противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и вместе с этим критикует его за непоследовательность, поскольку он предусматривает сохранение частной собственности в будущем обществе. В этой статье, написанной Энгельсом в период формирования его философских и общественно-политических взглядов, можно встретить расширительное толкование социалистической теории.

Первая краткая, но исчерпывающая характеристика сути учения Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна содержится в «Манифесте Коммунистической партии», которая затем была развита в «Анти-Дюринге», в «Развитии социализма от утопии к науке» и других работах Маркса и Энгельса.

Критикуя нигилистическое отношение к прогрессивному наследству прошлого, Энгельс выдвинул и обосновал положение о том, что домарксистская социалистическая мысль сыграла крупную историческую роль в подготовке теории научного коммунизма. В 1874 г. в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» он

писал, что марксистский социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, которые, несмотря на фантастичность и утопизм своих учений, предвосхитили множество таких истин, правильность которых впоследствии доказывалась научно. Энгельс показывает, что великие социалисты-утописты сделали шаг вперед в сравнении с французскими просветителями XVIII в. Признавая закономерность общественного развития, они отрицали неизменность общественных форм, критиковали буржуазное общество, отмечая деление его на праздных и работающих, наличие в нем таких социальных пороков, как анархия производства, нищета масс, угнетенное положение женщин, обман, мошенничество, лень и паразитизм богатых. Энгельс особо выделяет Фурье как «величайшего сатирика», критика буржуазной цивилизации, вскрывшего ее материальную и духовную нищету, ее спекулятивные плутни. Еще более смелое критическое суждение высказал Оуэн, определяя частную собственность как основное зло капитализма и величайшее препятствие на пути преобразования общества.

Критикуя буржуазное общество, социалисты-утописты мечтали о лучшем будущем, о справедливом строе, при котором установится гармония между производством и потреблением, исчезнет классовая борьба, эксплуатация человека человеком, будет устранена противоположность между трудом индустриальным и земледельческим, между умственным и физическим трудом, произойдет превращение политического управления людьми в руководство производственными процессами, получат всестороннее развитие наука и искусство.

Высоко оценивая социалистическую критику основ капитализма и гениальные догадки о некоторых чертах будущего общества, основоположники марксизма в то же время указывали на утопический характер, на историческую ограниченность учения Сен-Симона, Фурье и Оуэна, возникшего в период незрелого состояния капиталистического производства. Энгельс указывал, что незрелым экономическим отношениям соответствовали и незрелые социалистические теории, являвшиеся в своей основе идеалистическими и метафизическими.

Социалисты-утописты выводили социализм не из экономических отношений, а из велений разума, они видели в нем выражение абсолютной истины и справедливости, которые познает гениальный человек и воплощает их в общественные формы в соответствии с требованиями человеческой природы. Энгельс многократно подчеркивал, что прежний социализм был несовместим с материалистическим пониманием истории. Этот социализм хотя и критиковал капиталистический способ производства и его последствия, но не мог научно объяснить его и указать действительные пути преобразования общества на социалистических началах.

Подмечая и критикуя факты неравенства и эксплуатации в условиях капитализма, Сен-Симон и Фурье мечтали ликвидировать нищету и установить социальный мир в будущем обществе при

сохранении частной собственности и класса капиталистов. Энгельс показал, что во взглядах Сен-Симона совмещались пролетарское и буржуазное направления. Интересуясь в первую очередь судьбой самого многочисленного и бедного класса, он в то же время хотел оказать помощь и капиталистам. По словам Энгельса, социалисты-утописты не выступали как представители интересов пролетариата, они хотели сразу же освободить все человечество. Рассматривая пролетариат как объект филантропической деятельности, они апеллировали к верхам, писали письма Наполеону, банкирам Лаффиту, Ротшильду и др., пытаясь использовать их общественное положение и богатство для осуществления социалистических планов.

Однако теории утопических социалистов оставались в стороне от жизни, а их политические программы — в стороне от народных движений.

Только на основе развития крупной промышленности и рабочего движения был найден истинный лозунг борьбы, произошло превращение социализма из утопии в науку, которая отвергается и искажается буржуазными философами и ревизионистами. Например, Бохенский, Веттер, Маркузе и другие считают, что коммунизм не является наукой, он основан не на опыте, а на авторитете, противоречит человеческим стремлениям и потребностям. Искажая историю создания марксистского учения, они вырывают из него диалектический материализм, противопоставляют его теории научного коммунизма и политической экономии, между которыми существует внутренняя связь. Об этом прежде всего свидетельствует главное произведение научного социализма «Капитал», в котором три составные части марксизма слиты в единое целое.

Раскрывая эту связь, Энгельс в «Анти-Дюринге» выдвинул и сформулировал положение о том, что социализм стал наукой благодаря двум открытиям — материалистическому пониманию истории и разоблачению тайны капиталистического производства, которые поставили его на реальную почву.

Прежде всего для социалистического мировоззрения в высшей степени важно материалистическое понимание истории, показывающее определяющую роль способа производства материальных благ в развитии общества. С материалистических позиций социализм не может рассматриваться как случайное открытие гениального ума, он должен рассматриваться как необходимый результат борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача — не конструировать идеальное общество, а исследовать объективный историко-экономический процесс, в результате которого возникли данные классы с их взаимной борьбой.

Если утопический социализм объявил капитализм негодным строем, то марксистская теория научного социализма проводит материалистический анализ капиталистических производственных отношений, выясняет необходимость эксплуатации при капиталистических порядках, так как присвоение неоплаченного труда рабочих есть основная форма капиталистического способа производства,

мотив деятельности класса капиталистов. Она вскрыла экономические и классовые противоречия капиталистического общества.

Научный социализм, продолжает Энгельс, по своему содержанию является отражением в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение конфликта в головах прежде всего рабочего класса, который страдает от него непосредственно (периодически повторяющиеся кризисы, следствием которых является уничтожение некоторой части производительных сил, понижение жизненного уровня трудящихся, увеличение безработицы и нищеты и т. д.). Это значит, что буржуазия, создав мощные производительные силы, оказалась не в состоянии с ними справиться.

Но раз понят общественный характер производительных сил, их несоответствие узким рамкам частной капиталистической собственности на средства производства, то они могут, по словам Энгельса, превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Возникшее в процессе развития капитализма несоответствие между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями является объективной экономической основой революционного превращения капитализма в социализм, необходимость которого отрицают ревизионисты. Так, в частности, французский ревизионист Пьер Фужейроля в статье «Существует ли научный социализм?», опубликованной в 1958 г. в журнале «Экспри», сравнивает марксистский социализм с гипотезой. Он заявляет, что обоснованное Энгельсом в «Анти-Дюринге» марксистское положение о конфликте между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями позволяет самое большое заключить о гибели буржуазного общества, а не о рождении социализма. По его мнению, перед социологией, пытающейся предвидеть тип общества, который последует за капитализмом, открывается несколько направлений. Можно предположить, рассуждает он, что рабочий класс свергнет капиталистический режим и установит социализм. Не исключена и возможность окончательного конституирования в правящий класс буржуазного общества директоров, инженеров, хозяйственных и государственных руководителей. Кроме того, он допускает также перспективу замены капитализма «директорским режимом», а этого последнего — социалистическим строем. При этом Фужейроля не считает, что течение истории пойдет с необходимостью по одному из этих путей. Отсюда его вывод, что марксистский социализм научно не доказан, так как ему противоречат факты существования государственной собственности, появления «новых средних классов» и увеличения численности государственных служащих»[1].

Подобные реформистские представления, затушевывающие антагонистические противоречия капитализма, не являются оригинальными, они получили широкое распространение еще в 70-х годах и были подвергнуты Энгельсом резкой критике. Он охаракте-

[1] См.: Pierre Fougeyrollas. Ja-t-il un socialisme scientifique? «Esprit», 1958, № 6, pp. 912—924.

ризовал их как особого рода фальшивый социализм, переходящий в добровольное лакейство, объявляющий социалистическим всякое, в том числе и бисмарковское, обращение главных прусских железнодорожных линий в государственную собственность.

Энгельс показывает, что превращение Бисмарком железных дорог в государственную собственность было осуществлено в целях лучшего приспособления и использования их в случае войны, превращения железнодорожных чиновников в послушно вотирующее за правительство стадо, получения нового, независимого от парламента источника дохода. Если государственная табачная монополия, иронизирует Энгельс, есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма.

По словам Энгельса, переход средств производства в собственность буржуазного государства не меняет капиталистического характера производственных отношений. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста, эксплуатирующего наемных рабочих. Это значит, что в буржуазном обществе огосударствление средств производства не отменяет капиталистические производственные отношения, а, напротив, доводит их до крайности, до высшей точки, углубляет и обостряет конфликт между ними и производительными силами, который может быть разрешен только в ходе классовой борьбы, путем социалистической революции. «Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самоё природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения»[1]. В этих словах содержится глубокая характеристика предмета и основных вопросов научного социализма, получивших всестороннее освещение и развитие в трудах Маркса и Энгельса, написанных ими после Парижской Коммуны.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ТРЕХ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА И О РАЗНООБРАЗИИ ФОРМ ПЕРЕХОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Маркс и Энгельс всегда уделяли большое внимание обоснованию и разработке вопросов о формах классовой борьбы пролетариата, особенно в 70-х годах, когда они критиковали лассальянцев и анархистов, выразивших по-разному, но с достаточной полнотой основные черты мелкобуржуазной компромиссной идеологии.

Лассальянцы открыто защищали соглашательскую сущность мелкой буржуазии, затушевывая классовые противоречия капита-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 295.

листического общества. В своих трудах «Программа работников», «Наука и работники» и др. Лассаль сочетает идеализм и реформизм, он отрицает определяющее значение экономического положения класса по отношению к его политической роли в государстве, призывает рабочих отвергнуть идею классовой борьбы и возложить надежды на разум и сознательную помощь имущих классов. Эта соглашательская, реформистская идея получила свое выражение в выдвинутом Лассалем требовании об учреждении производительных товариществ с государственной помощью, которые, по его мнению, помимо классовой борьбы и социальной революции проложат путь к решению социального вопроса, приведут рабочий класс к победе социализма над капитализмом, к устранению «железного закона заработной платы». Исходя в своем обосновании «железного закона заработной платы» из реакционной мальтусовской теории народонаселения, Лассаль и его последователи видели причину угнетения и нищеты не в капиталистической системе, а в самой природе человека, считали ее неустранимой. «Опираясь как раз на эту теорию,— пишет Маркс,— экономисты уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может устранить нищеты, *обусловленной самой природой,* а может лишь сделать ее *всеобщей,* равномерно распределив ее по всей поверхности общества!» [1].

Внеся в программу «железный закон заработной платы», авторы Готской программы исключили из нее требование организации и укрепления профессиональных союзов. Поскольку, с точки зрения лассальянцев, заработная плата определяется увеличением и уменьшением населения, постольку всякая экономическая борьба и профсоюзы бесполезны.

Основоположники теории научного коммунизма всегда решительно выступали против недооценки профессиональных организаций в классовой борьбе пролетариата. Энгельс говорил, что профсоюзы являются школой подлинной классовой организации пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом. Он рекомендовал вопросу о профсоюзах отводить определенное место в партийной программе и организации.

Критикуя буржуазное, в том числе и лассальянское, понимание сущности заработной платы, Маркс доказал, что общее повышение ее уровня ведет к понижению нормы прибыли, но в целом не влияет на цены товаров. Маркс раскрыл также общую тенденцию капиталистического производства, ведущую к понижению среднего уровня заработной платы, к абсолютному и относительному обнищанию пролетариата, которое отрицается буржуазными философами и ревизионистами. Например, американские буржуазные идеологи Л. О. Келсо, М. Адлер и другие считают, что в XIX в. причиной обнищания масс, основным корнем зла была не частная собственность на средства производства, а неограниченная концентрация капитала, уступившая, по их мнению, место «современ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 24.

ному», «народному» капитализму с его высоким жизненным уровнем для всех. Западногерманский философ Ингензанд в книге «Идеология советского коммунизма. Философское учение», изданной в 1969 г. в Ганновере, заявляет, будто в странах капиталистической системы растет покупательная способность масс, повышается жизненный уровень трудящихся, отсутствует безработица и классовая борьба[1]. Исходя из этой ложной посылки, буржуазные идеологи стремятся приукрасить капитализм, искажают сущность экономической борьбы пролетариата, значение которой впервые раскрыто лишь марксизмом.

Основоположники научного коммунизма отрицательно относились к экономическому индифферентизму, сохраняющему буржуазные порядки. Они обосновали необходимость экономической борьбы пролетариата, направленной на улучшение его положения в рамках капитализма. Энгельс в письме к Ботиньями подчеркнул, что благодаря экономической борьбе достигается объединение сил рабочего класса, укрепляется в его среде классовая солидарность. Лондонская конференция I Интернационала по настоянию Маркса и Энгельса указала на необходимость всемерно развивать экономическую борьбу, укреплять и расширять связи с массами посредством работы в профсоюзах и других массовых организациях.

Вместе с этим Маркс и Энгельс предостерегали против возможного преувеличения конечных результатов экономической борьбы. Они показали, что эта борьба направлена против следствий капитализма, задерживает тенденцию, ухудшающую положение рабочих, но не меняет направления этой тенденции, не излечивает болезнь капитализма. Поэтому они рекомендовали пролетариату не ограничиваться экономической борьбой, сочетать ее с политическими действиями, значение которых особенно возросло после Парижской Коммуны.

Маркс и Энгельс подвергли резкой критике анархистскую идею о воздержании от политической борьбы. Они показали, что она имеет буржуазное содержание, сохраняет в неприкосновенности буржуазную свободу, конкуренцию, эксплуатацию, запрещает рабочим использовать реальные средства борьбы. В статье «Бакунисты за работой» Энгельс на опыте революционных событий 1873 г. в Испании вскрыл противоречие между теорией и практикой анархистов. По его словам, как только анархисты оказались перед лицом серьезной ситуации, они вынуждены были действовать наперекор своей программе. Вместо политического воздержания — участие в политической борьбе, вместо уничтожения государства — создание множества новых мелких государств по городам, вместо отрицательного отношения к революции — участие в заведомо чисто буржуазном движении и буржуазном правительстве в качестве бессильного меньшинства. На практике оказалось, что бакунисты сами опровергли догму о политическом воздержании и

---

[1] См.: H. Ingensand. Die Ideologie des Sowjetkommunismus. Philosophische Lehren. Hannover, 1969, S. 55—57.

принципы свободной федерации независимых групп, от которых не осталось ничего, кроме бессмысленной раздробленности средств борьбы, позволяющей правительству почти без сопротивления подавлять одно восстание за другим. Маркс в речи, произнесенной на Лондонской конференции 21 сентября 1871 г., заявил, что защитники теории о политическом воздержании предают интересы народа, пытаются подчинить народ влиянию буржуазной политики. Выступая в тот же день на Лондонской конференции, Энгельс указал на несовместимость требования о воздержании в политике с интересами пролетариата, которого сама жизнь, политический гнет реакционных классов заставляют вести борьбу за завоевание права собраний, союзов, свободы печати и т. д. Ведя борьбу за политическую свободу, пролетариат не должен упускать из виду свою основную цель — ликвидацию капиталистических порядков, установление в ходе политической борьбы нового, социалистического строя. Таким образом, в противоположность анархизму Маркс и Энгельс высоко оценивают политические действия пролетариата, определяют их как высокую форму его классовой борьбы, направленной против основ капиталистического строя.

Основоположники марксизма доказали, что политическая борьба пролетариата может успешно развиваться, если она основывается на научных и революционных принципах. По глубокому определению Энгельса, без теоретического смысла научный социализм не может войти в плоть и кровь рабочих. Он отметил, что равнодушное отношение к теории являлось одной из главных причин медленного идейного развития английского рабочего класса, несмотря на его высокую профессиональную организованность. Он рекомендовал рабочим лидерам все более освобождаться от традиционных представлений и фраз, призывал их глубже изучать научный социализм, шире его распространять среди рабочих масс, со все большим усердием и крепче сплачивать партийную и профсоюзную организации.

В соединении научного социализма с массовым рабочим движением, в сочетании теоретической и организационной партийной деятельности с экономической и политической борьбой пролетариата Маркс и Энгельс видели необходимое условие для революционного преобразования капиталистического общества. Обосновывая это положение, Энгельс в 1874 г. в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» обогащает его выводом о необходимости развития рабочего движения в трех взаимосвязанных направлениях — теоретическом, политическом и практически-экономическом. Он подчеркивает, что в их единстве заключается сила и непобедимость рабочего движения.

Маркс и Энгельс показали, что главной политической организацией способной обеспечить умелое сочетание трех основных форм классовой борьбы пролетариата, подготовить и возглавить социалистический переворот, является коммунистическая партия.

Классики научного коммунизма подвергли резкой критике утверждение, согласно которому к социалистической цели якобы ве-

дут непременно одинаковые средства. Выступая с речью на митинге в Амстердаме, Маркс впервые сформулировал положение о том, что при выборе приемов и средств борьбы в революции необходимо считаться с учреждениями, правами и традициями отдельных стран.

Учитывая расстановку классовых сил на международной арене и внутри стран европейского континента, Маркс считал, что в большинстве из них в ходе социалистической революции будут применены насильственные методы и средства. Говоря об этом, он имел в виду прежде всего Францию, Германию, Австрию и др., где в то время наиболее сильно были развиты чиновничество и милитаризм, обычно используемые господствующими классами против революции, что неизбежно вызывает кровопролитную борьбу.

Вместе с этим Маркс на примере Англии и США 70-х годов XIX в. высказал мысль о возможности мирной победы революции в смысле выкупа рабочими капиталистической собственности на средства производства. «Маркс,— говорит Ленин,— не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как *часто* и *сильно* будет она меняться в ходе переворота»[1]. По словам Ленина, в Англии 70-х годов возможность применения в революции ненасильственных методов и средств борьбы объяснялась полнейшим преобладанием пролетариата в населении страны, превосходной его организованностью в профессиональных союзах, сравнительно высокой его культурностью, а также долгой привычкой английских капиталистов к решению компромиссом политических и экономических вопросов.

В 1894 г. в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельс писал, что после овладения пролетариатом и его партией государственной властью следует экспроприировать собственность промышленных фабрикантов и землевладельцев. Но произойдет ли это с выкупом или без него, зависит от многих обстоятельств и в особенности от поведения крупных собственников во время социалистического переворота.

Положение Маркса и Энгельса о возможности применения в ходе социалистической революции разнообразных форм и средств борьбы является величайшим вкладом в теорию научного коммунизма, оно получило дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина и решениях КПСС. Диалектико-материалистическое учение об общем и особенном в развитии социалистической революции имеет интернациональный характер, отрицает национализм и догматизм.

Критикуя лассальянцев, Маркс в «Критике Готской программы» показывает, что классовая борьба пролетариата против буржуазии по содержанию интернациональна, а это обязывает рабочих всех стран оказывать друг другу взаимную помощь и поддержку. Конечно, рабочий класс должен прежде всего органи-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 304.

зоваться в национальных рамках, создать свою собственную революционную партию, так как ареной борьбы является его же собственная страна. Но при этом он не должен смотреть на свою борьбу с узконациональной точки зрения, обязан бороться за общие коренные интересы всех рабочих и постоянно проявлять пролетарскую солидарность в классовой борьбе.

Обосновывая принципы пролетарского интернационализма, Энгельс в письме к Бебелю от 18—28 марта 1875 г. подчеркивал, что хотя германская рабочая партия действует прежде всего внутри положенных ей государственных границ, тем не менее она должна осознавать свою солидарность с рабочими всех стран и впредь быть готовой выполнить вытекающие из этой солидарности обязательства. Ошибочно думать, разъясняет Энгельс, что взаимные обязательства рабочих разных стран появляются лишь при наличии международной рабочей организации, они существуют постоянно, к ним относятся своевременная и полная информация о рабочем движении за рубежом, разнообразная взаимопомощь, например недопущение штрейхбрехерства во время стачек и т. д.

Итак, Маркс и Энгельс в борьбе против бакунистов и лассальянцев защищают и развивают учение о формах классовой борьбы пролетариата, о необходимости революционного преобразования капитализма в социализм, о разнообразии форм и средств, применяемых в революции, о союзе рабочего класса и крестьянства в борьбе за осуществление буржуазно-демократических и социалистических свобод, об интернационализме, без которого невозможно обеспечить победу диктатуры пролетариата.

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Марксизм-ленинизм рассматривает диктатуру пролетариата как необходимый результат развития социалистической революции, как важнейшую закономерность перехода от капитализма к социализму.

Маркс и Энгельс создали учение о диктатуре пролетариата еще в 40-х годах XIX в., развитое затем ими на опыте революций 1848 г. и Парижской Коммуны 1871 г.

После Парижской Коммуны теория диктатуры пролетариата обосновывалась и развивалась прежде всего в борьбе против анархистов и лассальянцев, отрицавших ее историческую необходимость. У анархистов-бакунистов отрицание диктатуры пролетариата является составной частью их идеалистического понимания государства. Например, с точки зрения Бакунина, возникновение государства было обусловлено животным состоянием людей, их верой в бога, а также насилием. Он объявлял государство основным злом, решающей силой, создающей частную собственность, капитал и классы, порождающей рабство, нищету, эксплуатацию и деспотизм. Отсюда вытекает анархистское требование отмены всякого государства, которое Бакунин и его французские сторонники попытались осуществить в сентябре 1870 г. в г. Лионе, где

вспыхнуло восстание и было образовано революционное правительство. Хотя Бакунин и успел составить декрет об отмене государства, но он не смог его даже провозгласить, так как был с позором изгнан из городской ратуши буржуазными национальными гвардейцами, которые заставили его поспешно отправиться в обратный путь в Женеву.

Несмотря на беспочвенность требования отмены государства в условиях существования классов и классовой борьбы, анархисты, пытаясь его защитить и обосновать, ссылались на исторические факты. Они, в частности, указывали на опыт Парижской Коммуны, подтверждающий якобы их принципы. «Я,— заявил Бакунин,— сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным, отрицанием государства» [1].

В действительности опыт Парижской Коммуны является самым решительным отрицанием принципов анархизма. Он не только подтвердил учение о диктатуре пролетариата, но и обогатил его новым содержанием.

Идея диктатуры пролетариата была всесторонне обоснована в 1848 г. в «Коммунистическом Манифесте», в котором перед партией коммунистов была поставлена задача завоевания пролетариатом политической власти и упразднения господства буржуазии. Несколько позже, в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», Маркс употребил термин «диктатура пролетариата».

Опираясь на опыт революции 1848—1851 гг., Маркс в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» обосновывает положение о необходимости слома старой буржуазной государственной машины, приспособленной для эксплуатации, угнетения и подавления рабочего класса и трудового крестьянства.

В 1852 г. в известном письме к Вейдемейеру Маркс высказал новую мысль об исторической роли диктатуры пролетариата в строительстве коммунистической формации, в создании общества без классов.

Обобщая опыт революционных событий 1871 г. во Франции, Маркс показывает его историческое значение, прослеживает процесс замены буржуазных государственных институтов новыми учреждениями пролетарской власти, развивает дальше теорию научного коммунизма.

В произведении «Гражданская война во Франции» он показывает, что Коммуна уничтожила полицию и постоянную армию, заменив их вооружением всего народа. Она разрушила буржуазный парламентаризм, объявила принцип демократического централизма в управлении государственными делами, создала «работающие корпорации», представительные учреждения, сочетающие в своей деятельности законодательную и исполнительную власть, обязала депутатов не только издавать, но и исполнять законы, ввела выборность и сменяемость всех без исключения должност-

[1] М. Бакунин. Первый опыт социальной революции, 1906, стр. 14.

ных лиц, отменила денежные привилегии чиновников, ограничила заработную плату депутатов и служащих средним уровнем заработной платы рабочего, не превышающим 6000 франков в год. Понизив оклады высших государственных служащих, Коммуна повысила заработную плату низших почтовых служащих, удвоила заработную плату учителей, доведя ее до 2000 франков в год.

Кроме того, Коммуна ликвидировала духовный гнет церкви, отделила ее от государства, отменила все государственные расходы на религиозные дела, национализировала все церковное имущество, повела борьбу за светское и бесплатное образование, открыла первые школы по профессиональному обучению.

Парижская Коммуна осуществила также серьезные мероприятия и в экономической области: она передала рабочим оставленные владельцами фабрики, создала кооперативные товарищества, которые должны были объединиться в один большой союз, ввела рабочий контроль на отдельных предприятиях и железных дорогах, отменила ночную работу булочников и др.

Определяя сущность всех этих мероприятий, Маркс писал: «Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда» [1].

Высоко оценивая Парижскую Коммуну, Маркс в то же время отмечал ее существенные недостатки и ошибки, в числе которых особо важным являлось отсутствие единой пролетарской партии, способной обеспечить правильное руководство революционными событиями. В Коммуне большинство принадлежало бланкистам, которые были далеки от рабочего движения, они не шли дальше революционных демократических мероприятий, политического переворота и устранения версальского правительства. Меньшинство составляли прудонисты, защищавшие реформистскую теорию, принципы абсолютной автономии общин, отрицательно относившиеся к политическим программам.

К существенным недостаткам и ошибкам Коммуны Маркс относил также то, что она не смогла установить прочных связей с крестьянством и повести его за собой, не экспроприировала банк, проявила нерешительность в борьбе с контрреволюцией и ее агентами и пр.

Несмотря на некоторые ошибки и недостатки, допущенные Коммуной, ее бессмертное дело оказало огромное влияние на последующую борьбу пролетариата, всех трудящихся против капитализма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 345—346.

Таким образом, Маркс и Энгельс исходя из опыта Парижской Коммуны защитили и развили учение о необходимости слома буржуазной государственной машины и построения нового, пролетарского государства, которое отрицается анархистами и оппортунистами.

После Парижской Коммуны анархисты усилили критику марксистской теории диктатуры пролетариата, которая наиболее полно изложена в книге Бакунина «Государственность и анархия», вышедшей в 1873 г. В ней лидер анархистов пытался доказать, что диктатура пролетариата будет означать господство одной части рабочих над другой, привилегированного меньшинства над народом.

Разоблачая такое нелепое утверждение, Маркс в конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия», составленном в 1874 г., обосновывает и развивает положение об историческом значении и классовом принципе диктатуры пролетариата. Он пишет, что с приходом пролетариата к власти еще не исчезает старый общественный строй, сохраняются экономические условия, на которых основывается существование классов и классовая борьба, поэтому пролетариат должен принимать правительственные меры для их устранения и преобразования [1]. Маркс рассматривает диктатуру пролетариата как продолжение классовой борьбы в новых исторических условиях, как господство пролетариата над буржуазией, которое прекращается вместе с уничтожением эксплуататорских классов.

В вышеприведенных словах Маркса содержится также новая мысль о том, что диктатура пролетариата может не только устранить, но и «преобразовать» классы, т. е. вовлечь мелкую буржуазию города и деревни в русло социалистического строительства. Маркс разоблачил измышление Бакунина о мнимом отрицательном отношении марксизма к крестьянству, о том, что диктатура пролетариата будет означать господство над ним. На самом деле, впервые только Маркс и Энгельс научно осветили вопрос о крестьянстве как естественном союзнике рабочего класса не только в борьбе за завоевание государственной власти, но и в строительстве социалистического общества. Они резко критиковали лассальянскую оценку крестьянства как «реакционной» массы, раскрыли двойственную природу мелкой буржуазии, рекомендовали руководителям эйзенахской партии укреплять союз рабочих и крестьян, внимательно и чутко относиться к нуждам крестьянства, вести решительную борьбу против либеральных идей в его среде. Маркс показывает, что пролетариат не может победить в социалистической революции, если он не привлечет на свою сторону крестьянство, не сделает для него по меньшей мере столько же, сколько сделала французская буржуазия во время революции для французского крестьянина. Но пролетариат, продолжает Маркс, не может этим ограничиться, он должен выдвинуть перед кресть-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 611.

янством программу социалистических преобразований, которая ничего общего не имет с бакунистским требованием отмены права наследования или укрепления мелкой собственности. По словам Маркса, пролетариат должен принимать такие меры, которые непосредственно улучшают его положение, привлекают на сторону революции и в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной [1].

Развивая это положение, Энгельс в 1894 г. в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» доказывает, что после овладения пролетариатом и его партией государственной властью встанет ближайшая практическая задача — экспроприировать крупных землевладельцев, передать экспроприированные средства производства производителям в коллективное пользование, перевести частное крестьянское хозяйство в товарищеское, полностью соблюдая при этом принцип добровольности и оказывая коллективным хозяйствам всестороннюю помощь.

Мы видим, что Маркс и Энгельс в начале 70-х годов в борьбе с анархистами выдвинули и обосновали ряд новых положений о диктатуре пролетариата, показывая ее решающую роль в ликвидации свергнутого «капиталистического класса», в укреплении союза рабочих и крестьян, в преобразовании народного хозяйства на социалистических принципах.

Считая всякую политическую власть, в том числе пролетарскую диктатуру, несовместимой с интересами народа, бакунисты, как говорил Энгельс, «кололи нам глаза» «народным государством», т. е. смешивали взгляды Лассаля и марксизм, между которыми существует принципиальная разница.

Как известно, Лассаль, отрицал экономические и классовые основы государства, видел в нем средство воспитания и развития человеческого рода в направлении к свободе. Он даже был склонен считать его великим объединением беднейших классов, которое может оказать финансовую помощь производительным товариществам.

Представления Лассаля о государстве получили определенное выражение в Готской программе, содержащей требование «свободного народного государства», которое Марксом и Энгельсом было подвергнуто резкой критике. В письме к А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г. Энгельс показал, что по грамматическому смыслу этих слов свободное государство есть такое, которое свободно по отношению к своим подданным, является антидемократическим, деспотическим, как это имело место в тогдашней Германской империи, в бывшей царской России и других странах. По его справедливому замечанию, государственная свобода есть фикция, ибо в классовом обществе государство есть орудие угнетения, а не свободы. Хотя Энгельс, по словам Ленина, готов был с агитаторской точки зрения временно оправдать требование немецких социал-демокра-

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 612.

тов 70-х годов «свободного государства», так как в нем легально намекалось на демократическую республику [1].

Лассальянцы включили положение о «свободном народном государстве» в программу в целях подмены требования демократической республики и идеи диктатуры пролетариата. Но если у людей, говорил Маркс, не хватило мужества бороться за демократическую республику, то и не следовало прибегать к увертке, т. е. защищать такие требования, которые основываются на признании народного суверенитета и имеют смысл лишь в демократической республике. Поэтому Маркс назвал демократической дребеденью содержавшиеся в проекте Готской программы требования всеобщего избирательного права, прямого законодательства, народного права, народного ополчения, поскольку они отрицают значение революционно-демократической и социалистической борьбы.

Маркс и Энгельс резко критиковали идеализацию лассальянцами легальных форм борьбы. Возможность легальной борьбы лассальянцы видели во введении всеобщего избирательного права. Основоположники марксизма считали, что борьба за него является показателем политической зрелости рабочего класса, но в условиях капитализма это право ограничено различными цензами, исключает возможность свободного волеизъявления. Наряду с этим они указывали на необходимость использования буржуазных демократических свобод, умелого сочетания нелегальных и легальных форм борьбы в интересах организации и сплочения пролетарских масс.

В противоположность лассальянцам они не идеализировали, а разоблачали буржуазное государство, вскрывали его классовую сущность. Указывая на существенное различие между понятиями «современное государство» и «современная государственность», Маркс писал, что «несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество» [2].

Это марксистское положение было затем развито в книге Ленина «Государство и революция», в которой сказано, что в период перехода от капитализма к коммунизму государственные формы также могут быть разнообразными, но сущность их одна — диктатура пролетариата.

Мы видим, что марксизм-ленинизм критикует оппортунистическое требование «свободного народного государства», выдвинутое в условиях капиталистического общества, вскрывает внутреннюю связь между буржуазным государством и капиталом, которая отрицается буржуазными философами и ревизионистами.

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 20.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

Современные защитники капитализма пропагандируют ложную теорию, согласно которой частная капиталистическая собственность коренным образом изменилась, она все более превращается в государственную «полуколлективную» собственность, вследствие чего государство, мол, превратилось в «надклассовую» организацию, в равной мере защищающую интересы всех классов и социальных групп. Например, английский социолог Брайон Мэги утверждает, что ныне в Англии государство контролирует собственность, оказывает решающее влияние на экономику, является примирителем антагонистических интересов, судьей, реализатором всех предприятий и капиталовложений, берет на себя постоянное перераспределение национального дохода, выступает как защитник слабого против сильного, олицетворяет «чистую» демократию [1].

Классики марксизма-ленинизма в борьбе против всевозможных защитников капитализма, обнажив классовый характер буржуазной демократии, обосновали необходимость замены ее пролетарским государством. По определению Маркса, процесс такой замены означает переход необходимости в свободу, превращение государства из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный. Эта историческая задача уничтожения буржуазного эксплуататорского государства и утверждения диктатуры пролетариата осуществляется пролетариатом в союзе с крестьянством под руководством Коммунистической партии.

Развивая в процессе критики лассальянцев учение о диктатуре пролетариата, Маркс в 1875 г. в произведении «Критика Готской программы» впервые выдвигает и обосновывает положение о необходимости переходного политического периода между капиталистической и коммунистической формациями. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом,— пишет Маркс,— лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [2]. Новое положение в теории о диктатуре пролетариата, сформулированное Марксом, развивает дальше теорию научного коммунизма. Если раньше, до написания Марксом «Критики Готской программы», говорил Ленин, все марксисты считали, что пролетариат может добиться освобождения, если он свергнет буржуазию, завоюет политическую власть, установит свою революционную диктатуру, то теперь к этому добавляется вывод о необходимости переходного периода от капиталистической формации к коммунистической, которая в своем развитии пройдет две фазы: социалистическую и коммунистическую. Ведь социализм — тоже коммунизм, только не полный, его первая, низшая фаза, вышедшая из недр капитализма. Построение социалистического общества означает завершение пере-

[1] См.: B. Magee. The democratic revolution. London, 1964, pp. 12, 19.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

ходного периода от старого к новому, осуществление основной исторической задачи диктатуры пролетариата. Затем начинается развитие нового общества на собственной основе, определяющей более высокий этап социалистической государственности.

Когда мы изучаем мысли основоположников марксизма о сущности государства при социализме и коммунизме, то видим некоторое различие формулировок. При поверхностном сравнении трудов основоположников марксизма, говорит Ленин, может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, он говорит о «будущей государственности коммунистического общества», т. е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме, а его ближайший друг и соратник уже Парижскую Коммуну не считает государством в собственном смысле слова, предлагает руководителям эйзенахской партии выкинуть из програ́ммы слово «государство», заменить его словом «община»[1].

Эти различия в формулировках используются буржуазными философами и ревизионистами в целях противопоставления Маркса Энгельсу, искажения их учения о социалистическом государстве. Так, например, профессор Лионского католического факультета Ж. И. Жоли в статье «Марксизм перед судом истории» считает Маркса бо́льшим сторонником государства, чем Энгельса, поскольку один заявляет, что государство исчезнет тогда, когда будет преодолено деление общества на классы, а другой предполагает «перманентность» государства внутри коммунистического общества. Мы видим, что католический философ Жоли пытается приписать основоположникам научного коммунизма мнимые противоречия в их взглядах на социалистическое государство.

Что касается кажущихся различий во взглядах Маркса и Энгельса на государство, то они, по словам Ленина, объяснялись различием тем, которые они брали, и различием задач, которые они перед собой ставили. Если Энгельс в своих письмах к А. Бебелю, К. Каутскому и другим ставил главным образом задачу изложить марксистскую критику оппортунистических представлений о «свободном народном государстве», то Маркс решал вопрос о будущем коммунистическом обществе. Ставя в «Критике Готской программы» вопрос о том, какому превращению подвергнется государство в коммунистическом обществе, Маркс утверждает, что на него можно ответить только научно, т. е. изучая и обобщая факты самой действительности. Тем не менее он уже в то время выдвинул новое положение о двух периодах в развитии социалистической государственности, о революционной диктатуре пролетариата и государственности коммунистического общества, получившее всестороннее обоснование и развитие в трудах В. И. Ленина, в решениях КПСС.

Говоря о коммунистической государственности, Маркс имел в виду будущую отмирающую государственность социалистического

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 65.

общества. В конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» он опровергает анархистское утверждение, согласно которому якобы всякая диктатура, в том числе и пролетарская, стремится увековечить себя. На самом деле, как поясняет Маркс, в определенных социально-экономических условиях, когда исчезнет классовое господство, государства в нынешнем политическом смысле слова не будет, произойдет коренное изменение функций управления общественными делами. С того момента, говорит Маркс, когда эти функции перестанут быть политическими, не будет существовать больше правительственных функций, распределение общих функций станет вопросом деловым, не дающим никакого господства, выборы не будут носить нынешнего политического характера [1].

Маркс и Энгельс в соответствии со своей теорией одновременной победы социалистической революции в большинстве капиталистических стран считали, что государство начнет отмирать при социализме. При этом они подчеркивали, что отмирание государства не является мгновенным актом, как это представляют анархисты. Социалистическое государство, по словам Энгельса, не отменяется, а «засыпает», постепенно отмирает по мере создания для этого необходимых условий, в числе которых наиболее важными являются утверждение коммунистической собственности, исчезновение общественных классов и классовых различий, преодоление противоположности и существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, осуществление коммунистического принципа распределения по потребностям, преодоление пережитков капитализма в сознании людей, всемерное развитие социалистической демократии.

Таким образом, Маркс и Энгельс в процессе критики анархистов и лассальянцев защитили и развили учение о государстве, они глубоко проанализировали революционный процесс замены буржуазного государства пролетарским типа Парижской Коммуны, определили основной классовый принцип, историческое содержание и значение диктатуры пролетариата, необходимой для целого исторического периода, чтобы ликвидировать эксплуататорские классы и построить социализм.

О ДВУХ ФАЗАХ РАЗВИТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Маркс и Энгельс, обобщая опыт Парижской Коммуны, выдвинули новое положение о двух фазах коммунистической формации, дали глубокую характеристику ее основных особенностей.

В «Критике Готской программы» Маркс особо исследует первую фазу коммунистической формации — социализм. Он показывает, что социализм означает коренное революционное преобразование капитализма, уничтожение политического господства буржуазии и частной капиталистической собственности, превращение

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 616.

ее в достояние всего народа, ликвидацию эксплуататорских классов.

Предвидя революционные изменения, которые произойдут в экономической, политической и культурной жизни первой фазы коммунистической формации, Маркс подвергает резкой критике лассальянский потребительский подход к вопросам социализма, абстрактные идеалистические положения о «справедливости». Вместо туманных фраз о «справедливом распределении», о «трудовом доходе», о «полном продукте труда — рабочему», которые содержатся в Готской программе, Маркс, по словам Ленина, дает трезвый учет того, как именно будет хозяйничать социалистическое общество. Маркс объясняет, что правильное представление о социализме можно получить прежде всего исходя из анализа условий производства, которые определяют принципы распределения. Например, он показывает, что капиталистическое производство необходимо определяет капиталистическое распределение, при котором большую часть национального дохода берут в свои руки эксплуататоры, а рабочие ограничиваются минимумом прожиточных средств. Положение о зависимости распределения от производства обосновывает и Энгельс. Критикуя Дюринга, он показывает всю несостоятельность его попытки изменить капиталистический принцип распределения, не производя коренного переворота в старом способе производства, не устраняя старого разделения труда. По словам Энгельса, распределение в главных своих чертах всегда есть необходимый результат отношений производства и обмена. Однако распределение, продолжает Энгельс, не является пассивным результатом производства, оно в свою очередь на него воздействует, особенно в условиях социалистического общества. При социализме распределение позволяет всем трудящимся как можно всестороннее развивать, поддерживать свои способности.

В процессе критики потребительского подхода к вопросам социализма Маркс и Энгельс обосновывают зависимость социалистического принципа распределения от социалистического способа производства. Они показывают коренную противоположность социалистического и капиталистического принципов распределения. При социализме, учил Маркс, вещественные условия производства распределяются совершенно иначе, чем при капитализме, они в форме общественной собственности на средства производства принадлежат трудящимся города и деревни. Из общественной социалистической собственности вытекает и социалистическое распределение, при котором преобладающая доля национального дохода идет на удовлетворение всесторонних потребностей членов общества, а остальная часть — на общественные нужды. Маркс подвергает резкой критике лассальянское расплывчатое неопределенное положение о «неурезанном трудовом доходе», искажающее действительные объективные экономические процессы, ложно ориентирующее рабочих на то, что при социализме им будет предоставлена возможность получать полный неурезанный про-

дукт своего труда. На самом деле при социализме существуют личные и общественные потребности, которые в перспективе будут все более возрастать. Поэтому необходимо из совокупного общественного продукта, из национального дохода вычесть ту часть, которая потребуется для возмещения потребленных средств производства, для расширения производства, для образования, здравоохранения, управления, для резервного или страхового фонда и т. д. При этом, как отмечал Маркс, та доля национального дохода, которая предназначается для удовлетворения таких общественных потребностей, как школы, учреждения здравоохранения и пр., значительно возрастет в сравнении с капитализмом и все более будет возрастать по мере развития нового общества.

Отсюда ясно, что лассальянское требование о «неурезанном трудовом доходе» является фикцией. Включение его в программу пролетарской партии было величайшей ошибкой.

Таким образом, Маркс показал, что при социализме национальный доход распределяется не в целях обогащения эксплуататоров, а в интересах всего общества, всех трудящихся, ибо все, что удерживается с производителя как частного лица, прямо или косвенно идет ему как члену общества. Маркс писал: «Содержание и форма здесь (при социализме.— *М. Ш.*) изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления» [1]. Этими словами Маркс характеризует важнейшую особенность социалистического принципа распределения, основанного на общественной собственности на средства производства, исключающей классовую дифференциацию и эксплуатацию человека человеком. Эту же мысль обосновывает и В. И. Ленин в книге «Государство и революция», когда он противопоставляет буржуазному праву, закрепляющему капиталистическую эксплуатацию, социалистические принципы —«кто не работает, тот не ест», «за равное количество труда равное количество продуктов».

В процессе критики лассальянских идеалистических представлений о «неурезанном трудовом» доходе Маркс дает глубокую характеристику социалистическому принципу распределения, показывает его существенное отличие от коммунистического принципа распределения. Он исходит из материалистического положения, согласно которому принципы права никогда не могут быть выше, чем экономический строй и обусловленное им экономическое развитие общества. Применяя его к анализу первой фазы коммунизма, Маркс показывает, что она несет на себе некоторые отпечатки капиталистического общества, его пережитки в сознании людей, не обеспечивает такого уровня экономического развития, при котором можно было бы создать изобилие материальных и духовных благ, полностью удовлетворить всесторонние потребности

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 18.

всех трудящихся. В силу этого при социализме люди могут получать не по потребности, а по труду, что означает известное фактическое неравенство в материальной обеспеченности граждан.

При социализме применяется равная мера к людям, которые на деле неодинаковы, не равны, имеют неравную индивидуальную одаренность и работоспособность. Кроме того, один рабочий женат, другой — нет, один имеет больше детей, другой — меньше и т. д. Следовательно, за один и тот же отрезок времени разные работники доставят неодинаковое количество общественного труда, материальных благ и получат неодинаковое количество продуктов. «При равном труде,— говорит Маркс,— и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным» [1].

Таким образом, один переход средств производства в общественную собственность еще не уничтожает недостатков распределения, различий в долях получения продуктов.

Многие буржуазные критики коммунизма истолковывают различия в материальной обеспеченности советских граждан как «кричащую несправедливость», «резкую классовую дифференциацию» и этим пытаются исказить внутреннюю природу социалистического строя.

В действительности принцип распределения социализма существенным образом отличается от буржуазного права, укрепляющего частную капиталистическую собственность, политическое господство буржуазии, эксплуатацию и угнетение трудящихся масс. Он используется социалистическим государством в качестве регулятора распределения труда и продуктов между членами общества. В. И. Ленин указывал, что, не впадая в утопизм, нельзя думать, что после свержения капиталистического строя люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и сам уровень экономического развития не позволяет отменить правовую социалистическую форму, которая исчезнет лишь при коммунизме.

В условиях социализма принцип распределения «от каждого по способностям, каждому по количеству и качеству труда» является единственно правильным и справедливым, он исключает уравниловку, используется для учета и контроля над мерой труда и мерой потребления продуктов, предполагает материальную заинтересованность коллективов и отдельных членов общества в результате своего труда, способствует повышению производительности труда, укреплению производственной и государственной дисциплины.

Социалистический принцип распределения дает возможность правильно сочетать общественные и личные интересы. Он играет большую роль в развитии государственной и колхозной собствен-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 19.

ности, в создании материально-технической базы коммунизма, в стирании существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, в преодолении пережитков в сознании людей, в воспитании трудящихся в духе коммунистической морали.

Марксизм-ленинизм учит, что от социалистического принципа распределения по труду можно будет перейти к коммунистическому принципу распределения по потребностям лишь тогда, когда будет достигнут более высокий уровень общественного производства, создано изобилие материальных и духовных благ, преодолено существенное различие между умственным и физическим трудом. «На высшей фазе коммунистического общества,— писал Маркс,— после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [1].

Здесь Маркс дает общую характеристику второй фазы коммунистической формации и ее принципа распределения по потребностям, который искажается философами монополистического капитализма. Например, буржуазные идеологи Фердинанд А. Херменс, Стефан Ёвеф, Ди Грациа и другие называют точку зрения Маркса о коммунистическом распределении, высказанную в его «Критике Готской программы», утопической мечтой, поскольку требования людей постоянно расширяются и «экономические блага» вечно остаются недостаточными. Пытаясь противопоставить труд коммунистическому принципу распределения, они заявляют, что хотя Маркс и развил свою идею о «более высокой ступени социализма», но он не дал четкого ответа на вопрос о причинах стимула тех людей, чьи разнообразные потребности будут удовлетворяться вне зависимости от количества и качества труда [2].

Основной методологический прием вышеуказанной антикоммунистической аргументации классики марксизма-ленинизма видели в том, что в нем игнорируется связь принципа распределения по потребностям с другими чертами коммунистической формации, в числе которых они указывали на коренное преобразование общественного разделения труда, на преодоление противоположности между умственным и физическим трудом, на всестороннее развитие индивидов. Критикуя невежественные представления буржуазных и мелкобуржуазных публицистов о коммунизме, Ленин подчеркивал, что высшая коммунистическая фаза предпола-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 20.

[2] См.: Di Grazia C. Del Communismo. L'aspetto economico, filosofico, soicale, religioso. Napoli, 1967, p. 257.

гает не теперешнюю, а более высокую производительность труда, не теперешнего обывателя, способного «зря» портить склады общественного богатства и требовать невозможного, а сознательную личность.

Новое положение о коммунизме, выдвинутое Марксом в «Критике Готской программы», получило дальнейшее развитие в «Анти-Дюринге» Энгельса, где дан глубокий анализ таких особенностей коммунистической формации, как общественная собственность на средства производства, планомерная организация производства в масштабе всей страны, ликвидация эксплуататорских классов, уничтожение противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Энгельс подверг резкой критике идеалистические представления Дюринга о будущем строе, в котором тот предусматривал существование классовых мелкобуржуазных отношений.

В противоположность Дюрингу Энгельс рассматривает классы как историческое явление, обусловленное сравнительно низким уровнем производства. Пока общественный труд, говорит Энгельс, дает в совокупности недостаточное количество продуктов и отнимает почти все время у большинства населения, до тех пор общество неизбежно делится на классы. Следовательно, важнейшей материальной предпосылкой ликвидации общественных классов является высокий уровень развития производительных сил, который достигается только при коммунизме.

Составной частью общей проблемы об исторической судьбе общественых классов в коммунистической формации Энгельс считал вопрос об исчезновении классовых различий между рабочими и крестьянами, о ликвидации противоположности между городом и деревней. Основоположники марксизма еще в «Немецкой идеологии» указали, что противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. В I томе «Капитала» Маркс писал, что вся экономическая история классового общества резюмируется в движении противоположности между городом и деревней, которая является основой всякого развитого разделения труда.

Обосновывая неизбежность революционного преобразования капитализма в социализм, Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» считали весьма важным повсеместное применение такой меры, как соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности между городом и деревней в будущем коммунистическом обществе.

Опираясь на эти марксистские положения, Энгельс их конкретизирует и развивает дальше. Он опроверг утверждение Дюринга о мнимой «неустранимости» антагонизма между городом и деревней в будущем обществе. По определению Энгельса, отделение города от деревни, явившееся первым крупным общественным разделением труда, в свое время имело прогрессивное значение, а затем превратилось в тормоз исторического прогресса. Оно унич-

тожило основу духовного развития сельского населения и физического развития горожанина, обрекло его на узкую специализацию, которой приносятся к жертву все другие человеческие способности. Такая калечащая человека односторонность достигает своего высшего развития в мануфактуре и капиталистической индустрии, в которой работник низводится до уровня простого придатка машины.

Энгельс доказывает, что уничтожение разрыва между городом и деревней является назревшей исторической потребностью, осуществление которой окажет мощное воздействие на развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, на улучшение и сохранение природной среды, откроет неограниченные возможности для всестороннего развития физических и умственных способностей людей, вследствие чего производительный труд из тяжелого бремени превратится в первую потребность жизни.

Уничтожение разрыва между городом и деревней составит основу для исчезновения всяких следов классовых различий, для всестороннего развития индивидов, для соединения в единое целое труда умственного и физического.

Классики марксизма-ленинизма глубоко и всесторонне обосновали необходимость органической связи теоретических и практических дисциплин в образовании и воспитании людей коммунистической формации.

К. Маркс в «Критике Готской программы» считал совершенно необходимым, чтобы в программе рабочей партии был отдельный параграф, в котором бы содержалось требование введения технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой.

Таким образом, после Парижской Коммуны Маркс и Энгельс развили дальше коммунистическую теорию, обогатили ее новыми выводами. Особо важное значение имеют выдвинутые и обоснованные Марксом новые положения о диктатуре пролетариата, о политическом переходном периоде от капитализма к социализму, о двух фазах развития коммунистической формации, которые получили дальнейшее развитие в ленинизме, в решениях КПСС.

ГЛАВА 8

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Маркс и Энгельс, создав материалистическое понимание истории, открыли всемирно-историческую миссию пролетариата, показали, что историческим развитием движет классовая борьба. Но учитывая, что человечество делится не только на классы, но и на различные нации, народности, Маркс и Энгельс придавали важное значение выяснению связи национальных проблем с проблемами классовой борьбы, революции, места и роли национального вопроса в развитии общества.

Теоретические взгляды Маркса и Энгельса по национальному вопросу сложились в эпоху, когда капитализм, разрушая феодальные порядки, вызвал к жизни движение за создание крупных национальных государств в Европе. Национально-освободительное движение охватило тогда еще сравнительно узкий круг стран Западной Европы. Тем не менее, опираясь на имеющийся опыт национальных движений, Маркс и Энгельс теоретически обосновали роль и место национального вопроса в общественном развитии и показали правильные пути его разрешения. Маркс и Энгельс рассматривали национальный вопрос как часть вопроса о свержении власти капитала, связывали решение национального вопроса с революционной перспективой в Европе и оценивали национальный вопрос с точки зрения интересов интернационального сплочения рабочих. В свою очередь перспективу победы революции и пролетарского интернационализма они связывали с правильным решением национального вопроса.

Чтобы яснее представить взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на сущность нации, рассмотрим кратко их понимание донациональных форм общности людей.

ДОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ

К. Маркс, по свидетельству Ф. Энгельса, собирался обобщить и изложить результаты исследований Льюиса Г. Моргана на основе материалистического понимания истории. Смерть помешала Марксу осуществить свое намерение, но составленный им конспект главного труда Моргана «Древнее общество» (1877) содержит глубокие замечания и характеристики по вопросам древних социально-этнических форм общности людей.

Неоценимый вклад в создание научной истории развития человечества внес Ф. Энгельс. Критически переработав с позиций исторического материализма исследования Моргана, русского историка М. М. Ковалевского и других авторов по древнейшей истории, а также использовав конспект Маркса книги Моргана «Древнее общество», Ф. Энгельс создал в 1884 г. одно из основных сочинений

научного социализма: «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

К. Маркс и Ф. Энгельс на основе изучения огромного этнографического материала сделали вывод, что все социально-этнические формы общности людей определяются способом производства материальных благ, присущим той или иной общественно-экономической формации. Род, всюду где он имел место, являлся социальной организацией первобытного общества, объединяющей группу людей, скрепленных узами единокровного происхождения, сплоченных коллективным трудом, имеющих единые интересы, связанных общностью языка, обычаев, традиций, элементов первобытной культуры, религиозных представлений и форм культа. Маркс и Энгельс показали, что первобытнообщинному способу производства лучше всего отвечала родовая форма общности, организации людей. На этой стадии развития общества производственный коллектив мог образоваться лишь на основе естественного родства.

Экономической основой родовой организации было совместное владение всеми членами рода средствами производства и общественное уравнительное распределение материальных благ. Будучи равными как в обязанностях, так и в правах, члены рода, естественно, обладали и общностью характера. Как отмечает Ф. Энгельс, они поражали своим чувством независимости и личного достоинства, прямодушием и храбростью [1].

Племена — новая форма общности, выросшая из рода,— также основывались на родовых отношениях, кровнородственных связях людей. Поэтому племя обладало теми же признаками, что и род, и правомерным является общее понятие «родо-племенная общность людей». «...Коль скоро основной общественной ячейкой,— пишет Энгельс,— является род, из него с почти непреодолимой необходимостью,— ибо это вполне естественно,— развивается вся система родов, фратрий и племени. Все три группы представляют различные степени кровного родства, причем каждая из них замкнута в себе и сама управляет своими делами, но служит также дополнением для другой» [2].

При запрещении браков внутри рода было необходимо, чтобы каждое племя объединяло по крайней мере два рода или материнские фратрии из различных родов (при матриархате). В свою очередь племя, разрастаясь, распадалось на два или большее число родов. Только принадлежность человека к племени делала его совладельцем общей собственности и обеспечивала его участие в общественной жизни племени.

Каждое племя имело собственное имя, территорию, общность экономической жизни, языка (особого племенного диалекта, наречия), обычаев, нравов, религиозных представлений (мифологии) и культовых обрядов.

Территория, принадлежащая ему, была, как правило, уже постоянной (в отличие от часто меняющейся территории рода). Она

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 98.

[2] Там же, стр. 97.

состояла из места поселения и значительной области для охоты и рыбной ловли. Между территориями отдельных племен лежала обширная нейтральная полоса. У племен с родственными языками эта полоса была сравнительно маленькой. Покушение на целостность территории рассматривалось как враждебный акт.

Некоторые авторы не признают общности экономической жизни у людей родо-племенного строя. Между тем именно при этом строе люди, сообща владея материальной основой производственного процесса (всей территорией племени) и организуя распределение, потребление на равных началах, имели, в отличие от людей антагонистических обществ, настоящую общность экономической жизни. Именно на этой основе все соплеменники имели общие интересы и были едины в труде и защите интересов племени.

Собственно общностью экономической жизни, в конечном счете, следует объяснить и общность языка и другие виды общности.

Естественно, члены племени (в том числе усыновленные пленники), будучи полностью равными как в правах, так и в обязанностях, живя и трудясь в одинаковых природных и общественных условиях, обладали общностью племенного характера. Первобытная культура того или иного племени также была общая для всех соплеменников. Различные племена сообразно особенностям своей деятельности давали в искусстве (в живописи, танцах и играх) свои оценки явлениям жизни, стремлениям и идеалам данного племени. Каждое племя имело свои регулярные празднества и проводило их отдельно с определенными формами культа, своеобразными танцами и играми.

Отдавая должное высокой нравственности людей родо-племенного строя, Ф. Энгельс вместе с тем отмечал: «Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности. Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена,— и она была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества» [1].

Родо-племенные общности людей господствовали тысячи лет, но несмотря на их громадную устойчивость они были обречены на распад, ибо основывались на крайне неразвитом производстве, которое сдерживало общественный процесс. Поэтому дальнейшее развитие социально-этнических общностей людей не могло быть простым продолжением родо-племенных связей.

Потребности развития производительных сил вызывают укрупнение первобытных коллективов. Появляются союзы племен, образование которых означало уже начало разрушения родо-племенной организации. Стали возникать народности как новая историческая форма общности людей. Важно, однако, иметь в виду, что народности возникают с образованием первых классовых обществ не на

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.

базе слияния племен, а на основе разложения родо-племенных связей. Ф. Энгельс подчеркивал: «...не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; образование союза племен означает уже начало ее разрушения» [1]. Возникновение, развитие и падение родо-племенного строя были обусловлены возникновением, развитием и падением первобытного способа производства. Правда, в конспекте Маркса книги Моргана «Древнее общество» и в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» нередко встречаются высказывания о том, что тот или иной народ возникает из слияния нескольких племен: «Четыре афинских племени *слились* в Аттике в один народ вследствие *смешения племен на одной территории* и *постепенного исчезновения географических границ между ними*» [2]. Или: «В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности» [3] и т. д.

Но К. Маркс и Ф. Энгельс употребляют термины «народ», «народность» лишь применительно к родовому строю, а не для обозначения понятия «народность», отражающего соответствующую форму общности людей в классовом обществе. «При *родовых учреждениях народ,*— подчеркивает К. Маркс,— возникает только тогда, когда *племена,* объединенные одним управлением, *сливаются в единое целое,* как четыре афинских племени в Аттике, три дорийских племени в Спарте, три латинских и сабинских племени в Риме» [4]. Такое слияние племен при родовых учреждениях образует не народ или народность в подлинном их смысле, а лишь подобие народа. «*Союз* племен,— подчеркивает Маркс,— является ближайшим подобием *народа.* ...Когда *племена,* как, например, афинские и спартанские, *сливались* в *один народ,* то получилась лишь *более усложненная копия племени*» [5]. Ф. Энгельс также называет народностью формы общности, «внутри которых роды, фратрии и племена все же еще вполне сохраняли свою самостоятельность» [6]. Он считает, что указанные народности также входят в родовую организацию, что последняя дальше племени не пошла и что «образование союза племен означает уже начало ее разрушения» [7].

Вслед за Морганом К. Маркс и Ф. Энгельс считают, что «*до времен Ликурга и Солона* {у греков} было четыре ступени общественной организации: *род, фратрия, племя и народ.* Словом, греческое родовое общество — это *ряд объединений,* управление которыми основывалось на *личных отношениях* их членов к *роду, фратрии или племени*» [8]. То же самое Маркс и Энгельс говорят о римском и других народах. Дальше К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о переходном периоде, о приписываемой афинами Тезею первой попытке

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», 1941, т. 9, стр. 94.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 104.
[4] «Архив Маркса и Энгельса», т. 9, стр. 79.
[5] Там же, стр. 79, 141.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 104.
[7] Там же, стр. 99.
[8] «Архив Маркса и Энгельса», т. 9, стр. 142.

уничтожить родовую организацию, затем о реформах Солона и Клисфена, о появлении «территориальных племен», антагонистических классов и государства. «Отношение к роду или фратрии перестало определять гражданские обязанности афинян. *Слияние народа в политические корпорации на определенных территориях было теперь завершено*» [1]. Таким образом, хотя народности формируются из различных племен, эти последние не входят в них в качестве составных частей, так как вытесняют старые кровнородственные объединения [2].

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс показал процесс разложения рода и образования народностей с классовой и государственной организацией на примере греков, римлян и германцев. При этом он подчеркнул, что для раскрытия экономических условий этих процессов «Капитал» Маркса будет столь же необходимым, как и книга Моргана [3].

Итак, анализ смен способов производства позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу вскрыть действительные причины появления новой формы социально-этнической общности людей — народности. Последняя возникает не в результате слияния племен: само это слияние происходит на основе разложения всех родо-племенных связей. Внутри родов и племен происходит дифференциация людей на богатых и бедных. Родовая знать превращается в аристократию, которая вершит всеми делами союза племен. Влияние взглядов и образа мышления родового строя в период формирования классового общества было еще сильно, но они постепенно отступают в борьбе с новыми порядками. Роды и племена распадаются на семьи, обладающие уже индивидуальными интересами. Отдельная (малая, индивидуальная) семья, состоящая только из родителей и их детей, становится носителем частной собственности, основной экономической ячейкой общества. Такая семья, как отмечал Ф. Энгельс, являлась «первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия — именно победа частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью» [4].

Таким образом, развитие частной собственности, обмена, торговли разрушило былые родо-племенные связи, породило новое разделение труда и классовое расслоение. Кровнородственный принцип объединения людей уступил территориальному принципу.

С возникновением классового общества, основывающегося на частной собственности, существенно меняется и форма общностей людей, поскольку коренным образом изменяется характер их общественных связей и отношений. Народность — это уже такая исторически сложившаяся общность людей, которая в отличие от родоплеменной общности включает в себя антагонистические классы,

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. 9, стр. 155.
[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 116.
[3] См. там же, стр. 156.
[4] Там же, стр. 68.

является, так сказать, единством противоположных классовых общностей (рабов и рабовладельцев, крестьян и феодалов).

Итак, народность, образуясь на базе разложения первобытно-общинного строя, а не являясь итогом процесса простого расширения и обобщения родо-племенных связей, включает в себя различные этнические элементы. Формировавшаяся таким путем новая этническая общность оказывается вместе с тем более широкой социальной общностью людей, чем род или племя. Поэтому люди могут принадлежать к этой общности, вовсе не относясь при этом к основным этническим элементам данной народности. Напротив, группа людей, принадлежащих к этнической основе народа, может не входить в понятие «народ» вообще и не иметь общности нравов, культуры, а иной раз даже общего языка с данной народностью.

Появление качественно нового социального состава придает и новое качество общностям людей. У народности имеется постоянная и более обширная, чем у племени, общая территория, но она приобрела большее значение, поскольку территориальные связи стали главными, заменив родо-племенные связи.

Классовое деление общества накладывает наиболее сильный отпечаток на былую общность психологии, характера и культуры людей родо-племенного строя. Если первобытная культура была, по существу, общенародной, то культура народности с развитыми классовыми антагонизмами раздваивается. С формированием классового общества возникает противоположность между физическим и умственным трудом. На долю раба выпадает бесконечный изнурительный физический труд, а свободные от рабства или крепостничества люди воспитываются в духе презрения к физическому труду. Отживающие господствующие классы подавляют народное творчество, стремятся подчинить его своим интересам, внести в него консервативные, реакционные идеи, чуждые народу взгляды. Так, например, феодалы не только создавали свой реакционный эпос или религиозно-мистическую живопись и музыку, но и перерабатывали в своих узкоклассовых интересах произведения народнопоэтического творчества, народную музыку и т. д.

Некоторые особенности психологии, культуры, быта остаются общими у антагонистических классов, но не они составляют суть, главные черты духовного облика народности в целом.

Таким образом, народности, возникшие на базе рабовладельческого или феодального способа производства, при всех различиях между собой являются определенной формой исторически сложившейся общности людей, характеризующейся общностью территории, территориальных (земляческих) экономических связей, единым языком, проявляющимся в его диалектах, и выросшим на основе этих общностей сознанием своей этнической принадлежности.

Рост производства в условиях существования народности сделал уже невозможным родовые отношения, но вместе с тем производительные силы рабовладельческого и феодального обществ были еще недостаточно развиты, чтобы объединить экономически

все части народности. В условиях господства натурального хозяйства, феодальной раздробленности экономические связи осуществляются в рамках территориальных союзов.

НАЦИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ

Продолжая историко-экономический анализ процессов образования различных социально-этнических общностей людей, Маркс и Энгельс показали, что развивающиеся еще в недрах феодализма капиталистические отношения обусловили возникновение качественно новой общности людей. Такой общностью явилась нация.

Термин «нация» происходит от латинского natio — племя, народ, и основоположники марксизма в ряде случаев употребляли этот термин в отношении народов еще рабовладельческого и феодального общества. Так, в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса иногда можно встретить такие выражения, как «нации, рассеянные и распыленные в продолжении тысячелетия» [1], «к концу VIII века Ирландия отнюдь не была населена единой нацией» [2] и др. Такое употребление термина «нация» нельзя считать каким-то недостатком или смешением понятия нации с понятием «национальность» или «народность». Эти понятия Маркс и Энгельс четко различают. В подобных случаях Маркс и Энгельс имели в виду то, что нации как этнические общности существовали еще задолго до возникновения современных наций и что главной особенностью наций была их национальность. Национальные особенности возникают еще до возникновения нации в современном понимании слова. Все дело в том, что, переходя к характеристике современных наций, упор делается не только и даже не столько на то, что нация является этнической общностью людей, сколько на то, что она представляет новое социально-экономическое и политическое объединение людей. Это весьма принципиальное положение, игнорируя которое нельзя уяснить сущности современных наций.

Рассматривая процесс формирования наций, Ф. Энгельс отмечал, что еще в начале нашей эры «элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными территориями, еще существовали и все еще давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной соединить эти элементы в новые нации...» [3]. Таким образом, констатируя формирование важнейших элементов нации — языка и территории,— Ф. Энгельс указывал на отсутствие главного условия возникновения нации — экономической общности различных областей феодально раздробленных стран. Решающую роль в экономической и политической централизации феодальных областей, удельных княжеств сыграла в ряде стран (Франции, Англии, России и др.)

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 182.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 516.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 147.

монархическая власть в союзе с растущим бюргерством. Этот союз Энгельс датировал X в. Союз нередко нарушался в результате конфликтов, однако значение бюргерства неизменно возрастало, и в XV в. оно стало уже более необходимым для дальнейшего развития общества, чем дворянство. «Еще задолго до того,— писал Энгельс,— как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий, их фундамент был подорван деньгами»[1]. Используя новую силу, королевская власть выступала против феодальной раздробленности и собирала мятежные феодальные княжества в единое централизованное государство.

«Во Франции Людовику XI после падения бургундского промежуточного государства удалось, наконец, на тогда еще очень урезанной французской территории, настолько восстановить национальное единство, представителем которого была королевская власть, что... единство это всего лишь однажды, вследствие реформации, на непродолжительное время было поставлено под вопрос. <...>

Скандинавские страны были объединены уже давно. Польша, королевская власть которой еще не ослабела, со времени своего объединения с Литвой шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III. Во всей Европе оставались еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни немыслимого тогда без нее национального единства, или они существовали только на бумаге: этими странами были Италия и Германия»[2].

Основоположники марксизма показывают, что экономически и политически централизованные нации возникают с появлением капиталистических элементов, но еще до утверждения капитализма. Окончательная консолидация их происходит благодаря развитию капитализма, когда в постоянные экономические связи со всеми другими частями страны вовлекается деревня. Быстрым усовершенствованием орудий производства и облегчением средств сообщения буржуазия, с одной стороны, вовлекает в цивилизацию уже существующие нации, а с другой — уничтожая раздробленность средств производства, собственности и населения, сплачивает независимые ранее области «в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей»[3].

Буржуазия имеет в виду, конечно, свой единый, национальный классовый интерес, но ведь другой основной класс капиталистического общества — пролетариат — тоже имеет свой единый национальный классовый интерес. Каждый из этих классов консолидируется теперь в общенациональном масштабе, каждый из них имеет теперь свой общий национальный классовый интерес. Бур-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 408.
[2] Там же, стр. 415—416.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 428.

жуазия заинтересована в получении возможности беспрепятственной массовой эксплуатации отечественной рабочей силы. «Единое общегерманское гражданство и полная свобода передвижения для всех граждан страны, единое торгово-промышленное законодательство,— писал Ф. Энгельс,— были теперь уже не патриотическими фантазиями экзальтированных студентов, а необходимым условием существования промышленности» [1]. Именно в этом национальный интерес буржуазии. Именно на этом базисе возвышается весь ее патриотизм, вся ее националистическая идеология. Пролетариат тоже национален, но отнюдь не в буржуазном смысле. Он интуитивно чувствует, а затем и осознает, что лучше обеспечить свои интересы, сплотившись в едином национальном отечестве. Рабочий класс национален постольку, поскольку он, «для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организоваться *как класс* и ... непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а... «по форме» является национальной» [2].

Таким образом в процессе развития капитализма в обществе появляются определенные общенациональные интересы, но они по-разному проявляются у различных классов. Вот почему К. Маркс и Ф. Энгельс выдвигают на первый план не общенациональную общность, а национальную классовую общность, подчеркивают классовый характер национальных интересов буржуазии и пролетариата той или иной страны. Пролетариат стремится к своему национальному отечеству не потому, что чувствует духовное родство со своей национальной буржуазией, а потому, что сначала чувствует, а затем и осознает, что, организуясь в национальном масштабе, может лучше бороться с этой буржуазией. Говоря, например, о значении для пролетариата объединения Германии в единую нацию, К. Маркс писал: «Интересам пролетариата одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробленности на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного объединения Германии в единую *нацию,* что одно только и могло очистить от всяких унаследованных от прошлого мелких препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами» [3]. Именно в этом главный смысл утверждения «Манифеста Коммунистической партии» о необходимости объединения в «одну нацию с одним национальным классовым интересом». К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что формирование и консолидация наций были вызваны прежде всего интересами дальнейшего экономического развития общества. Как писал Энгельс, «стремление к единому «отечеству» имело весьма материальную подоплеку» [4]. Так, ирландцы в длительной борьбе

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 423.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 22.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 18.
[4] Там же, стр. 424.

против Англии за национальную независимость выработали свое национальное самосознание, свои традиции, но они, быть может, смогли бы остаться в составе Англии, как шотландцы, уэльсцы, если бы неслыханная антиирландская политика англичан не превратила бы ирландский национальный вопрос в вопрос о земле, в вопрос о существовании. Бывает и так, что в силу определенных социальных причин национальное существование становится предпочтительнее не в своем отечестве. Когда разразилась французская буржуазная революция, Эльзас и Лотарингия, по замечанию Ф. Энгельса, получили от Франции в подарок то, чего они и не смели получить от Германии. Они избавились от феодальных оков, от патрициата и цеховых привилегий в городах. Эльзасцы и лотарингцы, которые еще не были офранцужены, следуя примеру французов, прогнали дворян, баронов и князей и объявили себя свободными французами. И когда Германская империя выступила с войной против революции, «тогда,— писал Ф. Энгельс,— было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза» и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений в борьбе за революцию слились в единый народ с исконными французами» [1].

Ф. Энгельс приводит и другие примеры, когда в силу определенных исторических причин почти каждой большой нации пришлось расстаться с некоторыми своими периферийными частями, которые затем приобщились к национальной жизни другого народа и уже не хотят воссоединиться со своим прежним отечеством. Так, французы в Бельгии и Швейцарии не хотят политического воссоединения с Францией, как немцы в Швейцарии и Эльзасе не желают присоединиться к Германии. При этом К. Маркс и Ф. Энгельс показывают, что когда целые группы той или иной нации длительно живут в условиях других наций, то их прежние национальные чувства хотя и сохраняются еще некоторое время, особенно в первом и во втором поколениях эмигрантов, но, они, как правило, отступают перед экономическими и политическими интересами. С другой стороны, былые национальные чувства, национальная гордость могут вспыхнуть с новой силой, если прежнее отечество вступает на прогрессивный путь развития или находится под угрозой иностранного порабощения.

Итак, история показывает, что из одного корня в различных условиях могут развиваться различные нации, так же как и различные национальности, смешиваясь, могут образовывать новую нацию. Но К. Марксу и Ф. Энгельсу было важно подчеркнуть решающую роль материальных интересов для консолидации наций. Для них экономическая общность выступает как главное условие возникновения нации и основа, на которой развиваются определенные признаки нации. А после того, как капитализм утверждает

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 461.

свое государство, экономическая общность выступает уже не только условием образования нации, но и как ее признак.

Важнейшими признаками нации Маркс и Энгельс считали также общность языка и территории.

Материалистически объясняя происхождение языка как средства человеческого общения, К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли внимание путям образования и специфике национальных языков. Язык и мышление не могут существовать друг без друга в том смысле, что нет слов, которые бы не выражали мыслей, и нет мыслей без словесного языкового выражения. Однако характер фонетики, морфологии языка определяется не законами мышления, а историческими условиями развития того или иного народа, а в дальнейшем — законами развития самого сложившегося национального языка. Хотя слова не изобретаются произвольно, а всегда соотносятся с определенными понятиями, тем не менее слово, обозначающее одно и то же понятие у разных народов, имеет различное звучание или написание, в то время как одно и то же понятие у различных народов обладает одинаковым объективным содержанием. Слово, в отличие от понятия, может быть изучено и понято только в фонетической и грамматической системе данного национального языка. «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой» [1].

Указывая на связь образования национальных языков с историей развития наций, К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против приписывания тому или иному народу особого языка, присущего его «природе» и имеющего якобы беспрерывную прямую линию развития начиная с родового общества. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс высмеивают Макса Штирнера, рассматривавшего язык как продукт рода: «...тем обстоятельством, что Санчо (имеется в виду Штирнер.— *Ред.*) говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» [2].

Придавая большое значение общности языка для нации, К. Маркс и Ф. Энгельс, однако, отмечали, что язык, как и любой другой признак, сам по себе не может быть абсолютизирован. Ф. Энгельс указывал, например, что если границы национальности совпадают с границами языка, то границы нации, как правило, обозначаются границами государства. Он отмечал важную роль национального языка в процессе формирования наций. «Как только произошло разграничение на языковые группы,— писал Эн-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 110.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 427.

гельс,— ... стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств...»[1]. Но в то же время Ф. Энгельс подчеркивал необходимость учитывать важнейшую роль, которую играет в этом процессе государство и его территориальная общность.

Ф. Энгельс прямо указывал, что государство является «нормой», «правилом» существования нации. «С конца средних веков,— писал он,— история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии и являются вместе с тем необходимой предпосылкой для установления гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого невозможно господство пролетариата»[2]. Ф. Энгельс здесь пока говорит о Европе, но и в наше время, когда в Азии, Африке, Латинской Америке идет бурный процесс национального возрождения, положение Энгельса о национальном государстве как «норме» существования нации приобретает особое значение. Государство выступает решающим фактором образования наций. При этом установление национальных границ (общность территории) в освободившихся странах нередко нарушает языковое и племенное единство в пользу единства государственно-экономического организма. В результате одна языковая группа может быть разделена между несколькими государствами, и одно государство может объединять элементы различных племен с различными языками.

Таким образом, пример образования африканских, арабских национальных государств подтверждает историко-экономическую теорию нации К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которой границы нации не всегда совпадают с границами языка и даже этнических групп.

Как известно, мысль о том, что народы «возвысились до сознания внутренней связи между государством и нацией»[3], не раз подчеркивалась и В. И. Лениным. Но государство должно иметь границы, и эти границы, выступающие одновременно как национальные границы, по мысли основоположников марксизма-ленинизма, должны определяться демократически самим населением.

Уже с возникновением народностей общность территории стала решающим принципом деления людей на социально-этнические общности нового типа. «...Исходным пунктом было принято территориальное деление,— писал Энгельс,— и гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись, безотносительно к роду и племени»[4]. Теперь не люди с общим языком, характером и т. п. занимают общую территорию, а, наоборот, общая территория становится базой для выработки определенных общих черт у людей различных племен, для созда-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 410.
[2] Там же, стр. 421—422.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 583.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 170.

ния новой этнической общности. Вырабатываются общие привязанности к новым местам, появляется «местный патриотизм», особая региональная солидарность.

Объединение раздробленных феодальных территорий в единую национальную территорию, конечно, облегчалось наличием на них этнически однородного населения, однако, как мы видели, это не служило обязательным условием консолидации нации. Нация является новой этнической общностью людей, которая обычно интегрируется из различных этнических элементов, из различных национальностей и даже рас.

Таким образом, без общности территории (если не говорить о временных ее нарушениях) нет нации. Общность территории является необходимым условием образования нации, а затем и ее признаком.

Различение Марксом и Энгельсом понятий «нация» и «национальность», положение о том, что границы нации не обязательно совпадают с границами национальности, имеют не только теоретическое, но и важное политическое значение. Отождествление понятий «национальность» и «нация» и отрицание общности территории как необходимого признака нации не раз использовались и используются наиболее агрессивными силами империализма для оправдания своих несправедливых территориальных притязаний, для вовлечения национальных меньшинств, живущих в других странах, в свои реакционные планы. Наиболее показательными являются в этом отношении провокационная деятельность фашистской Германии среди живущих в других странах национальных меньшинств немецкой национальности. Нацисты, отождествляя национальность с нацией, рассматривали указанные национальные меньшинства как части немецкой наций и на этом «основании» систематически вмешивались во внутренние дела государств, на территории которых уже много веков жили люди немецкого происхождения. В результате многолетней националистической пропаганды немало людей немецкого происхождения из оккупированных стран, охваченные угаром националистической пропаганды, примкнули к нацистам.

Указывая на недопустимость причислять к единой нации людей одной и той же национальности, не имеющих общей территории, К. Маркс и Ф. Энгельс одновременно разоблачали и реакционные попытки оправдать незаконные территориальные притязания ссылками на историю и на так называемую теорию «естественных границ». Ф. Энгельс еще в 1859 г. в работе «По и Рейн» показал, что завоевательные притязания бонапартистской Франции на левый берег Рейна порождают другие территориальные притязания. Если Франция считает своей естественной границей левый берег Рейна, то Германия выдвигает лозунг: *«Рейн надо оборонять на реке По»*[1]. Но тогда «на что имеют право одни, на то должны иметь право и другие. Если мы (немцы.— *С. К.*) требуем По и Минчо для

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 235.

обороны не столько против итальянцев, сколько против французов, то мы не должны удивляться, если французы также претендуют на речные рубежи для обороны против нас»[1].

Ф. Энгельс признает важность военно-исторических и военно-стратегических соображений, но вместе с тем показывает, что в определении границ национальной территории не они играют принципиально важную роль, а интересы национального населения спорных районов. «Если Франции,— пишет Ф. Энгельс,— не следует ради хорошей военной позиции присоединять к себе 9 миллионов валлонов, нидерландцев и немцев, то и мы не имеем также никакого права из-за военной позиции порабощать 6 миллионов итальянцев»[2]. Ф. Энгельс показывает, что «теория естественных границ» лишь разжигает аппетиты всех охотников округлять свои территории. Эта теория требует, например, для Португалии захвата ею всей Испании.

Решительно выступая против реакционной агрессивной сущности теории естественных границ, Ф. Энгельс вместе с тем указывает на то, что, конечно, существуют и справедливые территориальные споры, но необходимо решать их исходя из интересов, желаний населения, живущего на спорных территориях. Лишь те границы есть «*действительно* естественные границы, которые определяются языком и общностью симпатий...»[3]. Возвращаясь к этому вопросу, Ф. Энгельс в статье «Какое дело рабочему классу до Польши?» отмечал, что договорами 1815 г. границы различных европейских государств были установлены не в соответствии с общностью симпатий населения, а на основе требований агрессивной дипломатии. Разделы Польши, Германии, Италии и ряда других государств Юго-Восточной Европы без учета пожеланий, интересов, национальных различий населения этих стран и породили «стремление к восстановлению того национального единства, без которого национальная жизнь являлась лишь призрачной»[4].

Маркс и Энгельс, таким образом, подчеркивают необходимость учитывать национально-государственное самосознание населения при определении национальной территории. Эти положения не потеряли своей актуальности и в наше время в связи с попытками оправдать территориальные притязания этнографическими и биолого-психологическими экскурсами в историю. Обоснование каких-либо территориальных претензий ссылками на древние «этнографические и кровные корни» своего народа никак не может считаться научным. Подобные ссылки чаще всего рассчитаны на оправдание территориальных захватов. Национальная территория — это не простое наследство предков. Нация как новая этническая общность, возникшая и развивавшаяся на данной территории, рассматривает ее неотъемлемой от своего существования.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 266.
[2] Там же, стр. 276.
[3] Там же, стр. 281.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 159.

Право на территориальный суверенитет нация завоевывает трудом ряда своих поколений. Этнографические, биолого-психологические экскурсы в глубину истории, а тем более ссылки на былые походы различных завоевателей с целью обоснования права кого-то другого, кроме данной нации, на ее территорию научно несостоятельны и реакционны.

Следует отметить также, что целостность национальной территории может быть нарушена в результате социальных революций. Стремление национального населения или его части установить свои национально-государственные границы в таких случаях самым ярким образом выражаются в самой революции. Так, например, немецкая нация оказалась расколотой на различные социальные системы со своими особыми национально-государственными границами. Реваншисты никак не хотят понять, что расколотой оказалась не просто территория бывшей некогда единой немецкой нации, а сама эта нация оказалась расколотой на два типа нации: на немецкую нацию, живущую в ФРГ при капитализме, и социалистическую нацию, живущую в ГДР. Решающими факторами определения облика нации в подобных условиях становятся социальные моменты, перед которыми отступают даже такие общности нации, какими являются языковая и территориальная общности. Ставить в таких условиях вопрос о воссоединении нации в прежних пределах, значит не понимать коренное различие указанных двух типов нации, не понимать или сознательно игнорировать то обстоятельство, что вопрос о национальном воссоединении в данном случае из национального перерастает в социальный вопрос.

У трудящихся ГДР не вообще национальное самосознание, а социалистическое национальное самосознание, сознание своей принадлежности к социалистической нации, и не считаться с этим могут только люди, потерявшие чувство реальности.

Историко-экономическая теория нации проливает яркий свет на все эти проблемы.

При характеристике нации К. Маркс и Ф. Энгельс, наряду с общностью экономических связей, языка и территории, указывали на национальное самосознание, выражающееся не только в сознании своей этнической принадлежности, но и возвышающееся до понимания внутренней связи между нацией и государством. К. Маркс и Ф. Энгельс выступили против утверждений о прирожденности национального самосознания, национальных чувств, подчеркивали его социальную основу. Так, Ф. Энгельс отмечал застарелую ненависть южных славян к турецким славянам, которые, несмотря на этническую общность в продолжение многих веков, ненавидели друг друга гораздо сильнее, чем, например, славяне и мадьяры. Все это разжигалось и ловко использовалось эксплуататорскими классами для удержания власти над различными народами.

Разжигание националистических страстей и их использование в интересах господствующего класса было особенно характерно для меттерниховской Австро-Венгрии. «Различные классовые интересы,— писал Энгельс,— национальная ограниченность и местные

предрассудки, при всей своей сложности, очень хорошо уравновешивали друг друга и позволяли старому плуту Меттерниху свободно маневрировать. Каких результатов достиг он, натравливая один народ на другой, показывает галицийская резня, когда Меттерних подавил демократическое польское движение, начатое в интересах крестьянства, при помощи самих русинских крестьян, зараженных религиозным и национальным фанатизмом» [1].

Национальные чувства, порожденные национальным угнетением или его угрозой, играют положительную роль в развитии и укреплении нации. Эти чувства приобретают осознанный характер в борьбе народов за свободу и национальную независимость. В национально-освободительных движениях укрепляется и развивается национальное самосознание, которое становится одной из характерных черт нации. В определенные периоды жизни нации национальное самосознание консолидирует все национальные силы, однако каждый из классов проявляет себя в борьбе с иностранными поработителями соответственно своей классовой сущности. История изобилует множеством примеров предательства господствующими классами национальных интересов. Угнетенные же классы, как правило, всегда являются основной силой, отстаивающей интересы нации. Не раз тем или иным завоевателям приходилось раскаиваться в том, что они не принимали в расчет силу национальных чувств, национального сознания истинных носителей национальности — трудящихся масс. Ф. Энгельс писал, например, по поводу попытки Наполеона одним ударом покончить с независимостью Испании: «Не видя ничего живого в испанской монархии, кроме жалкой династии, которую он прочно засадил под замок, Бонапарт был совершенно уверен, что ему удалось прибрать к рукам Испанию. Но через каких-нибудь несколько дней после своего coup de main (смелого удара.— *Ред.*) он получил весть о восстании в Мадриде. ...восстание вспыхнуло в Астурии и вскоре затем охватило всю монархию. Заметим, что это первое самопроизвольное движение зародилось в народе, между тем как «лучшие» классы спокойно подчинились чужеземному игу» [2].

Точно так же во Франции XV в. напуганные Жакерией и парижским восстанием феодалы поспешно заключили перемирие с английскими захватчиками. Когда же англичане возобновили военные действия, на их сторону стали бургундские герцоги. Опираясь на эту поддержку, англичане овладели всей Северной Францией. В результате на протяжении Столетней войны пассивность, а то и прямое предательство феодалов, опасавшихся размаха народного движения, не раз ставили под удар существование Франции в качестве самостоятельного государства. Его отстояли и спасли народные массы. Свою антинациональную природу особенно ярко продемонстрировала французская буржуазия в франко-прусской войне 1870—1871 гг. В страхе перед революционной активностью рабоче-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 178.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 10, стр. 433.

го класса французская буржуазия пошла не только на капитуляцию, но и на сговор с бисмарковской Германией для подавления восставшего парижского пролетариата. Буржуазия согласилась на унизительный Франкфуртский мир, отдав Эльзас и Лотарингию, а прусские интервенты оказали прямую помощь версальскому антинациональному правительству Тьера.

Предательство национальных интересов буржуазией, напуганной поднимавшимся пролетариатом, Маркс и Энгельс считали закономерным явлением. В 1853 г. в статье «Кошут и Мадзини» Маркс писал: «Итак, большим прогрессом для партии Мадзини является то, что она, наконец, убедилась, что даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма имеет место такая вещь, как классовые различия, и не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения» [1].

Буржуазия в целом не прочь отстаивать национальную независимость или участвовать в национально-освободительном движении, но с условием, что ей не придется в чем-либо ущемлять свои классовые интересы в пользу народа, что результаты национально-освободительных движений в конечном счете будут в ее интересах. Это вместе с тем не мешает буржуазии (как и раньше не мешало феодалам) выставлять себя представителем нации и даже рабочего класса.

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс показали социальные причины национальных чувств, национального самосознания. На основе общности экономических и политических связей, языка и территории возникает определенная общность духовной жизни, однако на особенности духовной жизни нации в условиях капитализма в первую очередь оказывает влияние классовое положение людей. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс изучали не вообще национальную психологию, а национальную психологию различных классов и слоев.

К. Маркс и Ф. Энгельс иногда употребляли термины «буржуазная нация», «капиталистическая нация», имея в виду определенный строй нации-государства, подчеркивая этим, что нация есть продукт капиталистических экономических отношений, но при этом они никогда не переставали проводить четкую грань между духовным обликом буржуазии и трудящихся. Так, Ф. Энгельс, исследуя положение рабочего класса в Англии, еще в 1845 г. отметил раздвоение английской нации на «две нации» («two nation»). Указав, что идеи, нравы, даже религия у буржуа и пролетария прямо противоположны, Энгельс писал: «Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам; из этих двух народов нам на континенте до настоящего времени знаком был только один — буржуазия. А между тем именно другой народ, состоящий из пролетариев, имеет гораздо большее значение для будущего Англии» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 573.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 356.

Буржуазия и лейбористские вожди всемерно старались привить пролетариату буржуазную психологию, но различие в социальных условиях оставалось решающим фактором, определявшим основные черты психологии буржуа и пролетария. Вот почему Ф. Энгельс и позднее, в 1892 г., в предисловии ко второму изданию «Положения рабочего класса в Англии» повторяет и даже еще больше подчеркивает мысль о раздвоении английской нации на «две нации».

К. Маркс и Ф. Энгельс пристально следили за изменениями психологии, настроений различных классов в ходе классовой борьбы, особенно во время революций.

Отмечая изменения в настроениях крестьян в революции 1848—1849 гг., Маркс писал: «...понятнее всего говорил самый опыт, приобретенный классом крестьян при использовании избирательного права, говорили те разочарования, которые одно за другим обрушивались на него в стремительном развитии революции. *Революции — локомотивы истории*» [1].

Иначе вела себя в революции мелкая буржуазия. Ф. Энгельс отмечал, что она, «великая в хвастовстве, совершенно не способна к действию и трусливо избегает рисковать чем бы то ни было. <...>Повсюду, где вооруженное столкновение приводило к серьезному кризису, мелких буржуа охватывал величайший ужас перед создавшимся для них опасным положением: ужас перед народом...» [2]. Там же, где затрагивались непосредственные интересы мелкой буржуазии, она обнаруживала совершенно противоположную трусости черту характера. «В июньские дни,— писал Маркс,— никто с таким фанатизмом не боролся за спасение собственности и восстановление кредита, как парижская мелкая буржуазия...» [3].

Конечно, длительная совместная жизнь в национальной среде вырабатывает у людей некоторые общие привычки, черты психологии, способствует появлению определенных общих традиций. Все это К. Маркс и Ф. Энгельс считали важными моментами и советовали учитывать их во взаимоотношениях наций, например англичан и ирландцев. Однако, раскрывая сущность нации, они делали упор на различные материальные, социальные условия жизни нации и подчеркивали не общность национального характера всех членов нации, а особенности национальных черт каждого класса данной нации в отдельности.

Общность национального характера предполагает, например, общность чувств. Между тем, как показывает Ф. Энгельс, если бы рабочие любили то же самое, что любят капиталисты, они вообще уподобились бы животным. Но «рабочие,— пишет Ф. Энгельс,— ...черпают сознание и чувство своего человеческого достоинства только в самой пламенной ненависти, в неугасимом внутреннем возмущении против власть имущей буржуазии» [4]. К. Маркс и Ф. Эн-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 86.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 105.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 36.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 347—348.

гельс отмечали, что под влиянием социально-классовых отношений может изменяться характер людей. Говоря о характере, например, английского рабочего, Ф. Энгельс писал: «...природная холодность северянина уравновешивается у него страстностью, которая, не встречая препятствий в своем развитии, смогла взять над ним верх. Рассудочность, которая так сильно содействовала развитию эгоистических задатков у английского буржуа, которая все его страсти подчинила себялюбию и сосредоточила всю силу его чувств на одной только погоне за деньгами, у рабочего отсутствует, благодаря чему страсти у него сильные и неукротимые, как у иностранца. Английские национальные черты у рабочего уничтожены»[1]. Здесь Ф. Энгельс ясно показывает, что общественные условия могут внести определенные изменения даже в темперамент людей, что было доказано впоследствии научной психологией. Когда в одинаковые общественные условия попадают люди разных национальностей, их характеры как бы интернационализируются. Когда же Энгельс писал, «что именно рабочий класс является хранителем английского национального характера», он имел в виду характер народа, трудящихся, а не мифический «общий» характер классов-антиподов английской (и любой) нации.

Маркс и Энгельс подмечали бросающиеся в глаза отдельные особенности стиля поведения, поступков представителей той или иной нации и даже на этом основании говорили, особенно в своих ранних работах, об определенном национальном характере, но существенным они считали национальный характер каждого класса в отдельности, а не всей нации в целом.

Иногда как доказательство существования общего национального характера (в антагонистической нации) приводят, например, такие замечания Маркса и Энгельса: «Различие *французского* и *английского* материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию. Они *цивилизовали* его»[2]. Но выдавать бросающиеся в глаза подобные наблюдения особенностей стиля поведения, поступков пусть даже большого количества представителей данной нации за национальный характер Маркс и Энгельс и не помышляли. Когда, например, Энгельс в своих путевых заметках «Из Парижа в Берн» писал о «французской веселости» или «беззаботном легкомыслии бургундца», он, конечно, не считал подобные черты, проявляющиеся на поверхности явлений, определителями характера нации. Когда, например, Ф. Энгельс говорил, что «афганцы слывут щедрым и великодушным народом», он, во-первых, имел в виду именно народ, а не эксплуататорские классы, и, во-вторых, не исключал того, что и другие народы обладают подобными качествами. В научном понимании слова «национальный характер» употребляются Марксом и Энгельсом в отношении различных классов одной и той же нации.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 437—438.
[2] Там же, стр. 144.

Мы знаем, например, что английский буржуазный класс включил в себя «новое дворянство», что обусловило многие специфические черты английского буржуа — его консерватизм, преклонение перед традициями, родословными и титулами, снобизм и дух компромисса. И Маркс в статье «Английская буржуазия» ссылается на те характеристики, которые давала блестящая плеяда английских писателей-реалистов всем слоям английской буржуазии. «Какими изобразили их Диккенс и Теккерей, мисс Бронте и мистрис Гаскелл? Как людей, полных самонадеянности, лицемерия, деспотизма и невежества; а цивилизованный мир подтвердил этот приговор убийственной эпиграммой: «они раболепствуют перед теми, кто выше их, и ведут себя как тираны по отношению к тем, кто ниже их» [1]. Можно назвать некоторые иные особенности буржуа и других наций. Если сравнить черты, присущие пролетариату разных наций, то можно выявить различия, которые определяются не классовым положением (в этом однородные классы в основном равны), а национальными условиями жизни. Когда же люди находятся между собой в классово-антагонистических отношениях, то их национальным общим может быть язык, территория, экономические и политические связи (государство) и выросшее на этой основе сознание своей национальной принадлежности. Некоторые общие черты характера антагонистических классов одной и той же нации не могут стать в один ряд с основными, определяющими признаками нации.

Поэтому Маркс и Энгельс решающими условиями возникновения нации, а затем и признаками нации считали общность экономических связей и отношений большой группы людей, территориальную целостность как основу деятельности этих людей, как почву для установления общих экономических связей и общность литературного языка как средство общения людей данной группы. В борьбе за свободное независимое существование складывалось национальное самосознание, направленное на завоевание или отстаивание и упрочение национальной государственности. Маркс и Энгельс отрицали априорность национального характера, рассматривали его как продукт реальной истории народа, отношений классовой борьбы. Маркс и Энгельс доказали, что народные массы со времени возникновения национальностей, а затем и наций всегда являлись их основой, ядром. «...Современные национальности,— писал Энгельс,— также являются продуктом угнетенных классов» [2]. Именно эти классы всегда отстаивают нацию как арену своей деятельности и борьбы во имя лучшей жизни, во имя умножения материальных и духовных богатств. Всем этим объясняется то, что всегда и везде главную боевую силу национально-освободительных движений составляли трудящиеся, хотя плоды их побед чаще всего доставались господствующим классам. С учетом необходимости создания лучших условий развития классовой борьбы пролетариа-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 648.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 409.

та Маркс и Энгельс считали национальную консолидацию важным фактором для трудящихся, которые «обязаны быть национальными, прежде чем они станут интернациональными... Они более всего интернациональны именно тогда, когда они подлинно национальны» [1].

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Раскрытие сущности нации не было для К. Маркса и Ф. Энгельса самоцелью. Историко-экономическая теория нации К. Маркса и Ф. Энгельса позволила научно истолковать сущность национальных отношений, определить историческое место и роль национальных движений в общей освободительной борьбе пролетариата, наметить программные, стратегические и тактические задачи пролетариата в решении национальных проблем. Опираясь на эту теорию при анализе национальных отношений на разных этапах истории, К. Маркс и Ф. Энгельс показали, какую роль играют в развитии этих отношений экономическая, языковая, территориальная и политическая общности людей, как, в какой степени и почему те или иные из этих факторов выдвигаются на первый план, даже становятся решающими в консолидации нации, а также в международных спорах и конфликтах, связанных с отстаиванием национального равноправия и независимости.

К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли классовую подоплеку национальных конфликтов, войн и вместе с тем показали, как межнациональная борьба (внутренняя и внешняя) мешает развертыванию и развитию классовой борьбы. Из опыта революций 1848 г. Маркс и Энгельс сделали вывод, что национальные революции находятся в прямой зависимости от пролетарской революции. В опубликованной в 1849 г. работе «Наемный труд и капитал» К. Маркс писал, что «победа «добропорядочной республики» во Франции была вместе с тем поражением наций, ответивших на февральскую революцию героическими войнами за независимость...» [2]. К. Маркс проводит мысль, что всякое революционное восстание не может победить, пока не победит революционный рабочий класс. Эту же мысль К. Маркс подчеркивает и в работе «Классовая борьба во Франции». «Ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!» [3].

Но такая постановка вопроса особенно в период революций 1848—1849 гг. была еще односторонней. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что эти революции уже тогда могли перерасти в пролетарские, и решение национального вопроса связывали исключительно с победой рабочего класса. Как известно, впоследствии Ф. Энгельс отметил, что он и К. Маркс не учитывали, что в тот период капитализм еще имел достаточный простор для дальнейшего развития. Но в таком случае образование при капитализме самостоятельных демократических государств также явилось бы прогрес-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 222.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 428.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 31.

сивным шагом в решении национального вопроса. В дальнейшем К. Маркс и Ф. Энгельс учли и это обстоятельство. Однако некоторые исследователи при оценке позиций К. Маркса и Ф. Энгельса в национальном вопросе игнорируют последующие их поправки и уточнения и делают неправильный вывод об их «национальном нигилизме». Так, на дискуссии польских историков на тему «Эволюция марксистской мысли о нации и государстве» некоторые ее участники [1] говорили о мнимой недооценке К. Марксом и Ф. Энгельсом возможности образования демократического национального государства еще при капитализме, о якобы противопоставлении ими классовых критериев национальным. Например, Таргельский говорил, что якобы марксисты вообще вплоть до Октябрьской революции считали национальные проблемы чуждыми борьбе пролетариата и что рабочее движение пролетариата в Западной Европе имело своей целью решение социалистических, а не национальных проблем [2]. Анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса показывает, что подобные утверждения не соответствуют действительности. Они основаны, по-видимому, на абсолютизации отдельных положений из сравнительно ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса и игнорировании позднейших их работ, которые более полно и всесторонне отражают взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на решение национальных проблем.

Более того, даже в 40-х годах XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс, подчеркивая подчиненность национального вопроса борьбе пролетариата за свои конечные цели, вместе с тем отмечали важное значение национальной самостоятельности для развития общества. В связи с этим прудонисты даже обвиняли Совет Международного товарищества рабочих в том, что он якобы подхватил бонапартистский принцип национальностей и тем самым будто бы совершил тяжкий грех против принципов всемирной демократии и братства народов. Ф. Энгельс, разъясняя, что принцип национальностей есть не что иное, как признание пожеланий, интересов, национальных различий населения, подчеркивал, что этот принцип также вытекает из интересов пролетариата и подчинен им.

К. Маркс и Ф. Энгельс приветствовали подъем национально-освободительного движения чехов, венгров, итальянцев, видя в них союзников в борьбе против различных сил контрреволюции. В статьях «Внешняя политика Германии», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге», «Датско-прусское перемирие», «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте» и др. К. Маркс и Ф. Энгельс уже отстаивали идеи свободы и братства народов. Своими выступлениями по национальному вопросу в 1848 г. они существенно развили материалистическую теорию нации и национальных отношений.

«Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в

---

[1] См.: «L pola walki», 1966, № 3, str. 45—141.

[2] Там же, str. 115.

Италии, равно как в Германии и в Польше» [1],— писал еще в мае 1848 г. К. Маркс. К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против всех душителей угнетенных национальностей. Особенно доставалось немецкой военщине: «Даже в самой глубине России,— отмечал К. Маркс,— немцы являются оплотом самодержца и мелких деспотов — вся Европа наводнена Кобургами!

Польша ограблена и расчленена при помощи немецкой военщины; Краков ею же предательски задушен. Ломбардия и Венеция порабощены...

...Вина за эти гнусности, совершенные с помощью Германии в других странах, падает не только на немецкие правительства, но в значительной степени и на немецкий народ» [2].

Необходимо, однако, отметить, что при конкретной оценке роли различных народов в революции 1848 г. Ф. Энгельс допускал некоторые ошибочные положения. Так, если поляков, венгров, итальянцев Ф. Энгельс относил к революционным народам, то славян, населяющих Австрию, он считал неспособными сыграть прогрессивную роль в дальнейшем ходе истории и обреченными на исчезновение как самостоятельные народы. Правда, оценивая таким образом роль славян, Ф. Энгельс при этом делал важные оговорки: «Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю,* они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность» [3].

Как известно, история показала, что славянские народы, прежде входившие в состав Австрийской империи, начали «новую революционную историю» и не только проявили способность к самостоятельному национальному развитию, но и выдвинулись в первые ряды творцов нового общественного строя, стали социалистическими нациями.

Буржуазные идеологи и ревизионисты спекулируют на указанной ошибке Ф. Энгельса в отношении чехов и южных славян. Так, автор двухтомной биографии Энгельса Г. Мейер вообще пытается выдать Энгельса за принципиального противника права наций на самоопределение, но это уже явная ложь. К. Маркс и Ф. Энгельс всегда были за независимость народов, за их право на самоопределение. В. И. Ленин отмечал, что Маркс имел обыкновение «щупать зуб» социалистов в национальном вопросе, проверяя их сознательность в отношении прав угнетенных наций. Так же поступал и Ф. Энгельс, и его ошибочные прогнозы насчет будущего некоторых национальностей не меняют его принципиальной позиции в национальном вопросе.

По мере развития национально-освободительного движения К. Маркс и Ф. Энгельс все глубже разрабатывали национальный вопрос. В их статьях и письмах о Китае, Индии, Ирландии были впервые заложены теоретические основы политики пролетариата в

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 4.
[2] Там же, стр. 161.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 299.

национально-колониальном вопросе. К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против сохранения феодальной оттоманской империи, за предоставление входящим в нее народам национальной независимости, за создание независимого славянского государства на Балканах. Это они считали одной из задач европейской революции. Основные идеи, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом по национальным проблемам, послужили отправным пунктом для разработки В. И. Лениным национально-колониального вопроса в эпоху империалистической стадии развития капитализма.

Глубокое изучение ирландского, польского вопросов, а также уроки гражданской войны Севера и Юга США позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу внести существенные уточнения в свою концепцию по национальному вопросу, сложившуюся в период революции 1848—1849 гг. Если раньше национальное освобождение ставилось исключительно в зависимость от социального освобождения рабочего класса, то теперь К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают обратную зависимость успеха социальных революций, освобождения пролетариата от решений жгучих национальных проблем.

В 1869 г. Ф. Энгельс писал К. Марксу: «На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландском Пейл» [1]. К. Маркс на это отвечал: «*...прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией.* Таково мое самое глубокое убеждение... Я долго думал, что можно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в «New-York Tribune». Более глубокое изучение вопроса убедило меня теперь в обратном. Английский рабочий класс *ничего не поделает,* пока он не избавится от Ирландии. ...Вот почему ирландский вопрос имеет такое большое значение для социального движения...» [2].

Свершение пролетарской революции К. Маркс и Ф. Энгельс по-прежнему считают главной задачей пролетариата, а решение национального вопроса — подчиненным этой главной цели. Но теперь уже признается, что решение социальных проблем рабочего класса не обязательно при всех условиях должно предшествовать решению национального вопроса, хотя в конечном счете подлинное решение последнего возможно лишь в социалистической революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс разъясняли, что английский рабочий класс никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага, пока средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, как ненавидит белый рабочий негра, пока он не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе, пока он не только не станет действовать заодно с ирландцами, но и не возьмет на себя инициативу упразднения ос-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 304.
[2] Там же, стр. 337.

нованной в 1802 г. унии и замены ее свободным союзом на федеративных началах. Особенно подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс мысль, что такой политики английский рабочий класс должен держаться не из-за простой филантропии, а потому, что она является необходимой с точки зрения его собственных интересов: ведь его бессилие в его следовании за господствующими классами, в разладе с ирландцами, в том, что вышколенная против ирландцев постоянная армия при необходимости успешно бросается против английских рабочих. «Народ, порабощающий другой народ,— резюмирует К. Маркс,— кует свои собственные цепи» [1]. Об этом же пишет Ф. Энгельс: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого» [2].

На обвинения в адрес интернациональной рабочей партии в том, что она якобы противоречит себе, выступая за восстание польской нации, Ф. Энгельс отвечал, что только защита дела свободы и независимости угнетенных народов по-настоящему является интернационализмом на деле. Только такая политика нужна как угнетенным, так и угнетающим нациям. «Пока жизнеспособный народ,— писал Энгельс,— скован чужеземным захватчиком, он по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; и пока его внутренняя жизнь остается таким образом парализованной, он не в состоянии бороться за социальное освобождение» [3].

Приведенные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса показывают, насколько далеки от истины все те, кто истолковывает марксистское положение о зависимости решения национального вопроса от решения социальных задач как недооценку национального вопроса, а тем более как противопоставление классово-социального и национального. К. Маркс и Ф. Энгельс, напротив, подчеркивают взаимообусловленность тех и других задач и значение национальной независимости для решения социальных задач. Исходя из необходимости сочетания классово-социальных и национальных задач, национальных и интернациональных интересов пролетариата Генеральный Совет 1 января 1870 г. выпустил конфиденциальное, составленное Марксом, циркулярное письмо о позиции, которую надлежит занять Международному товариществу рабочих по отношению к ирландскому вопросу. А эта позиция заключалась в том, чтобы «пробудить в английском рабочем классе сознание того, что *национальное освобождение Ирландии является для него* не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но *первым условием его собственного социального освобождения*» [4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 407.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 509.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 555.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 558—559.

Когда идеологи прусского юнкерства и немецкой буржуазии стали обосновывать «законность» аннексии Эльзаса и Лотарингии всевозможными ссылками на историю, К. Маркс, полностью разделяя положение работы Энгельса «По и Рейн», показал фальшь, агрессивность этих попыток. ЦК немецкой секции Международного товарищества рабочих выпустил 5 сентября 1870 г. Манифест к немецкому рабочему классу с призывом не допустить аннексию Эльзаса и Лотарингии и добиться почетного мира с французской республикой [1].

Социальную роль национального вопроса К. Маркс и Ф. Энгельс раскрывали также на примере взаимоотношений других наций. В 1875 г. Ф. Энгельс писал Валерию Врублевскому: «...я всегда буду видеть в освобождении Польши один из краеугольных камней окончательного освобождения европейского пролетариата и, в особенности, освобождения других славянских национальностей. До тех пор пока будет продолжаться разделение и порабощение польского народа, до тех пор будет продолжать свое существование и с фатальной неизбежностью возрождаться Священный союз между теми, кто поделил Польшу,— союз, который не означает ничего другого, как порабощение русского, венгерского и немецкого народов, совершенно так же, как и польского народа» [2].

То, что К. Маркс и Ф. Энгельс начиная с 60-х годов особенно стали подчеркивать важность разрешения национального вопроса для развития социалистической революции, свидетельствует об их творческом подходе к своей теории, о том, что они никогда не останавливались перед необходимостью исправления, уточнения или изменения тех или иных ее положений, не отражающих или не полно отражающих новые явления общественной жизни.

Мысль о том, что пролетариат не может относиться равнодушно к социально-экономическим, политическим и культурным условиям своей борьбы, К. Маркс и Ф. Энгельс высказывали и раньше. Важное значение экономических, политических и культурных условий развития нации Маркс и Энгельс в принципе обосновывали еще в «Манифесте Коммунистической партии». В. И. Ленин в письме к Инессе Арманд указывал, что нельзя из «Манифеста» брать только положение «рабочие не имеют отечества» и забывать то, что «там сказано *не только* это. Там сказано еще, что при образовании национальных государств роль пролетариата несколько особая. Если брать первое положение (рабочие не имеют отечества) и *забывать* его *связь* со вторым (рабочие конституируются как класс национально, но не в том смысле, как буржуазия), то это будет архинеправильно» [3]. Ленин разъясняет, что Маркс и Энгельс никогда не игнорировали заинтересованность пролетариата организовываться национально, в национальное государство и что «признание «защиты отечества» в национальной

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 283.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 140.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

войне *вполне* отвечает марксизму»[1]. Эта мысль особенно сильно подчеркнута в их позднейших трудах и письмах. 15 августа 1870 г. Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Германия втянута Баденге (Наполеоном III.— *С. К.*) в войну за ее национальное существование. Если она окажется побежденной Баденге, то бонапартизм укрепится на многие годы, а Германии на многие годы, может быть на целые поколения,— конец. О самостоятельном немецком рабочем движении в таком случае не будет и речи, борьба за восстановление национального существования будет поглощать все силы... Вся масса немецкого народа, всех классов, поняла, что в первую очередь дело идет именно о национальном существовании, и потому сразу проявила готовность выступить»[2]. И позднее, в письмах А. Бебелю[3], Ш. Бонье[4], Ф. Энгельс говорит о возможности участия пролетариата, социалистов в национально-освободительных войнах, при этом он показывает, что независимость наций отвечает не только национальным (экономическим и политическим), но и интернациональным интересам пролетариата. «Интернациональное движение пролетариата,— писал Энгельс,— вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций»[5]. Ф. Энгельс отмечает, что интернациональное сотрудничество возможно между равными и что даже первый среди равных нужен разве только при непосредственном действии. Указывая, что устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития, Ф. Энгельс со всей силой подчеркивает: «Для того чтобы иметь возможность бороться, нужна сперва почва под ногами, воздух, свет и простор. Иначе все — болтовня»[6].

Если независимое национальное государство является важным условием развития наций, то подлинный прогресс в жизни наций, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, наступает со времени создания социалистического государства, которое только и может действительно выражать интересы широчайших народных масс. Касаясь вопроса об отношении пролетариата к национальному вопросу после завоевания им власти при социализме, Ф. Энгельс в 1891 г. писал А. Бебелю: «...мы не смогли бы ни взять власть, ни удержать ее, не покончив с грехами наших предшественников по отношению к другим национальностям, следовательно, 1) открыто проложить путь к восстановлению Польши, 2) предоставить возможность населению Северного Шлезвига и Эльзас-Лотарингии свободно решить вопрос о своей государственной принадлежности. Между социалистической Францией и социалистической Германией эльзас-лотарингского вопроса вообще не может существовать»[7].

Внимательное отношение К. Маркса и Ф. Энгельса к судьбам наций, к созданию благоприятных условий для их всестороннего

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 330.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 33.
[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 162.
[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 426—427.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 220.
[6] Там же, стр. 221.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. соч., т. 38, стр. 162.

развития и братского сотрудничества не оставляет камня на камне от фальшивых обвинений основоположников марксизма в космополитизме и отрицании патриотизма. К. Маркс и Ф. Энгельс иногда употребляли термин «космополитизм» в значении «общечеловеческий», «свободный от национальных предрассудков», но буржуазный космополитизм они отвергали решительно и безусловно. Когда Луи Блан заявлял, что «француз неизбежно является космополитом», Ф. Энгельс отвечал: «Да, в таком мире, где будут господствовать только французское влияние, французские нравы, обычаи, идеи и политические порядки! В таком мире, где каждая нация переняла бы характерные свойства французской национальности! Но именно против этого должны протестовать демократы других наций. Вполне готовые отказаться от грубых черт своей национальности, они ожидают того же от французов. Их совершенно не удовлетворяет уверение французов, что они, как французы, уже тем самым *являются* космополитами. Подобное уверение равносильно требованию, чтобы все остальные *стали* французами»[1].

Против буржуазного космополитизма с его претензией растворить все национальности в так называемых образцовых нациях решительно выступал и К. Маркс. 20 июня 1866 г. Маркс в письме к Ф. Энгельсу, описывая ход прений в Совете Интернационала об австро-итальянской войне, сообщает, что прения эти свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» и об отношении к нему Интернационала. Далее К. Маркс пишет: «Представители «молодой Франции» (*нерабочие*) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и сама нация — «устарелые предрассудки». Прудонистское штирнерианство...

Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам *«по-французски»,* то есть на языке, непонятном для $^{9}/_{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией»[2].

Буржуазному космополитизму, как и любому национализму и шовинизму, К. Маркс и Ф. Энгельс противопоставляли пролетарский интернационализм и подлинный народный патриотизм. Это очень важно иметь в виду, так как вся антикоммунистическая, антимарксистская литература полна фальшивых обвинений в адрес Маркса, Энгельса и Ленина в якобы отрицании ими национальных различий, противопоставлении интернационализма патриотизму.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали решающее значение пролетарского интернационализма для успешной борьбы рабочих против капитала, для строительства нового, коммунистического общества. Они считали, что поскольку существует своего рода братский

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 386.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 193.

союз буржуазных классов всех наций, что поскольку буржуазия всех стран связана крепкими узами и объединена против пролетариев всех стран, несмотря на взаимную борьбу и конкуренцию на мировом рынке, то рабочие всех стран должны противопоставить космополитическому капиталу пролетарский интернационализм. Это диктуется самой логикой вещей. «Так как положение рабочих всех стран одинаково, так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща и братскому союзу буржуазии всех наций они должны противопоставить братский союз рабочих всех наций»[1].

Развивая идеи пролетарского интернационализма, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем подчеркивали, что искреннее международное сотрудничество европейских и других наций при капитализме возможно только при том условии, если каждая из этих наций полностью распоряжается в своем собственном доме. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс не только не противопоставляли интернационализм патриотизму, а, наоборот, считали их тесно взаимосвязанными. «...Интернациональный союз,— писал Энгельс,— возможен только между *нациями,* чье существование, автономия и независимость во внутренних делах включается, следовательно, в само понятие интернационализма»[2]. При этом интернациональные интересы народов для К. Маркса и Ф. Энгельса являются определяющими и в решении национальных задач. И если где-либо национальные интересы пролетариата одной страны временно приходят в противоречие с интересами ряда других народов, предпочтение должно отводиться последним. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс прямо осуждали левацкий авантюризм в национальном вопросе, способный разжечь националистические страсти, привести к мировой войне и повредить революционной ситуации. В таких случаях К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что в интересах пролетариата следует временно пожертвовать местными, национальными интересами, пришедшими в противоречие с общими, интернациональными, поскольку без соблюдения этих общих интересов в конечном счете невозможно реализовать частные. Поэтому, последовательно выступая за независимость и свободу народов, К. Маркс и Ф. Энгельс не поддерживали такие национальные движения, которые противоречили интересам пролетариата, народных масс других стран. Ф. Энгельс, говоря, например, об освободительных устремлениях балканских славян, предупреждал, что их действия накануне явно надвигающейся революции могут спровоцировать мировую войну, натравить народы друг на друга и оттянуть революцию. «Из-за нескольких герцеговинцев зажечь мировую войну, которая унесет в тысячу раз больше людей, чем все население Герцеговины,— не такой должна быть, по-моему,— писал Энгельс,— политика пролетариата»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 373.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 74.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 230.

Итак, рассмотрение взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса показывает, что они уделяли большое внимание разработке теории нации и национальных отношений, постоянно обогащали и углубляли эту теорию на основе обобщения опыта классовых и национальных отношений внутри отдельных стран и в международном масштабе. К. Маркс и Ф. Энгельс были пламенными интернационалистами и решение национальных проблем связывали с интересами борьбы международного пролетариата. Оставленное К. Марксом и Ф. Энгельсом богатое теоретическое наследство по национальному вопросу является живым опровержением домыслов антимарксистов о якобы национальном нигилизме К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта теория и сегодня помогает нам в решении современных сложнейших национальных проблем. Она позволяет разоблачить все разновидности национализма и национального нигилизма, «левого» ревизионизма, приносящего интернационализм в жертву великодержавному шовинизму, и правого ревизионизма, подменяющего интернационализм национал-коммунизмом.

ГЛАВА 9

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА В АНГЛИИ (1900—1917)

Вступление английского капитализма в высшую и последнюю стадию его развития, в эпоху империализма оказало существенное влияние на развитие всего общества, в том числе и на классовое сознание пролетариата. Поскольку в течение почти всего XIX в. Англия выступала как крупнейшая промышленная и сильнейшая колониальная держава, британская буржуазия могла делиться своими сверхприбылями с наиболее квалифицированными, объединенными в реформистские тред-юнионы слоями рабочего класса. «Эта рабочая аристократия,— писал В. И. Ленин,— имевшая тогда сносные заработки, замкнулась в узкие, своекорыстно-цеховые, союзы, отделившись от массы пролетариата и будучи в политике на стороне либеральной буржуазии»[1]. В «обуздании» рабочего движения и подчинении его интересам буржуазии сыграло также роль существенное повышение реальной заработной платы в последней трети XIX в.[2]. Все это рождало и поддерживало среди политически отсталых слоев пролетариата иллюзию относительно «единства» интересов капитала и труда.

Особенности экономического положения Англии были связаны с тем, что она вступила в эпоху империализма в несколько иных условиях, чем Западная Европа или США. Так, формирование монополий в Англии — классической стране свободной торговли — происходило гораздо медленнее, чем в США или Германии. В результате этого уже в последней четверти XIX в. промышленная монополия Англии на мировом рынке начинает подрываться. Намечающееся отставание Англии в области промышленности отрицательно сказалось на возможностях английского капитала подкармливать рабочую аристократию и рабочий класс метрополии вообще. Правда, резкое увеличение вывоза продукции сельского хозяйства Соединенными Штатами, Канадой, Россией и Австралией привело к значительному снижению цен на предметы потребления. Однако уже с 1907 г. начинается быстрое падение заработной платы.

В этих условиях соглашательская, оппортунистическая позиция британского тред-юнионизма, выросшего в условиях «мирного» развития капитализма, создает огромные трудности как для развертывания революционного рабочего движения, так и для распространения марксизма и его развития на английской почве. Марксистская теория, как известно, черпает свои силы и творческие импульсы из теснейшей связи с практикой классовой борьбы. Однако английская социал-демократия, которая одна только, по сло-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 439.

[2] По данным английского экономиста Дж. Г. Вуда, с 1879 по 1900 г. номинальная плата выросла на 16,7%, тогда как реальная — на 58% (см.: «Journal of Royal Statistical Society», June, 1910).

вам В. И. Ленина, вела «в течение десятилетий систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе»[1], далеко не всегда оказывалась на высоте положения в массовом движении, чуждаясь активной работы в профсоюзах. По сути дела, в Англии начала XX в. не было партии, способной возглавить массовое социалистическое рабочее движение.

Единственной марксистской организацией в Англии являлась в этот период Социал-демократическая федерация (С.-Д. Ф.)[2]. Тем не менее и она не была свободна от сектантства.

В 1900 г. по решению конгресса тред-юнионов в Лондоне проходила конференция, на которой было представлено около 350 тыс. членов профсоюзов, 13 тыс. членов Независимой рабочей партии (НРП), 9 тыс. членов С.-Д. Ф. и около 1 тыс. фабианцев. Вновь созданная организация получила название Комитета рабочего представительства (Labour Représentation Commitee) и имела целью консолидацию сил для проведения в парламент представителей рабочего класса. Построенная по принципу коллективного членства, эта организация была по существу федерацией тред-юнионов и политических партий, сохранявших свои идеологические и политические принципы. Если С.-Д. Ф. стояла на марксистских позициях, то НРП и фабианское общество были, по существу, буржуазно-реформистскими партиями. Так, фабианское общество в теоретическом отношении основывалось на идеях государственного и муниципального социализма. С этой точки зрения социализм определялся как «организация и ведение всех необходимых отраслей промышленности нацией, а также присвоение ею экономической ренты во всех ее формах; органами нации являются центральное правительство и местные учреждения»[3]. Поэтому фабианцы не ставят вопрос о классовой борьбе, диктатуре пролетариата и т. д. С их точки зрения социализм представляет собой лишь развитие и доведение до логического конца буржуазно-демократического идеала. «С экономической точки зрения, демократический идеал фактически и есть сам социализм»[4],— писал основатель фабианского общества С. Уэбб.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 440.

[2] Основанная в 1881 г. группой социалистов и радикалов, эта организация вначале носила название Демократической федерации. Переименованная в 1884 г. в Социал-демократическую федерацию, она вскоре переживает раскол, в результате которого от руководящего ядра Федерации (Г. Гайндман, Г. Чемпион, Г. Квелч, Д. Макдональд и др.) отделилась большая группа во главе с У. Моррисом, Б. Баксом, Э. Маркс-Эвелинг и Э. Эвелингом, образовавшими Демократическую лигу. О программе и истории этих организаций см.: М. Бер. История социализма в Англии, ч. II. Л., 1924.

[3] «Fabian Fracts», Nr. 70. Цит. по: М. Бер. История социализма в Англии, ч. II, стр. 616.

[4] «Fabian Essays», 1889, p. 35. Фабианцы считали, что социализм постепенно входит в жизнь современного общества. «Постепенно, по ломтику отнимается от прибыли с капитала, благодаря благодетельным социальным ограничениям свободы произвольного распоряжения им. Со всех сторон надзирают за частным капиталистом, контролируют его, а если надо, то и заменяют коллективностью» (там же, стр. 48—49).

Поэтому социалисты, с точки зрения фабианцев, должны использовать тактику «пропитывания» (permeation) общества социалистическими идеями: «Слуги общества должны пропитаться пониманием того, что социализм неизмеримо увеличит их силу. Профсоюзы должны пропитаться верой, что прошло время чисто индустриального действия, и что они должны ждать, пока правительство (тайно вдохновляемое симпатизирующими им слугами общества) постепенно введет в действие те части социалистической программы, которые как будто не могут возбудить слишком серьезной враждебности богатых»[1]. Идеи реформизма, постепенности, утопические упования на «симпатизирующих» социализму общественных деятелей и т. д. пронизывают фабианскую доктрину от начала до конца.

Организованная в 1893 г. Независимая рабочая партия не скрывала своей враждебности марксизму. В ее деятельности не было и тени революционности. Ее задачи не выходили за рамки экономических требований. И хотя вожди и теоретики НРП считали себя социалистами, их «социализм» сводился к «преобразованию посредством воспитания», а политика фактически состояла в подчинении рабочего движения интересам и политике буржуазного либерализма. Именно эта политика одержала верх в ходе становления Рабочей (лейбористской) партии. Если представители С.-Д. Ф. настаивали на образовании в парламенте социал-демократической рабочей фракции исходя из интересов классовой борьбы пролетариата и ее конечной цели — обобществления средств производства и построения социализма, то независимцы стояли за союз с либералами. При поддержке либералов, в результате тайного соглашения между либеральной партией и руководителем НРП Макдональдом лейбористы проводят несколько «рабочих» кандидатов, оказавшихся во многом прислужниками правящих партий[2].

В этих условиях Социал-демократическая федерация решила выйти из Комитета рабочего представительства[3]. Тем самым она вновь отказалась от надежды стать руководящей силой рабочего движения.

Результатом этой политики было то, что марксизм в Англии был «отодвинут на задний план оппортунистическими, полубуржу-

---

[1] B. Russell. The Roads to Freedom. London, 1923, p. 7.

[2] Один из лидеров НРП Ф. Сноуден был вынужден признать в 1913 г. что «рабочее представительство в парламенте находится там главным образом по милости либералов, и когда эта милость сменится на гнев, оно исчезнет» («Labour Leader», 22. VI 1913); см. также: Д. Голлан. По какому пути должны пойти социалисты? М., 1959, стр. 9.

[3] Позиция С.-Д. Ф. по этому вопросу определялась следующей резолюцией: «Отвергая мысль о заключении союза с тред-юнионами, который мог бы обязать нас поддерживать людей и мероприятия, для С.-Д. Ф. неприемлемых, мы... заверяем эти союзы, что мы сочувствуем их борьбе за лучшие условия труда и готовы идти с ними рука об руку, **как только они захотят принять социалистические меры**» («Report of the 22-th Annual Conference», 1902, pp. 19—20.— Выделено авторами).

азными вождями тред-юнионов и кооперативов...»[1]. Однако марксистская философская мысль в Англии развивалась и крепла, закаляясь в борьбе против буржуазной идеологии, в ходе идейного размежевания с фабианцами, независимцами и международным ревизионизмом, как и ревизионистами в собственных рядах. Без этого размежевания было бы невозможно развитие английской социал-демократии к коммунизму и образование Коммунистической партии Великобритании, основным ядром которой стала Британская социалистическая партия[2].

Идеологическая и в первую очередь философская деятельность представителей английской социал-демократии имела своим центром периодические издания — еженедельник «Справедливость» и журнал «Социал-демократ», переименованный с 1912 г. в «Британского социалиста». Важную роль в распространении идей марксизма сыграло также издательство «Двадцатый век» («Twentieth Century Press»), выпустившее в свет ряд переводов работ Маркса и Энгельса, таких, как «Капитал», «Нищета философии», «Заработная плата, цена и прибыль» и др., а также оригинальные работы английских марксистов: «Новый социалистический катехизис» Г. Квелча и Б. Бакса, «Экономика труда» Г. Квелча и др. Среди организаторов пропаганды марксизма выделяются Г. Квелч и Б. Бакс. Гарри Квелч (1856—1913), высоко оцененный В. И. Лениным как пропагандист марксизма и организатор социал-демократии, сочетал большую практическую работу в партии и профорганизациях с теоретической деятельностью. С 90-х годов прошлого века он начал свою теоретическую деятельность, выступая в дискуссиях против «муниципального социализма» фабианцев и мальтузианства. Отчеты об этих дискуссиях обычно издавались в виде брошюр, распространявшихся по невысоким ценам. Испытав вначале некоторое влияние американского мелкобуржуазного социалиста Генри Джорджа, Квелч к концу 90-х годов становится одним из популярных социалистических ораторов и теоретиков. Вокруг него объединяется группа способных авторов: А. Гезелл, Дж. Б. Аскью, Э. Бельфорт Бакс, Ф. Ротштейн и др. Из них философией много занимался Эрнест Бельфорт Бакс (1854—1926). В отличие от Квелча он был типичным кабинетным ученым, мало связанным с практически-политической деятельностью. Бакс не был последователен в философии, сочетая марксистские идеи с субъективно-идеалистическими построениями в духе Фихте, а затем махизма. Еще в 80-х годах он вступает в полемику с историческим материализмом, пытаясь дополнить его «теорией факторов» и субъективным идеализмом в теории познания, определяя действительность как совокупность «впечатлений нашего сознания», подведенных под определенные понятия, или, если угодно, под

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 290.

[2] В 1909 г. С.-Д. Ф. была переименована в Социал-демократическую партию, а с 1922 г. стала называться Британской социалистической партией.

определенные идеи[1]. Эта линия продолжается им и в первые десятилетия нового века.

Естественно, что центральное место в теоретической работе английских марксистов, как, впрочем, и в большинстве марксистских партий, занимают вопросы исторического материализма. Освещение проблем общественной жизни, анализ движущих сил исторического развития, учение о классах, классовой борьбе и революции имели для них первостепенное теоретическое значение, ибо без решения этих проблем невозможна была выработка конкретных путей развития деятельности марксистской партии в условиях Англии. На первый план выдвинулся вопрос о соотношении эволюции и революции в общественном развитии и как производный от него — вопрос об отношении партии к парламентаризму и парламентской борьбе.

Этим вопросам были посвящены многие страницы работ английских марксистов. Так, Г. Квелч и Б. Бакс раскрывали в «Социалистическом катехизисе» неразрывную связь социализма с материализмом, противопоставляя их теологическому пониманию мира и истории, «теологической догме»[2]. Однако они понимали, что в Англии начала XX в. материализм связывался главным образом с естественнонаучным материализмом естествоиспытателей, с вульгарным материализмом, а отчасти и с позитивизмом XIX в. Точка зрения развития — а идею социализма можно основать только на концепции развития общества — трактовалась в этих концепциях плоско-эволюционно, в духе отрицания качественных скачков в развитии. Применительно к общественному развитию это означало отрицание закономерности революционных изменений общества[3].

С другой стороны, международный ревизионизм и реформизм подвергали революционный марксизм непрерывным нападкам, обвиняя его в «бланкизме». Наконец, социально-политическая обстановка в Англии, где парламентская буржуазная демократия имела длительные традиции и оказывала устойчивое влияние на идеологию и политику самых различных партий, в наибольшей степени требовала конкретного подхода к проблеме революции.

Поэтому рассмотрение английскими марксистами проблемы эволюции и революции осуществлялось в борьбе как с плоским эволюционизмом, так и с реформистской концепцией общественного развития. Обсуждение этого вопроса развернулось в особенности в 1905 г. на страницах журнала «Социал-демократ». Защите марксистской, диалектической концепции развития были посвя-

---

[1] См.: «Исторический материализм». Сб. под ред. С. Семевского. М., ГИЗ, 1923, стр. 58. В этом сборнике содержатся материалы полемики между Баксом и немецкими социал-демократами по вопросам исторического материализма.

[2] См. H. Quelch and E. B. Bax. A New Catechism of Socialism. London, 1901, p. 30.

[3] См.: А. С. Богомолов. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX вв. Изд-во МГУ, 1962, гл. 2 и 3.

щены статьи С. Терри и Дж. Б. Аскью. «Революция есть существенная часть эволюции,— писал С. Терри,— и никакая эволюция в природе не завершается без революции» [1]. С тех же позиций оценивает значимость диалектической концепции развития для социализма и Дж. Б. Аскью: «Чтобы понять марксизм, мы должны понять его диалектическую основу. Диалектика показывает нам природу не такой, как мы обычно склонны ее мыслить, состоящей из неизменных объектов, но... как ряд процессов, которые, достигнув определенной точки, производят свою противоположность» [2].

Тесно связывая философскую проблематику с социальной, марксисты тут же подчеркивают взаимосвязь эволюции и революции в общественной жизни. Они развертывают решительную критику реформизма, показывая его буржуазную природу. В полемике с буржуазными либералами и независимцами, которые упрекали британских социал-демократов в «крайностях», за непримиримое отношение к буржуазной идеологии и ссылались на «более мягкий» континентальный социализм, английские марксисты писали, что «континентальный социализм» — это не Бернштейн: «С бернштейновской точки зрения между целями социалистов и современных либералов так мало разницы, что трудно найти основание для существования самостоятельной партии рабочего класса» [3].

Раскрывая классовые корни ревизионизма, Дж. Б. Аскью показывал, что ревизионизм заимствует свои ведущие идеи у буржуазных идеологов. Так, анализируя взгляды одного из вождей английских ревизионистов Р. Макдональда, изложенные в его книге «Социализм и общество», Аскью показал, что они заимствованы из органической теории общества Г. Спенсера. Вслед за ним Макдональд сравнивал дифференциацию общества с дифференциацией клеток организма, превращая разделение общества на классы в «естественный» и потому необходимый и вечный атрибут общества. Однако он сочетал органическую теорию с преувеличением роли великих людей в истории. «Последовательность не является отличительной чертой наших ревизионистов» [4],— заключал Аскью по этому поводу.

Много внимания уделяют освещению основных проблем марксизма, в особенности исторического материализма, Г. Квелч и его соратники. В «Социалистическом катехизисе» Г. Квелч и Э. Б. Бакс раскрывают тезис исторического материализма о том, что «экономические условия образуют материальный базис человеческого общества» [5]. Это не означает, конечно, пишут они, что различные формы общественной деятельности и общественного сознания механически воспроизводят эту экономическую основу. «Экономические условия непосредственно определяют политические условия;

---

[1] «The Social-Democrat», 1905, № 4, p. 207.
[2] «The Social-Democrat», 1905, № 9, pp. 532—533.
[3] «The Social-Democrat», 1905, № 1, p. 15.
[4] «The Social-Democrat», 1905, № 9, p. 531.
[5] H. Quelch and E. B. Bax. A New Catechism of Socialism, p. 20.

не столь прямо, но тем не менее верно — этическис; более косвенно — условия эстетические... В чисто интеллектуальной теории и умозрении влияние экономических условий вообще непосредственно не ощущается, но чувствуется косвенно, поскольку эти условия являются источником многих искажающих влияний, которые при настоящих условиях воздействуют на людей и мешают им видеть истину в логических, философских и научных вопросах»[1]. Этот дифференцированный подход к различным социальным явлениям сыграл важную роль в формировании правильных представлений о марксизме, который в буржуазной и ревизионистской литературе отождествлялся до сих пор с «экономическим материализмом».

В «Новом катехизисе социализма» показывается, что развитие общества — это закономерная смена общественно-экономических формаций, определяемая в конечном счете развитием способа производства. На этой основе авторами развертывается критика «этического социализма», превращавшего социализм в этическую установку. Уделив большое внимание разоблачению несправедливости и бесчеловечности капитализма, Г. Квелч не ограничивается этическим негодованием. «Мы обвиняем современную систему общества и мы говорим, что она основана на несправедливости, обмане, грабеже»[2]. Но не этими соображениями определяется вывод социал-демократии, о необходимости социальной революции, которая уничтожит классовое государство, капиталистическое господство, освободит пролетариат. Нет, социализм — это «экономическая теория» и «система общества, основой которого является общественное производство», необходимо приходящее на смену капитализму.

Однако в рядах английской социал-демократии не было единства по ряду теоретических вопросов. Показательна в этой связи философская деятельность Бельфорта Бакса. В своей книге «Корни реальности» (1907) он продолжил субъективно-идеалистическую линию, начатую им в работе «Проблема реальности» (1892) и статьях 1896 г., посвященных историческому материализму. В работе «Корни реальности» Бакс углубил свои философские ошибки, сблизившись с махистским истолкованием реальности как «опыта». Критикуя махистское истолкование опыта, В. И. Ленин отмечал в «Материализме и эмпириокритицизме»: «В Англии давно уже упражняется таким образом товарищ Бельфорт Бакс, которому недавно французский рецензент его книги «The Roots of Reality» сказал не без ядовитости: «опыт — только другое слово вместо сознания», становитесь же открыто идеалистом!»[3]. Не видя связи философской позиции с социальной, считая философию «личным делом» каждого отдельного социалиста, Бакс отстаивал свою «свободу» совмещать социалистический идеал с идеалистическим или эклектическим миросозерцанием.

Если в своих совместных с Квелчем работах (очевидно, не без влияния последнего) Бакс последовательно излагает идеи истори-

[1] H. Quelch and E. B. Bax. A New Catechism of Socialism, p. 20.
[2] H. Quelch. Is Socialism Advantageous to Individual? London, 1907, p. 2.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 153.

ческого материализма, то в самостоятельных работах он существенно от него отклоняется. Так, в книге «Проблемы человека, духа и морали» он по-прежнему отдает дань эклектической «теории факторов»: «Прогресс имеет два корня, а не один. Каждый из них составляет самостоятельный причинный ряд, но та реальность, которую мы называем человеческой эволюцией или социальным прогрессом, состоит во взаимодействии (Wechselwirkung) обоих этих элементарных рядов» [1]. Но что это за ряды? Б. Бакс утверждает, что это, с одной стороны, материальные, в первую очередь экономические условия, а с другой — «разум», или «психологические условия».

Для того чтобы провести эти свои взгляды, Б. Бакс стремился обосновать ошибочную мысль о взаимной независимости мировоззрения и партийности, позволяющую совместить фактический отказ от исторического материализма с социализмом и членством в партии. В 1902 г. на страницах журнала «Социал-демократ» развернулась по этому поводу дискуссия между ним и Дж. Б. Аскью. Бакс резко критиковал германскую социал-демократическую партию за то, что она не сочла нужным исключить из своих рядов Бернштейна, фактически отказавшегося от социалистического идеала. Аскью в свою очередь, признав справедливой критику ошибок Бернштейна Баксом, не считал, однако, что теоретические разногласия могут служить основанием для исключения из партии. Он поддержал примиренческую позицию руководства германской социал-демократии и призвал относиться к Бернштейну так же, как к «тем, кто отрицает теорию тяготения». К тому же, говорил он, взгляды самого Бакса на историю «нелегко отличить от взглядов Бернштейна» [2].

В ответ Бельфорт Бакс справедливо указывал, что теоретические взгляды Бернштейна уже привели его к программным разногласиям, к разрыву с основами самой партии. «Мы не желаем «самокритики» в партии относительно ее основ. Мы имеем право допустить, что человек осуществил эту «критику» принципов до того, как он вступил в партию, ибо никакая партия не допустит в своих рядах лиц, ставящих под сомнение саму ее основу» [3]. Однако Бакс настаивал на том, что его собственное «синтетическое понимание истории вполне правомерно. Он сослался на Каутского, который «выразительно и категорически отверг признание материалистического понимания истории в качестве критерия партийности» [4]. Он обвинял Бернштейна в том, что последний заимствовал у него некоторые основные идеи. Однако, поскольку Бернштейн утверждает, что с прогрессом общества идеологические факторы приобретают все большее влияние, он пришел, считает Бакс, «прямо к оппортунизму, отрицанию классовой борьбы, реформистской политике, сотрудничеству классов в достижении общего блага...

[1] E. B. Bax. Problems of Men, Mind and Morals. London, 1912, pp. 21—22.
[2] См.: «The Social-Democrat», 1902, № 7, pp. 209—210.
[3] «The Social-Democrat», 1902, № 6, p. 169.
[4] «The Social-Democrat», 1902, № 8, p. 232.

Мои же мысли о материалистической теории истории,— говорит он,— не находятся в оппозиции к основным принципам социализма»[1].

Редакция «Социал-демократа» не высказала своей окончательной позиции относительно этого спора, ограничившись публикацией в журнале полемики между К. Каутским и Бельфортом Баксом по вопросам материалистического понимания истории, происходившей еще в 1896 г. Однако дальнейшее развитие взглядов Бакса и его политической ориентации показало, что отход его от марксизма в теоретическом отношении с необходимостью привел и к политическому отступничеству: в годы первой мировой войны Бакс перешел на позиции шовинизма и оправдания империалистической войны.

Необходимость теоретического обоснования политики марксистской партии потребовала рассмотреть вопрос об отношении ее к парламенту и парламентской борьбе. Британским марксистам пришлось вести борьбу на два фронта: против анархо-синдикалистского отрицания роли парламентской деятельности, с одной стороны, и против тех, кто полагался исключительно на парламентаризм,— с другой. Наиболее последовательную и верную позицию занял в этом вопросе Гарри Квелч. Показав, что и анархисты, и реформисты-парламентаристы основываются на неверном понимании сущности социалистического движения и смешивают цель и средства, Квелч писал: «Для социал-демократа, целью которого является социальная революция, т. е. уничтожение капитализма и наемного рабства и освобождение рабочего класса, цель есть все, средства — ничто. Парламентское действие не является ни единственным, ни самым быстрым или действенным средством. В странах, где есть парламент, мы используем парламентаризм, ибо он налицо: но... наша цель, как и всегда — завоевать людей на сторону революции, сделать их социалистами, короче — организовать рабочий класс для социальной революции»[2]. И хотя парламентская деятельность не может привести к освобождению пролетариата, не следует пренебрегать и полумерами, реформами, облегчающими участь рабочего класса.

Оригинальной была постановка английскими марксистами и вопроса о возможности ненасильственной социальной революции, относительно мирного перехода к социализму. Так, еще в 1905 г. С. Терри выдвигает мысль о том, что социальная революция не обязательно связана с насилием; ответственность за применение насилия революционным классом, считает он, целиком ложится на правящий класс, который идет на все «в защите того, что уже не может быть сохранено»[3].

В 1905—1907 гг. в развитии рабочего движения в Англии происходят существенные изменения. Ухудшение экономического положения Великобритании сказывается прежде всего на положении

[1] «The Social-Democrat», 1902, № 8, pp. 232—233.
[2] «The Social-Democrat», 1907, № 3, p. 138.
[3] «The Social-Democrat», 1905, № 4, p. 205.

рабочего класса. Правящий класс, капиталисты, предпринимают наступление на его жизненный уровень. Причем больше всего страдали от этого неорганизованные пролетарии, представлявшие большинство трудящихся [1]. Именно они развертывают широкое забастовочное движение. Не могли остаться в стороне от этих событий и британские марксисты. Социал-демократы выступили за объединение усилий социалистов и рабочих организаций в борьбе за повышение жизненного уровня, по-прежнему имея в виду, что эта борьба не самоцель, а средство для подготовки социалистического переустройства общества. Хотя в настоящее время тред-юнионизм ограничивается экономическими вопросами и «не оспаривает права монополистического класса жить на неоплаченный труд пролетариата», между социалистами и тред-юнионистами не может быть антагонизма. Развитие общества, в результате которого «все условия, при которых производится и распределяется богатство, созрели для социализации и для превращения частной собственности в общественную,— писал Г. Квелч,— неизбежно ставит в повестку дня социалистическую революцию» [2]. Задача социал-демократии в этих условиях — участие в работе тред-юнионов, агитация, воспитание, организация рабочих масс в перспективе завоевания пролетариатом политической власти.

Этой идеей руководствовалась Британская социалистическая партия, когда она на своем съезде в Манчестере (1912) приняла новую программу, в которой говорилось: «БСП стремится к самой полной и совершенной форме промышленной организации путем объединения тред-юнионов и их всемерного укрепления, дабы они стали способными взять на себя управление производством в социалистическом обществе. Главная задача всякой социалистической партии состоит, однако, в организации самостоятельной политической партии рабочего класса, стремящейся к завоеванию политической власти. Организованная таким образом партия рабочего класса является политическим выражением рабочего движения и в то же время средством для его освобождения.

Политическая и экономическая организации рабочего класса должны дополнять друг друга» [3].

---

[1] В 1904 г. из национального дохода в 1 800 млн. ф. стерлингов доля рабочего класса составила 699 млн. ф. стерлингов; в 1911 г.— она составляла 750 млн. ф. стерлингов из 1 950 млн. ф. стерлингов национального дохода. Однако за это время рост заработной платы составил около 0,31%, тогда как цены поднялись на 9,3%. Да и прирост заработной платы пришелся главным образом на долю 3 млн. членов тред-юнионов из общего числа 14 млн. промышленных рабочих. О размахе стачечного движения свидетельствуют следующие цифры: если в 1907 г. бастовало 100 тыс. человек, причем продолжительность стачек в рабочих днях составила 1 879 тыс., то в 1908 г. бастовало уже 224 тыс. (10 633 тыс. рабочих дней), в 1909 г.— 170 тыс. (2 560 тыс.), в 1910 г.— 375 тыс. (9 545 тыс.), в 1911 г.— 831 тыс. (7 620 тыс.), а в 1912 г.— 1 233 тыс. (38 142 тыс.) (см.: М. Бер. История социализма в Англии, т. II. Прибавление. Современный британский социализм. 1910—1920).

[2] H. Quelch. Social-Democracy and Industrial Organisation. London, 1910, pp. 4—5.

[3] М. Бер. История социализма в Англии, т. II, стр. 661.

Приводя эти положения, известный историк социалистического движения в Англии М. Бер справедливо отмечает, что в них налицо компромисс между синдикалистскими и социал-демократическими установками, поскольку тред-юнионы рассматриваются как будущие руководители производства [1]. Эта теоретическая уступка синдикализму была дополнена тем, что практически БСП мало что сделала для действительного усиления работы в массах, не сумела превратиться в массовую партию пролетариата и стать действительным руководителем рабочего движения. В результате руководство боевыми действиями рабочего класса попало в руки анархо-синдикалистов, сторонников «прямого действия». В Англии воззрения анархо-синдикализма распространялись шотландской Социалистической рабочей партией и такими политическими деятелями, как Джемс Коннолли (ирландский рабочий, расстрелянный в 1916 г. во время Дублинского восстания), Том Манн, Джемс Ларкин и др. Синдикалисты беззаботно относились к теории, отвергали марксистское учение о революции, как «буржуазное», и проповедовали анархистскую идею «уничтожения» государства.

С другой стороны, в рамках Лейбористской партии развертывается деятельность «гильдейских социалистов» (С. Гобсон, А. Оредж, Дж. Коул и др.). Они исходили из идеи «национальной гильдии», или «объединения всей совокупности работников данной отрасли промышленности: управляющих, исполнителей и производителей» [2]. Гильдии должны стать основой и руководителем всего производства; государство выступает как политическое и правительственное учреждение граждан в качестве потребителей, имея целью предупреждение нарушения прав человека. В то же время государству должна принадлежать собственность на средства производства, ему же предоставляется и прибавочный продукт труда производителей. «Гильдейский социализм» выступил как идейное продолжение реформизма.

Британской социалистической партии пришлось вести борьбу против обеих этих тенденций в рабочем движении, однако рассмотрение этой борьбы не входит в задачу нашей статьи.

Рост рабочего движения приводит к тому, что тяга пролетариата к теории усиливается. Это сказывается и в усилении внимания к философии. Следует отметить, что английская буржуазия еще в конце XIX в. решила взять в свои руки дело экономического и политического «просвещения» рабочих. В 1899 г. в Оксфорде на средства двух американских меценатов был создан Колледж Рескина. «Мы возьмем людей, которые только осуждают наши учреждения, и вместо этого будем учить их, как преобразовывать эти учреждения, осторожно и разумно стремясь к совершенству» [3] — так выразил программу Колледжа один из его основателей. Осуществление этой программы сказывается в том, что политэкономическая подготовка осуществлялась на основе теории «предельной

[1] М. Бер. История социализма в Англии, т. II, стр. 662.
[2] S. J. Hobson. Juild Principles in War and Peace. London, 1918, p. 26.
[3] «The Burning Question of Education». Oxford, without date, p. 1.

полезности» Джевонса и Бем-Баверка, философская — на базе различных буржуазных идеалистических концепций. О марксистской политической экономии, диалектическом и историческом материализме не шло и речи. Выпускники Колледжа Рескина должны были, по идее его организаторов, нести буржуазную идеологию в массы. Однако студенты, большинство которых происходило из пролетарской среды, были недовольны характером преподавания и требовали перемен, в частности введения марксистской политической экономии на основе «Капитала». Когда требование было отвергнуто, большая группа преподавателей и студентов покинула Колледж и основала в 1909 г. Лигу Плебса (Plebs Geague), а затем Центральный рабочий колледж, целью которого было «вооружить рабочего знанием, необходимым для пропаганды и защиты интересов своего класса против общепринятых в капиталистическом обществе идей и теорий господствующего класса» [1]. Пользуясь материальной поддержкой профсоюзов, Лига Плебса способствовала созданию в стране рабочих школ, где трудящиеся знакомились с трудами классиков марксизма, марксистской литературой по политэкономии, философии, истории.

Печатным органом стал журнал «Плебс», на страницах которого широко освещались вопросы марксистской философии. «Вселенная есть процесс. Она не окаменела, но текуча. Она не неизменна, но изменяется... Весь наш взгляд на жизнь зависит от того, приняли мы эту концепцию, или нет»,— писалось в редакционной статье седьмого номера журнала за 1909 г. Теория развития связывалась в этой статье с материалистическим пониманием истории и необходимостью исследования «материального базиса, из которого только и могут быть объяснены исторические явления» [2]. В серии статей В. Крэйка «Пролетарская теория познания» («Плебс», 1911 № 6—10), статьях Арчболда «Пролетарский монизм» (1912, № 10) и Э. Эдвардса «Философия Иосифа Дицгена» дается изложение философии диалектического материализма на основе работ И. Дицгена.

«Плебс» публикует ряд писем и статей Маркса, Лафарга, Паннекука по вопросам философии и этики; Лига Плебса издает и популяризирует марксистскую литературу. Деятельность Лиги и журнала «Плебс» предвоенного и военного времени сыграла большую положительную роль в пропаганде марксизма.

С началом первой мировой войны прекратился подъем рабочего движения во всех воюющих странах, в том числе и в Англии. В области теории, как и в практической деятельности рабочих партий, первостепенное значение приобрел вопрос о войне. Ряд авторитетных тогда деятелей Британской социалистической партии — Гайндман, Бакс, Ирвинг, Ли и другие встали на шовинистические позиции «воли к победе». Это не было неожиданным: еще на съезде С.-Д. Ф. в 1911 г. Гайндман, поддержанный большинством исполкома партии, выдвинул тезис о «немецкой опасности» и ратовал за

[1] М. Бер. История социализма в Англии, ч. II, стр. 683.
[2] «The Plebs», 1909, № 7, p. 133.

вооружение. «Никогда не обнаруживался так ярко ее (английской социал-демократии.— *Авт.*) сектантский характер, давно отмеченный и осужденный Энгельсом, как в этой *легкости перехода* даже людей вроде Квелча на сторону шовинистов» [1],— писал по этому поводу В. И. Ленин. Правда, на I съезде БСП (1912) была принята интернационалистская программа, но с началом мировой войны спор разгорелся с новой силой. В декабре 1914 г. Гайндман и Бакс выступили в журнале «Английское обозрение» со статьей «Социализм и война», давая «теоретическое» обоснование социал-шовинизма. В духе «синтетического понимания истории» Бакса в ней отрицались экономические причины мировой войны, а сама война выводилась из... психологии прусского юнкерства. С критикой взглядов Бакса и Гайндмана выступил журнал «Плебс». Разоблачая софизмы социал-шовинистов, автор статьи «Защита исторического материализма» показал, что их позиция вытекает также и из теоретических установок, сводившихся к отрицанию исторического материализма. Между тем, пишет он, объясняя войну страхом прусских юнкеров перед развитием капитализма, с одной стороны, и рабочим движением — с другой, Гайндман и Бакс сами показывают, что «источник войны не является психологическим, как они утверждают, но коренится в экономических обстоятельствах и отношениях капиталистического мира» [2]. Ведь развитие капитализма и рост социалистических сил никак нельзя рассматривать в качестве психологических факторов.

Весной 1916 г. на Сальфордском съезде БСП подавляющее большинство делегатов выступило против шовинизма и войны. Группа «воли к победе» была исключена из партии. На страницах еженедельника «Призыв» («The Call») теоретики и публицисты БСП Джон Маклин, А. Инкпин, Дж. Б. Аскью, Ф. Ротштейн и другие повели упорную и принципиальную борьбу против империалистической войны, за интернационализм. Они доказывали, что мировая война явилась результатом развития капиталистического общества, его противоречий и антагонизмов, результатом погони за колониями и рынками сбыта, что нелепо возлагать ответственность за возникновение войны на какую-либо одну страну или группу стран. Британская социалистическая партия примкнула к Циммервальдской программе, а после Великой Октябрьской социалистической революции стала на сторону большевиков, выступив безоговорочно в поддержку первого в истории рабоче-крестьянского государства. В союзе с несколькими другими марксистскими организациями она образовала ядро возникшей в 1920 г. Коммунистической партии Великобритании.

Это был закономерный итог пути, пройденного английскими марксистами с начала XX в. Отстояв в жестокой борьбе с реформистами и ревизионистами теорию марксизма, они создали условия для новых успехов марксистской теории и дальнейшего проникновения ее в ряды английского пролетариата.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 230—231.
[2] «The Plebs», 1915, № 4, p. 81.

ГЛАВА 10

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ИТАЛИИ

Марксистская философская мысль начала распространяться в Италии в конце 80-х годов XIX столетия в тесной связи с развитием революционного движения итальянского пролетариата, но позже, чем в соседних с нею более развитых западноевропейских странах. Характерной чертой этого движения было то, что оно длительное время развивалось стихийно, на ощупь, без направляющей революционной теории и единого партийного руководства. Если для большинства стран Западной Европы конец 70-х годов XIX столетия был временем оформления социалистических партий, то в Италии это событие произошло лишь в 1892 г. Но и после своего учредительного съезда социалистическая партия ряд лет переживала затянувшийся организационный период и не представляла собой массовой партии. Наконец, если руководящие кадры в социалистических партиях ряда стран к моменту своего оформления стояли на программных позициях марксизма, то в руководстве социалистической партии Италии марксизм не был господствующей теорией. Рабочее движение Италии несло на себе следы всех положительных и отрицательных сторон предшествующего развития классовой борьбы, которые в свою очередь были обусловлены особенностями исторической обстановки. К этим особенностям относились прежде всего политическая раздробленность Италии, закрепленная иноземным владычеством, и крайняя пестрота в экономическом развитии отдельных областей и районов страны.

В борьбе за основные требования буржуазно-демократической революции 1849 г. итальянская буржуазия шла в союзе со всеми демократическими силами страны. Сочетание внутриполитических задач буржуазно-демократической революции с национально-освободительной войной придавало деятельности итальянской буржуазии революционный характер. Все силы народа в эти годы были направлены к объединению Италии и свержению светской власти папы. Итальянская буржуазия широко использовала революционный и патриотический подъем итальянского народа для выполнения задач буржуазно-демократической революции.

В период с 1849 по 1870 г. происходит процесс постепенного «поправения» буржуазии. Все те, на первый взгляд, радикальные меры, которые осуществляла победившая буржуазия, таили в себе возможности далеко идущих компромиссов с аристократией и церковью. Таким образом, с первых же лет существования молодого итальянского государства в нем зарождались и все условия для обостренной классовой борьбы. Молодой и малочисленный рабочий класс Италии долго не мог преодолеть буржуазно-демократические иллюзии, подчиняясь традиции прошлого и обманываясь быстрыми успехами национально-освободительной борьбы. Пестрый нацио-

нальный состав пролетариата немало способствовал этому. За исключением таких центров крупной фабричной промышленности, как Турин, а позже и Милан, в Италии в 60—80-х годах прошлого столетия не было других городов, где бы рабочие были объединены на больших предприятиях. Рабочие были рассредоточены по полукустарным фабрикам и ремесленным мастерским, где еще не было четкой грани между пролетариатом и ремесленниками. Наконец, рабочие организации были полностью оторваны от сельскохозяйственных рабочих юга Италии, которые в ответ на усиливающийся гнет делали попытки объединиться и дать отпор эксплуататорам-помещикам.

В таких условиях задача внесения социалистического сознания в рабочее движение оказывалась особенно трудной.

Из существовавших в Италии «рабочих товариществ», «рабочих союзов» и других организаций особенно многочисленными были организации в Романье, Милане и Турине. Большинство из них находилось под сильным влиянием мелкобуржуазного демократизма с налетом утопического социализма, проповедуемого Мадзини. Мадзинисты были убеждены в возможности постепенного прогрессивного развития итальянского государства — уравнение в правах всех сословий, смягчение резких контрастов между богатыми и бедными и развитие элементов социалистического строя, который якобы одинаково желателен для всех членов демократического общества.

С момента учреждения в 1864 г. Международного товарищества рабочих — I Интернационала — рабочие Италии стали организовывать итальянские секции. Но у руководства итальянскими секциями I Интернационала с самого начала встали бакунисты. Анархистская демагогия Бакунина подрывала буржуазно-демократические иллюзии, насаждаемые Мадзини, но вместе с тем порождала не менее вредную идею в классовом сознании пролетариата об отказе от политической деятельности, отрицание сознательной партийной дисциплины и идейно-политического единства.

Большое влияние на борьбу за идейно-политическое единство социалистического движения в Италии оказал I конгресс II Интернационала (июль 1889 г.), на котором присутствовали представители нескольких разрозненных групп итальянских социалистов.

Однако по вопросу о принципах создания социалистической партии у итальянских социалистов не было общего мнения. Часть из них, руководимая А. Костой, считала объединение только чисто организационным актом, после которого будет продолжаться внутри партии мирное сосуществование самых разнообразных течений — утопических, анархистских, научно-социалистических — при условии, что все они признают социализм как единственную форму будущего общества и как цель своей борьбы.

Многочисленные анархистские группы в социалистическом движении требовали от партии признания всех их взглядов, в противном случае они считали себя вправе вести раскольническую работу внутри единой организации.

Более правильную позицию занял Ф. Турати. Однако уже в это время Турати не мог преодолеть свое либерально-буржуазное прошлое: нигилизму анархиствующих элементов он противопоставил либеральное понимание использования парламентской деятельности в духе соглашения с буржуазным правительством. Оппортунизм пронизывал и позицию Турати в вопросе о характере объединения социалистов в будущую единую партию.

14 августа 1892 г. в Генуе состоялся учредительный съезд партии итальянских трудящихся, как тогда назвала себя социалистическая партия. Съезд принял программу, отразившую компромиссы Турати и других оппортунистов с представителями различных немарксистских течений. Социалистическая партия вступила в жизнь, изгнав из своих рядов явных представителей анархистского течения. Но оно имело свои глубокие корни в многочисленных мелкобуржуазных слоях итальянских трудящихся, и его влияние отражалось на дальнейшем развитии социалистического движения. В таких условиях распространение марксизма в рядах социалистической партии в борьбе против идеологически чуждых ему течений было делом первой необходимости. Во главе этой борьбы стоял Лабриола.

Антонио Лабриола родился 2 июля 1843 г. на острове Сицилия в семье учителя гимназии. Отец Лабриолы был связан тесной дружбой с братьями Спавента — видными учеными, профессорами университета. Бертрандо Спавента был крупнейшим философом Италии, левым гегельянцем. Он оказал сильное влияние на формирование мировоззрения Лабриолы, который был его учеником в Неаполитанском университете. В 1865 г. Лабриола был назначен преподавателем вновь открывшейся гимназии в Неаполе и одновременно начал сотрудничать в периодической прессе либерального направления. В эти же годы окончательно оформились его научные интересы: в 1867 г. он получил университетскую премию за исследование по «Этике» Спинозы, а в 1869 г.— академическую премию за работу о философии Сократа. После публичной защиты диссертации на тему «Является ли идея основой исторического развития?» и прочтения пробной лекции о концепции новой науки в трудах Дж. Б. Вико Лабриола стал преподавателем Неаполитанского университета, сочетая научную работу с публицистикой. В середине 70-х годов Лабриолу избрали профессором морали и педагогики Римского университета. Здесь началась его широкая лекционно-просветительная деятельность среди римских рабочих. С 1884 г. Лабриола читал курс лекций по философии права. В это время он все больше отходит от своей старой идеалистической концепции и убеждается в зависимости правовых норм от экономических и политических условий общественной жизни. Он сближается со своим учеником по университету Б. Кроче, который под влиянием Лабриолы начинает изучать марксистскую теорию. Через два года Лабриола уже открыто заявил о своей принадлежности к социал-демократическому движению и о необходимости создания социалистической партии в Италии по примеру других

европейских стран. Он с особенным вниманием изучал опыт германской социал-демократии, устанавливал личные и письменные связи со многими руководящими деятелями социал-демократических партий.

С начала 90-х годов итальянская промышленная буржуазия мечтает о захвате внешнего рынка в Северной Африке. Лабриола одним из первых социалистов Италии выступил против агрессивной внешней политики и был инициатором создания массовой демократической организации «За мир».

Известность Лабриолы в кругах социалистических рабочих и интеллигенции возрастала с каждым днем. Этому способствовали его блестящие лекции, посвященные столетию французской революции 1789 г., курсы лекций по философии истории. Будучи непримиримым врагом клерикализма, Лабриола повел широкую борьбу в печати и в публичных выступлениях против наметившейся в конце 60-х годов тенденции правящей верхушки — отойти от традиционного для итальянской буржуазии антиклерикализма и допустить примирение с Ватиканом. В марте 1890 г. Лабриола начал свою переписку с Ф. Энгельсом и поместил серию интересных и глубоких статей в органе немецкой социал-демократической партии, освещающих возникновение и развитие социалистического движения в Италии. Повседневное общение с рабочими массами, тесная связь с социалистическими организациями завершили к началу 90-х годов превращение Лабриолы из «абстрактного социалиста-теоретика», как он называл себя в письмах Энгельсу, в подлинного социал-демократа, марксиста. Администрация Римского университета отменила его курс философии истории, как противоречащий общему направлению университетской науки. Лабриола начал читать приватные циклы лекций по философии истории и права и по генезису марксизма. В этих лекциях он глубоко анализировал «Манифест Коммунистической партии» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Еще в период подготовки к I съезду партии Лабриола вступил в резкую полемику с группой Турати по программным и тактическим вопросам. Оппортунистической тактике — «прежде объединяться, а потом отмежеваться» — Лабриола противопоставил требование безоговорочного признания революционной марксистской теории. Резкое расхождение с оппортунистическим руководством не позволило Лабриоле принять активное участие в проведении съезда и в руководящей партийной работе после создания партии. Однако под его непосредственным воздействием и давлением его многочисленных сторонников Турати пришлось согласиться на значительное исправление программы партии, принятой на съезде, которая в своем первоначальном виде являлась смесью оппортунистических, лассальянских и синдикалистских взглядов.

Лабриола первым среди итальянских социалистов понял огромное значение «Критики Готской программы» для теоретического обоснования программы Итальянской социалистической партии, тогда как Турати считал, что этот важнейший документ на-

учного коммунизма уже устарел и имеет лишь «местное значение» в истории германской социал-демократии.

В отличие от других видных социалистов II Интернационала, Лабриола придавал особо важное значение работе социалистической партии среди крестьян и подчеркивал всю сложность и глубину так называемых вопросов Юга — острых противоречий между развитием промышленности и сельского хозяйства Италии.

В 1895 г. в печати появилась работа в «В память о Манифесте Коммунистической партии», которую высоко оценил Ф. Энгельс. Это была первая часть большого труда Лабриолы по историческому материализму — «Очерков материалистического понимания истории». В том же году вышла в свет и вторая, основная часть этого труда — «Об историческом материализме», получившая высокую оценку В. И. Ленина: «чрезвычайно интересный труд» и «чрезвычайно умная защита нашей доктрины».

Лабриола выступил с серией глубоко содержательных полемических статей, направленных против Турати и Р. Люксембург за их неправильную постановку национального вопроса.

В конце 90-х годов Б. Кроче — бывший ученик Лабриолы, некоторое время сочувствовавший идеям марксизма,— начинает свою деятельность «разрушителя марксизма», перебежав в лагерь либералов, где он скоро занял место идеологического лидера. Лабриола разбивает попытку Кроче объявить марксизм в Италии «спорадическим», умершим. Лабриола справедливо рассматривал воззрения Кроче как итальянскую разновидность единого течения — оппортунизма, развившегося во всех партиях II Интернационала.

Лабриола дал глубокий анализ деятельности и теоретических трудов таких махровых социал-соглашателей, как Бернштейн в Германии, вскрыл значение известного «казуса Мильерана», разоблачил взгляды чешского буржуазного социолога Масарика. Все эти статьи итальянского социалиста печатались в международной социалистической прессе и имели широкий отклик.

Силы Лабриолы, подтачиваемые болезнью (рак гортани) и непрерывной лихорадочной работой, быстро падали. Лабриола скончался 2 февраля 1904 г.

После смерти Лабриолы его деятельность и труды не получили должного признания в Италии. Буржуазные и правосоциалистические историки и социологи изображали Лабриолу как ученого-социалиста, теоретика, не оказавшего какого-либо практического влияния на развитие социалистического движения в Италии. Большую и печальную известность в деле искажения исторической роли Лабриолы получил Кроче. Кроче объявил марксизм «умершим и похороненным». Это утверждение было подхвачено всеми идейными и политическими противниками социалистической партии — от лидеров либеральной буржуазии до изгнанных из ее рядов анархо-синдикалистов и махровых оппортунистов. Естественно, что все эти «упразднители» марксизма старались «упразднить» и значение марксиста Лабриолы.

Но борьба Лабриолы против оппортунизма не прошла бесследно. Через десять лет после смерти Лабриолы завершают свое университетское образование будущие основоположники и руководители Итальянской коммунистической партии А. Грамши и П. Тольятти. Уже в эти годы они принимают участие в революционном движении и ведут активную пропагандистскую работу в организациях социалистической партии на фабриках и заводах Турина. Они выступают на собраниях и в печати за глубокое изучение социалистами теории научного коммунизма и сами неустанно стремятся к выработке последовательного революционного мировоззрения. Грамши убедительно опроверг взгляд Кроче и осветил роль Лабриолы в развитии марксистской мысли и революционного движения в Италии.

ПУТЬ А. ЛАБРИОЛЫ К ОВЛАДЕНИЮ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИЕЙ

Лабриола пришел к марксистской теории долгим и трудным путем и, убедившись в ее правоте, уже никогда не отступал от нее. Как указывает П. Тольятти в своей работе «За правильное понимание мысли Лабриолы», помещенной в связи с пятидесятилетием со дня его смерти в пятом номере «Ринашита» за 1954 г., Лабриола сам раскрыл с предельной ясностью идейные источники своего мировоззрения и его эволюции. В первом письме к Энгельсу он называет себя «ученым, который с высот моральной философии Канта, пройдя последовательно через философию истории Гегеля и психологию Гербарта, пришел к убеждению, что его настоящим призванием является пропаганда научного социализма» [1].

Наиболее длительным и сильным было влияние на Лабриолу философии Гегеля, с которой его познакомили такие виднейшие гегельянцы, как Б. Спавента и Августо Вэра. Процесс формирования философских взглядов Лабриолы всячески искажается буржуазными историками философии, например Делла Торре и Кроче. Делла Торре считает философию Лабриолы фрагментарной смесью взглядов Гербарта, Гегеля и Маркса.

Кроче утверждал, что в юности Лабриола был гегельянцем, но позднее оставил учение Гегеля, чтобы перейти к взглядам Гербарта, однако ему не удалось усвоить ни его логику, ни метафизику. Тогда как бы через возвращение к Гегелю он находит путь к Марксу и еще более — к Энгельсу [2]. Как известно, сам Кроче совершенно исказил прогрессивную сторону гегелевской диалектики, сводя ее к учению «о различиях» в духе Гербарта и придавая ей этическую окраску кантианства. Некоторые представители ревизионизма в

---

[1] «Rinascita», 1954, № 4, p. 262.

[2] Гербарт Иоганн-Фридрих (1776—1841) — немецкий философ-идеалист, психолог, педагог. Пытался примирить критицизм Канта с признанием познаваемости «вещи в себе» — неизменной и нематериальной сущности, лежащей в основе явлений. Гербарт отрицал диалектическую природу процесса познания.

социалистических партиях также смотрели на Лабриолу как на философа-эклектика.

Против такого неправильного мнения со всей решительностью восставал Грамши, который в «Тюремных тетрадях» убедительно показал последовательность взглядов Лабриолы на марксистскую философию как на науку самостоятельную, самобытную, оригинальную, не зависящую от какого-либо другого течения современной философской мысли, а поэтому и несовместимую с эклектизмом и дилетантством. Лабриола «не сочетал» в своих взглядах различные буржуазно-философские концепции с марксизмом и не пытался подправлять их. Его путь был путем страстных поисков такой философии, которая осветила бы ему сложные явления общественной жизни прошлого и настоящего. Самой важной стороной философского осмысления бытия для него являлась именно философия истории, что было тесно связано с той эпохой в общественно-политической жизни Италии, когда началась деятельность Лабриолы.

В своем седьмом письме к Сорелю Лабриола прямо указывает, что философию он изучал задолго до того, как стал марксистом. Он искал в марксизме то, что для него было особенно важно,— критику современной буржуазной политэкономии и общие основания материалистического понимания истории. Что же касается чисто философского обоснования марксизма, одним из теоретических источников которого была философия Гегеля, то Лабриола знал его давно. Ведь еще в 1869 г., т. е. с первого своего выступления в науке, он защищал диалектику Гегеля от немецкого философа-кантианца Целлера, звавшего назад к Канту.

Основательное изучение Гегеля помогло Лабриоле положить в основу своих философских интересов два требования: а) глубокий исторический подход к общественным явлениям и б) идею единства исторического процесса. При этом раскрытие диалектики развития исторического процесса требовало от исследователя самой глубокой критики прошлого, а тем самым обращения к настоящему. С этих критических позиций рассматривал молодой гегельянец Лабриола сущность исторического процесса как единый путь к свободе. «Проблема единства исторического процесса пронизывает собой, как принцип, все творчество Лабриолы от начала до конца, и иначе не могло быть»[1],— пишет Тольятти. Идея единства была поставлена им в ранних работах. Он утверждал, что понятие «человек» само по себе включает понятие «история». Уже в книге «О моральном сознании» (1873) Лабриола проводил мысль, что человек является совокупностью множества изменяющихся естественных и общественных исторических элементов, что человеческая деятельность есть плод той общественной жизни, которую сам человек создает в историческом процессе. Но такое утверждение нуждалось в ряде дополнительных определений. Надо было выяснить, каковы те «элементы», которые обусловливают жизнь и деятельность че-

[1] «Rinascita», 1954, № 5, p. 387.

ловека в обществе: являются ли они идеальными либо материальными или и теми и другими; какие из них являются определяющими и какие производными. Далее надо было определить, какое отношение существует между общественным развитием, историей человечества и идей свободы, игравшей столь значительную роль в исторической концепции немецкой идеалистической философии и унаследованной итальянскими гегельянцами 40—60-х годов XIX столетия. Перед Лабриолой предстал трагический разрыв между «идеей свободы» и действительной свободой. Именно здесь началось расхождение Лабриолы с официальным либерализмом и его философствующими защитниками. А. Лабриола пришел к убеждению, что современное государство не осуществляет принципа свободы — основного этического принципа общественного развития. Этический принцип был весьма далек от политической действительности. Современная парламентская политическая свобода не существует для народных масс, следовательно, негоден и сам принцип, т. е. этическое начало в истории общества и государства. Начинаются искания Лабриолы, стремление найти правильный методологический подход к общественным явлениям, все более глубокая критика двух основных философских течений — гегельянства и позитивизма, которые владели тогда умами передовых представителей итальянской общественной мысли.

В своем докладе на VIII съезде Итальянской коммунистической партии (декабрь 1956 г.) Тольятти указывал, что в то время, когда Лабриола начал борьбу за преодоление в своем собственном сознании идеалистического рационализма, гегелевская философия уже сыграла свою прогрессивную роль в Италии. На первый план выступает позитивизм, в котором бывшие гегельянцы искали хотя бы относительно приемлемое для себя решение вопроса о принципе свободы. Но позитивизм с его вульгарными попытками биологизации общественных явлений, с утверждением органичности, гармонии частей и целого, примирением противоречий в целостности окончательно теряет после революции 1848 г. прогрессивные черты, которыми он обладал при своем возникновении, и превращается в идейное оружие защиты незыблемости капиталистического строя. Лабриола уже в середине 70-х годов прекрасно понял сущность позитивизма и в своих домарксистских работах подверг критике и правогегельянское и позитивистское течения. Проникнутый духом историзма, Лабриола правильно подходил к позитивизму, рассматривая его не в статике, а в динамике, прослеживая его эволюцию.

Однако еще долгое время — почти полтора десятилетия — Лабриола оставался в стороне от идей научного коммунизма и от марксистской философии. Этот период его жизни (середина 70-х и конец 80-х годов) характерен тем, что Лабриола, знакомясь на практике со всевозможными разновидностями социалистических организаций и групп, изучая их «теоретические взгляды», представлявшие самое хаотическое сочетание различных утопических, анархических и даже теологических теорий, пришел к твердому убеждению в беспомощности рабочего движения, не вооруженного теоретическим

обоснованием своих целей и путей к их достижению. Принимая все более активное участие в рабочем движении, к середине 80-х годов Лабриола знакомится со всеми основными произведениями Маркса и Энгельса. «Социализм я воспринял не из уст великого учителя, а книгам обязан тем, что о нем знаю. Меня привело к нему отвращение, какое я чувствую к современному социальному строю, и непосредственное изучение. Уже в 1873 г. я печатно выступил против руководящих принципов практического либерализма, а в 1879 г. пошел дальше по этому пути с новой верой в свою правоту, в которой остался и укрепился благодаря исследованиям последних трех лет»[1],— говорил в 1889 г. Лабриола. Говоря о том, что его убежденность в правоте социализма укрепилась «за последние три года» (т. е. с 1886 г.), Лабриола имел в виду свое усиленное изучение трудов Маркса и Энгельса и все более тесное сближение со многими руководящими деятелями западноевропейского социалистического движения — в первую очередь с деятелями германской социал-демократии. Однако он все еще выступает как «социалист по-своему». Давая яркую и правильную картину современного капиталистического общества, его политической надстройки — парламентского государства, Лабриола показывает глубоко замаскированную эксплуатацию пролетариата классом капиталистов. Он приходит к выводу о закономерном крушении этого эксплуататорского общества, которое будет заменено обществом «социальной кооперации на основах равенства и труда». Здесь Лабриола выступает как пропагандист научного коммунизма, утверждающий, что теория социализма есть результат борьбы и побед рабочего класса и что эта теория является «философией будущего». Но некоторые высказавания обнаруживают незрелость, непоследовательность и философскую слабость его убеждений, находящихся еще в стадии становления. Так, например, социализм он называет «религией гражданского равенства», сравнивая его с учением Христа. Он утверждает, что новый социальный строй победит путем «терпеливого прививания» его к старым (парламентским) политическим формам при условии постоянной пропаганды и политического просвещения народных масс.

Признавая важное значение партии как политической организации, Лабриола чрезмерно увлекался парламентскими успехами германской социал-демократии и недооценивал активную роль пролетариата в партии. Он утверждал, что в нее должны входить все сочувствующие социализму представители буржуазии — студенты, профессора, капиталисты, так как их вступление в ряды социал-демократической партии является, по его мысли, лучшей наглядной пропагандой конечного торжества социалистического движения. «Право на труд» Лабриола понимал еще по Лассалю. Единственное насилие, которое он оправдывает в этом произведении,— «давление труда на капитал» путем массовых стачек — им понималось совершенно в духе анархизма. И все же, несмотря на эти ошибки,

[1] А. Лабриола. О социализме. СПб., 1906, стр. 23.

доклад «О социализме» является для Лабриолы моментом разрыва с «социализмом по-своему» и превращения его в марксиста.

А. ЛАБРИОЛА КАК ПРОПАГАНДИСТ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Основной теоретический труд А. Лабриолы носит название «Очерки материалистического понимания истории». Он состоит из трех частей, органически связанных между собой общей целью — пропагандой материалистического понимания истории, дальнейшим развитием этой проблемы в ее отдельных аспектах в сочетании с критикой наиболее распространенных в 90-х годах прошлого столетия антимарксистских теорий.

Первый очерк «В память о Манифесте Коммунистической партии» (в связи с 50-летием со дня выхода его в свет) как бы вводит читателя в круг тех идей, которые более подробно и широко рассмотрены во втором, наиболее важном по своему значению очерке «Об историческом материализме». В третьем, завершающем работу очерке «Беседы о социализме и философии — письма к Сорелю» А. Лабриола рассматривает некоторые вопросы философии главным образом в плане активной идейной борьбы против влияния буржуазной идеологии на социалистическое движение.

Во всех своих работах Лабриола четко проводил мысль о коренном отличии марксистской теории в целом и материалистического понимания истории в частности от всех остальных социологических и философско-исторических концепций, подчеркивая глубоко критический характер марксизма. Это утверждение отличает его от большинства крупных теоретиков II Интернационала, которые сглаживали коренное различие между марксистской теорией и рядом буржуазных течений — позитивизмом, неокантианством, социал-дарвинизмом, гегельянством и др.

Лабриола определяет «Коммунистический Манифест» как «новое завоевание мысли, сделанное под неотвратимым влиянием нарождающегося нового мира, т. е. пролетарской революции»[1]. В «Манифесте» в научной форме отражена закономерность и историческая необходимость социалистической революции. «Полное теоретическое понимание социализма заключается в сознании его исторической необходимости, т. е. в проникновении в сущность его происхождения»[2]. Главным в «Коммунистическом Манифесте» является новое понимание истории, из которого, как говорит Лабриола, выводится вся доктрина научного коммунизма. Выдвигая положение о научной обоснованности материалистического понимания истории, Лабриола разоблачает ложные обоснования общественного развития представителями «позитивной науки» и дает яркую и резкую критику позитивизма от О. Конта до Спенсера. Критика лженаучной социологии Конта и противопоставление ей теории

---

[1] А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960, стр. 7.

[2] А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории, стр. 17.

научного коммунизма имели особое значение в Италии, где позитивизм был широко распространен среди социалистов.

Лабриола показал интернациональный характер марксизма, проявившийся уже в первом его программном произведении — «Манифесте», который подводит итог борьбы пролетариата во всех странах и опирается на критическую переработку достижений науки и философии всего передового человечества. Все дальнейшее изложение построено Лабриолой так, что история возникновения и развития социалистического движения показана в органической связи с возникновением и развитием идей научного социализма.

Выводом из краткого очерка предыстории социалистического движения является утверждение, что «критический коммунизм» возникает лишь тогда, когда пролетарское движение становится не только результатом социальных условий, но и когда оно уже достаточно сильно, чтобы понять, что эти условия могут быть изменены, и чтобы предвидеть как средства их изменения, так и направление, в котором нужно действовать.

Лабриола показал значение Великой французской революции 1789—1793 гг. для развития утопического социализма. Он осветил положительные и отрицательные стороны утопического социализма, дал глубокий анализ теории «естественного права». Лабриола раскрыл значение борьбы Маркса и Энгельса против утопизма Вейтлинга и Прудона в период революции 1848 г., против анархизма Бакунина и его итальянских единомышленников в 50—60-х годах XIXв., а также против «государственного социализма» Л. Блана и Ф. Лассаля. Он правильно оценил их теории как попытки внести в социалистическое пролетарское движение мелкобуржуазную идеологию. Своей резкой критикой сторонников «государственного социализма» и «права на труд» Лабриола содействовал разоблачению их в глазах массы итальянских социалистов.

Лабриола правильно оценил значение знаменитого «Предисловия к «К критике политической экономии» К. Маркса, которое было как бы выводом из дальнейшего развития идей «Манифеста Коммунистической партии», подтверждавших с полной очевидностью историческую обусловленность грядущей социалистической революции. В своем исследовании Лабриола доказывает преемственность идей и организационных принципов «Манифеста Коммунистической партии» и деятельности «Союза коммунистов» в современном социал-демократическом движении.

Повседневная борьба пролетариата, организованная на основах, изложенных в «Манифесте», в соединении с идейно-политическим воспитанием посредством неустанной пропаганды марксистской теории приближает рабочий класс к завоеванию власти. В результате синтеза практической борьбы и развития теории пролетариат начинает правильно понимать соотношение массы и личности в борьбе за социалистическую революцию.

Лабриола уделил большое внимание связи рабочего социалистического движения с крестьянством, показал, какое значение имеет

крестьянский вопрос в разных странах, в зависимости от уровня развития в них капитализма. В экономически отсталых странах, таких, как Россия и Италия, социал-демократия не может пренебрегать этой проблемой, от правильного решения которой во многом зависит победа социализма.

Марксизм доказал, что основой развития общества является экономический базис, обусловливающий особенности способа производства. Лабриола убедительно показал связь исторического материализма с политической экономией. Диалектика «Капитала», говорит он, в своей зародышевой форме дана уже в «Манифесте». Неразрывная внутренняя связь экономической, социально-политической и философской сторон научного коммунизма придает ему непобедимую силу и действенность.

Таково содержание первой части «Очерков» Лабриолы. Их изучение, с одной стороны, показывает, как далеко он шагнул в овладении марксистской теорией за шесть лет, отделяющих этот труд от его доклада «О социализме», а с другой стороны, вскрывает некоторую непоследовательность его историко-материалистической концепции.

Если в докладе «О социализме» Лабриола еще был убежден в возможности мирной «прививки» социализма к капитализму, то в очерке « В память о Манифесте Коммунистической партии» он уже стоит на позициях признания закономерности и неизбежности социалистической революции и диктатуры пролетариата. Но в таком признании много неясности и непоследовательности, которых он не смог преодолеть до конца жизни. Так, он пишет: «Ни одна из социалистических партий не ожидает наступления диктатуры пролетариата в столь близком будущем, чтобы ощутить потребность, желание или даже искушение рассмотреть снова предлагаемые «Манифестом» меры и высказать о них свое мнение» [1]. По мнению Лабриолы, за пятьдесят лет, прошедших со времени написания «Манифеста», идея диктатуры пролетариата не получила никаких новых обоснований. Он явно недооценивал значение Парижской Коммуны как первого опыта и прообраза будущего пролетарского государства и не уделил достаточного внимания работам К. Маркса, в которых развивается теория диктатуры пролетариата.

Если в 1889 г. Лабриола сам еще не преодолел лассальянской теории «права на труд», то теперь он дал глубоко обоснованную критику ее. «Государственный социализм,— пишет Лабриола,— приспосабливаемый к обоснованию революционной теории,— пошлое ходячее выражение, подразумевающее прошение, с которым обращаются рабочие к правительству — пусть хотя бы и к правительству революционной буржуазии. Эта доктрина просто не нужна тем социалистам, которые рассматривают путь победоносной пролетарской революции, которая может идти только путем обобществления (социализации) средств производства, путем их захвата» [2].

[1] А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории, стр. 7—8.

[2] Там же, стр. 24.

В докладе «О социализме» Лабриола еще высказывал недоверие к массовым политическим организациям пролетариата и не до конца осознавал, что социалистическая партия должна быть организованным авангардом рабочего класса, а не конгломератом пролетарских, мелкобуржуазных и буржуазных взглядов, привносимых всеми сочувствующими представителями буржуазии. Теперь Лабриола уже твердо заявляет о классовом характере социалистической партии, который проявился еще в «Союзе коммунистов». Он был, по словам Лабриолы, демократическим по своей организации и социалистическим по своей программе и целям. Лабриола неоднократно подчеркивает значение сознательной и добровольной партийной дисциплины.

Очерк «В память о Манифесте Коммунистической партии» показывает, что Лабриола сосредоточивает свое внимание главным образом на теории исторического материализма, тесно связывая ее с генезисом марксизма в целом и с глубокой критикой враждебных ему буржуазных и мелкобуржуазных течений. Цель всех его исследований — это вскрыть неразрывную связь социалистического движения пролетариата с теорией научного коммунизма.

«ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ» — ОСНОВНОЙ ТРУД А. ЛАБРИОЛЫ

Вторая и основная часть его труда целиком посвящена систематическому изложению материалистического понимания истории как итога, вывода из всего написанного великими основоположниками научного коммунизма. Эта работа А. Лабриолы получила широкую известность как в Западной Европе, так и в России, где ее популярности содействовал Г. В. Плеханов, написавший статьи «О материалистическом понимании истории» [1].

Задачи А. Лабриолы — во-первых, дать глубокий критический анализ предшествующих и современных концепций в философии истории — как идеалистических, так и вульгарно-материалистических; во-вторых, показать несравнимое превосходство над ними материалистического понимания истории, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом, и раскрыть причины этого превосходства, коренящиеся в неразрывной связи марксизма с общественной практикой, с классовой борьбой пролетариата; в-третьих, своей задачей А. Лабриола считал раскрытие философской основы материалистического понимания истории, значение диалектического метода, который, проникая в «материальную ткань общественного бытия», обнаруживает единство бытия, его строгую закономерность и тем самым превращает прежние идеалистические и фантастические взгляды на общество в строго научную концепцию.

А. Лабриола дал яркий образец глубоко научного, объективного подхода к освещению критикуемых им социалистических, политических и философских систем. Он не был сторонником их голого,

---

[1] См.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 236—267.

«с порога» отрицания, осуждения, он старался показать, что в основе даже самых фантастических концепций, таких, как идея «Рока», «Судьбы», «исторической случайности», «Провидения» и т. д., лежало искаженное отражение объективного исторического процесса производства и развития культуры в сознании господствующих классов. Особенно основательно критиковал Лабриола широко распространенные в его время социал-дарвинизм, географизм и так называемую теорию взаимодействия (или теорию факторов). При этом он подчеркивал антиисторизм таких взглядов, их метафизичность и механистичность. Обратившись к критике «теории взаимодействия», Лабриола правильно установил ее связь с общефилософской концепцией позитивизма, которая старалась уйти от решения основного вопроса философии. Лабриола глубоко раскрывал связь теории факторов с отражением в головах людей особенностей капиталистического способа производства с товарным фатишизмом, при котором внутренняя связь деятельности людей скрыта за кажущейся самостоятельностью движения товаров.

Утверждая единство исторического процесса и его закономерность, А. Лабриола показал резкую грань между прямолинейностью, метафизичностью концепции так называемого экономического материализма и диалектикой, глубоким историзмом марксистской философии истории. Исторический материализм провозглашает строгую закономерность общественного развития, учитывая при этом, что, во-первых, связи причины и следствий исторических событий всегда глубоко скрыты и опосредованы многочисленными условиями материальной жизни общества. Экономический же материализм, отыскивая непосредственную прямую связь между экономикой и любым явлением надстройки, не в состоянии их найти, поэтому часто скатывается к «субъективному детерминизму» — волюнтаризму; при этом причины того или иного «волевого» мотива остаются неизвестными. «Исторический материализм не только исследует связь следствий с их причинами, но и раскрывает специфику их проявлений, и далее — еще более глубокие причины этой специфики» [1],— говорит А. Лабриола.

Во-вторых, исторический материализм при выявлении исторической закономерности не сводит все сложные социальные явления к экономическим категориям, а лишь в последнем счете — к их общей экономической структуре.

В-третьих, от глубокого анализа общей экономической структуры общества исторический материализм поднимается к исследованию обусловленной ею «общественной психологии», носящей конкретно-исторический и классовый характер и обладающей способностью активного обратного воздействия на экономическую и политическую жизнь общества.

Лабриола рассматривал историю человеческого общества как движение и противоречивое развитие народных масс, чье обществен-

---

[1] А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории, стр. 89—90.

ное бытие обусловило появление на определенном этапе классовой борьбы определенного уровня классового сознания, сперва смутно, а потом все более отчетливо формировавшего идеи социализма. «Наша доктрина,— пишет Лабриола,— возникала на полях сражений, которые ведет коммунизм. Она предполагает рассмотреть критически весь генезис буржуазного общества. Это учение революционно с двух сторон: во-первых, оно открыло причины и формы развития пролетарской революции, находящейся в процессе становления. Во-вторых, оно задается целью отыскать причины и условия развития всех других социальных революций, уже имевших место в прошедшие времена,— в классовых противоречиях, достигавших в определенный момент высшей точки обострения вследствие противоречия между формами производства и развитием производительных сил.

В качестве революционного это учение является прежде всего интеллектуальным самосознанием нынешнего пролетарского движения, в лоне которого медленно зреет новая коммунистическая эра» [1].

Лабриола показал в своей работе, как зарождались и развивались идеи утопического социализма в конце XVIII и первой трети XIX столетия. Анализируя утопические теории Мелье, Мабли, Морелли, Бабёфа, Бланки, А. Лабриола критически раскрыл всю несостоятельность их доктрины «всечеловеческого равенства», вытекавшего из фантастического «естественного права», а также из свойственного всем утопистам утверждения о «моральной» основе общества.

Глубокой критике подверг Лабриола концепцию «прогресса» Сен-Симона и других утопистов, указывая на ее бедность, однообразие и ограниченный эволюционизм.

Наоборот, исторический материализм, признавая поступательное движение общественного развития, устанавливает, что его прогресс — не плавное однообразное течение, а революционная борьба. Закономерность общественного развития пробивается, указывал Лабриола, через «лес случайностей» [2]. Он подробно останавливался на освещении коренного различия между субъективной критикой капиталистического общества со стороны утопистов и объективной критикой его с позиций исторического материализма. «Все эти формы критики (у представителей утопического социализма.— *З. М.*), частичной, односторонней и неполной, послужили, однако, отправной точкой для научного коммунизма. Этот последний,— писал Лабриола,— уже не является субъективной критикой, прилагаемой извне к вещам и явлениям, а есть как бы обнаружение самокритики, коренящейся в самих вещах. Истинной критикой общества является само общество, которое, вследствие антагонистического характера противоположностей, лежащих в его основе, порождает из себя самого противоречия и впоследст-

---

[1] А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории, стр. 111—112.

[2] Там же, стр. 123.

вии побеждает их посредством перехода в новую форму существования. Носителем разрешения всех этих противоречий является пролетариат, независимо от того, сознают ли пролетарии эту задачу или не сознают. Именно в этом переходе от критики с позиций субъективизма, которая рассматривает вещи извне и воображает, что она может их исправить своими мерами, к подлинно разумной автокритике, которую общество осуществляет над самим собою в процессе своего саморазвития, состоит **диалектика** (подчеркнуто Лабриолой.— *З. М.*) истории, которую Маркс и Энгельс, будучи материалистами, извлекли из идеализма Гегеля»[1].

Затем Лабриола переходит к изложению марксистской теории классов, классовой борьбы и государства, подвергая попутно критике учения Гегеля, Шопенгауэра и Гербарта о государстве.

Переходя в заключительной части своей работы к изложению явлений надстроечного порядка, А. Лабриола снова возвращается к критике упрощенных взглядов на прямую, автоматическую связь надстройки с экономическим базисом, подчеркивая, что такая концепция бессильна, так как она не может объяснить все многообразие политической и идеологической жизни общества в его конкретно-исторических условиях, а также ход и исход происходивших революций, деятельность в них народных масс и политических партий.

Рассматривая марксистскую теорию права и государства, А. Лабриола показал, что до второй половины XIX в. буржуазная наука отождествляла общество и государство. Вся история рассматривалась в основном как правовая и политическая. Марксистская философия истории, применяя диалектический метод, показала не только существование в далеком прошлом общества без государства (догадки об этом присущи и утопистам), но и впервые последовательно-научно объяснила происхождение государства. Она осветила процесс его развития, его изменения, причины замены одной формы государства другой и, наконец, доказала закономерность уничтожения государства и рождения общества, не нуждающегося в государстве как политической надстройке. Большой заслугой А. Лабриолы было его утверждение, что в обществе, разделенном на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, государство всегда является орудием насилия, принуждения меньшинством большинства и может быть уничтожено лишь революционным путем, поэтому он резко критиковал оппортунистические извращения в понимании природы государства как «всенародной организации», защищающей интересы общества в целом, раскрывал отход от марксизма как итальянских, так и германских «соглашателей» типа Турати или Бернштейна. А. Лабриола придавал огромное значение «Критике Готской программы» К. Маркса, в которой с гениальной ясностью были изложены основные положения учения марксизма о государстве и доказана несовместимость с ними взглядов Ф. Лассаля.

[1] А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории, стр. 131.

Эта позиция Лабриолы ставит его значительно выше многих крупных теоретиков II Интернационала, которые всячески старались «обосновать» надклассовый характер современного буржуазного государства.

В работе «Об историческом материализме» дано только краткое освещение марксистской теории диктатуры пролетариата и социалистической революции. Отсутствие в главном труде Лабриолы глубокого анализа учения о диктатуре пролетариата и пролетарской революции объясняется многими причинами. Когда Лабриола писал свои «Очерки», то вопрос о социалистической революции в Италии еще не стоял на повестке дня. Социалистическое движение носило полустихийный характер. Социалистическая партия Италии делала лишь первые шаги и была наполовину партией интеллигентов. Лабриола был твердо убежден, что без овладения марксизмом не может жить и развиваться социалистическая партия, а без партийного руководства классовая борьба пролетариата не может увенчаться успехом. Однако, видя крупные недостатки в деятельности Итальянской социалистической партии и сравнивая их с успехами германской социал-демократии, которые он несколько преувеличивал, Лабриола пришел к неправильному выводу о невозможности для итальянских социалистов стать подлинными вождями и руководителями итальянского пролетариата. Кроме того, Лабриола склонялся к мысли о якобы малом практическом значении трех последних глав «Манифеста Коммунистической партии», в которых Маркс и Энгельс развивают идеи о диктатуре пролетариата. Сам Лабриола постоянно выдвигал мысль о том, что диктатура пролетариата есть средство для насильственного захвата у буржуазии орудий производства. Что же касается значения диктатуры пролетариата как государства нового типа, как главного рычага всех экономических, политических и культурных преобразований, необходимых для победы социалистического строя, то на этот вопрос Лабриола обращал мало внимания. Он считал, что идея диктатуры пролетариата имеет отношение к очень отдаленному будущему, поэтому детальное ее исследование не привлекало его внимания, несмотря на то, что он с энтузиазмом изучал и пропагандировал все основные работы Маркса и Энгельса.

Как указывает П. Тольятти, Лабриола еще недостаточно глубоко понимал сущность связи теории с практикой в социалистическом движении. В своем докладе на VIII съезде Итальянской коммунистической партии Тольятти уделил много внимания анализу взглядов Лабриолы по вопросу о путях развития итальянского социалистического движения. «Еще в 1900 году, в момент, когда в итальянском обществе происходит демократический переворот, А. Лабриола,— говорит Тольятти,— в своем до сих пор, кажется, неизданном письме к Виллари чрезвычайно осторожно и осмотрительно высказался относительно перспектив борьбы за социализм:«Я никогда не мечтал,— писал он,— что итальянский социализм мог бы послужить рычагом для ниспровержения капи-

талистического строя. В это не верит никто в цивилизованном мире и прежде всего не верят социалисты других стран. Я всегда понимал итальянский социализм как средство для того, чтобы развивать социалистическое сознание в массах, воспитывать в духе классовой организации ту часть рабочих, которая поддается такому воспитанию, противопоставить различным кликам, которые именуют себя партиями, сильную народную организацию, принудить представителей правительства провести экономические реформы, полезные для всех»[1].

В высказываниях Лабриолы, приводимых Тольятти, видны недооценка руководящей роли партии, преувеличение значения стихийного развития социалистического движения, отрыв национальной его стороны от интернациональной и, наконец, непонимание того, что в период империализма (Лабриола в своих политических и экономических статьях правильно усматривал некоторые его признаки, выступая, например, против роста милитаризма и захватнической внешней политики Италии) социалистическая революция уже не является туманным и отдаленным будущим.

Ознакомление с работой А. Лабриолы об историческом материализме подтверждает высокую оценку, которую получило это глубоко содержательное и оригинальное произведение со стороны Ф. Энгельса и В. И. Ленина, и объясняет его широкую популярность как в Италии, так и в других странах. Однако работа эта не свободна и от многих недостатков. Подробный анализ их был сделан Г. В. Плехановым в упоминаемой уже статье «О материалистическом понимании истории». В этой статье Плеханов, противопоставляя ясное и последовательное изложение А. Лабриолой материалистического понимания истории вульгарной концепции экономического материализма и субъективизму народников, в то же время указывает и на отдельные ошибки А. Лабриолы. Так, отмечая глубокую и в целом марксистски выдержанную критику Лабриолой теорий «факторов» и «влияния географической среды», Плеханов правильно указал на непоследовательность Лабриолы, признававшего влияние расовых особенностей на уровень общественного развития. Он выражает опасение, что такие высказывания, не являющиеся определяющими для А. Лабриолы, могут быть истолкованы консерваторами в желательном для них реакционном смысле. Далее Плеханов указывает, что Лабриола, правильно рисуя картину смены идеологий в результате замены отживающих производственных отношений новыми, в то же время допускает определяющее влияние суеверий и невежества на сохранение отживших форм общежития, тем самым становясь на позиции просветителей XVIII в. Плеханов не согласен с определением Лабриолой философии, из которого выпадает ее социально-политическая сторона. Однако свою статью Плеханов заканчивает высокой оценкой труда Лабриолы.

---

[1] «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии». М., 1957, стр. 55.

К замечаниям, сделанным Г. В. Плехановым, необходимо добавить недостаточно ясное понимание А. Лабриолой разницы между общественной психологией и общественным сознанием, которые он склонен отождествлять, что в некоторой степени обусловило и его противоречивые высказывания о предмете и месте философии марксизма в истории философии.

А. Лабриола глубоко овладел диалектическим методом и мастерски применил его к анализу сложнейших социологических проблем. Об этом свидетельствует диалектический подход Лабриолы к проблеме взаимодействия экономического базиса и надстройки, к сочетанию общего, частного и единичного в проявлении исторических закономерностей, ясное понимание преемственности и в то же время коренного отличия марксизма от предшествующих, философских и социологических теорий. Однако при всем этом необходимо подчеркнуть, что Лабриола недостаточно глубоко понимал коренную разницу между диалектическим методом Гегеля и Маркса, а также соотношение между диалектическим и историческим материализмом. Лабриола называл материалистическое понимание истории «философией марксизма», тем самым как бы полностью упраздняя существование диалектического материализма.

Неоднократно подчеркивая, что, в противоположность взглядам Гегеля, берущего за основу общественного развития идею, марксизм исходит из принципа материальности мира, Лабриола нигде не противопоставляет диалектику материализма диалектике идеализма. Более того, блестяще и вполне оригинально раскрывая диалектику критики и автокритики, он прямо говорит, что материалисты Маркс и Энгельс извлекли из идеализма Гегеля его диалектику и применили ее к пониманию общественного развития.

Борясь против вульгарного материализма, растворявшего философию в естествознании, Лабриола в работе «Об историческом материализме» сам дал одностороннее определение философии. Правильно указывая на то, что философия «никогда не стоит отдельно от конкретных вещей», он писал, что «философия является степенью, формой или стадией мысли по отношению к вещам, входящим в область опыта. Философия — либо общее предвосхищение проблем, которые наука должна еще подвергнуть специальной обработке, либо краткое выражение и обобщение уже достигнутых наукой результатов»[1]. По этому поводу Плеханов замечает, что такое понимание взаимоотношения философии и наук, в первую очередь опытных, может быть принято лишь с оговоркой, так как философия не всегда оставалась в границах теоретического обобщения или предвидения тех проблем, которыми занимаются опытные науки, а имела значительно более широкое содержание; кроме того, направление интересов и разрешение проблем, поднимаемых философией, часто связаны непосредственно

---

[1] А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории, стр. 197.

и опосредованно с политическими и социалистическими теориями эпохи [1].

Лабриола чувствовал недостаточность и поверхностность своих высказываний по этому вопросу, особенно после того, как его «Очерки материалистического понимания истории» были переведены на французский язык и редактор «Очерков» Ж. Сорель обратился к Лабриоле с рядом вопросов, относящихся к философским проблемам марксизма, в частности с вопросом о месте в нем философии. Ответом на эти вопросы и явились «Письма к Сорелю», получившие название «Беседы о философии и о социализме».

КРИТИКА А. ЛАБРИОЛОЙ ВРАЖДЕБНЫХ БУРЖУАЗНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕЧЕНИЙ

Переписка Лабриолы с Сорелем относится к 1897 г. и является особенно ценной для характеристики мировоззрения Лабриолы.

В первых четырех письмах (всего было написано десять) Лабриола предстает перед нами как неутомимый пропагандист марксистской теории, призывавший теоретиков социалистического движения развернуть грандиозную работу по переводу, переизданию, комментированию и популярному изложению трудов основоположников научного коммунизма. В четвертом письме Лабриола дает характеристику философии марксизма: «Философия марксизма идет от жизни к мысли, а не от мысли к жизни; от анализа жизненных отношений к абстрактной теории, а не от абстрактной теории и дедукции жизненных отношений. В этом философском направлении кроется секрет выражения Маркса — что он поставил диалектику с головы на ноги. Исторический материализм поражает в самое сердце философию идеализма» [2].

В письмах проводится мысль об интернациональном характере марксизма как теории социалистического движения рабочего класса всех стран. В них дается критика враждебных материализму теорий и доказывается недопустимость примиренческого отношения к ним со стороны теоретиков социал-демократии.

В последующих письмах Лабриола поднимает вопрос о партийности теории, о философской основе марксизма и о месте диалектики в нем.

Несмотря на глубокий и правильный анализ учения об экономическом базисе и надстройке, о классовом характере идеологии, Лабриола не мог подняться до понимания принципа партийности идеологии. Он отрицал необходимость руководства партии в области идеологии и теоретических взглядов, разделяемых ее членами. По его мнению, партийные руководители поступают правильно, когда контролируют практическую деятельность социалистов, а

---

[1] См.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 262—263.

[2] А. Лабриола. Исторический материализм и философия. (Письма к Сорелю.) СПб., 1900, стр. 35.

наука даже и при социализме будет развиваться независимо от партийного руководства.

Лабриола был прав в своих возражениях против тогдашнего идейного руководства Турати, но он не понимал, что единство теории и практики в марксизме осуществляется именно партией, которая является вождем и организатором масс и коллективным носителем научной теории. Он сам сознавал свое противоречивое отношение к партии, для идейного и организационного оформления которой он так много сделал. Он умалял роль партии для рабочих масс в моменты острого своего разочарования, когда всю надежду возлагал на стихийный размах рабочего движения.

Отношение Лабриолы к диалектике было весьма противоречиво. С одной стороны, он, по собственному выражению, «был проникнут диалектическим подходом». В противоположность большинству руководящих идеологов II Интернационала в Западной Европе, он резко выступает против неокантианства, позитивизма, гегельянства именно во всеоружии диалектики. С другой стороны, преодолев влияние философии истории Гегеля и встав на позиции материализма, Лабриола был склонен преуменьшать, недооценивать диалектику, ее место в мировоззрении марксизма, неправильно поняв известное положение Энгельса о том, что из всей философии осталась лишь наука о мышлении и его законах, т. е. формальная логика и диалектика. Лабриола воспринял это положение как уничтожение философии. Он склонялся к рассмотрению философии как функции науки, которая неотделима от содержания научного исследования, отрицая таким образом грань между наукой и философией. Он то отрицает, то признает полное растворение философии в опытных науках. Лабриола часто сводит диалектику к совокупности методических приемов исследования, хотя у него есть немало положений, говорящих о глубоком понимании им значения диалектического метода.

Вместе с правильными общими взглядами в вопросах познания Лабриола разделял иногда отдельные неокантианские идеи, хвалил неокантианцев-философов Зигварта и Вундта. В шестом письме к Сорелю Лабриола пишет: «Все познаваемое может быть познано и со временем будет познано. А все то, что лежит за пределами познаваемого, не имеет в области познания никакого значения». И далее: «...при такой постановке вопроса не может быть речи об абсолютном характере познания. Это — нечто вроде вещи в себе, которую мы не знаем и никогда не познаем»[1]. Здесь безусловно сказывается влияние гносеологии позитивизма и неокантианства. Но как только Лабриола переходит из области гносеологии в область исторического материализма, он не дает пощады тем, кто пытается отрицать познаваемость общественных явлений.

Письма к Сорелю с особой ясностью доказывают все сильные и слабые стороны философской концепции Лабриолы. При всей

[1] См.: А. Лабриола. Исторический материализм и философия. (Письма к Сорелю.), стр. 54.

непоследовательности в решении им ряда общефилософских проблем Лабриола был воинствующим материалистом, выступавшим против всех проявлений философского идеализма. Это нашло свое отражение в его борьбе против таких исказителей и «опровергателей» марксизма, как Сорель, Масарик, Кроче и Бернштейн.

Разрыв Лабриолы с Сорелем произошел очень скоро после выхода в свет «Писем». В ряде социалистических печатных органов (как французских, так и итальянских) Сорель открыто выступил с проповедью «кризиса марксизма», т. е. полностью изменил свое отношение и к марксистской теории, и к Лабриоле. Лабриола не развернул в печати полемику с Сорелем. Он справедливо считал, что для разоблачения взглядов Сореля вполне достаточно того, что было написано им, Лабриолой, в «Очерках материалистического понимания истории», а также того, что вытекало из критики исторического идеализма в целом и неправильного понимания роли личности и масс теоретиками анархизма в частности. Лабриола правильно указывал, что антимарксистские выпады Сореля не случайное явление, а как бы звено в идеологическом наступлении буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков. В этом наступлении анархист Сорель, либерал и идеалист Кроче и представитель крупной буржуазной интеллигенции позитивист Масарик действуют заодно.

Значительно больше внимания Лабриола уделил Кроче, который выступил против работы Лабриолы «Беседы о социализме и о философии» как махровый ревизионист, пытаясь взять под обстрел экономическое учение К. Маркса с позиций неокантианской политэкономии.

Кроче требует от Маркса раскрытия единого «морального» закона всего экономического развития. Этот закон, иронически замечает Лабриола, возможен в абстрактном мышлении Кроче, но совершенно беспредметен и невыполним в исторической действительности. Идеалистическая концепция Кроче сближается с экономически-этической концепцией неокантианцев австрийской школы. В полемике Лабриолы против Кроче сказалась моральная чистота и партийная принципиальность этого замечательного марксиста, заложившего основу глубокой критики крочеанства, впоследствии развитой Грамши и Тольятти.

Не менее важна и полемика Лабриолы против Масарика, также занявшегося «опровержением» марксизма, но уже с позиций позитивизма. Масарик — типичный либеральный ученый — в своей объемистой книге о кризисе марксизма изображает себя «сочувствующим» марксизму, уверенным в том, что «кризис — еще не смерть», что за ним может последовать и выздоровление, если учение Маркса «подвергнется соответствующей ревизии». В своем ответе на книгу Масарика Лабриола подчеркивает беспомощность его философского эклектизма, в силу которого Масарик никак не может понять единство всех сторон марксистской теории. Он невежественно отождествляет материалистическое понимание истории с «теорией факторов», а Маркса и Энгельса считает эк-

лектиками. Отрицая объективную материалистическую основу экономических законов, Масарик признает себя последователем «теистической концепции» исторического процесса. Подобно Кроче, он приходит к подстановке психического фактора под экономические процессы, к апологии и увековечиванию капитализма. Лабриола раскрывает всю несостоятельность рассуждений Масарика о государстве, этике, религии в заключительных главах его книги, в которых Масарик пытается доказать, что путем постепенных реформ капиталистической системы, через парламентский строй человечество придет к новому обществу, реализующему высшие принципы человеческой нравственности. В краткой, но яркой полемике Лабриола противопоставляет соглашательской концепции Масарика революционную теорию марксизма.

В заключение своей полемики против Масарика А. Лабриола выдвигает задачу, которую должен выполнить всякий теоретик-марксист,— вести борьбу по двум направлениям: «против беспочвенного революционизма и романтических фантазий анархо-синдикалистского типа и против тенденции приспособления и примирения внутри самого социал-демократического движения, которые таят в себе большую опасность: путем незаметных переходов допустить исчезновение, растворение в гибком механизме буржуазного сознания» [1].

Эти заключительные слова показывают, как глубоко и созвучно нашим дням понимал А. Лабриола реакционную роль ревизионизма.

* * *

А. Лабриола не только сделал значительный вклад в теоретическую мысль, но и оставил яркий след в практике социалистического международного движения. Борьба против исторического идеализма левых гегельянцев, против позитивизма синдикалистов, против буржуазного искажения марксистской теории неокантианством — все это было лишь одной стороной его деятельности. Другой же стороной была его действенная критика и разоблачение оппортунистической, анархистской и центристской практики руководства социалистической партии. В этом стремлении сочетать теоретическую и практическую борьбу А. Лабриола не был свободен от ошибок, иногда впадал в разочарование и недооценку сил революции. Но эти частичные ошибки не умаляют его заслуг, его роли первого социалиста-марксиста в Италии.

---

[1] А. Лабриола. Исторический материализм и философия. (Письма к Сорелю.), стр. 209.

ГЛАВА 11

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Во второй половине XIX в. марксизм совершает победное шествие по миру, завоевывает передовые слои рабочего класса и интеллигенции. К этому времени во всех странах, где утвердился капитализм и развернулось революционное движение пролетариата, образовались партии рабочего класса. Видные деятели этих партий являлись одновременно пропагандистами и популяризаторами теории марксизма.

Огромную роль в распространении марксизма в странах Европы играли прежде всего сами Маркс и Энгельс — организаторы и вожди I Интернационала. После смерти Маркса Энгельс возглавил революционное направление в Германской социал-демократической партии и во II Интернационале. Сохранившаяся переписка Маркса и Энгельса с руководителями социалистических партий свидетельствует об их повседневном практическом и теоретическом руководстве мировым рабочим движением. Она показывает, как Маркс и Энгельс определяли задачи борющегося пролетариата применительно к различным этапам рабочего движения в разных странах.

Так, англо-американский социализм Маркс и Энгельс прежде всего критикуют за его оторванность от рабочего движения. В своих многочисленных отзывах о социал-демократической федерации в Англии и об американских социалистах К. Маркс и Ф. Энгельс обвиняют их в том, что они превратили марксизм в догму, в окаменелую ортодоксию, в символ веры, а не в руководство к действию. В переписке и в отзывах Маркса и Энгельса о немецком социал-демократическом движении звучит предостережение против правого крыла в рабочей партии, ведется беспощадная борьба с оппортунизмом в социал-демократии.

В. И. Ленин отмечал, что дух и все содержание этой переписки представляют собой товарищескую, прямую, чуждую дипломатии и мелких расчетов, критику международного опыта пролетариата.

Маркс и Энгельс не были одиночками, их дело подхватила и продолжила целая плеяда выдающихся революционеров-марксистов, таких, как Поль Лафарг во Франции, Лабриола в Италии, Плеханов и особенно Ленин в России. В Германии философия марксизма нашла своих пропагандистов и последователей в лице И. Дицгена, К. Шорлеммера, А. Бебеля, Ф. Меринга и др.

Особое место среди теоретиков немецкой социал-демократии занимает Иосиф Дицген (1828—1888). Рабочий, философ-самоучка, он самостоятельно пришел к диалектическому материализму.

По окончании народного училища и двух классов городского училища Дицген до революции 1848 г. работал в кожевенной мастерской. Огромное влияние на молодого рабочего оказала работа

Л. Фейербаха «Сущность христианства», появившаяся в 1841 г. Знакомство с этой книгой пробудило у молодого рабочего философские интересы. В дальнейшем у Дицгена установились с Фейербахом тесные и длительные дружеские отношения. Когда вспыхнула революция 1848 г., Дицген принял в ней участие как агитатор. С этого времени начинается его политическая деятельность. Огромное влияние оказывает на Дицгена «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

В 1849 г., после победы контрреволюции, Дицген вынужден уехать из Германии. Начинается период его 20-летних скитаний по Америке и Европе. Все эти годы он работал на производстве, занимаясь одновременно философскими исследованиями.

С 1863 по 1869 г. Дицген жил в России, работал в Петербурге на кожевенном заводе. Именно в этот период им было создано первое крупное философское произведение «Сущность головной работы человека» (1869). Здесь же, в Петербурге, Дицген пишет рецензию на I том «Капитала» и отсылает Марксу свою рукопись вместе с восторженным письмом. «Предпосылкой Вашего глубокого экономического учения,— писал Дицген,— является глубокая философия» [1].

В 1869 г. Дицген возвращается в Германию, где состоялось личное его знакомство с Марксом. Дицген включается в активную работу социал-демократической партии.

В 1884 г. Дицген уезжает в Соединенные Штаты Америки, где он редактирует партийный орган «Социалист» и чикагскую газету «Арбайтерцайтунг». Здесь им был написан крупный труд «Экскурсии социалиста в область теории познания» (1887).

Маркс и Энгельс в ряде писем отмечают большое философское дарование Дицгена, указывая в то же время на пробелы в его образовании. В одном из писем Маркс говорит, что Дицген высказал много превосходных и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, достойных изумления мыслей.

Ленин в статье «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» писал, что Дицген — один из выдающихся социал-демократических писателей-философов Германии. «Вот значение Дицгена: рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму, т. е. к философии Маркса» [2].

Энгельс отмечал, что диалектику, независимо от Маркса и Энгельса и «даже независимо от Гегеля», вновь открыл немецкий рабочий Иосиф Дицген [3]. И в самом деле, ко времени написания «Сущности головной работы человека», в которой был поставлен ряд важнейших проблем диалектико-материалистической теории познания, Дицген не был знаком с сочинениями Гегеля. Не были еще опубликованы и важнейшие классические труды Энгельса.

Еще в 1873 г. в статье «Научный социализм» Дицген выдвигает в качестве критерия философской борьбы решение основного фи-

[1] «Вопросы философии», 1958, № 3.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 117.
[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 302.

лософского вопроса: «Спор между идеализмом и материализмом, между номиналистами и спиритуалистами, с одной стороны, и реалистами или сенсуалистами, с другой стороны, о том, произошла ли идея от мира, или мир от идеи, что из них причина, а что следствие,— этот спор составляет содержание философии»[1].

Эти строки писались за 13 лет до появления работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

Делом всей своей жизни Дицген считал разработку материалистической теории познания. Он видел в ней универсальное средство против религии и всяческих ухищрений идеализма, орудие познания пролетариатом закономерностей развития мира. Он считал, что овладение теорией познания даст возможность рабочему классу быстрее освободиться от эксплуатации и построить социалистическое общество. Все основные произведения Дицгена — «Сущность головной работы человека», «Экскурсии социалиста в область теории познания», «Письма о логике», «Аквизит философии» — посвящены в основном теории познания.

Этот интерес Дицгена к проблемам гносеологии не случаен. Правильное решение проблем мышления, познания было особенно необходимо во второй половине XIX в., ибо в это время пышным цветом расцвел агностицизм в буржуазной философии.

Исходным пунктом философии Дицгена является материалистический монизм. Мир по своей природе материален и не нуждается ни в каком мировом духе, он развивается в пространстве и времени соответственно с внутренне присущим ему законом движения. Дицген характеризует идеализм как поповщину. «Идеалисты,— пишет он,— стремятся к общему без частного, к духу без материи, к силе без вещества, к науке без опыта или материала, к абсолютному без относительного»[2].

Дицген развивает учение об универсуме (или природе), который вечен, бесконечен, един и единствен, абсолютен и совершенен. Единство, цельность мира заключены в его материальности.

Дицген указывает на диалектический характер движения и развития мира, всеобщую взаимную связь всех вещей и явлений, соединение в универсуме (как под одной крышей) бесконечных противоречий. «Мир *существует лишь* в связи,— пишет Дицген.— Вещь, вырванная из этой связи, прекращает свое существование. Вещь существует для себя, только существуя для другой, проявляя себя или действуя»[3]. Всеобщность противоречий Дицген иллюстрирует примерами из области истории, морали, человеческого познания. Постоянно подчеркивая и утверждая мировое единство, он выделяет прежде всего единство, отмечая и относительность противоречий.

Как указывал Ф. Энгельс, диалектика имеется у Дицгена «скорее в виде проблеска, чем в связном виде». Но его несомненной заслугой является понимание диалектики как всеобщего учения о

[1] И. Дицген. Избранные философские сочинения, М., 1941, стр. 248.
[2] Там же, стр. 58—59.
[3] Там же, стр. 29.

развитии всех областей мира, включая человеческое общество и мыслительный процесс. Мыслительный процесс, говорит он, не есть нечто мистическое, он представляет собой часть материального мира.

Дицген развивает материалистическую теорию отражения. Дух должен доставлять человеку отражение, образ мира. Дицген утверждает, что материалистическая теория познания сводится к признанию того, что человеческий орган познания не испускает никакого метафизического света, а есть кусок природы, отражающий другие куски природы. С прежними материалистами, заявлял Дицген, общее у нас только то, что мы признаем материю предпосылкой, или первоосновой, идеи. Комментируя это высказывание Дицгена, Ленин указывал, что это и есть материалистическая теория отражения, познания человеком вечно движущейся и изменяющейся природы. И Ленин говорит далее о том, с какой глубиной, страстью истинного революционера бичевал и клеймил Дицген дипломированных лакеев поповщины.

Дицген стремится исследовать внутреннюю структуру мыслительного процесса. Его громадной заслугой является то, что он поставил вопрос об исследовании природы человеческого мозга, непосредственно связав тем самым философию с естествознанием.

Так, например, в работе «Сущность головной работы человека» Дицген ставит задачу выяснить роль мыслительного аппарата, т. е. мозга человека, в процессе познания и показать его связь с другими органами человеческого организма. При этом Дицген отмечает, что физиология не полностью объясняет мыслительный процесс. Мышление, говорит он, есть функция мозга, как писание — функция руки. Физиологическое исследование мозга может так же мало приблизить нас к решению вопроса о том, что такое мышление, как анатомия руки решить задачу, что такое писание. И он делает вывод, что исследование работы мозга — дело не только естествознания, но прежде всего философии.

По словам самого Дицгена, в середине XIX в. мыслительная способность была для естествознания «неизвестной, таинственной, мистической сущностью. Естествознание или материалистически смешивает функцию с органом (Дицген имеет в виду здесь вульгарный материализм.— *А. П.*), дух с мозгом, или же идеалистически полагает, что способность мышления как нечувственный объект лежит вне доступной ему области» [1]. Необходимо было снять этот таинственный покров, а для этого, указывает Дицген, нужно было глубоко диалектически проникнуть во взаимообусловленность процессов, происходящих в природе вещей и в области мышления в особенности.

Дицген неоднократно подчеркивает недопустимость сведения мыслительного процесса к его физиологической основе, обращает внимание на неразрывную связь этого процесса с социальными от-

---

[1] И. Дицген. Избранные философские сочинения, стр. 47.

ношениями. Сознание — форма бытия, движения, но оно не есть материя, а лишь ее идеальный продукт.

Именно с этих позиций Дицген подвергает критике вульгарных материалистов. Но Дицген в то же время сам делает некоторые уступки вульгарному материализму. Так, мы находим у него положение о том, что «дух не больше отличается от стола, света, звука, чем все эти вещи друг от друга»[1]. Или же еще одно утверждение такого же рода: понятие материи, говорит Дицген, надо расширить; сюда относятся все явления действительности, следовательно, и наша способность познавать.

Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм», приводя это рассуждение Дицгена, указывает, что тут явная неверность. Что и мысль и материя действительны, т. е. существуют,— это верно, говорит Ленин, но назвать мысль материальной, значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма и идеализма. Ленин тут же замечает, что у Дицгена это неточность выражения, что это высказывание противоречит основным принципам философии самого Дицгена, признающего материю за первичное, и в этой связи Ленин формулирует чрезвычайно важное положение о том, что противопоставление материи духу не должно быть чрезмерным преувеличением. В подчеркивании этого момента Ленин видит большую заслугу диалектического материалиста Дицгена. «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления,— пишет Ленин,— суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»[2].

Дицген доказывает в своих работах неразрывную связь мыслительного процесса с окружающим человека миром. Так называемое «чистое мышление, «чистый разум» — бессмыслица». Бытие — неизбежный материал сознания. «Чтобы состоялась мысль,— пишет Дицген,— недостаточно одного только мозга или способности мышления: для этого требуется еще объект, предмет, который мыслится»[3]. В другом месте Дицген пишет, что «разум на практике по необходимости не чист, т. е. он всегда занят каким-либо особым объектом»[4].

Дицген говорит о «духовных свойствах объекта» в том смысле, что они могут быть мыслимы, познаваемы, могут быть объектами нашей способности мышления.

Стремясь отгородиться от вульгарного материализма, Дицген указывает, что отражаемый в мышлении факт не следует отождествлять с самим фактом; они не тождественны, ибо в сознании человека объективная реальность отражается не сразу и не целиком. «Всякое определенное представление,— пишет Дицген,— всякое

[1] И. Дицген. Избранные философские сочинения, стр. 22.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 259.
[3] И. Дицген. Избранные философские сочинения, стр. 24.
[4] Там же, стр. 30.

действительное мышление совпадает со своим содержанием, *но не со своим предметом.* Мой письменный стол как содержание моей мысли совпадает с этой мыслью, не отличается от этой последней. Однако письменный стол вне головы есть совершенно отличный от нее предмет»[1]. То есть мыслимое всегда отличается от чувственного точно так же, говорит Дицген, как общее отличается от частного. Бесконечное разнообразие вещей, неисчислимое богатство их свойств сами по себе не могут существовать в человеческой голове.

В связи с этим Дицген рассматривает вопрос о сторонах, формах познания человеком действительности. В каких формах происходит познание, восприятие человеком материального мира?

Дицген считает, что познание мира осуществляется в двоякой форме: в конкретной и абстрактной. Под конкретной формой имеется в виду чувственное познание, под абстрактной — мышление с помощью понятий. В процессе чувственного познания в нашем мозгу отражаются лишь единичные предметы и явления, а поэтому знание о них ограничено и поверхностно. Сущность явлений, их закономерные связи при этом не раскрываются; одних пяти чувств недостаточно для опыта, для этого требуется еще участие интеллекта. «Практика дает нам явление, теория — сущность вещей»[2].

Таким образом, сущность явлений, закономерные связи мира раскрываются посредством теоретического мышления, посредством теоретического обобщения явлений в понятиях, суждениях и умозаключениях. Абстрактное мышление возникает в ходе чувственного познания, опыта и является высшей ступенью познания.

Здесь перед нами диалектическое понимание процесса познания.

Следует сказать, что к пониманию роли научных абстракций в процессе познания Дицген пришел не сразу. В своих первых философских трудах он даже несколько недооценивает их, но уже в труде «Аквизит философии» Дицген определяет научные абстракции как особые формы отражения объективной действительности, дающие более глубокое ее постижение. Чувственный мир многообразен. Голова, т. е. мышление, сводит это многообразие к единству. Разум определяется Дицгеном как «способность извлекать общее из частного», а поэтому сущность науки, теории состоит в систематизировании, обобщении, что дает возможность действовать с предвидением успеха.

В диалектическом процессе движения познания от чувственных данных к логическому мышлению Дицген отводит существенную роль практике (опыту, эксперименту), которая определяется им как необходимая предпосылка и исходный пункт всякой науки. «Если я изучил и понял вишню по всем требованиям науки — ботанически, химически, физиологически и т. д., то все же я действительно ее узнал лишь после того, как одновременно воспринял: увидел, осязал и проглотил ее»[3].

[1] И. Дицген. Избранные философские сочинения, стр. 21.
[2] Там же, стр. 38.
[3] Там же, стр. 150.

Научные, философские понятия — исторический результат практической деятельности человечества. В «Письмах о логике» Дицген прямо указывает, что философские головы лишь постольку развивали науку логического мышления, поскольку их к этому стимулировало материальное мировое развитие [1].

Дицген исходит из бесспорного для него положения о могучей силе человеческого сознания, о возможности познания мира и с этих позиций неустанно борется с агностицизмом, последовательно разбивая все его аргументы.

Дицген полемизирует с Кантом, с его непознаваемой «вещью в себе». Такое критическое отношение к Канту имело, в противоположность оппортунистическому ревизионистскому лозунгу «назад к Канту», огромное значение для немецкой социал-демократии. Человеческое познание, говорит Дицген, суверенно, оно безгранично и неисчерпаемо в принципе, но ограничено возможностями каждого познающего индивида, который является конечным.

Мир, рассуждает Дицген, является бесконечным в пространстве и времени, но все-таки каждая частичка пространства, каждый кусочек времени, как и всякая другая вещь, в них заключающаяся, является индивидуальной вещью и мышление не составляет в этой ограниченности и конечности никакого исключения. Процесс познания мира — это процесс восхождения ко все более глубокому и всестороннему знанию. Мир никогда не будет познан до конца, потому что является по своей природе вечным, бесконечным и постоянно развивающимся. Однако, говорит Дицген, человеческое познание не имеет никаких оснований для рабской покорности, которой требуют от него агностики. Если за «вещь в себе», считает Дицген, мы примем мир, то легко понять, что мир «в себе» и мир, как он нам является, явления мира отличаются друг от друга не больше, чем целое и его части. Аргументация Дицгена против непознаваемой «вещи в себе» очень близка к аргументации Энгельса, которую тот развивает, в частности, в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», хотя не отличается четкостью и глубиной энгельсовской постановки вопроса.

Дицген — страстный и последовательный противник агностицизма и метафизики. Он известен своими выступлениями против неокантианства, против научной и философской реакции 70—80-х годов. Так, статья Дицгена «Наши профессора на границах познания» явилась блестящим ответом философа известным немецким ученым Дюбуа-Реймону, Вирхову и Негели, выступившим в 1878 г. на съезде естествоиспытателей и врачей с речами на тему о «границах естественнонаучного познания». Дюбуа-Реймон провозгласил здесь свой «знаменитый» лозунг «ignoramus et ignorabimus». В противоположность агностикам Дицген уверен в абсолютной беспредельности возможностей человеческого познания. Познавательная способность так же безгранична, как сама задача, поставленная ей на разрешение природой. Противоположный взгляд — тео-

[1] См.: И. Дицген. Избранные философские сочинения, стр 26.

рия убожества, «последний остаток религиозного шарлатанства», а его носители — «дипломированные лакеи поповщины».

Утверждая бесконечность, неисчерпаемость объекта познания (бесконечен даже «самый маленький атом»), Дицген диалектически решает вопрос о соотношении относительной и абсолютной истины. Но, как отмечал Ленин, Дицген писал в такую эпоху, когда шире всего был распространен опошленный, упрощенный материализм, и Дицген сознательно делал особый акцент на относительности человеческого познания, допуская при этом уступки идеализму и агностицизму. Так, Дицген злоупотребляет иногда положением об относительности человеческого познания, стирает грань между диалектикой и релятивизмом. Мы находим у него утверждения о том, что «сущность мира заключается в его абсолютной изменяемости», что сущность «вещи в себе», в отличие от явления, есть лишь мысленная вещь, что сущность вещи не существует сама по себе, в отрыве от познающей способности. Дицген приписывает обобщающей способности познания снятие, опосредование противоречий, постоянно подчеркивая их относительность.

Теория познания, философия в целом рассматривались Дицгеном как могучее оружие идеологической борьбы рабочего класса. Отсюда его пристальный интерес к формам общественного сознания (мораль, право, религия). Уже в первой работе Дицгена «Сущность головной работы человека» мы находим конкретно-исторический анализ становления и изменения норм права и морали в условиях классового общества, социальных и гносеологических корней религии. Придавая огромное значение научно-атеистической пропаганде, Дицген создал ряд произведений, в которых доказывал родство религии и идеализма, разоблачал религиозное шарлатанство как оплот реакции и лицемерия [1].

Оценивая творчество Дицгена, следует иметь в виду, что в то время, когда он начал свою философскую деятельность, многие проблемы марксистской философии, и прежде всего проблемы гносеологии, не были еще глубоко разработаны и разрешены. Во многом ему приходилось идти непроторенным путем. Отсюда у Дицгена зачастую и путаница, и терминологические неточности, и просто теоретические ошибки.

Внимательно анализируя эти ошибки Дицгена, за которые ухватились некоторые представители буржуазной философии, Ленин отмечает, что отнюдь не эти ошибки определяют лицо Дицгена — материалиста и диалектика, врага поповщины и идеализма. В «Материализме и эмпириокритицизме», разоблачая теорию познания махистов, В. И. Ленин неоднократно цитирует Дицгена, воспроизводит его аргументацию. В. И. Ленин пишет: «Чтобы стать сознательными, рабочие должны читать И. Дицгена, но *не забывать* ни

---

[1] См.: «Религия социал-демократии» (1870—1875), «Философия социал-демократии» (1876), очерки «Есть и пить — самое главное», «Как возникли боги» и др.

на минуту, что он дает *не всегда верное* изложение учения Маркса и Энгельса, у которых только и можно *учиться* философии»[1].

После смерти Дицгена ревизионисты из II Интернационала, последователи буржуазной философии, сделали попытку ухватиться за некоторые неверные места у Дицгена. Используя имеющуюся у него путаницу в ряде вопросов, они пытались объявить его взгляды особой философской системой, так называемыми дицгенизмом или эмпириомонизмом, которыми якобы нужно «дополнить» марксизм.

Сам же Дицген никогда не говорил о себе как о главе нового направления, но всегда считал себя учеником и соратником Маркса и Энгельса, представителем созданного ими диалектического и исторического материализма.

Особенно потрудились над созданием так называемого дицгенизма Евгений Дицген, сын философа, и американский философ Унтерман, который написал книгу «Логические недостатки узкого марксизма». В духе ревизионистских теорий II Интернационала он также требовал «дополнить» марксизм. К этой книге Е. Дицген написал предисловие, в котором говорилось, что в то время, как марксизм ограничивается якобы областью общественных отношений, Дицген создал диалектический натурмонизм, охватывающий природу и общество, т. е. создал будто бы учение, которого не хватает марксизму. Евгений Дицген и Унтерман допускали грубейшую ошибку, отождествляя общефилософские законы с законами природы. Монизм природы и общества они понимают как натурмонизм. Плеханов в статье «Иосиф Дицген» справедливо отмечает, что «Унтерман чрезвычайно поверхностно ознакомился с теорией Маркса; а ее философское происхождение осталось ему совершенно неизвестным. Наконец,— это едва ли не самое важное — в философии Э. Унтерман даже не дилетант, а просто... ничего не знающий обыватель»[2]. Как писал Г. В. Плеханов, «Евгений Дицген думает, по-видимому, что материализм не имеет своей «критики познания»[3].

В. И. Ленин дал решительную отповедь всем этим фальсификаторам. В книге «Материализм и эмпириокритицизм», в главе «Как мог Иосиф Дицген понравиться реакционным философам», В. И. Ленин отмечает, что дицгенизм означает лишь раздувание отдельных ошибок этого последовательного диалектического материалиста.

Постановка ряда проблем марксистской теории познания продолжает оставаться большой исторической заслугой Иосифа Дицгена.

* *
*

Выдающимся деятелем прогрессивной науки прошлого века, внесшим существенный вклад в развитие диалектического материализма, был химик Карл Шорлеммер (1834—1892) — крупнейший

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 118.
[2] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 108.
[3] Там же, стр. 111.

представитель передовой научной и философской мысли Германии. Большую часть своей жизни Шорлеммер провел в Англии, где завоевал себе признание, как крупнейший ученый своего времени (он был избран членом английского Королевского общества), между тем как на своей родине, в Германии, его имя игнорировалось и замалчивалось официальной наукой. Карл Шорлеммер был связан теснейшими узами с немецким пролетариатом, он был до самой смерти активным членом социалистической партии и воинствующим пропагандистом коммунистических идей.

В Германии капиталистическое предпринимательство все больше подавляло свободу исследовательской работы, поэтому Шорлеммер сознательно предпочел скромную и плохо оплачиваемую работу ассистента маленькой лаборатории в провинциальном Оуэнском колледже в Манчестере карьере соучастника создания химических предприятий в Германии, куда, как отмечал Энгельс, устремилось большинство его коллег. В отстаивании высшего теоретического интереса к науке К. Шорлеммер видел один из способов связать свое научное творчество с практическими интересами пролетариата. В этом отношении он выступал в полном согласии с мнением Энгельса, выраженным им в труде «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», где тот писал, что чем бескорыстнее, «чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих» [1].

Это единомыслие не было случайностью. Карла Шорлеммера связывала с Марксом и Энгельсом многолетняя дружба. Под влиянием основоположников диалектического материализма Шорлеммер стал на позиции коммунизма, знакомится с рабочим движением, а в дальнейшем превратился в одного из активнейших его участников. Широко образованный в философском отношении ученый, Шорлеммер, по свидетельству Энгельса, был, пожалуй, единственным выдающимся естествоиспытателем, который не пренебрегал изучением всеми тогда презираемого Гегеля, а, напротив, высоко ценил его [2]. Впоследствии он принадлежал к тем немногим счастливцам, которым еще в корректуре довелось познакомиться с величайшим творением Маркса — «Капиталом».

Для Шорлеммера характерно опирающееся на материалистическую диалектику умение делать смелые философские выводы из научных открытий, постановка общих вопросов классификации и систематизации естественных наук с точки зрения идеи развития материи. Все это резко отличало Шорлеммера от подавляющего большинства ученых его времени, прибегавших к диалектике лишь бессознательно, под давлением самих открытий.

Как специалист-химик Шорлеммер во многом помог Марксу и Энгельсу в оснащении их общетеоретических и философских выводов живыми примерами из области химии и смежных наук (что

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 317.
[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 520.

Энгельс отмечает, в частности, неоднократными ссылками на Шорлеммера в «Диалектике природы»). Но и в собственном научном творчестве замечательный немецкий химик в полной мере проявил себя как выдающийся естествоиспытатель-диалектик.

Шорлеммер достиг триумфальных успехов в исследовании группы парафинов. Эта группа углеводородов относится к числу так называемых предельных, или насыщенных, соединений. А предел насыщения химических связей в молекуле — это своеобразный химический тупик; соединения этого рода в химическом отношении «мертвы» (отсюда и название парафинов от латинских слов «парум» и «афинес», что значит «слабое сродство»). Они не изменяются даже под действием многих активных химических веществ. Только в самое последнее время науке удалось найти способы активизации парафинов и их последующих превращений. После этого открылась возможность использовать парафины как ценное химическое сырье. Примечательно, что Шорлеммер именно благодаря сознательному владению диалектическим методом прозорливо оценил значение парафинов как исходных веществ для возможных последующих преобразований.

В отличие от большинства современных ему химиков, Шорлеммер рассматривал отдельные химические соединения и классы соединений, выстроенные в гомологические ряды, не изолированно, как поступали сторонники химического эмпиризма, а в определенной генетической связи. Ключом к пониманию зависимости этих связей не только от состава, но и от пространственного расположения атомов в молекуле явилась теория химического строения, и недаром творец ее — великий русский химик А. М. Бутлеров — сопроводил своим предисловием русский перевод учебника органической химии Шорлеммера. Он видел главное достоинство этого учебника в том, что факты излагаются в нем «в стройной связи, освещенные известными теоретическими воззрениями»[1].

Прогрессивность этих воззрений выражалась в том, что вещества, с которыми имела дело органическая химия, описывались не перечислительно и объединялись не по случайному совпадению свойств, а в порядке их усложнения и развития от низшего к высшему. Внизу этой лестницы находились простейшие углеводороды, в изучении которых огромные научные заслуги принадлежали самому Шорлеммеру, а вся органическая химия была им определена как химия углеводородов и их производных. Ссылаясь на работы Шорлеммера, Энгельс в «Диалектике природы» подчеркивал, что понять (познать) единичный предмет можно только в том случае, если указано его положение в общем закономерном ряду всех связанных с ним предметов.

Глубокое понимание диалектики научного процесса отличает и Шорлеммера — историка науки. В своей книге «Возникновение и развитие органической химии» (М., 1937) он прослеживает смену

[1] К. Шорлеммер. Краткий учебник химии углеродистых соединений. СПб., 1876, стр. III.

теорий, когда противоборствующие школы химиков, углубляясь с разных сторон в природу органического вещества, в конце концов приходят к общему решению, обнаружив скрытую до того времени связь между, как кажется вначале, совершенно разорванными сторонами и свойствами вещества.

В полном согласии с воззрениями Энгельса, наиболее полно выраженными в «Диалектике природы», Шорлеммер подвергает в своем историческом исследовании уничтожающей критике взгляды виталистов на происхождение органических веществ, с исключительной проницательностью отмечает значение первых успехов органического синтеза (синтез мочевины Велером и др.), которые показали возможность искусственного создания носителя жизни — белка. Так, он уверенно говорит о том, что «загадка жизни может быть разрешена только синтезом белковых соединений» [1].

Знание диалектики позволило Шорлеммеру занять в своей книге правильную позицию в важнейшем вопросе о связи теории и практики. Наука, по Шорлеммеру, рождается из практических потребностей общества, стимулируется нуждами производства, служит практике, проверяется и направляется ею в своем развитии. Эти положения Шорлеммер подкрепляет как примерами крупнейших научных обобщений, вытекающих из решения задач, выдвинутых практикой (явление замещения водорода хлором), так и примерами влияния научных открытий на развитие целых отраслей индустрии (превращение нитробензола в анилин и развитие анилинокрасочной промышленности).

На знании диалектических законов развития науки был основан и научный оптимизм этого поистине выдающегося мыслителя-марксиста.

* *
*

Начиная с 1871 г., когда была образована Германская империя, Германия прочно вступила на путь капиталистического развития, превратилась в юнкерскую буржуазную империю. Германия становится крупнейшим буржуазным государством Западной Европы, характерной особенностью которого, как указывал Маркс, является обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый, военный деспотизм. Энгельс характеризовал сложившийся в Германии юнкерский буржуазный блок как союз юнкеров и денежных тузов для эксплуатации народных масс.

В этих условиях происходит бурный рост рабочего и социалистического движения, на которое правительство Бисмарка реагирует изданием в 1878 г. исключительного закона против социалистов.

Социал-демократическая партия Германии переживает в это

---

[1] К. Шорлеммер. Возникновение и развитие органической химии, М., 1937, стр. 284.

время ряд кризисов. Политический компромисс эйзенахцев с лассальянцами наложил свою печать на весь ход дальнейшего развития немецкой социал-демократии, усилил в ней позиции оппортунистических элементов. В рядах немецкого рабочего движения получает значительное распространение оппортунизм, идеология аристократической верхушки рабочего класса, идеология сглаживания классовых противоречий, примирения с капиталистическим строем. Теоретическим выражением оппортунизма явился ревизионизм, т. е. стремление к пересмотру, к ревизии марксистской теории.

Начало этому течению положил Э. Бернштейн, который в ряде статей, а затем в брошюре «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», изданной в 1899 г., развил теоретические основы ревизионизма. Бернштейн выступил против марксизма. Объявив диалектику «предательским элементом» в нем, Бернштейн подменил ее софистикой и эклектикой. Ревизуя марксизм с позиций кантианства, Бернштейн и его последователи пытались превратить социализм в чисто этическую, моральную проблему. Было подвергнуто пересмотру и экономическое учение Маркса. Бернштейнианцы отрицали теорию концентрации капитала, теорию прибавочной стоимости, теорию об абсолютном и относительном обнищании пролетариата при капитализме. Они пытались доказать живучесть мелкого производства, считали, что акционерные общества ведут к демократизации капитала, что картели и тресты устраняют анархию капитала, что классовые противоречия капитализма притупляются, материальное положение рабочих неуклонно улучшается.

Политическим выводом из этих ложных посылок был отказ от революционной борьбы пролетариата, отказ от диктатуры пролетариата. С точки зрения Бернштейна, рабочий класс должен прийти к социализму не путем революций, а путем реформ, путем постепенного врастания капитализма в социализм. Средствами этого врастания он считал рост профсоюзов, кооперативов, парламентскую борьбу.

Лозунгом ревизионизма стала оппортунистическая формула Бернштейна: «Конечная цель — ничто, движение — все». Эта формулировка вела к подмене марксизма реформизмом. Метод реформистов — «от случая к случаю определять свое поведение,— писал В. И. Ленин,— приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты...» [1].

Пытаясь опровергнуть марксистское учение о закономерном характере исторического развития, Бернштейн утверждал, что процесс развития капиталистического общества уже свидетельствует якобы о факте «все большего ограничения железной исторической необходимости», о том, что обнаруживается все более растущее

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 24.

вмешательство разума в законы исторического, экономического развития.

Ревизионизм, принявший самые разнообразные формы, получил широкое распространение во всем II Интернационале, в том числе в германской социал-демократии.

В конце XIX — в начале XX в. в Германии появился целый ряд эпигонских идеалистических философских течений, таких, как неокантианство, неогегельянство, махизм, направленных всем своим острием против диалектического и исторического материализма. Именно в это время выдвигаются лозунги: «назад к Канту», «назад к Шопенгауэру» и т. д. Течения эти были подхвачены многими теоретиками германской социал-демократии, которые оказались в плену идеалистических, реакционных представлений.

Понятно, что в таких сложных условиях марксисты, верные соратники и продолжатели дела Маркса и Энгельса, должны были сосредоточить свои силы на борьбе за чистоту марксистского учения, отстаивая его от ревизионизма — прямого результата влияния буржуазии на рабочее движение.

Одним из самых влиятельных и страстных пропагандистов и защитников марксизма в Германии был Август Бебель (1840—1913). А. Бебель был в числе основателей и виднейших деятелей германской социал-демократии и II Интернационала, одним из наиболее любимых массами вождей немецкого пролетариата.

Ленин в своей статье «Август Бебель» писал: «Август Бебель, сам рабочий, выработал себе ценой упорной борьбы социалистическое мировоззрение, отдал на служение целям социализма все свои богатые силы целиком, без остатка, шел рука об руку в течение десятилетий с растущим и развивающимся немецким пролетариатом и сделался самым даровитым парламентарием Европы, самым талантливым организатором и тактиком, самым влиятельным вождем международной, враждебной реформизму и оппортунизму, социал-демократии» [1].

Немецкие рабочие выбрали Бебеля своим депутатом в рейхстаг. Вместе с В. Либкнехтом Бебель во время франко-прусской войны отказался голосовать за военные кредиты германской армии, выступил с открытой поддержкой Парижской Коммуны, что повлекло за собой тюремное заключение.

Заслугой Бебеля является борьба, хотя и не всегда последовательная, с бернштейнианством.

Бебель был прежде всего политическим борцом, марксистом-практиком. Но он имеет большие заслуги и как теоретик марксизма, прежде всего в разработке идей научного социализма и исторического материализма. Перу Бебеля принадлежат работы «Христианство и социализм» (1874), «Шарль Фурье» (1888), «О Бернштейне» (1889). Значительным теоретическим трудом Бебеля, сыгравшим большую роль в деле популяризации марксизма, явилась его книга «Женщина и социализм», опубликованная впервые в

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 364.

1879 г. Продолжая и развивая идеи Маркса и Энгельса, Бебель освещает здесь широкий круг проблем государства, семьи, морали, формирования и развития личности. Так называемый женский вопрос рассматривается Бебелем с позиций материалистического понимания истории. Бебель раскрывает причины угнетенного положения женщины при капиталистическом строе, во всех предшествовавших социально-экономических формациях. Он показывает, что действительное освобождение женщины, полное уравнение в правах с мужчиной может быть достигнуто лишь при социализме.

В острой полемической форме Бебель разоблачает лживую христианскую мораль, проповедующую рабскую покорность женщины, буржуазную мораль, буржуазный брак с его неизбежным дополнением в виде проституции. Социализм вызовет к жизни новую семью, мораль, новые принципы воспитания личности.

Книга эта выдержала в Германии свыше 50 изданий и была переведена на все европейские языки. Она стала настольной книгой нескольких поколений рабочих, ее называли «евангелием рабочего класса». Возрождение человечества, утверждал здесь Бебель, мыслимо только путем его освобождения от всех пут экономического, политического и духовного рабства. Бебель указывал на ростки новой, нарождающейся в рабочем классе морали, составной частью которой является требование социального равенства мужчины и женщины.

В заключительной части своей книги под названием «Будущее общество» Бебель излагает основные вопросы научного социализма, рисует картину грядущей светлой жизни человечества. Не проводя различия между двумя стадиями коммунизма, Бебель, говоря о социалистическом обществе, имеет по сути дела в виду высшую фазу коммунизма. Бебель рисует социализм как такой общественный строй, при котором полностью исчезнут классовые различия и отомрет государство, когда станут ненужными и будут упразднены деньги и торговля, когда производительные силы достигнут такого высокого уровня развития, что рабочий день не должен будет превышать 3—4-х часов.

Бебель характеризует основные законы социалистического общества. Первым из них будет привлечение всех работоспособных к труду. «Как только общество окажется собственником всех средств и орудий производства, основным законом социалистического общества станет обязанность трудиться для всех работоспособных без различия пола»[1]. Бебель опровергает нелепые измышления, что социализм (коммунизм) упразднит труд. В новом обществе труд станет первейшей потребностью и наслаждением. «Труд,— пишет Бебель,— организованный на началах полной свободы и демократического равенства, когда один стоит за всех и все за одного и все проникнуто чувством полной солидарности, такой труд породит радость созидания и взаимное соревнование, чего нигде нельзя найти в современной экономической системе»[2].

[1] А. Бебель. Будущее общество. М., 1959, стр. 22.

[2] Там же, стр. 27.

Исчезнет противоположность интересов отдельной личности и общества. «Удовлетворение личного эгоизма и содействие общему благу гармонично сольются друг с другом» [1].

Характеризуя высшую фазу коммунистического общества, Бебель предвидит всемерное развитие науки, громадный рост, по сравнению с капитализмом, производительности труда. Общественная собственность на средства производства впервые даст возможность организовать общественное производство на научных началах. Бебель указывает на значение электрификации промышленности и сельского хозяйства, агрохимии, синтеза органических веществ как средств повышения производительности труда и материально-технических предпосылок для перехода к социализму.

С этих позиций Бебель доказывает полную несостоятельность и лживость мальтузианства. «Мальтус в нужный момент сказал для английской буржуазии нужное слово, а потому он, несмотря на то, что его сочинение не содержало ни единого самостоятельно продуманного положения, сделался великим и знаменитым человеком и его именем окрестили все учение» [2]. Нищета и безработица порождаются не перенаселением и не убывающим плодородием почвы, они порождаются капиталистическими общественными отношениями.

В книге Бебеля есть много интересных, глубоких мыслей о свободном, гармоничном развитии личности при социализме, о путях уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Правда, не во всем можно здесь с ним согласиться. Так, например, исторически не оправдалось предположение Бебеля о переселении при социализме городского населения в деревню.

Исходя из предположения, что социалистическая революция может победить одновременно во всех или в большинстве капиталистических стран, Бебель считал, что отмирание государства начнется сразу же после перехода к социализму. И хотя историческая практика не подтвердила это предположение, мысли Бебеля о самом процессе отмирания государства являются чрезвычайно ценными для нас. Так, говоря об общественном управлении, идущем на смену государству, Бебель характеризует его как «управление, покоящееся на самом широком демократическом основании...», так как временное замещение должностей, считает Бебель, лишит занимающих их лиц «чиновничьих качеств», качеств, связанных с продолжительным выполнением определенных функций.

Эти выводы Бебеля приобретают особое значение в наши дни, в эпоху строительства социализма и коммунизма.

* *
*

К концу XIX — началу XX в. в немецкой социал-демократии отчетливо определились три течения: правые оппортунисты, левые и центр. Центристы фактически примыкали к правым, лишь слегка

[1] А. Бебель. Будущее общество. М., 1959, стр. 29.
[2] Там же, стр. 146.

подкрашивая революционными фразами их оппортунизм. Идеологом центризма в немецкой социал-демократии и II Интернационале был Карл Каутский (1854—1938). Под влиянием Маркса и Энгельса Каутский написал несколько марксистских популяризаторских работ, таких, как «Экономическое учение Карла Маркса» (1887), «Аграрный вопрос» (1899) и др. Однако и в лучший период своей деятельности Каутский не был свободен от серьезных ошибок. Так, при составлении Эрфуртской программы он исключил из нее пункт о диктатуре пролетариата. Этому основному вопросу теории и практики марксизма он противопоставил либерально-буржуазную теорию о «чистой», «надклассовой» демократии. Каутский отрицал необходимость разрушения буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата. После Великой Октябрьской социалистической революции Каутский, окончательно сбросив с себя маску марксиста, открыто объявляет себя врагом СССР, врагом международного рабочего движения.

Наиболее революционное направление в немецкой социал-демократии представляли левые, к числу которых принадлежали Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин. Их исторической заслугой в немецком рабочем движении было основание Коммунистической партии Германии, создание революционного фундамента для марксистской партии немецкого рабочего класса. «Среди основателей и руководителей КПГ,— писал Вильгельм Пик,— были лучшие из лучших, самые талантливые борцы германского рабочего класса, в его борьбе против империализма и войны, против милитаризма и реакции: Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин»[1].

Франц Меринг (1846—1919) — один из вождей левых — был выдающимся теоретиком марксизма в Германии. Он известен как крупный историк, литературовед, специалист по военному делу и публицист. К числу наиболее значительных теоретических работ Меринга относятся: «Легенда о Лессинге» «История германской социал-демократии» в 4-х томах «История Германии с конца средних веков», «Очерки по истории войн и военного искусства», «Карл Маркс. История его жизни».

В развитии политических и философских взглядов Меринга имели место три этапа: от мелкобуржуазного радикализма и просветительства, влияния Гегеля, Лассаля и Фейербаха Меринг приходит в ряды социал-демократии, осуществляет активную защиту и пропаганду исторического материализма Маркса и Энгельса; в конце жизненного пути, за год до смерти, Меринг принимает участие в организации Коммунистической партии Германии. Этот этап характеризуется полным признанием большевистской стратегии и тактики, всемирно-исторической роли ленинизма.

После смерти Энгельса именно Меринг ведет в Германии наиболее активно борьбу за марксистское материалистическое миро-

[1] «35 лет Коммунистической партии Германии». Сборник. М., ИЛ, 1955, стр. 38.

воззрение. Основная заслуга Меринга — это обоснование, пропаганда и защита исторического материализма Маркса и Энгельса. В. И. Ленин характеризовал Меринга как человека, «не только желающего, но и умеющего быть марксистом» [1].

Из всех немецких левых Меринг в объяснении общественно-исторического процесса наиболее близко стоял к позициям Маркса и Энгельса. В условиях распространения ревизионизма он был в Германии единственным теоретиком, последовательно отстаивающим исторический материализм, выступавшим в защиту его от буржуазных социологов и ревизионистов. За это он получил прозвище «непримиримого марксиста».

Как же понимается Рингом исторический материализм? Меринг подчеркивает, что материалистическое понимание истории имеет действенный, практический характер. Оно включает в себя учение о классовой борьбе пролетариата. Заслугой Меринга является непрестанная пропаганда партийного характера исторического материализма, подчеркивание связи последнего с политическими задачами классовой борьбы пролетариата. И это было особенно важно потому, что в немецкой социал-демократии были распространены рассуждения Каутского о том, что не всякий социалист должен быть сторонником материалистического понимания истории, что марксов метод — это лишь один из возможных методов исторического исследования. Меринг и другие левые выступали против отделения политики марксизма от его философской основы, отстаивали понимание философии как идеологической формы классовой борьбы.

Наиболее значительными работами Меринга в области исторического материализма являются книга «Легенда о Лессинге» и статья «Об историческом материализме», напечатанная в качестве приложения к «Легенде о Лессинге». Работу Меринга об историческом материализме Ленин рекомендовал в числе основных работ, способствующих пониманию исторического материализма Маркса и Энгельса.

Меринг понял творческий и активно-действенный характер исторического материализма, его всемирно-историческое значение. Он критикует буржуазных социологов, стремящихся изобразить материалистическое понимание истории как шаблонное, искусственное построение, в которое втискивается разнообразная жизнь. В действительности, указывает он, дело обстоит как раз наоборот. Исторический материализм наносит смертельный удар всякому произвольному историческому построению, он устраняет всякую голую формулу, посредством которой «желают стричь под одну гребенку изменчивую жизнь всего человечества»,— писал он в работе «Об историческом материализме».

И если уж говорить о произвольности, то она характерна как раз для идеалистического понимания общественной жизни, выдающего следствие за причину. Так, именно идеализм привел к произ-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 377.

волу в философии истории Гегеля, к системе, которая «ухитрилась открыть абсолютную идею в сословной монархии, идеализм в синих мундирах гусаров, необходимое для хода исторического развития сословие в феодальных баронах, глубокий смысл в учении о наследственном грехе, историческую категорию в кронпринце и т. д.» [1].

Меринг защищал исторический материализм от нападок и искажений его буржуазной профессурой. Так, он подверг обстоятельной критике буржуазного социолога неокантианской школы Пауля Барта. Марксизм трактовался Бартом как механическая теория общественно-исторического процесса, отрицающая роль идей, значение субъективной деятельности. Сам Барт утверждал, что первенствующая роль в общественной жизни принадлежит философии, праву, политике, независимым от экономических отношений.

Возражая Барту, Меринг особенно подчеркивает, что исторический материализм вовсе не утверждает, будто человечество представляет собой безвольную игрушку, мертвый механизм. Марксизм отнюдь не отвергает силу и значение идей философии, права и т. д., не отвергает значение таких идеальных двигательных сил, как честолюбие, месть, «но только утверждает, что эти двигательные силы определяются в конечном счете другими, экономическими силами» [2]. И дале Меринг на ряде исторических примеров доказывает зависимость политики, права, философии от экономики. Всякая философия, на мнимой «независимости» и «самостоятельности» которой особенно спекулируют идеалисты, «возникает из потребностей известного народа и известного времени и имеет свои глубочайшие корни в процессе экономического производства, этого народа и этого времени; даже после своего появления на свет понятия философских систем действуют не своим собственным весом, но как орудия исторического развития, которое опять-таки определяется процессом экономического производства» [3].

Постоянно подчеркивает и обосновывает Меринг определяющую роль способа производства материальных благ в жизни всех общественно-экономических формаций. Так, полемизируя с представителями философского идеализма, он ставит цель доказать зависимость великих изобретений и открытий от потребностей общественного развития. По его мнению, нельзя отрицать великих заслуг отдельных личностей, но эти заслуги объясняются в первую очередь тем, что «они сознавали сильнее и глубже всех других представителей своего времени современные экономические потребности и средства, ведущие к их удовлетворению». Колумб открыл Америку не вследствие качеств своей натуры, а прежде всего потому, что в интересах капиталистического развития необходимо было найти кратчайший путь из Европы в Индию. Точно так же изобретение книгопечатания в конце средневековья явилось ре-

[1] Ф. Меринг. На страже марксизма. ГИЗ. 1927, стр. 35.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 146.

зультатом возросшей потребности в духовном обмене, вызванной в свою очередь ростом промышленности и торговли. Полемизируя с профессором Краусом, Меринг доказывает, что не изобретение пороха явилось причиной крушения феодализма, а само оно было вызвано экономической революцией.

Таким образом, каждое изобретение или открытие было обусловлено совершенно определенными материальными потребностями и задачами той или иной эпохи.

Следует, однако, отметить некоторую односторонность полемики Меринга с буржуазными социологами: он не учитывал обратного активного влияния надстройки на экономический базис. Ф. Энгельс, высоко оценивший работу «Об историческом материализме» в целом, отметил в качестве недостатка тенденцию выводить идеологические явления непосредственно из экономической основы. Энгельс самокритично отмечает, что повод для такой тенденции могли дать некоторые ранние работы Маркса и Энгельса, в которых они были вынуждены, в силу специфических задач политической и идейной борьбы, делать упор на объяснение происхождения идеологических явлений из условий материальной жизни общества и в которых недостаточно подчеркивалось обратное воздействие идеологической и политической надстройки на экономический базис.

Энгельс писал: «Кроме этого, упущен еще только один момент (имеется в виду работа Меринга.— *А. П.*), который, правда, и в работах Маркса, и моих, как правило, недостаточно подчеркивался, и в этом отношении вина в равной мере ложится на всех нас. А именно — главный упор мы делали, и *должны были делать,* сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» [1]. Известно, что в ряде писем 90-х годов Меринг выступает против ревизионизма Бернштейна, который, по его словам, «хочет перекрестить материалистическое понимание истории в экономическое понимание ее...» [2]. Возражая Бернштейну, Меринг доказывает, что марксизму отнюдь не свойственно отрицание роли идей, субъективного фактора в истории. Отражая процесс общественного развития, идеи приобретают огромную силу обратного воздействия на этот процесс.

Меринг неоднократно подчеркивал творческий характер исторического материализма как метода исследования, чуждого догматизму. «Исторический материализм,— писал он,— не составляет замкнутой системы, которую венчает безусловная истина. Он составляет научный метод, годный для исследования процесса развития человечества» [3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 82.

[2] Ф. Меринг. Некоторые замечания о теории и практике марксизма. Иваново-Вознесенск, 1924, стр. 14.

[3] Ф. Меринг. На страже марксизма, стр. 37.

Сам Меринг дал замечательные образцы творческого применения метода исторического материализма. В одной из его крупнейших работ «Легенда о Лессинге» был осуществлен марксистский анализ истории немецкой классической литературы XVIII—XIX вв.

К творчеству Лессинга, к оценке немецкой классической литературы Меринг подходит с позиций исторического материализма. Он ставит своей задачей показать, что о каждой исторической эпохе, о соответствующей ей идеологической надстройке следует судить не по басням и сказкам, а по ее экономике. «Только при свете научного познания,— пишет Меринг,— которое дает материалистическое понимание истории, станут понятными сильные и слабые стороны творчества Лессинга». Метод исторического материализма — «единственно научный метод». Он доказывает, что классическая литература XVIII столетия явилась продуктом начавшейся борьбы за эмансипацию немецкой буржуазии. Для Лессинга литература была трибуной борьбы за буржуазную культуру, свободу, против религиозного мракобесия.

Теоретики пруссачества пытались превратить Лессинга в идеолога просвещенного абсолютизма. Проводя резкую грань между последним и цветом немецкого классицизма, пионером которого явился Лессинг, Меринг приходит к выводу, что наследие Лессинга принадлежит не буржуазии, а пролетариату: «Сущность и цель его борьбы были отвергнуты буржуазией и восприняты пролетариатом». Буржуазия не сумела сохранить интеллектуальные связи с классическим веком немецкого Просвещения. Единственным законным наследником этого Просвещения является немецкий пролетариат. Таким образом, Меринг и здесь выступает в роли борца за литературное наследство немецкого классицизма, поднимает важнейший вопрос об идейном наследовании рабочим классом элементов буржуазной культуры. «Легенда о Лессинге» была высоко оценена Ф. Энгельсом.

Меринг считал, что именно исторический материализм является принципиально новым, революционным мировоззрением пролетариата. Но Меринг был склонен абсолютизировать исторический материализм. Он не понял того, что Маркс и Энгельс создали цельное мировоззрение, охватывающее и природу, и общество. Разделяя ошибочное мнение, господствовавшее в немецкой социал-демократии, Меринг считал, что в рассмотрении природы Маркс и Энгельс остались на позициях механического материализма. «Маркс и Энгельс,— писал он в 1910 г. в «Neue Zeit»,— всегда разделяли философские взгляды Фейербаха, поскольку они не распространяли и не углубляли их, перенося материализм в область истории. Короче и проще говоря, в области естественных наук они были такими же механическими материалистами, как в области общественных наук историческими материалистами».

Односторонне истолковывая положение Энгельса о конце всей прежней философии, Меринг считал, что создание объективно научной единой картины мира не входило в цели Маркса и Энгельса, которые раскрывали свой научный метод всегда якобы лишь на

историческом материале. В статье «Кант, Дицген, Мах и исторический материализм» Меринг писал: «Маркс и Энгельс тоже порвали со всякой философией, но перенесли исторический результат философии — идею развития — в материализм. Внесли они эту идею прежде всего не в природу, но в историю, что субъективно объяснялось тем, что оба они были не естествоиспытателями, а историками»[1]. Меринг ошибочно приписывал Марксу родство с Махом: оба они якобы отпустили на все четыре стороны всякую философию. Но в то же время следует отметить, что когда ревизионисты провозгласили поход против материализма, пытаясь «дополнить» марксизм кантианством и махизмом, Меринг энергично и последовательно боролся за естественно-научный материализм, выступал против витализма и всяческих разновидностей мистицизма в естествознании.

Большой исторической заслугой Меринга была защита им диалектики в борьбе против бернштейнианцев. Меринг подчеркивает объективный характер диалектики, в то время как Бернштейн пытался изобразить ее как произвольный способ доказательства. Меринг правильно оценил политический смысл отказа бернштейнианцев от диалектики как отказ от марксистской теории революции. Он указывал на значение диалектики для изучения истории, равно как и для практической пролетарской борьбы. «Без диалектики,— говорил он,— невозможно ни творить, ни писать историю». В своих исторических и литературоведческих трудах сам Меринг дает образцы практического применения диалектического метода.

Но Меринг не понял значения материалистической диалектики как философской науки, не понял всеобщего характера диалектических законов. В результате он абсолютизирует различие законов развития природы и общества и методов их изучения. В статье «Кант, Дицген, Мах и исторический материализм» Меринг прямо говорил о дуализме методов исследований: «...методы, которыми приходится пользоваться при изучении тех или других (наук), совершенно различны именно потому, что законы развития истории и законы развития природы совершенно различны...».

Марксизм требует изучать природу и общество в их своеобразии, запрещает переносить законы одной области в другую. Но, как указывал Энгельс, «в природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий...»[2].

Одностороннее понимание Рингом диалектики обусловило наличие некоторых элементов механицизма и в его работах по историческому материализму. В гораздо большей степени эта тенденция проявилась у других левых, особенно у Розы Люксембург. В созданной ею «теории» самотека и автоматического краха капитализма («Накопление капитала») сказалась недооценка роли

---

[1] Ф. Меринг. На страже марксизма, стр. 126.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 11.

субъективного фактора в истории, роли пролетарской партии, исторической миссии пролетариата.

Огромной исторической заслугой Меринга является критика современных ему эпигонских философских течений. Меринг, а также другие левые, в первую очередь Роза Люксембург, выступают с рядом статей против таких реакционных философов, как Ницше, Шопенгауэр, против буржуазных социологов Зомбарта, Штаммлера и некоторых других.

В ряде статей Меринг подвергает критике ницшеанство, неокантианство, махизм, неогегельянство, неовитализм. Исходный пункт этой критики — направленность современной буржуазной философии против социализма, ее враждебность рабочему классу.

В работе «Капитал и пресса», в статье «Ницше против социализма» Меринг вскрывает «крупнокапиталистическую основу» ницшеанства, разоблачает миф о ницшеанстве как антикапиталистической философии. Чрезвычайно важным явилось выступление Меринга против реакционных философских воззрений Шопенгауэра и Гартмана. Меринг раскрывает теоретическое убожество и политическую реакционность этих философских течений. Известно, что Шопенгауэр и Гартман выступали с претензией на то, что их философские взгляды являются непосредственным продолжением и развитием немецкой классической философии. Меринг убедительно показывает, что в действительности их философия является лишь худшим видом эпигонства, отразившим политический и социальный регресс буржуазии. Именно поэтому эти философы пытались возродить метафизику, выступали злейшими противниками диалектики, противниками теории развития. В борьбе с Шопенгауэром и Гартманом Меринг защищает материализм в естествознании, выступает в защиту дарвинизма против неовитализма, сторонниками которого являлись эти философы. К сожалению, критика эта осуществлялась с позиций старого, механистического материализма, и это определило ее ограниченность.

Большое историческое значение имела борьба Меринга против неокантианства. Известно, что неокантианство было в это время наиболее распространенной формой ревизии марксизма во II Интернационале и немецкой социал-демократии. Необходимость дополнить марксизм неокантианством утверждали как ревизионист Бернштейн, так и центрист Каутский. Неокантианство явилось основной формой борьбы буржуазии против пролетариата в области философии, реакцией буржуазии на усиление пролетарского движения. Критикуя неокантианство, Меринг прежде всего защищает исторический материализм. «Неокантианство — объективно и по существу,— писал Меринг в статье «Кант и Маркс»,— представляет собой лишь попытку разрушить исторический материализм».

Известно, что неокантианцы выдвинули теорию так называемого «этического социализма», суть которой сводилась к замене научного социализма кантовским категорическим императивом. Марксистской теории революции и классовой борьбы, научному пролетарскому социализму они противопоставляли некие «вечные» социали-

стические идеи, равным образом заложенные в душах всего человечества. Кант изображался при этом истинным родоначальником немецкого социализма.

Меринг в ряде статей — «Кант и Маркс», «Кант и социализм» и др. — дает глубокий историко-философский анализ этики Канта, ее исторического и социального значения. Категорический императив Канта ни на йоту не содействовал обоснованию социализма, но был лишь идеологическим выражением интересов немецкого бюргерства конца XVIII в. Он был использован сначала буржуазией в ее борьбе против феодализма, а затем либерализмом в борьбе против революционных идей. В учении Канта о человеке как средстве, а не цели общественного процесса Меринг усматривает отражение экономических требований буржуазии. Но критикуя «этический социализм», Меринг недостаточно связывает эту критику с оценкой гносеологии как Канта, так и неокантианства. Он не смог правильно разобраться в значении кантовской «вещи в себе», считая ее заимствованной из арсенала материализма, тем самым ценной для марксизма. Более того, в статье «Кант и Маркс» Меринг утверждал, что неокантианцы своим рассмотрением «вещи в себе» как икса бесконечного уравнения снимают все доводы против нее и переходят на позиции Энгельса. Не поняв диалектики абсолютного и относительного в познании, Меринг совершил грубую ошибку, сближая марксистскую теорию познания с релятивизмом неокантианцев.

Меринг выступал не только против неокантианства, но и против неогегельянства, получившего в то время распространение, которое представляло собой раздувание наиболее реакционных сторон гегелевской философии, и прежде всего гегелевского учения о государстве. Неогегельянцы требовали сильной государственной власти, способной, по их мнению, примирить классовые противоречия. Меринг вскрывает социально-политический смысл этого течения, вызванного к жизни страхом перед пролетарским движением, перед усилением классовой борьбы.

Борясь с ревизионизмом, критикуя реакционные эпигонские течения буржуазной философии, Меринг за реакционным теоретическим содержанием всегда вскрывал реакционный политический и социальный смысл. Но критика ревизионизма Мерингом не была все же достаточно глубокой. Для Меринга оставались непонятными социальные корни ревизионизма, он склонен был объяснять его появление в рядах немецкой социал-демократии чисто психологическими причинами, считая, что ревизионизм явился только результатом известной усталости и утомления, наступивших в рядах немецкого пролетариата после 12-летней борьбы под гнетом исключительного закона о социалистах.

Мерингом создано несколько работ по истории философии, прежде всего по истории материализма. В статьях, посвященных английскому материализму XVII в., Спинозе, французским материалистам XVIII в., Фейербаху и др., Меринг руководствуется марксистским положением о двух основных направлениях в фило-

софии. Однако и в этих статьях сказалось недостаточное понимание Мерингом ограниченности домарксовского материализма. Кроме того, Мерингу принадлежит ряд работ по истории марксизма, в том числе такой значительный историко-философский труд, как книга «Карл Маркс. История его жизни», изданная в 1957 г. на русском языке. Достоинством этого труда является то, что жизнь и деятельность Маркса показаны здесь в тесной связи со всеми важнейшими событиями международного рабочего движения. Меринг подробно характеризует и анализирует историческую обстановку, в которой создавались важнейшие произведения Маркса. Он показывает, что в Марксе были неразрывно слиты человек дела и человек мысли, а в марксизме осуществлено единство революционной теории и практики.

Но в то же время книга содержит ряд ошибочных положений. Прежде всего следует отметить наличие в ней неверного подхода к истории формирования взглядов Маркса. Процесс развития философских взглядов Маркса Меринг рисует в виде трехфазной схемы: от Гегеля к Фейербаху и затем к историческому материализму. Меринг правильно подчеркивает, что Маркс и Энгельс достроили материализм доверху, но ошибочно полагает, что достроен был лишь старый материализм, отрицая тем самым, что диалектический материализм явился принципиально новой философией.

В книге нашли свое отражение некоторые разделявшиеся Мерингом ошибки немецких левых, в том числе недооценка роли революционной партии, революционной теории и пр. Меринг не всегда смог правильно понять причины непримиримой борьбы Маркса с Прудоном, Лассалем, Бакуниным и другими противниками марксизма. Он преуменьшает опасность младогегельянства и истинных социалистов для немецкого рабочего движения и недооценивает такие ранние работы Маркса и Энгельса, как «Святое семейство» и «Немецкая идеология», считая чрезмерным их полемический тон.

Наиболее существенную ошибку Меринг допускает при определении значения Лассаля и в оценке борьбы Маркса и Энгельса с лассальянством. Меринг ставит Лассаля в один ряд с основоположниками научного коммунизма и считает, что в ряде положений Лассаль будто бы даже более правильно оценивал немецкую действительность. Так, он считал, что «Программа работников» Лассаля намечала более реальные шаги для немецкого рабочего движения, чем «Манифест Коммунистической партии», который исходил будто бы из слишком общих задач мирового рабочего движения. Меринг утверждал, что разногласия Маркса и Энгельса с Лассалем носили характер недоразумения, что они представляют собой некую сложную «психологическую проблему». В действительности же, конечно, борьба носила глубоко принципиальный характер. Это была борьба по коренным вопросам теории, по вопросам программы, тактики, организации рабочего движения, по вопросу о путях воссоединения Германии. Этого Меринг так и не понял.

В книге допущены некоторые ошибки при освещении роли I Интернационала и деятельности в нем Маркса и Энгельса. На-

пример, Меринг не понял значения борьбы Маркса и Энгельса против анархизма.

В последний период жизни Меринг приходит к осознанию ряда своих прежних теоретических и политических ошибок, окончательно порывает с оппортунистами II Интернационала. Меринг восторженно встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В открытом письме в «Правду» от имени коммунистической группы «Спартак» он писал в июне 1918 г.: «Мы встретили весть о победе большевиков с чувством гордости, без всякой зависти, как нашу собственную победу» [1].

В целом ряде статей и брошюр Меринг борется против злобной клеветы буржуазии и социал-шовинистов на Советскую Россию, выступает в защиту диктатуры пролетариата; так, в серии статей «Большевики и мы» Меринг критикует правых социал-демократов и центристов, защищает ленинскую тактику в вопросе о Брестском мире.

Меринг выступил с поддержкой всей системы нового Советского государства, прообразом которого была, как писал он, Парижская Коммуна. В советском строе он увидел новую, высшую форму демократии.

---

[1] «Правда», 1918, 13 июня.

ГЛАВА 12

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ ВО ФРАНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Франция — страна глубоких и давних традиций социалистической мысли. Еще в начале XVIII в. Жан Мелье, выражая в своем «Завещании» недовольство крестьянских масс игом феодально-абсолютистского режима, пришел к выводу, что первопричиной всех бедствий человечества является частная собственность. Он призывал народ к революции и к созданию общества, где бы все люди сообща владели всеми богатствами и были равны между собой. В середине XVIII в. Морелли в «Кодексе природы» выдвинул детально разработанный план организации коммунистического общества. В конце XVIII в., когда обнаружилось, что происшедшая во Франции «великая» буржуазная революция не избавила трудящихся от нищеты, угнетения и эксплуатации, Гракх Бабёф организовал заговор с целью установления коммунистического общества. В конце XVIII — начале XIX в. Сен-Симон и Фурье проницательно выявили и подвергли беспощадной критике антагонистические противоречия буржуазной цивилизации, показав, что она является противоположностью тому «царству разума», о котором в период борьбы с феодально-абсолютистским строем мечтали французские просветители XVIII в. Критика капитализма была продолжена в работах Кабе, Дезами, Консидерана и других представителей утопического социализма, получившего широчайшее распространение в стране и представленного множеством направлений и школ.

Называя в числе теоретических источников марксизма французский утопический социализм, В. И. Ленин подчеркивал как ведущее место Франции в разработке социалистической теории до Маркса, так и большое значение идей французских социалистов в процессе возникновения марксизма. Следует отметить, что Маркс, который с октября 1843 г. по январь 1845 г. жил в Париже (и был затем выслан из страны французскими властями по требованию прусского правительства), детально ознакомился здесь не только с социалистической литературой, но и с французскими социалистическими кружками и обществами, действовавшими в подполье, с виднейшими представителями социалистической мысли. В полной мере оценивая важную историческую роль французского утопического социализма, Маркс и Энгельс вместе с тем выявили и подвергли критике его ограниченность как в теоретическом, так и в практически-политическом отношении. Работы Маркса и Энгельса, опубликованные в Париже в «Немецко-французских ежегодниках» (1844), свидетельствуют об их окончательном переходе на позиции диалектического материализма и научного коммунизма. Первое произведение зрелого марксизма — «Нищета философии» К. Марк-

са,— содержащее критику мелкобуржуазного социализма Прудона, также было написано в Париже и впервые опубликовано на французском языке (1847).

Однако несмотря на то, что марксизм как философская и социально-политическая теория создавался в известном смысле на французской почве, он все же в течение длительного времени не пользовался сколько-нибудь значительным влиянием во Франции. Это объясняется прежде всего тем, что вплоть до 70-х годов XIX в. крупная промышленность развивалась в стране медленно, индустриальный пролетариат был сравнительно немногочислен, а большинство рабочих было связано с мелким производством. Это создавало благоприятную почву для сохранения влияния различных форм донаучного социализма, наполненного мелкобуржуазными иллюзиями, мешавшими развертыванию массовой революционной борьбы пролетариата против капитализма. Во Франции 1848—1871 гг. наиболее значительными течениями социализма такого рода были прудонизм, зараженный реформизмом, и бланкизм, возлагавший свои надежды на заговорщическую деятельность узкой группы революционеров. Сторонники прудонизма и бланкизма ожесточенно боролись против идей марксистского социализма.

Позиции прудонистов и бланкистов оказались серьезно подорванными лишь после Парижской Коммуны. Для передовых рабочих и симпатизировавших социализму представителей интеллигенции стало ясно, что у прудонистов и бланкистов, занимавших все ключевые посты в руководстве Коммуной, отсутствует правильная теория, они не знают, как и куда следует вести пролетариат, когда он берет власть в свои руки. Разочаровавшись в старых социалистических учениях, не выдержавших испытания в острейшей классовой битве пролетариата с буржуазией, участники французского революционного движения начали постепенно и все в большей мере переходить на позиции марксизма. «Коммуна,— отмечал Энгельс,— была могилой *старого,* специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма» [1].

Ускорившееся после франко-прусской войны 1870—1871 гг. развитие крупной промышленности и связанный с этим рост индустриального пролетариата способствовали распространению марксизма в рабочем движении Франции.

Выдающуюся роль в этом процессе сыграли прежде всего Жюль Гед (1845—1922) и Поль Лафарг (1842—1911). С юношеских лет вступившие на путь революционной борьбы, испытавшие в первый период своей деятельности сильное влияние некоторых прудонистских иллюзий, они затем пришли к марксизму — единственно правильной теории освободительной борьбы против капитализма. В течение многих лет работавшие рука об руку, Гед и Лафарг были, однако, людьми разного склада. В. И. Ленин, указывая, что среди деятелей пролетарского движения можно выделить

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 196.

агитаторов, которые главное внимание уделяют популяризации положений марксизма и превращению их в лозунги непосредственной политической борьбы рабочих, и пропагандистов, стремящихся, кроме того, к творческой разработке марксистской теории, относил Геда к числу агитаторов, а Лафарга — к числу пропагандистов.

Гед чрезвычайно много сделал для внесения марксистских идей во французское рабочее движение[1]. Он является создателем и руководителем газеты «Эгалите» (1876), которая донесла марксизм до широких масс рабочих. Гед был прекрасным организатором, сумевшим преодолеть ожесточенное сопротивление оппортунистов и добиться того, чтобы представители французских рабочих на своем съезде в Марселе (1879) приняли решение о создании самостоятельной пролетарской партии, руководствующейся марксистской программой. На съезде французской рабочей партии в Гавре (1880) эта программа[2] была принята. Французских сторонников революционного марксизма недаром называли гедистами, отдавая должное роли Геда в организации рабочего движения во Франции на основе марксистских принципов. Вместе с тем надо отметить, что после того как гедисты вошли в Объединенную социалистическую партию Франции (1905), где фактическое преобладание получило реформистское течение во главе с Жаном Жоресом (1859—1914), Гед стал переходить на центристские позиции, что повлекло за собой примиренчество в отношении к оппортунизму. В начале первой мировой войны Гед вместе с другими руководителями французских социалистов (и большинством лидеров II Интернационала) перешел на позиции национал-шовинизма. Однако предшествующая деятельность Геда, несмотря на ряд серьезных ошибок, в целом имела положительное значение для французского и международного рабочего движения. Ленин писал: «Учитесь на примере всей жизни Геда, скажем мы рабочим, *кроме* его явной измены социализму в 1914 г.»[3].

Понимая величайшее значение марксистской теории для революционного движения пролетариата и часто выступая по теоретическим проблемам, тесно связанным с этим движением, Гед, однако, был значительно слабее в теоретической области, чем в области практики. Он смотрел на марксизм как на сумму готовых, завершенных и не нуждающихся в дальнейшем развитии положений, которые остается лишь претворить в жизнь. Этот догматический подход к марксизму был особенно опасен в связи с тем, что учение Маркса и Энгельса не было усвоено Гедом во всем его объеме: из его поля зрения почти совершенно выпала душа марксизма — революционная диалектика. В результате Гед оказался неспособен

---

[1] Подробнее о Геде см.: И. Д. Белкин. Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции. Изд-во МГУ, 1952.

[2] Она была написана Марксом, Энгельсом, Гедом и Лафаргом (ее вводная часть, определяющая и обосновывающая общие задачи рабочего движения, была продиктована Марксом).

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 124.

творчески осмыслить с марксистских позиций те новые проблемы, с которыми столкнулось рабочее движение в эпоху империализма. Ленинская теория пролетарской революции, творчески развивающая марксизм, осталась непонятой Гедом.

Поль Лафарг [1], принимавший вместе с Гедом активное участие в руководстве рабочим движением во Франции, в целом был свободен от догматического подхода к марксизму и стремился к его творческому обогащению на основе анализа новых явлений общественной жизни. «Сознательные рабочие и все социал-демократы России,— говорил Ленин,— ...научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма...» [2]. Во Франции Лафарг в рассматриваемый период был наиболее крупным теоретиком марксизма, автором многих работ по вопросам политической экономии, исторического и диалектического материализма, религии, этики, эстетики, истории философии, языкознания. Но и у Лафарга встречаются неточные и просто ошибочные положения, высказанные им при попытке изложить марксизм и применить его при решении различных теоретических проблем. Все это делает чрезвычайно сложной картину распространения и развития марксистских идей во Франции на рубеже XIX—XX вв. В той борьбе, которую Гед и Лафарг, а также близкие к ним другие руководители рабочего движения вели за марксизм против его явных врагов и критиков, эти люди, считавшие себя последовательными марксистами и искренно стремившиеся быть таковыми, тем не менее не всегда и не во всем умели проводить действительно марксистскую точку зрения. Это вызывало критику со стороны Маркса, Энгельса, а позже Ленина, способствовавшую тому, что некоторые ошибки преодолевались руководителями французских социалистов. Однако немало ошибок все же осталось, и эти ошибки должны быть отмечены при изучении теоретического наследия и практической деятельности Геда и Лафарга, которые в целом сыграли крупнейшую роль в том, что наиболее передовая и сознательная часть трудящихся Франции стала под знамена марксизма.

ЗАЩИТА И ОБОСНОВАНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

К концу XIX в. разработанное марксизмом материалистическое понимание истории, которое буржуазные философы и социологи прежде пытались просто игнорировать, все в большей мере становится с их стороны объектом критики. Вместе с ними против исторического материализма выступали также оппортунисты, стоявшие на позициях идеалистического понимания истории. Борьба с различными противниками марксизма имела важнейшее значение, так как была связана с решением вопроса о том, будет ли разви-

[1] Подробнее о Лафарге см.: Х. Н. Момджян. Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954; З. М. Протасенко. Вопросы исторического материализма в трудах Поля Лафарга. Изд-во ЛГУ, 1962.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 387.

ваться рабочее движение под знаменем научного социализма или же оно будет отброшено назад и заведено в тупик всевозможными утопическими концепциями социализма. Лафарг принял самое активное участие в борьбе за материалистическое понимание истории.

Рассматривая проблему взаимодействия между человеком и средой, поставленную французскими просветителями XVIII в. и продолжавшую привлекать внимание философов и социологов на протяжении всего XIX столетия, Лафарг показывал, что правильное решение этой проблемы дается только марксизмом. Отмечая, что люди живут в двух средах — естественной и искусственной, Лафарг понимал под естественной средой природные условия жизни человека, а под искусственной средой — те условия человеческой жизни, которые возникли в результате разнообразной деятельности самих людей. Искуственная среда, писал Лафарг, «создавалась со времени наступления исторической эпохи экономическими, общественными, политическими и юридическими учреждениями, традициями, привычками, нравами и отношениями морали, здравым смыслом и общественным мнением, религией, литературой, искусствами, философией, наукой, способами производства и обмена и т. д. и людьми, жившими в ней» [1].

Что касается естественной среды, то Лафарг различал в ней внешнюю среду (географическую) и внутреннюю (биологическая природа человека). Сторонникам географического детерминизма Лафарг доказывал, что внешняя естественная среда не играет и не может играть определяющей роли в развитии человечества, поскольку на протяжении человеческой истории естественная среда изменялась главным образом под воздействием человеческой практики. В полемике с расистами, социал-дарвинистами Лафарг указывал на научную необоснованность и политическую реакционность представления о детерминирующем влиянии на общественную жизнь чисто биологических факторов, об истории как борьбе между различными человеческими расами.

На большом фактическом материале из истории общественного развития, в том числе из истории Франции, Лафарг убедительно показывал, что в сложном составе искусственной среды решающая роль принадлежит «экономической среде», под которой он понимал то, что правильнее было бы называть, как это делали классики марксизма, «общественно-экономической формацией» [2]. Так, Лафарг писал, что «с тех пор как человечество вышло из коммунистической формы, этой первой колыбели человеческого общества, человеческие общества росли в трех экономических

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III. М.—Л., Соцэкгиз, 1931, стр. 24.

[2] Многочисленные терминологические неточности, встречающиеся в работах Лафарга, разъясняющих и пропагандирующих марксизм, являются одним из серьезных его недостатков как теоретика. Он нередко прибегал к терминологии, принятой буржуазными социологами, для того, чтобы излагать важнейшие положения исторического материализма, что приводило к недопустимому смешению различных понятий и недоразумениям относительно самого содержания марксизма.

средах, характеризующихся их способами производства: в рабстве, крепостничестве, наемном труде»[1].

От неточного термина «экономическая среда», использованного Лафаргом для обозначения общественно-экономической формации, прямой путь ведет к таким терминам, как «экономический материализм» или «экономический детерминизм», которые, будучи вынесены в заглавие важнейших работ Лафарга о марксизме, могли создать совершенно ошибочное представление, будто марксисты считают только экономику активным фактором общественной жизни. Сам Лафарг в общем был далек от подобной трактовки марксизма, но терминологические неточности его работ использовались сторонниками субъективизма в социологии для того, чтобы обвинять марксистов в игнорировании ими активой роли политики, идеологии в жизни общества. В борьбе с подобными извращениями сути исторического материализма марксистам приходилось фактически дезавуировать такой термин Лафарга, как «экономический материализм». Г. В. Плеханов, например, писал, что «ни французские, ни русские ученики (К. Маркса. — *В. К.*) никогда не связывали со словами «экономический материализм» того представления, которое связывается с ним у наших народников и субъективистов»[2].

В центре внимания Лафарга при разъяснении им основ материалистического понимания истории находится вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания. Анализируя различные формы идеологии, в том числе такие далекие от материального производства, как философия и религия, Лафарг стремился выявить их зависимость от экономического базиса общества, вскрыть материальные корни даже наиболее абстрактных идей.

Особое внимание Лафарга в связи с этим привлекала история французской философской и общественно-политической мысли. Так, факт широкого распространения материализма во французской философии XVIII в. Лафарг связывал с существенными изменениями в расстановке классовых сил французского общества. Он указывал, что французская буржуазия, непрерывно укреплявшая на протяжении XVIII в. свою экономическую силу, стремилась к революционной ликвидации феодальных порядков, захвату политической власти, установлению капиталистических общественных отношений. Для организации капиталистического производства и для проведения буржуазных преобразований в социально-экономической области буржуазия была тогда кровно заинтересована в действительном познании как природы, так и общества. Вместе с тем новый класс столкнулся с католической церковью — верным стражем феодальных порядков, дававшей им идеологическое оправдание и поддерживавшей их силой своей организации. В этих условиях, справедливо подчеркивал Лафарг, мыслители,

---

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 433.

[2] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 244.

которые выражали интересы революционной буржуазии, с необходимостью должны были стать борцами с клерикализмом, атеистами и материалистами.

С позиций материалистического понимания истории Лафарг объяснял и тот крутой поворот к идеализму и религии, который осуществила французская буржуазная философия в конце XVIII в. Лафарг обращал внимание на то, что пришедшая к политической власти буржуазия стала видеть своих наиболее опасных противников в неимущих массах, которые никоим образом не были удовлетворены результатами революции. Теперь буржуазия стала нуждаться в мировоззрении, которое бы мистифицировало реальные отношения, скрывало эксплуататорскую сущность нового строя за иллюзиями о естественности капиталистических порядков, их соответствии требованиям человеческой природы и божественным заповедям, о неизбежности страданий для человека и необходимости для него покорности. «В начале XIX века,— писал Лафарг,— наша буржуазия, покончив дело революционного разрушения, принялась отрицать свою вольтерианскую философию; в моду опять вошел католицизм, который Шатобриан размалевывал (peinturlurait) романтическими красками, и Себастиан Мерсье импортировал идеализм Канта, чтобы добить материализм энциклопедистов...» [1]. Это объяснение Лафарга цитируется В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» при освещении вопроса о том, с каких позиций материалисты критикуют кантианскую философию.

Не меньший интерес представляет анализ Лафаргом судеб идеи прогресса в буржуазной социологии. Указывая на то, что французские просветители XVIII в. выдвинули и обосновали положение о прогрессивном развитии общества, соответствующее умонастроению революционной буржуазии, готовившейся к штурму феодализма и уверенной в своей победе, Лафарг писал, что идеи прогресса и эволюции имели также «необычайный успех в первые годы XIX столетия, когда буржуазия была еще опьянена своей политической победой и баснословным ростом своих экономических богатств. Философы, историки, моралисты, политики, романисты и поэты приправляли свои произведения и речи соусом прогрессивного прогресса, над которым один только или почти один только Фурье посмеивался. Но уже в середине века им пришлось умерить свой пламенный энтузиазм. Появление пролетариата на политической арене в Англии и во Франции породило у буржуазии беспокойство насчет вечности ее социального господства. Прогрессивный прогресс потерял свои чары. Идеи прогресса и эволюции совсем исчезли бы в конце концов из буржуазной фразеологии, если бы ученые, которые с конца XVIII в. ухватились за пущенную тогда в ход в общественных кругах идею эволюции, не воспользовались ею для объяснения образования миров и строения растений и животных; они создали ей такую научную ценность и такую

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 211.

популярность, что уже невозможно было ее утаить»[1]. Основные моменты этого объяснения Лафаргом отказа буржуазных идеологов от понятия общественного прогресса впоследствии неоднократно воспроизводились марксистами разных стран. Они сохраняют полную актуальность и при критике современной буржуазной социологии, продолжающей в еще более широком масштабе дискредитировать учение о развитии общества по восходящей линии.

ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Во Франции, как и в других странах, утверждение марксизма как теории освободительного движения пролетариата происходило в острой борьбе с различными формами домарксовского социализма, отмеченными печатью утопичности. Марксисты ясно видели, что утопический социализм своей критикой отношений, основанных на частной собственности, и пропагандой идеала нового общества, которое должно иметь своей экономической основой общественную собственность, сыграл большую прогрессивную роль. Однако утопические социалисты были не в состоянии указать реальных путей борьбы за ликвидацию эксплуатации человека человеком и установление социалистического строя. В эпоху, когда основоположники марксизма придали социализму научный характер, всевозможные разновидности утопического социализма приобретали реакционное значение, становились тормозом на пути развертывания революционного движения пролетариата. Во Франции, где традиции утопического социализма были необычайно сильны и под его влиянием даже в начале XX в. находились многие представители рабочего движения, что вело к его расколу, задача критики теоретических основ социальных утопий и материалистического обоснования идеала социализма была особенно актуальной и в то же время трудной.

При этом нужно учитывать, что ревизионизм, начавший распространяться с конца 90-х годов, означал отказ от принципов научного социализма и возвращение к несостоятельным положениям утопического социализма. Подобно сторонникам последнего, ревизионисты, игнорируя объективные причины возникновения социалистического идеала, стремились представить его прежде всего как результат выражения идей справедливости, добра, равенства, рассматриваемых абстрактно и внеисторически. Теоретической основой подобных представлений служило идеалистическое понимание истории: общественное развитие изображалось происходящим под определяющим влиянием моральных идей. Во французском рабочем движении было немало сторонников подобной «этической» трактовки социализма, в особенности среди «независимых социалистов», к которым принадлежали такие крупные деятели, как Ж. Жорес, Ш. Раппопорт и др. В этом отношении пока-

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 12.

зательна, например, публичная лекция Жореса (1894), где он проводил тезис о том, что историю человечества можно лучше понять с точки зрения определяющей роли этического идеала, чем с точки зрения «экономического материализма», под которым он имел в виду марксизм. Это утверждение Жореса подверглось убедительной критике в ответном публичном выступлении Лафарга, доказывавшего, что нравственные идеи имеют вторичный характер по отношению к общественному бытию и потому не могут быть ни автономными, ни главным фактором общественного развития.

В том же плане Лафарг развернул, хотя и с некоторым запозданием, критику теоретических основ ревизионизма Бернштейна. Считая, что бернштейновское извращение сути социализма базируется на заимствованном у Канта идеалистическом понимании нравственности, Лафарг задумал ряд работ, в которых стремился провести и обосновать научное понимание нравственности с позиций марксизма. Сообщая об этих своих замыслах Плеханову, Лафарг писал: «Вы увидите, что все философы, которые думают, что нужно оставить Маркса и вернуться к Канту, будут хранить молчание» [1]. Реализацией этого замысла Лафарга являются такие его работы, написанные в конце XIX — начале XX в., как «Происхождение абстрактных идей», «Происхождение идей справедливости и несправедливости», «Происхождение идеи добра», «Материализм Маркса и идеализм Канта».

Руководствуясь материалистическим сенсуализмом, Лафарг доказывает, что «понятия прогресса, справедливости, свободы, отечества и т. д., как и аксиомы математики, не существуют сами по себе и вне опыта. Они не предшествуют опыту, а следуют за ним» [2]. Эта общематериалистическая точка зрения на происхождение абстрактных идей, противостоящая кантовскому априоризму, дополняется у Лафарга марксистским положением о том, что моральные идеи, как и все другие идеи, определяются в конечном счете общественным бытием. Лафарг подчеркивал, что перечисленные выше понятия «не порождают исторических событий, а являются следствиями социальных явлений, которые, развиваясь, создают их, преобразуют и уничтожают. Они становятся движущими силами только потому, что они вытекают непосредственно из социальной среды» [3]. Вместе с тем Лафарг подчеркивает, что в обществе, разделенном на враждебные классы, нравственные идеи имеют классовый характер, что опровергает как кантианскую концепцию нравственности, так и понимание морали утопическими социалистами. «Господствующий класс,— писал Лафарг,— всегда считает справедливым то, что полезно для его экономических и политических интересов, и несправедливым то, что для них вредно. Справедливость, как он ее понимает, реализуется, когда его классовые интересы удовлетворяются. Интересы буржуазии определя-

[1] Г. В. Плеханов. Литературное наследство. Сб. V, стр. 280.
[2] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 9.
[3] Там же, стр. 9—10.

ют собою, таким образом, буржуазную справедливость, подобно тому как интересы аристократии определяли бы собою феодальную справедливость» [1].

Следует подчеркнуть, что признание социально-классовой обусловленности нравственных идей не означало у Лафарга оправдания этического релятивизма, ставящего на одну доску все моральные принципы, провозглашающего их равноценными на том основании, что все они выражают какую-то социальную реальность. В той характеристике понимания справедливости господствующими классами эксплуататорских обществ, которую дает Лафарг, ясно видно его отрицательное отношение к морали этих классов: «Справедливость, которая, по словам философов, творила чудеса в прошлом, которая господствует в буржуазном обществе и которая ведет человека к мирному и счастливому будущему, есть, наоборот, плодовитая мать социальных несправедливостей. Справедливость дала право рабовладельцу владеть человеком, словно скотом. Справедливость дает право капиталисту эксплуатировать детей, женщин, мужчин пролетариата хуже, чем вьючных животных... Справедливость позволяет капиталисту присваивать себе прибавочную стоимость, создаваемую наемным трудом, и оставляет его совесть в покое, когда он оплачивает нищенской платой труд, который его обогащает» [2].

Подобной «справедливости» эксплуататоров, оборачивающейся величайшей несправедливостью по отношению к эксплуатируемым массам, Лафарг противопоставляет более высокий нравственный идеал, который вырабатывается у трудящихся, считающих справедливым, чтобы все люди трудились и чтобы плодами труда пользовались те, кто их создает. «Социалист,— писал Лафарг,— понимает под справедливостью возврат наемным производителям уворованных у них богатств» [3].

В противоречии с тем, что Лафарг вполне обоснованно характеризует социалистический идеал не только как соответствующий потребностям социально-экономического развития, но и как в высшей степени справедливый, несравненно более высокий в моральном отношении, чем социальные идеалы эксплуататорских классов, находятся такие высказывания Лафарга, в которых утверждается, что в целом категории справедливости и несправедливости, как и другие этические категории, существуют и имеют смысл только в обществе, разделенном на антагонистические классы. Ошибочно связывая понятие справедливости исключительно с провозглашением неприкосновенности частной собственности, находящейся в руках более или менее значительного эксплуататорского меньшинства, т. е. крайне суживая сферу применения этого понятия, Лафарг утверждал, что понятия справедливости не было в условиях первобытнообщинного строя и не будет в коммунистическом обществе. Первая часть утверждения прямо противоречит тем фак-

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 12.
[2] Там же, стр. 13.
[3] Там же, стр. 28.

там, которые говорят, что жизнь первобытнообщинного строя регулировалась целым рядом строго выполнявшихся моральных предписаний, что в нем безоговорочно осуждались, т. е. считались несправедливыми, эгоизм, лень, трусость, ложь и т. д. Вторая часть утверждения Лафарга опровергается фактами социалистического и коммунистического строительства, свидетельствующими о возрастании значения нравственных принципов нового типа в жизни общества по мере его продвижения к коммунизму. Конкретным выражением этого является моральный кодекс строителя коммунистического общества, сформулированный в Программе КПСС. Отмечая ошибочность некоторых рассуждений Лафарга о морали, нужно подчеркнуть, что не они определяли сущность его работ по вопросам нравственности, которые в целом представляют собой значительный вклад в ее осмысление с марксистских позиций.

Марксистское понимание происхождения и содержания этических идей имело самое непосредственное значение для правильного определения путей практической деятельности французских социалистов. Составители программы французской рабочей партии подчеркивали, что в противовес «этическому социализму» она строится исходя из научного исследования тенденций общественного развития, в первую очередь развития экономики. Гед писал, что «коллективизм» [1], господствующий в рабочей партии, не покоится ни на одном из априорных представлений о справедливости, свободе, равенстве или братстве... Он уже не ссылается на «великодушные чувства» или на «стремление к благосостоянию, которые были во все времена, но никогда не достигали цели, потому что не желания человека правят миром, но мир своими последовательными неизбежными преобразованиями создает наши чувства, наши желания, то, что называют еще нашим идеалом. Коллективизм опирается исключительно на экономическую эволюцию обществ, являясь только ее новой фазой, неизбежным и грядущим окончанием. Словом, мы утверждаем, что условия современного производства, как земледельческие, так и промышленные, все более и более образуют и вызывают новую коллективистическую или коммунистическую форму владения землей и ее естественными и общественными богатствами» [2].

Опираясь на работы Маркса и Энгельса, Гед обращал внимание на целый ряд моментов развития экономики, которые создают объективную необходимость перехода от капитализма к социализму. Во-первых, Гед указывал, что на смену прежним орудиям труда, использовавшимся одним-единственным работником, приходят и получают все большее распространение новые сложные орудия, которые для своего использования требуют применения общественного труда. Этот вид труда характерен для современного машин-

[1] Гед употреблял термин «коллективизм» для обозначения теории научного социализма, чтобы подчеркнуть ее принципиальное отличие от утопических концепций, выступавших под именем социалистических и даже коммунистических.

[2] Ж. Гед. Коллективизм. Ростов-на-Дону, 1905, стр. 3—4.

ного производства, возможного лишь при координированном и одновременном участии в нем многих рабочих. Далее Гед подчеркивал, что укрупнение масштабов производства привело к тому, что представители буржуазии перестали принимать в нем непосредственное участие и выполнять полезные функции. В самом материальном производстве эти функции выполняются наемными рабочими, а в управлении производством — наемными служащими. «Возможность обобществления собственности,— писал Гед,— вытекает из того факта, что в противоположность частной собственности прежних времен, составлявшей одно с владельцем, получавшей свою ценность благодаря его личному труду, современная капиталистическая собственность не только не сливается с собственником, но совершенно отделена от него и ценность свою получает благодаря несобственникам, трудом которых она исключительно создается» [1].

Важное значение Гед придавал и тому факту, что развитие крупного капиталистического производства влечет за собой разорение все большего числа самостоятельных мелких собственников, которые в прежних столкновениях между пролетариатом и буржуазией поддерживали последнюю в решающие моменты борьбы. Выражая общую тенденцию капиталистического развития, разорение мелких собственников ведет к увеличению численности пролетариата и растущей изоляции буржуазии, что создает благоприятные условия для победы пролетариата в революционной борьбе.

Наконец, Гед обращал внимание на периодически повторяющиеся экономические кризисы как свидетельство неизлечимого порока капиталистической системы, когда производство наталкивается на ограничения своего развития и общество не может потребить произведенные продукты, хотя народные массы ощущают в них острую нужду. Все это, вместе взятое, Гед считал убедительным свидетельством объективной необходимости ликвидации капитализма и установления социалистических общественных отношений.

Социально-экономическое обоснование «коллективизма» сочеталось у французских марксистов с критикой тех противников коммунистического общества, которые утверждали, будто бы определенное сходство типа организации развитого коммунистического общества с первобытнообщинным строем означает возврат к первобытному состоянию. Цитируя опубликованное в одной из буржуазных газет заявление, что «принять коллективизм значило бы обратиться вспять, ибо он процветал еще в самую раннюю пору челове-

---

[1] Ж. Гед. Коллективизм, стр. 8—9.

Лафарг в обоснование этого вывода приводил следующее рассуждение: функционирование железных дорог, осуществляемое наемными рабочими и служащими, будет продолжаться и в том случае, если все держатели соответствующих акций внезапно исчезнут, например, утонут в Средиземном море. Это значит, что буржуазия превратилась в паразитический класс, вытесняемый из общественного производства объективным ходом вещей. Положение современной ему буржуазии Лафарг сравнивал с положением французского дворянства накануне буржуазной революции 1789 г., уничтожившей его как класс.

ческого общества, это значило бы подражать самым отсталым народностям...», Лафарг возражал против этого в статье «Эволюция-революция». Опираясь на закон отрицания отрицания, Лафарг с позиций материалистической диалектики показал полную необоснованность представления о коммунизме как простом воспроизведении того, что имело место на заре существования человеческого общества. Вскрывая метафизичность подобного представления, опирающегося на некритически принятую предпосылку о линейном характере прогресса, Лафарг писал: «Человечество двигается не по прямой линии, как полагал Сен-Симон, а описывает спираль, подобно небесным телам вокруг их центра притяжения или листьям вокруг их стебля. В известные периоды движения человечество достигает соответствующих пунктов, в которых вновь появляются прежние формы, считавшиеся навеки умершими, но они появляются глубоко измененными непрерывным следованием экономических явлений, имевших место в промежутке» [1].

АНАЛИЗ НОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА

Автор большого числа экономических работ, Лафарг не только излагал в них экономическое учение Маркса и полемизировал с его буржуазными критиками, но стремился также применить марксистскую методологию для анализа новых экономических явлений, наблюдавшихся как во Франции, так и в других странах. В статье «Американские тресты, их экономическое, социальное и политическое значение» (1903) Лафарг одним из первых марксистов обратил внимание на переход капитализма в монополистическую стадию. Подчеркивая важность исследования монополистического капитала, Лафарг писал, что «американские тресты представляют собой новое историческое явление, влияние которого на капиталистический мир столь могущественно, что все экономические, политические и научные явления, имевшие место за последние сорок лет, отступают на второй план» [2].

Лафарг знал, что к этой проблеме было привлечено широкое внимание буржуазных экономистов и социологов. Ему были известны концепции, согласно которым монополии якобы устраняют анархию капиталистического производства, делают его плановым, позволяют избежать экономических кризисов, в целом «оздоравливают» капиталистическое общество, делают невозможной и ненужной социалистическую революцию. Свое исследование об американских трестах Лафарг строит в полемике с этими буржуазными концепциями. Факт создания монополистических объединений, их роста и распространения интересовал Лафарга прежде всего с точки зрения последствий этого процесса для революционного движения.

Первой существенной чертой «системы трестов» Лафарг считал колоссальный прогресс в концентрации средств производства, озна-

[1] Поль Лафарг. Соч., т. I, стр. 279.
[2] Поль Лафарг. Соч., т. II, стр. 209.

чающий, по его мнению, продолжение действия и усиление тенденции к общественному характеру производства, которая указывает на объективную необходимость установления общественной собственности на средства производства. Он обратил внимание и на то, что параллельно концентрации производства быстрыми темпами происходит концентрация капиталов: «...поражают воображение эти миллионы и миллиарды, которыми они вооружены: одно это чудовищное сосредоточение капиталов в грандиозных, невиданных до сих пор, размерах представляет явление, уже само по себе характеризующее особую стадию капиталистической эволюции...» [1]. Подчеркивая, что крупное производство требует значительных капиталовложений, Лафарг указывал на тесное переплетение банковского капитала с промышленным, говорил, что «союз между банками и промышленностью вызывается экономическим развитием» [2].

Третьей существенной чертой «системы трестов» Лафарг считал смену свободной конкуренции союзами крупнейших капиталистов, стремящихся диктовать свою волю обществу. Иногда у Лафарга встречаются высказывания, будто бы тресты вообще уничтожают конкуренцию между капиталистами и анархию производства, но это не более как досадные неточности (столь обычные в его работах). По ходу дела они исправляются самим Лафаргом, общий вывод которого гласит, что тресты не устраняют конкуренции в целом, но придают ей новую, еще более острую форму, когда конкурирующими сторонами оказываются гигантские монополистические объединения. В тесной связи с этим находится критика Лафаргом надежд сторонников капитализма на способность монополий устранить экономические кризисы. Это невозможно, так как и в условиях широкого распространения трестов причина, порождающая кризисы, «остается в силе и не исчезает до тех пор, пока целью производства будет прибыль. Над трестами тяготеют те же фатальные силы, которые гнетут и самостоятельные предприятия. Они вынуждены производить товары, не считаясь с переполнением рынка... Все преимущества системы трестов, обеспечивающие ее превосходство над самостоятельной промышленностью, увеличивают производительную силу предприятий и тем самым становятся причиною кризисов» [3]. По мнению Лафарга, «система трестов», будучи не в силах предотвратить экономический кризис «своей научно поставленной организацией промышленности и банковых учреждений... немало посодействует его расширению и остроте» [4]. Этот вывод полностью подтвердился в ходе дальнейшей истории капиталистического общества.

Критикуя буржуазных идеологов, которые в создании акционерных предприятий, характерных для «системы трестов», усматривали некую «демократизацию капитала», Лафарг показал, что «демократизация собственности», восхваляемая апологетами моно-

[1] Поль Лафарг. Соч., т. II, стр. 209.
[2] Там же, стр. 267.
[3] Там же, стр. 267—268.
[4] Там же.

полистического капитала, «сводится к ограблению мелких вкладчиков крупными капиталистами» [1].

Лафарг предвидел, что могущественные капиталистические монополии попытаются совершенно удушить рабочее движение и будут добиваться запрещения стачек и других форм борьбы пролетариата законодательным путем. Он правильно отмечал, что «централизация, вызванная системою трестов, усиливает тяготеющее над рабочим классом иго капиталистического господства» [2]. Отсюда Лафарг делал вывод, что рабочий класс не должен ждать улучшения своего положения от милостей трестов и что революционная борьба пролетариата продолжает оставаться единственным путем его избавления от капиталистического гнета. Показывая несостоятельность расчетов буржуазных идеологов на то, что развитие монополий в корне подорвет социалистическое движение, Лафарг заявлял: «В изучении системы трестов социалист черпает новую веру в свой идеал. С еще большей убежденностью он может утверждать, что идеал этот будет осуществлен в близком будущем, что ни молитвы попов, ни фальсификации экономистов, ни обманы и репрессии со стороны политической власти не задержат ни на одну минуту наступления социального кризиса, который даст возможность эксплуатируемым одним натиском свергнуть капиталистическую олигархию. Система трестов работает над подготовкой людей и событий к этой катастрофе» [3].

Исследуя тресты США, Лафарг указал на связь между развитием монополистического капитала и усилением агрессивности во внешней политике ведущих капиталистических держав. «Небывалое развитие производительных сил за последние десять лет существования трестов,— писал Лафарг,— побудило Американскую республику заменить свою традиционную политику империализмом, дающим возможность захватывать силою оружия рынки для трестированной американской промышленности» [4]. При этом важно отметить, что в отличие от Каутского и ряда других теоретиков II Интернационала Лафарг понимал, что империализм как политика захватов является не просто результатом авантюризма отдельных групп буржуазных политиков, а вызван глубокими экономическими причинами и потому не может рассматриваться как нечто случайное, преходящее. Правда, Лафарг серьезно заблуждался, полагая, что в новую историческую эпоху войны между крупнейшими капиталистическими державами практически маловероятны. Ему казалось, что страх буржуазии перед вооружением рабочих и крестьян в составе массовых армий, а также ее нежелание посылать на смерть своих собственных сыновей окажутся сильнее агрессивной сущности экономического капитализма. Уже первая мировая война показала иллюзорность этих надежд.

---

[1] Поль Лафарг. Соч., т. II, стр. 270.
[2] Там же, стр. 283.
[3] Там же, стр. 279.
[4] Там же, стр. 268.

Выявив ряд существенных моментов, характеризующих монополистическую стадию развития капитализма, Лафарг, однако, не смог создать всесторонне разработанной и целостной теории империализма. Обращая основное внимание на количественную сторону процесса, на рост и углубление противоречий капитализма, Лафарг не заметил значительного видоизменения самого характера этих противоречий, делающего необходимым по-новому поставить вопрос о пролетарской революции в эпоху империализма. Задача создания целостной марксистской теории империализма и тесно связанной с ней новой теории социалистической революции, соответствующей эпохе империализма, была решена несколькими годами позже В. И. Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Развивая марксистскую теорию, Ленин опирался на ту работу по изучению капиталистических монополий, которая была проделана ранее марксистами разных стран, в том числе на исследования Лафарга, учитывая содержащиеся в них научно-значимые выводы.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Обосновывая в новой исторической обстановке принципиальное положение марксизма о том, что обостряющееся противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения неизбежно должно привести к гибели капиталистического строя, Гед, Лафарг и их сторонники были уверены в скорой и победоносной социалистической революции.

С марксистских позиций подошли Гед и Лафарг к определению движущих сил социалистической революции. Впервые в истории французской общественной мысли они четко поставили вопрос о том, что главной силой социалистических преобразований и руководителем социалистической революции может быть только пролетариат. Развитие экономики, писал Лафарг, «породило в буржуазном обществе новый революционный класс, пролетариат промышленный и сельскохозяйственный, лишенный всякой собственности, но придавленный всякими бедствиями. И этот класс должен под страхом смерти насильственно разрушить общественную оболочку, в которой он развился,— общество, в котором орудие труда находится во владении индивидуального или вошедшего в компанию с другими капиталистами»[1].

Вместе с тем Гед и Лафарг, в отличие от большинства теоретиков II Интернационала, игнорировавших указания Маркса и Энгельса о возможности и необходимости союза рабочего класса и крестьянства в социалистической революции, уделяли большое внимание вопросу об участии крестьянства в борьбе против капитализма. Во Франции этот вопрос был особенно острым, поскольку крестьянство составляло значительное большинство населения страны

[1] Поль Лафарг Соч., т. I, стр. 280.

и во время предшествующих революционных выступлений пролетариата в 1848 и 1871 гг. было союзником буржуазии. Гедисты, руководствуясь марксистским учением о перспективах общественного развития, сумели понять, что такое положение не может продолжаться постоянно и что глубокие интересы крестьянства требуют от него поддержки революционной борьбы пролетариата. Рабочая партия стремилась развернуть свою работу не только в городе, но и в деревне. Особенно активное участие в ней принимал Лафарг, по праву считавшийся во Франции крупнейшим знатоком аграрного вопроса. Он выступал докладчиком по этому вопросу на конгрессах рабочей партии в 1892 и 1894 гг., им была написана аграрная программа французских социалистов, ориентировавшая пролетарскую партию на союз с крестьянством в борьбе против капитализма. Правда, в этой программе содержались некоторые ошибочные положения, критиковавшиеся Энгельсом. Не учитывая факта глубокого расслоения во французской деревне, Лафарг полагал, что союзником пролетариата в социалистической революции будет все крестьянство в целом.

Разрабатывая учение о социалистической революции, французские марксисты подчеркивали необходимость слома буржуазной государственной машины. «Государство,— писал Лафарг,— есть машина, искусно построенная для того, чтобы служить интересам капиталистов и подавлять и порабощать рабочие массы. Революционная власть, которая временно заменит его, должна будет дезорганизовать буржуазную машину, всецело опираясь на социалистически организованную пролетарскую массу, и заложить первые основы нового строя»[1]. В получившей широкую известность статье «На другой день после революции» (1887) Лафарг указывал, что перед победившим пролетариатом встанут три главные задачи: организация революционной власти и принятие мер для ее защиты, немедленное удовлетворение народных нужд, ниспровержение капиталистического строя и возведение основ социализма[2].

В полемике с анархистами Лафарг обосновывал марксистское положение о том, что в ходе социалистической революции необходимо не только сломать государственную машину эксплуататорского класса, но и создать новую, революционную власть, которая должна быть диктатурой пролетариата. Именно диктатура пролетариата, указывал Лафарг, обеспечит слом буржуазной государственной машины, уничтожая прежнее чиновничество, армию, полицию, реакционные политические партии, контрреволюционную прессу. Полностью парализовав политическую активность буржуазии, которая будет лишена избирательного права, диктатура пролетариата приведет к ликвидации буржуазии как класса и установлению социалистического строя.

Диктатура пролетариата будет существовать до тех пор, пока в обществе не будут уничтожены классовые антагонизмы, после чего

---

[1] Поль Лафарг. Соч., т. I, стр. 197.
[2] См. там же, стр. 329.

государство, в том числе в своей пролетарской форме, отомрет[1]. В статье «Рабочая партия и капиталистическое государство» он писал: «До тех пор, пока будет продолжаться капиталистическая эксплуатация, т. е. до тех пор, пока орудия труда не станут общественной собственностью всей нации, государство, каково бы ни было его название, будет существовать. В капиталистический период это будет господство буржуазии, в революционный период — диктатура пролетариата. Только когда орудия труда будут национализированы и все буржуа по доброй воле или силой будут включены в ряды пролетариата, только тогда будет уничтожено классовое господство и диктатура пролетариата превратится в мирное управление «процессами» производства»[2].

В работах французских марксистов нет детальной характеристики будущего коммунистического общества, они считали, что сама жизнь подскажет конкретные формы его организации, а в период, когда происходит подготовка сил для социалистической революции, достаточно указать на главные черты этого общества: коллективная собственность на орудия и средства производства, ликвидация эксплуатации человека человеком, труд как право и обязанность каждого, быстрое и планомерное развитие общественного производства, обеспечивающее удовлетворение потребностей трудящихся, всесторонний расцвет человеческой личности. У Лафарга имеются интересные соображения относительно изменения характера труда при коммунизме. Он указывал, что широкое применение в производстве машин, облегчающих человеческий труд, приведет к тому, что человек из придатка машины, каковым он является при капитализме, превратится в ее подлинного властелина. Происходящий в этих условиях значительный рост продукции общественного производства и повышение производительности труда позволят, по мнению Лафарга, сократить рабочий день до 3—4-х часов. Справедливо считая сокращение рабочего дня необходимой предпосылкой всестороннего и гармоничного развития личности, он, однако, ошибочно связывал этот процесс лишь со сферой развлечений (отсюда его тезис, что пролетариат должен бороться за «право на день»). Вне поля зрения Лафарга остался творческий труд, который, как это неопровержимо показывает практика социалистического строительства, является основным путем развития личности.

Определяя с марксистских позиций такие важнейшие стратегические задачи рабочего движения, как проведение социалистической революции, слом старой государственной машины, установление диктатуры пролетариата, построение коммунистического общества, Гед и Лафарг оказались значительно слабее в понимании тактических задач повседневной борьбы пролетариата. Поскольку стратегия политической борьбы, как и всякой иной борьбы, неразрывно связана с тактикой, постольку ошибки в тактической обла-

[1] Этой правильной позиции Лафарга противоречат отдельные его высказывания о том, что государство начнет отмирать немедленно после социалистической революции.

[2] Поль Лафарг. Соч., т. I, стр. 296.

сти крайне отрицательно сказывались и на борьбе французского пролетариата за свои конечные цели.

Прежде всего гедисты не понимали диалектического единства таких форм классовой борьбы пролетариата, как политическая и экономическая. Справедливо критикуя за оппортунизм программу поссибилистов[1], утверждавших, что задачи рабочего класса должны ограничиваться борьбой за экономические уступки со стороны буржуазии, и доказывая, что, как бы ни велики были эти уступки, рабочий класс при их помощи не может освободиться от капиталистической эксплуатации, гедисты выводили отсюда ложное заключение, будто экономическая борьба рабочих не представляет существенного интереса для партии, поставившей своей целью проведение социалистической революции. Поэтому гедисты отказывались от руководства деятельностью профсоюзов со стороны партии. Это отдавало профсоюзы (синдикаты) во власть оппортунистов и лишало партию достаточно широкой массовой опоры в рабочем классе.

Крупные ошибки обнаружились у гедистов и в понимании характера политической борьбы пролетариата в период, предшествующий социалистической революции. Разоблачая иллюзии о внеклассовом характере демократии, парламентаризма в капиталистическом обществе, вскрывая их буржуазную ограниченность, гедисты не поняли, что в условиях капитализма для пролетариата жизненно важно бороться за сохранение и расширение даже такой ограниченной демократии, поскольку она в значительно большей мере, чем какая-либо другая государственная форма, позволяет рабочему классу провести необходимую подготовку к социалистической революции. Следует учесть, что в конце 80 — начале 90-х годов XIX в. реакционные силы французского общества пытались ликвидировать буржуазную демократию. Наиболее острые моменты этого периода — буланжистский кризис, связанный с попыткой генерала Буланже установить во Франции монархический режим, и дело Дрейфуса, связанное с судебным произволом и разжиганием шовинистических настроений. В обоих случаях гедисты заняли позицию невмешательства, руководствуясь, например, во время наиболее ожесточенных атак буланжистов на республику ошибочным тактическим принципом: «Между чумой и холерой не выбирают». Жорес был прав, критикуя подобную тактику. Сам он в обоих случаях отдавал все силы борьбе на стороне республиканцев и демократов. Для Жореса было ясно, что участие социалистов в общедемократическом движении способствует росту их авторитета, укрепляет доверие к ним самых широких масс общества. Между тем тактические установки гедистов вели к изоляции авангарда пролетариата. Неумение и нежелание связать борьбу за социализм с борьбой за демократию приводило к сектантству, не позволяло

[1] Поссибилисты, возглавляемые Бруссом и Малоном, представляли влиятельную группу во французском рабочем движении; свое название группа получила в результате выдвинутого ею принципа: бороться лишь за «возможные» (possibles) требования.

организовать и подготовить под руководством пролетариата массовое антикапиталистическое движение, способное уничтожить эксплуататорский строй.

Отказ гедистов от руководства экономической борьбой пролетариата, их нежелание участвовать в политических битвах в поддержку свобод, существующих в условиях буржуазной демократии, приводило к тому, что подготовка французского пролетариата к социалистической революции сводилась ими к агитации и пропаганде необходимости этой революции, т. е., в сущности, к теоретической деятельности, оторванной от решения насущных практических задач. Такое тепличное воспитание партии, противоречащее марксистскому принципу единства теории и практики, привело к тому, что гедисты оказались совершенно неподготовленными к решающим классовым битвам, поставленным в порядок дня начавшейся в 1914 г. первой мировой войной. Отвергая революционную установку о превращении войны империалистической в войну гражданскую, гедисты встали на позиции национал-шовинизма и изменили делу социализма.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Гед и Лафарг понимали, что диалектический материализм является философской основой марксизма и представляет собой крупнейшее достижение в развитии мировой философской мысли. Однако по вопросам диалектического материализма Гед вовсе не выступал, а Лафарг ограничился освещением некоторых проблем теории познания. В целом же французские теоретики марксизма в рассматриваемый период не раскрыли богатейшего содержания диалектического материализма. Частично это можно объяснить тем, что Гед и Лафарг, как руководители партии, занимались преимущественно проблемами исторического материализма, но большую роль сыграла свойственная им недооценка или даже непонимание методологической роли материалистической диалектики при решении не только теоретических, но и самых что ни на есть практических вопросов.

В своих работах по теории познания Лафарг исходил из того, что чувственная и рациональная ступень познания существует в неразрывном единстве. В игнорировании этого факта он видел источник многих ошибочных утверждений, выдвинутых философами-идеалистами: «...понятия чистого разума, казавшиеся Платону неопровержимо правильными, как отражения чувственных восприятий, необходимо должны быть ошибочными, раз чувства сообщают мозгу лишь неточные сведения. Чистый разум, которому Кант приписывает полную достоверность, оказывается столь недостоверным, что его заключения необходимо контролировать опытом — единственным источником познания» [1].

---

[1] Поль Лафарг. Проблема познания. Приложение к книге Лафарга «Экономический детерминизм Карла Маркса». М., 1923, стр. 315.

При критике кантовского агностицизма Лафарг, следуя за Энгельсом, подчеркивал важнейшее гносеологическое значение практики. «Чтобы познать объект,— писал Лафарг,— человек должен сначала проверить, не обманывают ли его его чувства... Химики пошли дальше, проникли внутрь тел, анализировали их, разложили на их элементы, потом произвели обратную процедуру, т. е. синтез, составили тела из их элементов: с того момента, как человек оказывается в состоянии из этих элементов производить вещи для своего употребления, он может,— как говорит Энгельс,— считать, что знает *вещи в себе*. Бог христиан, если бы он существовал и если бы он создал мир, не сделал бы ничего бóльшего» [1]. Цитируя эти слова Лафарга в «Материализме и эмпириокритицизме», Ленин замечает: «Мы позволили себе привести эту длинную выписку, чтобы показать, как понял Энгельса Лафарг, и как он критиковал Канта слева не за те стороны кантианства, которыми оно отличается от юмизма, а за те, которые общи и Канту и Юму, не за допущение вещи в себе, а за недостаточно материалистичный взгляд на нее» [2].

Одним из самых сильных аргументов против агностицизма Лафарг считал указание на то, что в ходе исследования природы человек обращается к помощи все новых и новых приборов и инструментов, позволяющих проникать в те области реальности, которые прежде были недоступны для чувственного восприятия, обеспечивая в то же время возрастающую точность и тонкость исследования. Так, применение термометра позволило точно измерить степень нагревания исследуемых тел, а применение весов — их вес. По мнению Лафарга, когда материя «ощущает» самое себя при помощи созданных человеком приборов, тогда налицо совершенно объективное познание, и для агностицизма, спекулирующего на факте расхождения субъективных восприятий одного и того же явления различными людьми, не остается никакой почвы.

В этих рассуждениях Лафарга содержится большая доля истины, однако нельзя согласиться с его утверждением о том, что применение научной аппаратуры принципиально меняет характер человеческого познания. Вопреки мнению Лафарга, чувственная ступень познания при этом не устраняется, поскольку показания приборов воспринимаются чувствами человека. Но дело не только в этом. Нужно учитывать, что научные приборы находятся в сложном отношении с изучаемыми при их помощи объектами; сам факт взаимодействия прибора и объекта, в особенности при исследовании микромира, становится предметом изучения, необходимого для правильной характеристики того, что имеет место в объекте. Таким образом, наряду с тем, что применение научной аппаратуры гигантски расширяет возможности человеческого познания, оно приводит и к возникновению новых трудных проблем теоретико-познавательного порядка. Лафарг был неправ, считая, что вооружение

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 212—213.
[2] Там же, стр. 213.

человека приборами и инструментами исследования автоматически обеспечивает объективность выводов. В действительности и в этих условиях критерием истины является практика, понимаемая не в узком смысле естественнонаучного эксперимента, а как всемирно-историческая практика.

Критикуя агностицизм, Лафарг придавал важное значение выявлению его социальных корней, его идеологической роли в обществе, разделенном на враждебные классы. Лафарг указывал, что история философии свидетельствует о том, что агностицизм принимается на вооружение идеологами тех классов, которые стремятся скрыть тот факт, что они эксплуатируют и угнетают народные массы, и которые в то же время не хотят признать выводов науки, гласящих, что объективный ход социально-экономического развития ведет к уничтожению эксплуатации человека человеком и созданию бесклассового общества. Именно этим объясняется, согласно Лафаргу, возрастающее число приверженцев агностицизма среди современных буржуазных философов. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» считает нужным привести соответствующее высказывание Лафарга, популярно разъясняющее, кому выгоден агностицизм: «Рабочий, который ест колбасу и который получает 5 франков в день, знает очень хорошо, что хозяин его обкрадывает и что он питается свиным мясом; что хозяин — вор и что колбаса приятна на вкус и питательна для тела.— Ничего подобного,— говорит буржуазный софист, все равно, зовут ли его Пирроном, Юмом или Кантом,— мнение рабочего на этот счет есть его личное, т. е. субъективное, мнение; он мог бы с таким же правом думать, что хозяин — его благодетель и что колбаса состоит из рубленой кожи, ибо он не может знать *вещи в себе...*»[1].

АТЕИЗМ

Атеизм и антиклерикализм были характерны для всех теоретиков гедистского направления. Они нашли наиболее яркое выражение в творчестве Лафарга, материалистические убеждения которого органически сочетались с воинствующим атеизмом. Автор многочисленных антирелигиозных памфлетов, Лафарг на новой философской и социальной основе продолжил традиции борьбы великих французских просветителей XVIII в. с религией и церковью. Он рассматривал эту борьбу как важную составную часть деятельности социалистов.

Вскрывая идеалистическую сущность религиозных представлений о бессмертной душе, потустороннем мире, боге, Лафарг стремился показать, на какой реальной основе возникает и какими земными причинами вызывается свойственная им мистификация действительности. Эволюции религиозных верований, по мнению Лафарга, определяются не только их внутренней логикой, но в конечном счете изменениями, происходящими в социально-экономи-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 212.

ческой жизни людей, в формах собственности, семьи, государства. Применение марксистской методологии позволило Лафаргу понять религию как исторически неизбежную форму общественного сознания, преодолеть представления просветителей о религии лишь как о продукте невежества и страха.

С целью установления общих черт и взаимного влияния религий прошлого и настоящего Лафарг обратился к сравнительному изучению мифологии различных народов. Этим проблемам посвящены «Миф о Прометее», «Миф об Адаме и Еве», «Миф о непорочном зачатии» и др. Опираясь на достижения исторической критики Библии в XIX в. и продолжая традиции просветительской критики, Лафарг показывал, что претензии христианской религии на абсолютную оригинальность ее догматов необоснованы и что в ней имеется немало элементов, заимствованных из древнеегипетской, вавилонской, финикийской, греческой религии, а также из античной философии. Это подрывало миф о том, что христианская религия является, по мнению ее последователей, результатом божественного откровения и что к ней следует подходить с совсем другими критериями оценки, чем к так называемым «языческим религиям».

Основное направление критики Лафаргом религии — это доказательство ее прислужничества эксплуататорам. Свой вывод о том, что «религия — одна из главных интеллектуальных сил, сгибающих под ярмо угнетенный класс» [1], Лафарг делает прежде всего на основе изучения объективной роли, которую играла религия в истории общества, на основе анализа практических действий всевозможных церквей, дел и поступков служителей культа. В подтверждение своего вывода Лафарг умело использует циничные признания некоторых церковников, а также заявления руководящих деятелей буржуазного государства, вполне сознательно отводивших религии и церкви важнейшее место в системе тех сил, которые являются основой и защитой существующего эксплуататорского строя. Так, известный французский реакционный деятель Тьер, выступая в комиссии по организации начального образования сразу после подавления восстания парижского пролетариата в 1848 г., говорил: «Я хочу усилить влияние духовенства, так как рассчитываю, что оно будет распространять ту здравую философию, которая учит человека, что он создан, чтобы страдать, а не ту, которая, наоборот, говорит человеку: наслаждайся» [2]. В свете подобных весьма откровенных высказываний, принадлежащих реальным историческим лицам, вполне оправданным выглядит прием литературно-социальной сатиры, которым широко пользуется Лафарг в своих едких антирелигиозных памфлетах («Энциклика святейшей якобинской церкви», «Пий IX в раю», «Религия капитала» и др.), чьи персонажи, являясь служителями церкви, откровенно говорят об освящении ею своим авторитетом отношений эксплуатации и угнетения в обществе.

---

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 434.
[2] Там же, стр. 325.

Пародируя известные христианские молитвы, Лафарг показывает, как они должны были бы звучать, если бы произносящие их буржуа откровенно говорили о своих действительных мыслях. В этом случае христианское исповедание веры выглядело бы так: «Верую в Капитал, вседержителя материи и духа. Верую в барыш, всезаконнейшего сына его, и в кредит, духа святого, который от него родился и которому совместно с ним поклоняются. Верую в золото и в серебро... Верую в частную собственность, продукт чужого труда, и незыблемость ее во веки веков. Верую в необходимость нищеты, поставщицы наемных рабочих и матери сверхурочного труда. Верую в вечное существование наемного труда, снимающего с рабочего заботу о собственности. Верую в удлинение рабочего дня, в сокращение заработной платы, а также в фальсификацию продуктов. Верую в священный догмат: *дешево покупать, дорого продавать*, и точно так же верую в вечные принципы нашей святой церкви, официальной политической экономии» [1].

Интересные соображения высказывает Лафарг относительно причин живучести религиозных верований даже среди самых просвещенных буржуа. По его мнению, это объясняется не только тем, что сохранение религии как узды для народа соответствует их классовым интересам, но и тем, что объективные условия существования буржуа заставляют их самих искренне верить в некоего бога. «Весь процесс современного экономического развития,— писал Лафарг,— все более и более превращает капиталистическое общество в колоссальный международный игорный дом, где буржуа выигрывают и проигрывают капиталы благодаря каким-то событиям, которых они не знают, которые недоступны ни предвидению, ни учету и которые им представляются случаем, удачей. *Непознаваемое* царит в буржуазном обществе, как в игорном доме» [2]. Все это, заключает Лафарг, порождает у буржуа столь же мистическое отношение к действительности, как и у дикаря, которому были неизвестны законы действия природных сил, и приводит «к признанию существования высших существ, воздействующих по своему произволу на ход социальных явлений, дабы они были благоприятны или неблагоприятны, как говорят Феогнид и книги Ветхого завета. И именно для того, чтобы снискать их милость, буржуа прибегает к суевернейшим обрядам, вступает в сношения с загробными духами, жжет свечи перед святыми иконами и молится триединому богу христиан или единому богу философов» [3].

Учитывая консервативную и прямо реакционную роль религии в обществе, Лафарг считал воспитание пролетариата и всех трудящихся в духе атеизма важной частью сложного процесса подготовки социалистической революции. Он с удовлетворением констатировал факт значительного падения влияния церкви среди рабочих в течение XIX в. Правда, предложенное Лафаргом объяснение этого факта является упрощенным и в некоторых пунктах прямо

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 382.
[2] Там же, стр. 170.
[3] Там же, стр. 173.

неверным. Не являются убедительными утверждения Лафарга об органической иррелигиозности рабочих и о том, что она есть прямой результат того, что рабочий ежедневно имеет дело с рационально устроенными машинами и механизмами, осознает проявляющуюся в их функционировании естественную связь причин и следствий, перенося затем это понимание на мир в целом и также не усматривая в нем ничего сверхъестественного. Если следовать логике этого рассуждения Лафарга, то инженер-буржуа, конструирующий машины, или образованный предприниматель, использующий их на своем предприятии, должны обладать не меньшей «естественной» иррелигиозностью, чем рабочие, обслуживающие эти машины. Однако этот вывод находился бы в противоречии с утверждениями и фактами, в изобилии приводящимися в работах самого Лафарга. И если он совершенно правильно объясняет религиозность буржуазии в первую очередь социальными причинами, среди которых не последнее место принадлежит кризисам, которые «ставят перепуганного буржуа лицом к лицу со столь мощными, недоступными никакому контролю силами, что они несут с собой такие же ужасающие бедствия, как гнев христианского бога»[1], то следует заметить, что эти кризисы с еще большей силой бьют по рабочим, обрекая их на безработицу, нищету, голод и тем самым создавая объективную предпосылку для веры в «гнев христианского бога».

Ошибка Лафарга в данном случае заключается в том, что он оставил без внимания важный вопрос как о социальных корнях религиозных верований в среде пролетариата, так и о социальных корнях отхода пролетариев от религии. Лафарг не понял, что этот отход объясняется главным образом тем, что в процессе борьбы против буржуазного общества пролетарии освобождаются от того сознания кажущейся беспомощности перед угнетающими их социальными силами, которое, несмотря на сколь угодно ясное и рациональное понимание функционирования той или иной машины, порождает веру во всемогущего, грозного и непонятного бога, которого можно умилостивить лишь молитвами.

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

При выяснении происхождения этических категорий, критике религиозно-мифологических представлений Лафарг постоянно обращался к анализу языка. Будучи глубоким знатоком современного ему языкознания, он и в эту область стремился внести марксистские принципы исследования. Исходным пунктом научного подхода к пониманию языка Лафарг считал диалектико-материалистическое положение Маркса о единстве языка и мышления. Он писал, что язык — это «самый важный, если не первый способ проявления чувств и представлений»[2]. С другой стороны, «самый абст-

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 172.
[2] Там же, стр. 46.

рактный ум не может думать, не пользуясь словами, не разговаривая с самим собой, мысленно, если не словесно...» [1].

Отвергая теологические концепции происхождения языка и утверждения языковедов-идеалистов о языке как продукте свободного творчества одного или нескольких людей, независимом от общественного бытия, Лафарг доказывал, что язык представляет собой социальное явление, возникающее как средство общения людей, обусловленное потребностями материального производства. Лафарг называет язык «самым непосредственным и характерным продуктом человеческого общества» [2].

Борясь с метафизическими теориями в языкознании, Лафарг подчеркивал, что язык, как всякое явление, находится в процессе изменения и развития. «Подобно живому организму,— писал он,— язык рождается, растет и умирает; в продолжение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, усваивая и отбрасывая слова, речевые комплексы и грамматические формы» [3]. Для понимания закономерностей развития языка, по мнению Лафарга, чрезвычайно важно учитывать детерминирующее влияние социально-экономических факторов. Язык, тесно связанный с процессом производства и со всей жизнью общества, очень быстро реагирует на все изменения в общественном бытии, что приводит прежде всего к появлению в языке новых слов и выражений. При этом чем интенсивнее процесс общественного развития, тем быстрее и глубже изменяется язык данного общества. Напротив, в тех обществах, где жизнь носит застойный характер, язык изменяется очень медленно. Таким образом, в истории языка своеобразно отражается история общества. Эти выводы Лафарг подкрепляет примерами конкретного анализа ряда слов и выражений. Так, рассматривая греческое слово «номос», он пишет, что оно «имело целый ряд различных значений, которые на первый взгляд, казалось бы, ничем не связаны между собой; оно употреблялось вначале как «пастбище», затем — как «место стоянки», «местожительство», «раздел» и под конец обозначало «привычка», «обычай», «закон». Различные значения слова νομός указывают этапы, пройденные народом, который из пастушеского становится оседлым, занимается земледелием и приходит к созиданию законов, т. е. к закреплению привычек и обычаев» [4]. Процессы быстрого и глубокого изменения языка Лафарг обозначает термином «революция». Это дало основание последователям академика Н. Я. Марра ссылаться на работы Лафарга для обоснования созданной ими теории развития языка как процесса ряда революционных взрывов, в ходе которых старый язык быстро уничтожается и на его месте возникает совершенно новый язык. Однако подобные ссылки на Лафарга являются результатом недоразумения, поскольку он вкладывал в понятие языковой револю-

[1] Поль Лафарг, стр. 46.
[2] Поль Лафарг. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1936, стр. 54.
[3] Там же, стр. 53.
[4] Там же, стр. 53—54.

ции иной смысл, чем Марр. Как видно из работ Лафарга, для него языковая революция — это не взрыв, ведущий к радикальному уничтожению старого языка, а лишь быстрое изменение словарного запаса языка, при котором сохраняется его основной словарный фонд и грамматический строй. Так трактовал Лафарг языковую революцию, происшедшую в XVIII в. во Франции, причем эта революция рассматривалась им как самая глубокая и значительная из всех имевших место в языке.

Не менее неосновательны были попытки сторонников Марра приписать Лафаргу отрицание существования общенационального языка. Хотя Лафарг употребляет термины «аристократический язык», «дворянский язык», «буржуазный язык», он рассматривает их не как совершенно самостоятельные языки (и потому используемая им терминология неточна), а по сути дела как диалекты или жаргоны, существующие на основе общенародного языка и в его рамках.

Наряду с трудами Маркса и Энгельса, заложившими основы марксистского понимания языка, работы Лафарга являются ценным вкладом в языкознание.

БОРЬБА ЗА РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Почетное место в творческом наследии Лафарга занимают работы о французской литературе. Интерес партийного борца к искусству был глубоко закономерен. Как марксист он видел в искусстве форму общественного сознания, отражающую действительность, прежде всего социальную. Полемизируя с Виктором Гюго, Лафарг писал: «Художественное произведение столь же мало является «чудом особого рода... проявлением божьей благодати», сколь моховая роза или теленок о двух головах. Писатель спаян со своей социальной средой; при всем своем желании он не может не претерпевать на себе, хотя и бессознательно и невольно, её влияния» [1]. Считая, что из всех видов искусства художественная литература способна наиболее глубоко и адекватно отразить существенные стороны жизни людей, Лафарг подчеркивал важность марксистского исследования художественных произведений с целью лучшего понимания как современной эпохи, так и прошлого. «Под таким углом зрения,— писал Лафарг,— литературная критика,— перестав быть бесплодным риторическим упражнением, в котором взвешиваются хвала и хула, выдаются награды за композицию и превозносится красота в себе, это сияние истины,— превращается в материалистическое изучение исторических фактов. В мертвых страницах исследователь ищет не красоты стиля, а душевные переживания людей, которые их писали и читали» [2].

С этих позиций Лафарг подходил к осмыслению современного ему литературного процесса, давая характеристику социального содержания и социальной роли романтизма, формализма, натурализ-

[1] Поль Лафарг. Соч., т. III, стр. 286.
[2] Там же, стр. 259.

ма, реализма. Не все оценки Лафарга можно признать правильными. Он серьезно ошибался в трактовке романтизма, связывая его лишь с консервативными социальными тенденциями, которые проявились у буржуазии после ее прихода к власти. Если это может быть верным в отношении реакционного романтизма, то совершенно неприменимо к революционному романтизму. Факта существования последнего Лафарг вообще не заметил. С этим связана крайне несправедливая оценка Лафаргом социального содержания творчества великого французского писателя-романтика Виктора Гюго, которого он характеризовал как буржуа, приобретателя, погруженного в своекорыстные интересы, лицемерно сочувствующего угнетенным, но в действительности защищающего находящихся у власти угнетателей. Буржуазные иллюзии Гюго заслонили в глазах Лафарга тот факт, что в произведениях этого писателя ярко отразились революционно-демократические идеи, имевшие большое прогрессивное значение в общественной борьбе.

Значительно правильнее и тоньше Лафарг подошел к оценке творчества Золя и особенно Бальзака, которого ставил выше всех французских писателей XIX в. Понимая, что по своему мировоззрению эти писатели весьма далеки от социализма, Лафарг сумел выявить в их художественных произведениях то, что полезно и поучительно знать пролетарским революционерам. Лафарг осознал, что большой художник, правдиво отражающий жизнь, преодолевает ограниченность своего мировоззрения, и его творчество объективно просвещает народные массы, помогает им в борьбе против капитализма.

Резкой, но справедливой критике за бессодержательность подверг Лафарг формалистическое искусство. «Новые поэты и романисты,— писал Лафарг,— обращают больше внимания на слова, чем на вещи, которые этими словами обозначены, и вечно охотятся за новыми стилистическими оборотами. Они мало заботятся о том, чтобы правильно увидеть и правильно изобразить виденное, а больше о том, чтобы выкрутить новый неслыханный оборот или положить «пикантный блик». Для них слова сами по себе обладают собственной внутренней ценностью, не имеющей ничего общего с идеями, которые эти слова должны выражать. Соответственно этому представлению их очень мало трогает, являются ли слова выразителями правильной или ложной идеи или вообще лишены всякого смысла, лишь бы их расстановка во фразе и сочетания были новыми, неожиданными и ошеломляющими» [1]. О поэтах и писателях-формалистах Лафарг говорил, что «все искусство этих мастеров заключается в манерном, вымученном и мучительном для читателя языке» [2]. Критика Лафаргом формалистического искусства находится у истоков борьбы марксистов против модернизма, получившего широчайшее распространение в буржуазном искусстве XX в., и она сохраняет свою актуальность и по сей день.

---

[1] Поль Лафарг. Литературно-критические статьи, стр. 201.
[2] Там же, стр. 200.

Лафарг критиковал методологические установки натуралистов, призывавших к фотографически точному копированию в искусстве окружающей действительности и вместе с тем отвергавших критически осмысленный подход художника к изображаемому. Лафарг проницательно увидел глубокое внутреннее родство таких, на первый взгляд, диаметрально противоположных течений в искусстве, как натурализм и формализм, назвав первый «охвостьем формализма». Их родство он видел в общем для них отказе от мысли, от идеи в искусстве. Лафарг указывал, что натуралистическое копирование поверхностных, несущественных черт жизни ведет к искаженному представлению о ней, в результате чего произведения натуралистов оказываются не менее далекими от действительности, чем произведения формалистов.

Правдивое отражение действительности в искусстве не мыслится Лафаргом без глубокого проникновения художника в смысл изображаемого. Силу Бальзака он видел в том, что он постоянно «философствует», т. е. стремится осмыслить жизнь. «Нефилософствующий писатель,— заявлял Лафарг,— только ремесленник»[1]. Поскольку, указывал Лафарг, отношения и характеры людей находятся под определяющим воздействием социальной среды, истинный художник должен отразить эту зависимость в своем произведении. Подходя с этой точки зрения к творчеству Бальзака, Лафарг отмечал, что его «мастерские и глубокие описания ведут к более ясному пониманию характеров и действий, которые он изображает. Благодаря тому, что его герои и героини живут в тех или иных условиях, у них должны развиваться определенные страсти и они вынуждены действовать соответственным образом»[2]. Так обосновывается Лафаргом принцип реалистического искусства, убежденным сторонником которого он выступает во всех своих литературно-критических работах.

Большой интерес представляет попытка Лафарга определить специфические черты, какими должно обладать реалистическое искусство современной ему эпохи. Он считал, что начиная со второй половины XIX в. писатель-реалист не может пройти мимо того факта, что доминирующее положение в экономике заняли крупные капиталистические предприятия, оказывающие свое влияние на самые различные области человеческой жизни. Лафарг высоко оценивал роман Золя «Деньги» за показ в художественной форме роли биржи как одного из «гигантских экономических механизмов» современности. Приветствуя это реалистическое произведение о буржуа, Лафарг мечтал о появлении такой литературы, которая правдиво отразила бы также труд рабочих на капиталистических предприятиях, в художественной форме показала бы царящие там эксплуатацию и угнетение, вызывая протест против них, поднимая рабочих на борьбу с капитализмом. Это мечта о пролетарском искусстве, главным героем которого дол-

[1] Поль Лафарг. Литературно-критические статьи, стр. 237.
[2] Там же, стр. 208—209.

жен стать эксплуатируемый, но не сломленный, протестующий и борющийся против капитализма рабочий класс. Лафарг, правда, сомневался, может ли возникнуть такое искусство в условиях капиталистического общества. Дело в том, что, по его мнению, творцами нового искусства могут быть только сами пролетарии, а они представлялись Лафаргу неспособными — при капитализме — выдвинуть из своей среды талантливого художника, будучи настолько придавлены тяжким трудом, что это совершенно лишает их способности эстетического восприятия действительности. С этим нельзя согласиться как потому, что Лафарг не обращает внимания на роль интеллигенции, переходящей на позиции пролетариата, в создании пролетарского искусства, социалистического по своему содержанию, так и потому, что Лафарг не учитывает, что, вступая в борьбу с капитализмом, пролетарии еще до совершения победоносной социалистической революции начинают освобождаться от духовного порабощения со стороны буржуазии и становятся способными создавать великие культурные ценности, в том числе в области литературы и искусства. В те годы, когда Лафарг мечтал о появлении пролетарского искусства и сомневался в возможности скорого осуществления этой мечты, в России начинал свой нелегкий, но славный путь великий пролетарский писатель Максим Горький, и вслед за ним выросла целая плеяда пролетарских писателей. Аналогичный процесс происходил и в других странах. Пролетарская литература формировалась значительно раньше, чем это мог предвидеть Лафарг, и она сыграла крупную роль в идеологической подготовке рабочего класса к социалистической революции, выполнив ту задачу, на актуальность которой указывал Лафарг.

* *
*

При всей громадной исторической значимости теоретической и практической деятельности Геда и Лафарга как руководителей французского рабочего движения ими, в сущности, были сделаны лишь первые шаги, к тому же сопровождавшиеся рядом ошибок, на трудном пути распространения и развития идей марксизма во Франции. Перед Французской коммунистической партией с самого момента ее возникновения (1920) со всей остротой встала задача очищения марксизма от оппортунистических и сектантских извращений, творческого усвоения и развития марксистско-ленинской философии во всем ее объеме и глубине.

ГЛАВА 13

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В БОЛГАРИИ

После освобождения Болгарии от пятивекового турецкого ига (1878) страна вступает на путь капиталистического развития. Это был период первоначального накопления капитала, массового разорения крестьян, ремесленников. Значительный толчок развитие промышленности получило в результате объединения Южной и Северной Болгарии (1885). Количество вновь открываемых фабрик росло из года в год. С 1885 по 1890 г. было построено 33 новых предприятия. А за период с 1893 по 1901 г. возникло уже 69 новых промышленных предприятий, покровительствуемых государством.

Капитализм проникал и в сельское хозяйство. Помещичье землевладение в Болгарии было в основном ликвидировано в результате русско-турецкой войны (1877—1878). Усилился процесс расслоения деревни. В 1897 г. 45% всех крестьянских хозяйств владели 7% всей обрабатываемой земли, 42% всех крестьянских хозяйств владели 42% земли и 13% хозяйств владели 51% всей обрабатываемой земли [1]. Крестьянство расслаивалось на три основные группы: малочисленная сельская буржуазия — кулаки, средние крестьяне и значительная группа малоимущих и неимущих крестьян [2].

В связи с развитием капитализма рос и рабочий класс. По статистическим данным 1892 г., в Болгарии было 275 тыс. рабочих, занятых на фабриках, в индустриальных мастерских и в сельском хозяйстве. Положение рабочего класса было тяжелым. Рабочие подвергались беспощадной эксплуатации. Рабочий день достигал 14—18 часов. Штрафы на предприятиях были обыкновенным явлением. Рабочее законодательство отсутствовало. Царил полнейший произвол хозяев. Рабочие жили в грязных бараках. Основатель болгарской партии социалистов-тесняков Д. Благоев писал о положении рабочего класса Болгарии: «Только тот, кто заглядывал на постоялый двор наших больших городов и видел грязные дыры, в которых живут рабочие, только тот, кто хотя бы однажды побывал на наших текстильных и табачных фабриках и других предприятиях, только он может себе представить, насколько гнусна у нас эксплуатация труда... и в каком бесправном, беззащитном положении находится рабочий класс Болгарии» [3].

К концу XIX столетия в стране обострились классовые противоречия и классовая борьба: за период 1891—1900 гг. было более 60 стачек. Стачечники требовали повышения заработной платы,

[1] См.: «История на България». Том втори. БАН, 1962, стр. 21—31, 81—94.
[2] См.: Г. Димитров. Съч., т. 1, стр. 294; В. Коларов. Избрани произведения, т. II, стр. 120.
[3] Д. Благоев. Избрани произведения, т. I. С., 1950—1951, стр. 292—293.

улучшения жилищных условий, сокращения рабочего дня. Борьба шла и по линии создания профсоюзных организаций и просветительных учреждений для рабочих. За период 1894—1900 гг. были созданы 74 профсоюзных организации, 3 читальни, 10 рабочих клубов [1].

После освобождения от турецкого ига в Болгарии начала оживляться культурная жизнь. Быстро росло количество школ, читален, библиотек.

Значительное развитие получают наука и научные учреждения. Естествознание, подъему которого способствовал рост промышленности, развивается под сильным влиянием передовой русской, мировой науки и философской мысли. Посредством сочинений К. А. Тимирязева, Д. И. Писарева, М. А. Антоновича и других передовые люди Болгарии знакомятся с учением Ч. Дарвина. В конце 90-х годов в Болгарию проникает учение физиолога И. М. Сеченова. В области развития болгарской медицины работают крупные болгарские врачи — воспитанники русской медицинской школы Д. Молов, О. Ораховац, Т. Золотович и др.

Литературная жизнь Болгарии этого периода была сосредоточена в двух центрах — Пловдиве, где работали Иван Вазов, К. Величков, Э. Стоянов, и Софии, где работали П. Р. Славейков, М. Дринов и др. Болгарская литература в основном развивается по пути критического реализма. Основными мотивами произведений были: национально-освободительная борьба народа против турецких поработителей и героические подвиги борцов за свободу; братское единение с русским народом-освободителем; критика хищнической морали буржуазии и др.

В начале XX столетия многие из болгарских деятелей культуры и науки получают образование в Западной Европе (Германии, Франции, Австро-Венгрии). Это способствовало проникновению в Болгарию различных течений реакционной, упаднической субъективно-идеалистической философии — неокантианства, берклианства и т. п., которые находят благоприятную почву в среде идеологов буржуазии. Наиболее видными представителями буржуазной философской мысли были И. Гюзелев, К. Крыстев, Н. Алексиев, Д. Михалчев.

После освобождения Болгарии от турецкого рабства в среде мелкобуржуазной интеллигенции развивается много различных течений. Среди них особенно сильно народничество, возникшее под влиянием русских народников. Во главе народников-сиромахольцев стоял Спиро Гулбачев. Своим названием сиромахольцы хотели показать, что они выступают защитниками бедняков («сиромах» — бедняк). На деле сиромахольство представляло смесь нигилизма с народничеством. В начале XX в. организация распалась. Одни из ее членов превратились в буржуазных демократов, другие присоединились к социалистическому движению.

---

[1] См.: Д. Коджейков. Революционто профсоюзно движение в България. С., 1957, стр. 33.

* *
*

В этой обстановке развертывал свою деятельность организатор марксистской партии рабочего класса Болгарии, виднейший философ-марксист Дмитрий Николаевич Благоев (1856—1924). Он родился в семье бедняка. Начальное образование Благоев получил в родном селе Загоричане, где его первым учителем был Г. Константинов, сторонник национально-освободительного движения, пробудивший у юноши не только любознательность, но и любовь к своему народу и ненависть к угнетателям.

В 1875 г. Д. Благоев выехал в г. Габрово (Болгария), где поступил в IV класс гимназии. Во время русско-турецкой войны участвовал в обороне Старой Загоры. В 1878 г. Благоев принял решение уехать в Россию для продолжения образования. То, что Благоев уехал в Россию, не было случайностью. Влияние русской культуры на болгар было исключительно велико. Этому способствовала историческая и языковая общность славянских народов. Г. Димитров писал по этому поводу: «Два исторических факта глубоко связали болгарский народ с великим русским народом. Во-первых, свое национальное освобождение Болгария получила из рук русского народа. Этот факт укрепил в среде болгарского народа глубокие традиции признательности и любви к русскому народу. Во-вторых, болгарский и русский народ связаны общностью судеб славянских народов в борьбе против тевтонского стремления к поглощению славян. Кровное славянское родство, близость языка, общность письменности и культуры, общность интересов в борьбе против немецкой опасности создали, таким образом основу нерушимой связи между болгарами и русскими» [1].

Летом 1878 г. Благоев приезжает в Одессу и поступает в духовную семинарию. Не удовлетворенный богословскими науками, он переходит в реальное училище. Осенью 1880 г. Благоев переезжает в Петербург и становится студентом физико-математического, а потом юридического факультета Петербургского университета.

Д. Благоев искал ответы на вопросы жизни, он стремился к знаниям, к революционной деятельности. Это неутомимое стремление привело болгарского юношу в один из кружков самообразования, в котором он знакомится со студентами университета В. Г. Харитоновым и В. Е. Благославовым, будущими членами группы социал-демократов.

Д. Благоев изучает I том «Капитала» Маркса, под влиянием которого у него постепенно складывается научное мировоззрение. Он приходит к убеждению, что построение социализма будет осуществлено не крестьянами, как учили народники, а рабочим классом, и что надо вести пропаганду идей марксизма среди рабочего класса [2].

---

[1] «Правда», 1943, 16 сентября.

[2] См.: Д. Благоев. Кратки бележки из моя живот, 1926, стр. 34.

По инициативе Благоева в декабре 1883 г. в Петербурге была создана «Партия русских социал-демократов» («Группа Благоева»). Благоевцы имели определенные успехи в пропагандистской работе. Постепенно у них созрела мысль об издании своего печатного органа. В январе 1885 г. под руководством Благоева выходит первый номер газеты «Рабочий», которую высоко оценивал В. И. Ленин. В. И. Ленин писал: «За 12 лет, с 1883 по 1895 г., едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России было издание в Петербурге в 1885 году с.-д. газеты «Рабочий», конечно, без цензуры, но этой газеты вышло только 2 номера. Отсутствие массового рабочего движения не давало возможности широко развиться рабочей печати»[1]. За Д. Благоевым, который был на подозрении у царской полиции, установили слежку. В конце февраля 1885 г. его арестовали, а в марте выслали из России на родину.

По возвращении в Болгарию Д. Благоев сразу же приступил к активной революционной пропагандистской деятельности. Вместе с Викторией Живковой (Велой Благоевой) он издает журнал «Современный показатель». Всего вышло три номера. Хотя журнал не полностью стоял на марксистских позициях, он положил начало идейной и организационной подготовки будущей социал-демократической партии в Болгарии.

Д. Благоев оставил огромное литературное наследство. Им написаны десятки книг, брошюр, сотни статей. Достаточно сказать, что только в журнале «Новое время», редактором которого был Благоев, он опубликовал свыше 600 статей. Но дело не только в количестве статей, но и в их глубоком идейном содержании. Литературное наследство Благоева отличается научно-теоретической глубиной и эрудицией, воинственным, боевым характером. «Богатое научно-литературное наследство, как и вся жизнь Д. Благоева,— писал Г. Димитров,— является неисчерпаемым источником для воспитания партийных кадров, членов партии и всех истинных болгарских патриотов в настоящую эпоху Отечественного фронта, которое определяет будущее нашей Родины»[2].

В своих литературных трудах Благоев опирался на произведения Маркса и Энгельса. Благоеву были известны почти все философские работы Г. В. Плеханова, многие из которых он перевел на болгарский язык. Он знал также многие произведения В. И. Ленина. Влияние В. И. Ленина на Д. Благоева стало сильным и решающим со времени первой мировой войны, особенно с Октябрьской революции.

Философские взгляды Благоева изложены в книгах «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» (1891); «Социализм и рабочий вопрос в Болгарии» (1900); «К истории социализма в Болгарии» (1906); «Оппортунизм или социализм?» (1902); «Диалектический материализм и теория познания» (1903); «Классовая борь-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 95—96.

[2] Г. Димитров. До Отечественно-фронтовска България, С., 1945, стр. 52—53.

ба или общее дело?»; «Основные вопросы марксизма» (1909); «К марксизму» (1911) и во многих других. В журнале «Новое время» Благоев опубликовал много статей, направленных против народников, Э. Бернштейна и болгарских бернштейнианцев — общедельцев. Непримиримостью к врагам рабочего класса проникнуты все теоретические произведения Благоева. С принципиальных, классовых позиций он разоблачал оппортунизм, проникавший в рабочее движение.

Ревизионизм и оппортунизм в Болгарии появился очень рано. Первыми начали «искоренение» социалистических идей русские эмигранты-народники: Вл. Прокопиев, д-р Пасманик, В. Минцес и др. Они стремились доказать, что марксизм неприменим к болгарским условиям, что в Болгарии нет почвы для развития капитализма, а следовательно, и условий для социализма. В 1898 г. под редакцией Б. Минцеса вышла целая серия книг и брошюр западноевропейских ревизионистов, переведенных на болгарский язык. Так, была опубликована книга реакционного профессора философии Пражского университета Т. Масарика «Кризис в научном социализме», в которой автор, пропагандируя позитивистское философское мировоззрение, в то же время выступает сторонником религии: только религиозная этика, по Масарику, может удовлетворить духовные запросы человека. Он проповедовал буржуазный гуманизм и либерально толкуемую демократию. Т. Масарик, сознательный фальсификатор и враг марксизма, выдвигал реакционный тезис «религиозного демократизма». Он противопоставлял марксистскому учению о классовой борьбе буржуазную националистическую, реформистскую идеологию. «Масарику,— писал Г. В. Плеханов,— исключительно принадлежит честь обвинения Маркса и Энгельса в *философском эклектизме*»[1]. В 1900 г. печатается в болгарском переводе книга Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», в которой он подвергает «критике» основные положения марксистской теории, пытается опровергнуть вывод Маркса о неизбежности гибели капитализма. Особенное раздражение вызывает у Бернштейна теория пролетарской революции и классовой борьбы.

В конце XIX и начале XX столетия в Болгарии распространяются различные произведения неокантианского направления. Орган болгарских оппортунистов «Общее дело» печатает статьи и книги Форлендера, Э. Фишера, распространяются произведения Юма, Риккерта, Штамлера и др.

Буржуазная печать в это время открыла клеветническую кампанию против социалистов, обвиняя их в том, что они якобы хотят ввести «общность жен», «раздел всего имущества», заставить всех «питаться из одного котла» и т. п. На марксистов клеветали, их подвергали преследованиям. Благоев писал по этому поводу: «Это было тяжелое время для социалистов, тогда они должны были иметь здоровые нервы и глубоко верить в научность социализма,

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 670.

чтобы вынести всю тяжесть клеветнических оскорблений и обид... не теряя при этом энергии и энтузиазма и ни на минуту не сомневаясь в том, что близок день, когда рабочий класс, разбуженный и просвещенный социалистической агитацией и пропагандой, будет организован в большую общественную силу под красным знаменем, и тогда клевета застынет на устах наших врагов» [1].

В борьбе против народничества, идеологии оппортунизма и ревизионизма выступали ближайшие соратники и ученики Д. Благоева: Г. Кирков, Г. Георгиев, Т. Петров, В. Коларов, Г. Димитров. Все они, как и Д. Благоев, были последовательными материалистами-диалектиками, защищавшими материализм Маркса и Энгельса от нападок реакционной идеалистической философии и поповщины.

На страницах партийного журнала «Новое время» Благоев развернул борьбу в защиту марксистского материализма. Им было опубликовано семь статей под общим названием «Диалектический материализм и теория познания», направленных против болгарского неокантианца Д. Михалчева, пытавшегося представить К. Маркса как простого «комбинатора» гегелевской диалектики и «антропологической философии» Фейербаха. Д. Благоев, говоря о связи Маркса, Гегеля и Фейербаха, подчеркивает самостоятельность марксизма, качественное отличие его диалектики от диалектики Гегеля и материализма Фейербаха. «Надо быть,— писал Благоев,— настоящим михалчевцем, чтобы не видеть в учении Маркса и Энгельса совсем самостоятельную философскую систему, непревзойденную до настоящего времени другой философией, открывающую широкие горизонты перед человеческой мыслью» [2].

Буржуазный журнал «Мисъл», в котором участвовал и Д. Михалчев, стремился доказать, что понятие материализма устарело и непригодно. Благоев, опровергая это, писал, что материализм устареть никогда не может: «Поистине,— пишет он,— современный материализм лежит в основе всех современных человеческих знаний. Он связывает эти знания в единое целое. Это учение объясняет нам все природные и исторические явления с точки зрения материальных условий жизни. Современный материализм есть научная система, без которой нельзя правильно объяснить ни одного явления» [3].

Д. Благоев справедливо отмечал, что «модная философия» сторонников Михалчева совсем не нова, она повторяет старые мысли английского попа Д. Беркли о том, что реальность объективного мира зависит от сознания субъекта. Эту старую философию они прикрывают «философским фокусом» «корреляции субъекта и объекта». «Возьмем такой пример,— иллюстрирует Благоев свою мысль,— пишущий сидит перед столом, пишет на бумаге пером и

---

[1] Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България, С., 1949, стр. 161.

[2] Д. Благоев. Съч., т. 9, стр. 91.

[3] Д. Благоев. Съч., т. 1, стр. 496.

чернилами о михалчевских глупостях. Но в то время, когда он пишет, он не думает ни о столе, ни о бумаге, ни о пере, ни о чернилах, ни о Михалчеве как субъекте. Спрашивается: указанные объекты, о которых он не думает в то время, когда пишет, существуют ли они реально для него? Очевидно, что они реальны для него, если даже он и не думает о них... но по михалчевской «модерной философии»,— указанные объекты не могут быть реальностью для меня в то время, когда я о них не думаю. Это является грубым и притом совсем не новым, а старым софизмом, очевидным абсурдом, с которым действительно новая философская мысль не имеет ничего общего»[1].

Неокантианец Михалчев, выступая с клеветой на марксизм, утверждал, что будто К. Маркс и Ф. Энгельс считали мышление атрибутом материи. В противовес неокантианцам Д. Благоев указывал, что мышление не атрибут материи, а свойство высокоорганизованной материи — мозга. «Для научного понимания важно признание, что позади всякого «душевного», «психического» явления кроется материальный процесс»[2]. Благоев показал научную несостоятельность кантовского априоризма и агностицизма, так как «кардинальный вопрос о гносеологии состоит не в способности человеческого мышления», как писал Михалчев, а в том, откуда разум черпает мысли, берет материал для мышления, берет ли он его в себе самом, как у Михалчева, или из внешнего мира, как у Маркса. Познание есть процесс отражения внешнего мира в мозгу человека. «Для того чтобы зародилась в нашей голове идея о предмете, нужно, чтобы этот предмет существовал и оказывал на нас влияние»[3]. Отражение человеком мира, разъясняет Благоев одно из основных положений марксизма,— это не пассивный, созерцательный процесс, а процесс активного воздействия субъекта на объект. Хотя в пятой статье «Диалектический материализм и теория познания» Благоев и цитирует Плеханова, писавшего, что наши ощущения являются своего рода «иероглифами», но при этом делает существенное замечание о том, что у Маркса и Энгельса нет таких выражений, как «иероглиф», а есть понятие «отражение внешнего мира»[4]. Сам Благоев при характеристике процесса познания никогда не употреблял терминов «иероглиф», «символ», «условный знак» и т. п.

Благоев по-марксистски рассматривал познание как исторический процесс отражения, развивающийся в практической деятельности. Он писал: «...громадный прогресс сделан в познании от начала новых веков до наших дней. Из этого можно видеть, насколько правильны слова Энгельса, что практика, т. е. опыт и промышленность, прекрасно разбивают все «философские измышления» о «предметах в себе самих», о «действительности в себе са-

---

[1] Д. Благоев. Съч., т. 9, стр. 104.
[2] Там же.
[3] Д. Благоев. Съч., т. 1, стр. 494—495.
[4] Д. Благоев. Съч., т. 9, стр. 81.

мой», что развитие техники производства дает огромный простор человеческому уму, человеческой мысли» [1].

Благоев видел критерий истины в общественно-исторической практике: «Вопрос о действительности или недействительности мышления, изолированный от практики, есть чисто схоластический вопрос» [2]. Д. Благоев указывал, что непосредственно данная природа есть исходный пункт теории познания. Но он подчеркивал важность абстрактного мышления, отражающего существенное и закономерное в явлениях. Он считал также, что в верном отражении действительности заинтересован прежде всего прогрессивный класс. Поддерживая Благоева, Тодор Петров писал, что если интересы данного класса находятся в противоречии с объективным ходом общественного развития, то идеологи этого класса стараются исказить или вовсе отрицать его законы. Как тяжело больной человек боится смерти, так и реакционный класс боится правильного отображения объективного хода общественного развития [3].

Большое внимание уделял Д. Благоев вопросам марксистской диалектики. Он рассматривал диалектический метод не сам по себе, а в связи с обоснованием революционной стратегии и тактики партии, в связи с борьбой против метафизики Бернштейна и «общедельцев». Им подчеркивалась теснейшая связь между теорией и методом. «Без диалектики учение Маркса перестало бы быть научной теорией» [4]. Диалектический метод неопровержим, «чтобы опровергнуть диалектический материализм Маркса и Энгельса, надо доказать, что природа и история не есть реальность, а фикция и вымыслы человеческого ума... а это доказать невозможно» [5].

Характеризуя диалектический метод, он писал: «Диалектический метод противоположен метафизическому, господствовавшему в буржуазной науке, в буржуазном мышлении» [6]. Д. Благоев указывает на важность выяснения природы взаимосвязи и взаимной обусловленности предметов и явлений, обращая особое внимание на требование исторического подхода к изучению явлений, на рассмотрение всего мира как результата длительного, миллионы лет продолжающегося развития. «Если рассматривать Вселенную и человеческое общество диалектически, станет ясно, что природа и человеческое общество находятся в движении, все изменяется, все развивается, возникает и в то же время исчезает» [7]. Противопоставляя метафизике законы материалистической диалектики, Д. Благоев подчеркивал, что марксистский диалектический метод построен на основе материалистической теории отражения.

---

[1] Д. Благоев, Съч., т. 9, стр. 71.
[2] Там же, стр. 87.
[3] См.: «Ново време». С., 1903, кн. 3, стр. 21.
[4] Д. Благоев. Избрани произведения, т. II, стр. 28.
[5] Д. Благоев. Съч., т. 9, стр. 99.
[6] Д. Благоев. Съч., т. 14, стр. 313.
[7] Там же, стр. 314.

Диалектический метод надо понимать не как дедуктивно построенную систему принципов, с которой сообразуется и которой подчиняется мир, а как верное мыслительное отражение диалектики материального мира в сознании человека. «У Маркса диалектика понятий есть осознанное отражение диалектического движения, которое происходит в реальном мире» [1].

Раскрывая сущность закона перехода количества в качество, Благоев подвергает суровой критике «общедельца» Я. Сакызова, признававшего только постепенные, количественные изменения, только реформы. «В действительности же изменения, которые происходят в природе и обществе, состоят не только в превращении одного количества в другое, но и в том, что количество переходит в качество... Всякий переход количества в качество есть прерыв постепенного развития, есть скачок, революция» [2]. Организатор болгарской марксистской партии правильно понимал внутреннюю диалектическую связь между эволюцией и революцией в общественном развитии. Во всей своей деятельности он исходил из принципов марксистской диалектики, вел борьбу против реформизма и анархизма. У Благоева есть оригинальные высказывания по этому вопросу, приближающие его к современному пониманию проблемы о формах перехода от капитализма к социализму. «Эволюция всегда завершается революцией, коренным преобразованием человеческого общества, или мирным методом, что очень редко случается, или со «взрывом», с жертвами, которые бывают всего чаще. Почему так? Потому, что человеческая история есть история борьбы различных классовых интересов» [3].

Следует отметить, что Благоев, Кирков, Петров и другие деятели теснячества рассматривали закон скачкообразного развития в связи с законом единства и борьбы противоположностей. Они характеризуют этот закон как «пружину развития», как мотор движения и изменения. В статье Т. Петрова «Широкий социализм» эта мысль иллюстрируется на примере взаимосвязи производительных сил и производственных отношений. «Производительные силы непрестанно развиваются. Но это развитие встречает препятствие в капиталистических производственных отношениях, которые в определенных условиях становятся преградой. Эта преграда может быть устранена только путем свержения капиталистических производственных отношений и замены их социалистическими, которые становятся необходимым условием для дальнейшего развития производительных сил» [4]. Каждое явление представляет собой единство противоположностей. Противоречия между противоположными сторонами, между старым и новым обостряются, растут и в конечном счете прогрессивная противоположность одерживает победу. Так явление переходит к новому качеству. Это великий вечный закон, указывал Благоев.

---

[1] Д. Благоев. Избрани произведения, т. II, 1951, стр. 24.
[2] Д. Благоев. Съч., т. 7, стр. 115
[3] Д. Благоев. Съч., т. 2, стр. 78.
[4] «Ново време», 1903, кн. 3, стр. 251.

Нужно заметить, что, придавая большое значение закону единства и борьбы противоположностей, Благоев обращал внимание только на всеобщность и оставлял в тени конкретное проявление этого закона, что приводило его к серьезным политическим и тактическим ошибкам. Например, он не видел, что противоречия между пролетариатом и буржуазией, пролетариатом и крестьянством есть качественно различные противоречия; кроме того, он сводил все противоречия лишь к антагонистическим.

Несмотря на недостатки и отдельные ошибки, идеологи Болгарской социал-демократической партии (тесных социалистов) понимали марксизм не как догму, а как живое учение, которое служило им орудием познания и руководством в революционной борьбе. Благоев писал, что диалектика по своему существу революционна и критична. «К этому критическому направлению марксизма принадлежим и мы лично; такая критика и популяризация марксизма составляют нашу историческую задачу, как теоретиков марксизма. Принадлежность наша к болгарскому народу налагает на нас и другую задачу, заключающуюся в исследовании, изучении и освещении развития болгарской экономической и общественно-политической жизни при помощи принципов марксизма»[1].

В борьбе с врагами он защитил революционную сущность марксизма. Большая заслуга Благоева и его единомышленников состоит в том, что они понимали и излагали диалектический метод не в отрыве от практических задач, не академически, а в связи с задачами, стоящими перед партией. Они требовали от членов партии творческого изучения марксизма. «Понимает ли человек и как он понимает материалистическую теорию и научный метод,— писал Благоев,— можно судить по тому, как он его применяет к общественным явлениям»[2].

Болгарские марксисты во главе с Благоевым последовательно защищали принципы исторического материализма. Они разоблачали субъективистскую социологию болгарских народников Прокопиева, Пасманика и др., которые отрицали объективный характер законов общественного развития, заявляя, что главным фактором человеческого прогресса являются идеи. Благоев указывал, что марксизм не отрицает роли идей и роли личности, а показывает, что они не являются первопричиной тех или иных социальных явлений. «Уатт,— пишет Благоев,— появился в конце XVIII века и не мог появиться в конце XIV и XV веков по той простой причине, что не было к этому времени материальных условий»[3].

Д. Благоев, критикуя субъективизм народников и «общедельцев», писал: «Нет сомнения, что всякая личность своим умом, энергией и деятельностью оказывает влияние на исторический процесс. Личности, деятельность которых совпадает с историческим развитием человечества, помогают этому развитию, и наобо-

[1] Д. Благоев. Съч., т. 5, стр. 534.

[2] См.: Д. Благоев. Что такое социализм и имеет ли он почву у нас? М., Госполитиздат, 1960, стр. 195—206.

[3] Д. Благоев. Избрани произведения, т. I, стр. 129.

рот, личности, деятельность которых не совпадает с естественным развитием человечества, тормозят это развитие. Но первые и вторые действуют под воздействием материальных условий, в которых живут. Таким является материалистическое объяснение исторических явлений»[1].

Идеологи теснячества боролись не только против субъективизма народников, но и против фатализма «общедельцев», которые считали, что социализм наступит сам собой, стихийно, в результате роста производительных сил. Г. Георгиев, написавший десятки теоретических и политических статей в «Рабочей газете», журнале «Новое время», обращал внимание на пропаганду марксизма среди рабочего класса. Он считал, что «по своему инстинкту рабочий — социалист», а поэтому рабочий класс представляет естественную среду для деятельности партии. Но до тех пор, пока рабочий станет социалистом не по инстинкту, а по убеждению, по своему сознанию, нам предстоит тяжелая, медленная, трудная работа»[2].

Идеологи теснячества правильно понимали, что определяющим фактором развития общества является способ производства материальных благ. В книге «Экономическое развитие Болгарии» (1903) Д. Благоев писал: «Люди, чтобы жить, должны производить. Но чтобы производить, они должны соединить свою деятельность определенным способом. Другими словами, чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения между собой... Эти отношения и связи называются отношениями в производстве, или производственными отношениями».

Д. Благоев правильно понимает экономический базис общества как совокупность производственных отношений. Наряду с рассмотрением базиса и надстройки общества, Благоев излагает марксистское учение об общественно-экономической формации. Им дается определение формации как единства материального и духовного, экономического базиса и идеологической надстройки, отмечается, что история общества есть закономерная, революционная смена общественных формаций, сама смена формаций есть естественный процесс, а исторический материализм есть наука об общих законах развития человеческого общества.

Тесные социалисты выступали в защиту марксистского учения о классах и классовой борьбе. Г. М. Димитров, говоря о революционном движении в Болгарии, отмечал, что оно своими успехами обязано тому, что партия тесных социалистов и Благоев в своей деятельности руководствовались тремя основными принципами: «1. Классовая непримиримость против буржуазии и ее широкосоциалистических (меньшевистских) элементов. Класс против класса — таков был лозунг, таков был девиз. Такова была линия Благоева и болгарского теснячества. 2. Все для партии пролетариата. Полное подчинение личной жизни, личных интересов, лич-

[1] «Ден», кн. 9, стр. 291.
[2] Г. Георгиев. Избрани произведения. С., 1953, стр. 135.

ной воли — интересам и воле партии пролетариата. 3. Непоколебимая, безграничная вера в силы и будущее рабочего класса»[1].

Г. Георгиев писал, что «требование классовой борьбы лежит в основе всей деятельности социал-демократической партии, и с того момента, когда мы перестанем вести классовую борьбу, мы перестанем быть социал-демократами»[2]. Благоев, высмеивая народническое понимание «народа» как единого целого, писал, что болгарский народ разделен на три общественных класса: мелких производителей (крестьяне, ремесленники), буржуазию и наемных рабочих. Интересы этих классов различны, и примирить их невозможно. Они выступали против «общедельцев», на словах признававших деление общества на классы, а на деле защищавших примирение классов, «общее дело производящих слоев», к которым относили и пролетариат, и буржуазию.

Ссылаясь на произведение В. И. Ленина «Что делать?», Д. Благоев писал о трех основных формах классовой борьбы пролетариата. «Борьба социал-демократов только тогда может быть успешной и привести к прочным завоеваниям, когда она тройственна: теоретическая, политическая и экономическая»[3].

Д. Благоев рассматривал государство как историческое образование, как результат деления общества на классы. «Классовый антагонизм, который лежит в основе в до сих пор существующих обществах, вызвал необходимость иметь государство»[4]. В другом месте Благоев пишет: «Государство есть классовое учреждение, которым в различные времена распоряжались и через которые проводили свои интересы различные классы, а именно те, которые в данное время являются господами средств производства»[5]. На конкретных примерах Благоев раскрывал классовую сущность болгарского буржуазного государства. Утверждения болгарской буржуазии о свободе, равенстве, самоуправлении и проч., подчеркивал он, служат прикрытием диктатуры буржуазии.

Д. Благоев, как и другие революционеры-марксисты, обосновывал закономерность и неизбежность социальной революции, доказывал неизбежность пролетарской революции в Болгарии, давал марксистскую трактовку революции как социальному выражению конфликта между производительными силами и производственными отношениями. Производственные отношения становятся оковами в развитии производительных сил, в этот момент совершается скачок в общественном развитии, социальная революция.

По вопросу о революции Благоев ведет борьбу на два фронта: с одной стороны — против реформизма болгарских бернштейнианцев — «общедельцев», которые, как и Э. Бернштейн, проповедовали путь «мирного прогресса», отрицали классовую борьбу и революцию, стремились превратить революционную партию в партию

---

[1] Г. Димитров. Съч., т. 9, стр. 445.
[2] Г. Георгиев. Избрани произведения, стр. 165.
[3] «Ново време», 10, кн. 1.
[4] Д. Благоев. Съч., т. 1, стр. 477.
[5] Д. Благоев. Съч., т. 10, стр. 330.

социальных реформ; с другой стороны — против анархистов. «Социал-демократы признают, что для осуществления социализма требуются известные материальные условия и известная организация. Анархисты признают только разрушение и не признают никакой организации» [1].

Несмотря на преданность марксизму, революционному делу рабочего класса, как об этом говорил в своем докладе на V съезде БКП в 1948 г. Г. Димитров, Д. Благоев и партия тесных социалистов не стояли еще на ленинских позициях, допускали серьезные ошибки. Во-первых, принцип самостоятельности классовой борьбы пролетариата превращался ими в догму. Они не понимали ленинского учения о компромиссах, не признавали возможности каких бы то ни было соглашений с другими партиями или организациями. Во-вторых, весьма важной ошибкой тесняков в тактике классовой борьбы было возведение в абсолют легальной формы борьбы, тем самым они отрицали необходимость сочетания легальной и нелегальной форм. В-третьих, пропагандируя революционный марксизм, они не рассматривали пролетарскую революцию как очередную задачу, не вели к ней подготовки. Благоев и тесные социалисты не видели в крестьянах социального элемента, способного понять идеи социализма и стать союзником пролетариата в революции. В-четвертых, у Благоева и партии тесных социалистов проявлялись серьезные колебания по вопросу диктатуры пролетариата.

Защита Д. Благоевым материалистической диалектики, марксистской теории познания, исторического материализма нашла свое отражение и в его работах по вопросам эстетики и литературной критики. Эстетические и литературно-критические взгляды Благоева выражены в его статьях о творчестве Х. Ботева, Ив. Вазова, Т. Влайкова, А. Страшимирова, А. Константинова и др. Он хорошо понимал, какую огромную роль играет художественная литература в идейно-политическом и нравственном воспитании трудящихся.

Д. Благоев исходил из основного марксистского положения, состоящего в том, что искусство есть отражение действительности. В истинном произведении искусства отражается «в художественных образах и картинах умственное и общественное состояние данного народа и в данное время» [2].

По вопросу о сущности искусства и его роли в жизни общества Д. Благоев вел упорную и настойчивую борьбу против идеалиста К. Крыстева (1866—1919), имевшего сильное влияние на известную часть буржуазной болгарской интеллигенции. В основу своих эстетических взглядов Крыстев положил субъективно-идеалистическую философию и эмпирическую психологию В. Вундта. Эстетику К. Крыстев понимал, как «душевное состояние удовольствия и наслаждения», а основу искусства видел в «интуиции, непосредственном иррациональном импульсе». Д. Благоев вскрыл реакционную сущность теории Крыстева, подчеркивал, что такой взгляд застав-

[1] Д. Благоев. Съч., т. 2, стр. 314.
[2] Д. Благоев. Съч., т. 4, стр. 503.

ляет художника отказаться от участия мысли в художественном творчестве.

Вопросу о мировоззрении художника, о классовом и партийном характере искусства Благоев уделяет большое внимание. «Для правильной оценки писателя необходимо иметь в виду условия его жизни: класс, из которого он вышел, среду, в которой он воспитывался, историческое время, в которое он жил. Эти условия неотразимо влияют на качество произведения писателя» [1].

В то время как буржуазные эстеты проповедовали идею независимости творчества художника от мировоззрения, Благоев считал, что достоинство художественного произведения зависит от достоинства мыслей художника. А мысли определяются его мировоззрением. «В художественном произведении мы можем видеть мировоззрение художника, выраженное в образах, которые он создал» [2].

Подчеркивая определяющую роль мировоззрения, Благоев не абсолютизировал его, а большое значение также придавал дарованию художника. Он справедливо считал, что художественное произведение — дело не только мировоззрения и таланта художника, но и упорного труда, без которого нельзя создать ценное произведение. Он пишет по этому поводу: «Что художник должен иметь дарование, способность, талант, чтобы создать хорошее произведение,-- это понятно. Но что только с дарованием ничего нельзя создать — это необходимо понять нашим «молодым труженикам на поле прекрасного». Необходимо не просто поэтическое фанфаронство, а серьезная работа, постоянно обогащающая чувства, впечатления, идеи, чтобы иметь, над чем работать творческой способности» [3].

Д. Благоев беспощадно разоблачал идеализм и индивидуализм в эстетике, доказывал, что наилучшие произведения — это те, которые дают подлинные картины жизни и насыщены гуманностью и идейностью. Он обосновывал мысль о том, что художнику нельзя замыкаться в себе самом, а надо постоянно обогащать свои впечатления, чувства, идеи и переживания явлениями жизни.

Болгарские идеалисты и формалисты К. Крыстев и другие проповедывали уход художника от важнейших общественно-политических вопросов в область потустороннего. Благоев, выступая с критикой идеологов, группировавшихся вокруг журнала «Мисъл», редактируемого Крыстевым, призывал писателей быть гражданами своего общества и деятельно участвовать в жизни и борьбе своего народа, быть его учителями. Он призывал писателей изучать действительность. От контакта с действительностью, от общественно-политического опыта писателя, пояснял Благоев, зависит и жизненность его произведения.

---

[1] Д. Благоев. Съч., т. 4, стр. 510.
[2] Д. Благоев. Съч., т. 7, стр. 180.
[3] Д. Благоев. Съч., т. 5, стр. 347.

Борясь за народное, пролетарское искусство, Благоев обращал внимание не только на содержание, но и на форму. «Художественное произведение будет хорошим тогда, когда, кроме содержания, оно обладает двумя необходимыми элементами. А именно: художественной правдой и художественной формой»[1]. Благоев вел борьбу за такое искусство, которое было бы близко и понятно народу. Он выступал с критикой формализма поэта А. Страшимирова, критиковал его манерный язык, его стремление быть оригинальным посредством вымышленных языковых эффектов. «Когда человек читает его произведение,— пишет Благоев,— то испытывает такое неприятное чувство, какое испытывает, когда идет по месту, которое забросано разбитыми глиняными черепками, или когда ему ухо режет звук развалившейся скрипки, по которой немилостиво трет неопытная рука»[2].

Борьба Д. Благоева против идеализма и формализма в искусстве не потеряла актуальности и для нашего времени. В его трудах современный читатель может найти множество положений по вопросам литературы и искусства, которые входят составной частью в нашу эстетику. Виднейший болгарский философ академик Т. Павлов справедливо считает, что по вопросам искусства и литературной критики Благоев более близко стоит к В. И. Ленину и большевистской партии, чем по вопросам политической деятельности и тактики. Дядо (Д. Благоев.— *П. Ш.*), указывает Т. Павлов, выступает как настоящий предшественник социалистического и реалистического понимания искусства, всегда проводившего борьбу как против вульгарного социологизма, так и против эстетического формализма и реакционного романтизма[3].

В первые годы после своего возвращения из России в Болгарию Д. Благоев поддерживал письменную связь с Г. В. Плехановым, которого болгарские социалисты считали своим учителем. Но как только Плеханов отошел от революционного марксизма, Д. Благоев и партия тесных социалистов начали постепенно ориентироваться на Ленина и большевиков. «Если попытаться кратко охарактеризовать облик этого великого болгарина,— пишет Т. Павлов,— то можно сказать, что он в силу ряда причин, главным образом в силу недостаточного развития нашей болгарской действительности, не был тождествен с Лениным, но вместе с тем был ему близок, родственен. В некоторых отношениях он походил на него и потому, что как в своих научных исследованиях, так и в своей партийной и организационной деятельности очень часто приближался к его научным и политическим оценкам и делам»[4].

О постепенном приближении Благоева к Ленину и его личных связях с ним свидетельствуют два письма Благоева редакции жур-

---

[1] Д. Благоев. Съч., т. 7, стр. 145.

[2] Д. Благоев. Съч., т. 6, стр. 81.

[3] См.: Т. Павлов. Избранные философские произведения, т. 2, М., 1962, стр. 137.

[4] Там же, стр. 124.

нала «Социал-демократ» и Ленину. До последнего времени в партийной историографии эти документы были мало известны.

В первом письме, датированном 31 октября 1910 г., Благоев высказывает свои симпатии к Ленину и его соратникам, он благодарит своих русских товарищей за информацию, которую они посылали ему по ряду вопросов международного социалистического движения[1]. Как видно из письма, в лице русских большевиков Благоев видел единственную опору в борьбе против оппортунистов и Троцкого, который после своей поездки в Болгарию написал ряд статей, направленных против тесных социалистов.

Второе письмо, датированное 15 августа 1915 г., показывает, что связи между Благоевым и Лениным не ослабевают, напротив, они становятся постоянными. В этом письме Благоев подробно знакомит Ленина с борьбой тесных социалистов против «военнолюбивой» политики болгарской буржуазии и ее помощников — широких социалистов. Из письма мы узнаем о том, что Благоев посылал лично Ленину теоретический орган партии «Ново време», выходящий под редакцией Д. Благоева.

В. И. Ленин знал о Д. Благоеве и его соратниках. По просьбе Ленина Благоев сотрудничал в газете «Социал-демократ», органе русской социал-демократической партии. Благоев просил у Ленина присылать ему регулярно все большевистские издания.

Под влиянием Октябрьской революции в России, краха II Интернационала, под воздействием произведений В. И. Ленина Д. Благоев перешел на позиции ленинизма. Этот переход вождя Болгарской коммунистической партии получил отражение в Программной декларации, принятой на I съезде БКП в 1919 г. Она клеймит позором предательство II Интернационала и его лидера К. Каутского, показывает, что «Каутский... никогда не поднимался до теоретика, выражавшего революционную сущность Марксо-Энгельсовских взглядов»[2]. В письме к Петроградскому Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов от 21 января 1923 г. Благоев с гневом констатирует, что целых 25 лет вожди II Интернационала клялись в верности принципам революционного социализма, а сами в 1914 г. изменили этим принципам, изменили пролетарской революции, объявили войну Великой Октябрьской революции в России. Это могут сделать, пишет Благоев, только «злостные предатели революции и интересов пролетариата»[3].

Благоев резко ставил вопрос о революции и диктатуре пролетариата. «Но спрашивается, когда и где великие социальные перевороты совершались по формуле Каутского, без насилия и без диктатуры? — спрашивал Благоев.— Когда и где господствующие клас-

---

[1] К сожалению, переписка Благоева с русскими социал-демократами и с Лениным не сохранилась, так как личный архив Благоева несколько раз подвергался пожарам.

[2] Д. Благоев. Избрани произведения, т. II, стр. 712.

[3] «Исторически преглед», гл. VIII, кн. 2, стр. 200—201.

сы отказывались от своего господства? Истории неизвестно что-либо подобное»[1].

Так, Д. Благоев под влиянием Октябрьской революции в России, идей ленинизма встал под знамя В. И. Ленина, а в партии «тесных социалистов» начался процесс большевизации, который окончательно был завершен под руководством Г. Димитрова и В. Коларова.

---

[1] Д. Благоев. Избрани произведения, т. II, стр. 427.

ГЛАВА 14

РОЛЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА В ИСТОРИИ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЛЕХАНОВА И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ В СВЕТЕ ЛЕНИНИЗМА

Георгий Валентинович Плеханов вошел в историю общественной мысли, науки и культуры в конце XIX — начале XX в. как выдающийся мыслитель, разносторонний ученый-марксист, борец за научное материалистическое мировоззрение.

Заслуги Плеханова перед российским и международным революционным рабочим движением поистине велики. Именно Плеханов в тяжелые годы царской реакции, в условиях, когда в российском освободительном движении преобладала идеология народничества, в начале 80-х годов прошлого века первым в России поднял знамя марксизма, создал первую в нашей стране марксистскую организацию — группу «Освобождение труда».

На трудах Плеханова, особенно на его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», воспитывалось в конце XIX — начале XX в. целое поколение русских марксистов.

Плеханов был блестящим пропагандистом и защитником научного социализма и марксистской философии в международном рабочем движении, которое переживало тогда трудные времена. Исторически сложилось так, что в последней трети XIX — начале XX в. быстрорастущее влияние марксистской теории в рабочем движении вынуждало врагов марксизма рядиться марксистами. Бернштейнианцы и «легальные марксисты», анархо-синдикалисты и «экономисты», кантианцы и махисты — весь сонм явных и скрытых врагов марксизма — проникали в рабочее движение, подтачивали социал-демократические партии изнутри, отравляли сознание рабочих и интеллигенции своим тлетворным влиянием.

Именно Плеханов первым выступил в немецкой социал-демократической печати против ревизионизма Бернштейна и других «философов антимарксизма». Уже в 80—90-х годах марксистские труды Плеханова снискали ему большую популярность и заслуженную славу в международном рабочем движении.

Ф. Энгельс, считавший, что создание группы «Освобождение труда», искренне и безоговорочно принявшей теорию Маркса, будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России, приветствовал появление марксистских работ Плеханова, высоко оценил его книгу «Наши разногласия», статью о Гегеле, труд о Чернышевском и некоторые другие произведения.

Сочинения Плеханова, относящиеся к периоду его революционно-марксистской деятельности (1883—1903 гг.) и направленные против народников, оппортунистов, махистов, В. И. Ленин называл

превосходными и отмечал, что личные заслуги Плеханова в прошлом громадны [1]. Ленин подчеркивал, что в философских трудах Плеханова, особенно в его произведениях «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Очерки по истории материализма», дано замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показано, что марксизм представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки.

Не все написанное Плехановым по вопросам философии в различные периоды истории равноценно и безупречно с точки зрения марксизма-ленинизма. В его произведениях того времени, когда он был революционным народником (1876—1882), наряду с элементами материалистического мировоззрения, унаследованного от русской революционной демократии, и зачатками материалистического понимания истории содержались еще не преодоленные идеалистические взгляды революционного народничества. В период 1883—1903 гг., на протяжении которого Плеханов — революционный марксист — создал свои наиболее ценные и оригинальные труды, у него все же были ошибки в решении вопросов философии, порой существенные, в частности, он не всегда умел проводить конкретно-исторический диалектический подход к социальным процессам России и ее революционному движению. После 1903 г., когда Плеханов перешел в стан меньшевиков, стал на политически ошибочные позиции, его теоретические работы в области философии содержали значительные отступления от марксизма. Правда, в период 1908—1913 гг. он вел борьбу с ликвидаторами, махистами, богоискателями, кадетами-веховцами и т. п. и защищал от идеализма, фидеизма, реакции научно-философские основы марксизма. Впоследствии же, в годы первой мировой войны, когда Плеханов, усугубляя свое политическое грехопадение, стал социал-оборонцем, проповедовал соглашение пролетариата с буржуазией, а в 1917 г. оказался среди противников социалистической революции в России, он изменил революционному марксизму.

Плеханов в условиях XX в., в эпоху подъема революционной борьбы пролетариата против империализма и реакции, в обстановке революции в науке, не сумел развить и применить к анализу новой эпохи марксистско-ленинскую философию.

Однако Плеханов и в начале XX в., в отличие от многих теоретиков социал-демократических партий, не пал в философии до уровня ревизионистов II Интернационала, а вел, хотя и не без ошибок и отдельных отступлений от марксизма, борьбу за научное материалистическое мировоззрение, за материалистическое понимание истории. Ленин и в этот период высоко ценил марксистские философские труды Плеханова. В 1906 г., когда Плеханов уже был меньшевиком, Ленин призывал различать тактический оппортунизм Плеханова и его теоретические работы, где дана главным образом критика народничества и оппортунизма. В 1908 г. В. И. Ленин пи-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 222.

сал: «...единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова» [1].

Уже после смерти Плеханова, Ленин отметил, что *«нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» [2]. Он указал, что статьи Плеханова по философии должны войти в «серию обязательных учебников коммунизма» [3]. В одной из своих последних статей «О значении воинствующего материализма» (1922), которую справедливо принято считать философским завещанием Ленина, великий вождь пролетариата, говоря о том, что лучшие направления общественной мысли в России, к счастью, обладают солидной материалистической традицией, наряду с Чернышевским назвал Плеханова как одного из представителей этой традиции [4].

О ленинском отношении к Плеханову тем более необходимо напомнить, что нередко в марксистской общественной науке и литературе допускались отступления от ленинских оценок Плеханова и его теоретических работ.

В прошлом наиболее распространенными и ошибочными истолкованиями марксистских трудов Плеханова были следующие.

1. Подчас не видели разницы между трудами Плеханова, написанными в период до 1903 г., когда он был революционным марксистом, и его работами меньшевистского периода и изображали дело так, что до 1903 г. Плеханов, с одной стороны, не преодолел былых народнических взглядов, а с другой — был уже наполовину меньшевиком, ревизионистом. Конечно, и в трудах, относящихся к этому лучшему периоду в деятельности Плеханова, имели место недостатки и ошибки, проявившиеся, например, при составлении проектов Программы РСДРП, когда возникли разногласия между Лениным и Плехановым, и ставшие зародышем последующих расхождений между большевиками и меньшевиками. Однако нельзя согласиться с точкой зрения [5], согласно которой, по сути дела, нет принципиальной разницы между революционным, марксистским периодом деятельности Плеханова до 1903 г. и меньшевистским — после 1903 г., а есть только количественный рост, усиление элементов меньшевизма. Эта точка зрения отступает от исторической правды,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 20.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.
[3] Там же, примечание.
[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 24.
[5] Отчетливое выражение она нашла во вступительной статье В. Вандека и В. Тимоско к сборнику работ Г. В. Плеханова «Против философского ревизионизма» (М., 1935).

которая состоит в том, что до 1903 г. Плеханов боролся против оппортунизма в российском и международном рабочем движении, а после 1903 г., в связи с длительным отрывом от революционного рабочего движения в России, под влиянием реформизма II Интернационала, встал на путь политического оппортунизма и стал отступать от марксизма в области теории.

2. В журнальных и газетных статьях не раз высказывались утверждения о том, будто Плеханов считал марксизм синтезом гегелевской диалектики и фейербаховского материализма, что он якобы никогда не понимал качественного различия между марксизмом и предшествующими философскими учениями и даже допускал «каутскианское отождествление» их. Эти утверждения, ставящие под сомнение марксистский характер мировоззрения Плеханова, противоречат исторической правде, ленинским оценкам его трудов.

Ленин, остро критиковавший тактический оппортунизм Плеханова и его отступления от теории марксизма, не раз говорил о том, что Плеханов в борьбе с ревизионистами проводил точку зрения последовательного диалектического материализма. Именно Плеханову принадлежит формулировка о том, что появление материалистической философии Маркса — подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли [1]. Несмотря на отдельные нечеткие и ошибочные высказывания по вопросам формирования философии марксизма; Плеханов ясно понимал глубокое различие между марксовой диалектикой и диалектикой Гегеля, отмечая, например, что Маркс наследовал Гегелю, так же как Юпитер наследовал Сатурну, сместив его с престола, т. е. заменив идеалистическую диалектику материалистической. Плеханов в своих работах также показал, что К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли философию Фейербаха коренной переработке. Появление марксизма, по Плеханову, представляет собой не только результат критической переработки достижений предшествующей философии и социологии, но и итог великих исторических движений, выражение интересов революционного пролетариата.

3. Некоторые теоретические работники иногда утверждали в своих работах 30—50-х годов, будто теоретической деятельности Плеханова присущи догматизм, отрыв теории от практики, свойственный партиям II Интернационала, недооценка субъективного фактора революции, в том числе и революционной теории.

Эти пороки были действительно присущи многим сочинениям Плеханова, написанным в меньшевистский период, например в период первой русской революции, характера и особенностей которой он не понял, в период первой мировой войны, когда Плеханов допустил самый вопиющий отрыв теории от практики, отступив вместе с другими лидерами II Интернационала от принятых ранее конгрессом Интернационала решений о борьбе против империалистических войн, и особенно в 1917 г., когда он, продолжая твердить вер-

[1] См.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 450.

ные для своего времени положения о том, что социалистическая революция начнется в промышленно развитых странах Европы, не считаясь с изменением исторической обстановки, отрицал возможность и закономерность социалистической революции в России. Но было бы отступлением от исторической правды перенести все то, что правильно говорится о Плеханове-меньшевике, на Плеханова — революционного марксиста и утверждать, что и в 1883—1903 гг., в период своей революционной марксистской деятельности, он отрывал теорию от практики, все время твердил устаревшие истины, был в философии догматиком и т. п.

Теоретические труды Плеханова периода 1883—1903 гг., когда он закладывал идейные основы марксистской партии в России, показывают, что он связывал теорию марксизма, его философию с практикой революционной борьбы. И поныне многое из того, что содержится в философских трудах Плеханова революционно-марксистского периода его деятельности, может быть взято на идейное вооружение и использовано в борьбе за научное марксистское мировоззрение, против буржуазной идеологии и ревизионизма.

Советская наука в анализе и оценке Плеханова, как и всякого другого мыслителя, следует марксистскому принципу «истина всегда конкретна», рассматривая философский путь Плеханова исторически, в развитии, в связи с его политической деятельностью, в процессе борьбы против антимарксистских течений в науке и рабочем движении. Мы отличаем и отделяем все ценное, что было в трудах Плеханова, вошедшее в идейный арсенал марксизма, от того ошибочного и слабого, что заключалось в теоретических работах Плеханова меньшевистского периода, когда неправильные политические и тактические взгляды переплетались с отступлениями от философии марксизма.

РОЛЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И РЕВИЗИОНИЗМА, В ПРОПАГАНДЕ И ЗАЩИТЕ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

В чем состоит ценность трудов Плеханова по философии? Какой вклад внес он в сокровищницу мировой философской мысли?

Большая заслуга Плеханова заключается в том, что он продолжил начатое К. Марксом и Ф. Энгельсом дело философского обоснования научного социализма. Уже в первых своих марксистских работах, направленных против идеологии русского народничества, Плеханов наносит сильный удар по идеалистической философии и социологии народнических идеологов, смыкавшихся с западноевропейскими позитивистами. Он критикует распространенные в буржуазной социологии субъективистские течения, считавшие историю результатом деятельности «критически мыслящих личностей» и «героев», критикует «экономический материализм» либеральных социологов, обрекавший передовые силы общества на фатализм и примирение с «естественным ходом вещей».

Вслед за этим в конце 90-х годов Плеханов выступает против ревизионистов в немецком и международном рабочем движении (Э. Бернштейн, К. Шмидт и др.), которые подменяли материалистическую теорию идеалистическими теориями неокантианского толка, отбрасывали марксистскую диалектику и заменяли ее реформистским вульгарным эволюционизмом. Анализируя в своих работах, собранных впоследствии в сборнике «Критика наших критиков», процессы общественной жизни, он делает вывод о том, что скачкообразное революционное развитие является всеобщим законом жизни, что революционный переворот обязателен для перехода к социалистическому обществу. «...Мы с уверенностью скажем, что в настоящее время история подготовляет в передовых странах чрезвычайно важный переворот, относительно которого есть все основания думать, что он совершится насильственно... *Экономическая эволюция* роковым образом ведет к *политической революции,* а эта последняя будет в свою очередь источником важных изменений в экономическом строе общества» [1].

Анализ противоречий капитализма конца XIX в. приводит Плеханова к выводу о несостоятельности антидиалектических, вульгарно-эволюционистских «теорий» последователей Бернштейна и Струве, отрицавших необходимость скачкообразного революционного перехода к социализму. Партия пролетариата, говорил он, понимает, что в деле общественных преобразований всегда приходится опираться на силу, и в то же время заинтересована в том, чтобы «переход в высший общественный порядок совершился без потрясений» [2]. Но придется ли пролетариату применять насилие или переход к социализму совершится без кровопролития — это будет зависеть не от его доброй воли, а от обстоятельств. «Та форма лучше,— говорит Плеханов,— которая вернее и скорее

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 389—390.

[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. XI. М.—Л., 1928, стр. 325.

ведет к победе над неприятелем. И если бы *«насильственная революция»* оказалась в данной стране и при данных обстоятельствах наиболее целесообразным способом действий, то жалким доктринером,— если не изменником,— оказался бы тот, кто выставил бы против нее принципиальные соображения вроде тех, которые мы встречаем у г. Бернштейна: «низкая культура», «политический атавизм» и т. п.» [1].

Тем более враждебными делу прогресса, делу гуманности и культуры являются попытки буржуазных либералов и оппортунистов в рабочем движении осуждать применение пролетариатом и его государством силы, в том числе и вооруженной силы, против реакции, посягающей на демократические права, свободу и независимость трудящихся, на их социалистические завоевания. В этой связи полезно вспомнить слова Плеханова о том, что «стараться замедлять современное социалистическое движение значит совершать самый тяжкий грех против гуманности и культуры» [2].

Материалистическое понимание истории, в котором Плеханов видит глубочайшую основу научного социализма, дало ему возможность приподнять завесу над «действительностью будущего», видеть перспективы социалистической революции. Народные массы, утверждал он, творят историю не по капризу и произволу тех или иных влиятельных личностей, не по той или иной заранее предначертанной и точно расписанной схеме. Социализм, говорил Плеханов, должен неизбежно победить, ибо его наступление обусловлено объективными законами истории. Но становление и победа социализма зависят не только от экономического развития той или иной страны, но и от инициативы рабочего класса, от глубины исторического действия масс. Поэтому «народ, вся нация должна быть героем истории» [3].

С марксистским пониманием решающей роли народных масс в истории тесно связано глубокое убеждение Плеханова в том, что будущее принадлежит рабочему классу. «Гегель,— писал Плеханов,— с энтузиазмом говорит об афинском народе, перед которым игрались трагедии Эсхила и Софокла, к которому Перикл обращал свои речи и из среды которого «вышли личности, ставшие классическими образцами для всех столетий»... В наше время наука обращается к работникам, и мы имеем полное право с восторгом смотреть на современный рабочий класс, к которому обращаются самые глубокие мыслители и перед которым выступают самые талантливые ораторы. Только теперь, наконец, заключен тесный и неразрывный союз между наукой и работниками — союз, который положит начало великой и плодотворной эпохе во всемирной истории» [4].

Выступая против реформизма Бернштейна и Струве, Плеханов говорит об обреченности капитализма: «...чем более развиты про-

---

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 394.
[2] Там же.
[3] Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII. М.—Пг., 1923, стр. 11.
[4] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 446.

изводительные силы общества, тем опаснее становится для него их полное применение. И это противоречие не может быть устранено до тех пор, пока продолжают существовать буржуазные имущественные отношения. Для его устранения необходима *социальная революция,* которая разрушит *буржуазные* имущественные отношения и заменит их *социалистическими,* имеющими совершенно другой характер» [1].

Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов доказывал в своих трудах, что научная социология, т. е. исторический материализм Маркса, может предвидеть ход исторического развития. На основании существующих общественных отношений, заключенных в них противоречий и тенденций научная социология может определить общий характер и направление, исход и общие результаты общественного процесса. Так, например, можно научно предвидеть закономерность перехода от капитализма к социализму, установление диктатуры пролетариата, обобществление средств производства и т. д. Но социологическое исследование, если оно хочет оставаться в рамках науки, не может заниматься предсказанием отдельных событий будущего.

Защищая и пропагандируя исторический материализм, Плеханов рассматривал его как философско-историческую основу научного обоснования и предвидения неизбежности наступления социализма. «Социологическое предвидение отличается и всегда будет отличаться очень малой точностью во всем том, что касается предсказания отдельных событий, между тем как оно обладает уже значительной точностью там, где надо определить общий характер и направление общественных процессов» [2].

Эти мысли Плеханова весьма поучительны для нашего времени, когда реакционная буржуазная социология в большинстве своих направлений решительно отрицает не только возможность предвидеть пути исторического развития, но даже найти какую-либо нить, объясняющую текущие события общественной жизни.

В острой полемике с Э. Бернштейном, К. Шмидтом, П. Эрнстом, П. Струве, А. Богдановым и другими ревизионистами Плеханов отстаивал философию марксизма, наносил меткие удары по ее противникам. Плеханову при этом пришлось преодолевать (и до 1903 г. он с успехом это делал) центристскую терпимость к оппортунизму и философскому ревизионизму со стороны многих лидеров II Интернационала. Плеханов указывал в одном из писем Каутскому еще в 1896 г., что «марксисты являются очень редкими птицами в социалистических партиях Запада. Право, это очень жаль» [3]. Он требовал от руководителей социалистических партий непримиримой борьбы за чистоту марксизма, за материалистическое мировоззрение. В другом письме Каутскому, относящемуся к 1898 г., Плеханов писал: «...я защищаю идеи Маркса и Энгельса

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 162.
[2] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 50.
[3] «Группа «Освобождения труда», сб. № 5. М.—Л., 1926, стр. 216.

и ... для нас было бы непростительно сдаться при первой атаке каких-нибудь университетских педантов»[1].

В. И. Ленин высоко ценил борьбу Плеханова против философского ревизионизма. Даже в период меньшевизма Плеханова, осуждая его за оппортунистическую тактику, Ленин подчеркивал, что в философской борьбе с махистами истина на стороне Плеханова. В 1908 г. он писал А. М. Горькому о Плеханове: «Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело»[2].

В вышедшей в Америке книжонке, полной измышлений о Ленине, Плеханове и других русских марксистах, белоэмигрант, бывший махист-меньшевик Н. Валентинов признает, что он в те годы получил решительный отпор от Ленина за свои махистские шатания, за выпады против воинствующего материализма Плеханова, который тоже резко осудил махизм Валентинова. «Социал-демократия не есть семинарий, где сопоставляются разные идеи,— говорил Ленин в беседе с Валентиновым.— Это боевая классовая организация революционного пролетариата. У нее есть программа, мировоззрение, принадлежащий только ей строй идей... Мы хорошо знаем теперь, что скрывается за так называемой свободой критики, которую требуют не пролетарские, а именно интеллигентские, зараженные буржуазными предрассудками, элементы социал-демократической партии. Повторяю: молодец Плеханов. Он сразу почувствовал, что вас следует ударить... Я полностью согласен с Плехановым. Маркс и Энгельс наметили и сказали все, что нужно сказать. Если марксизм нуждается в развитии — то только в направлении, указанном его основоположниками. Ничто в марксизме не подлежит ревизии... Ревизии не подлежат ни марксистская философия, ни материалистическое понимание истории, ни экономическая теория Маркса, ни теория трудовой стоимости, ни идея неизбежности социальной революции, ни идея диктатуры пролетариата, короче, ни один из основных пунктов марксизма»[3].

Говоря о терпимости в социал-демократических партиях II Интернационала в отношении оппортунистической опасности, негодуя на то, что Бернштейна немецкие социал-демократы считают «товарищем» и не просят его удалиться из партии, Плеханов писал: «Это отчасти объясняется очень распространенным теперь между социал-демократами всех стран *ложным взглядом на свободу мнений*. Говорят: «как же исключить человека из партии за его взгляды? Это значило бы преследовать его за ересь». Люди, рассуждающие таким образом, забывают, что *свобода мнений* необходимо должна дополняться свободой взаимного сближения и расхождения и что эта последняя свобода не существует там, где тот или другой предрассудок заставляет идти вместе таких людей, которым лучше разойтись ввиду различия их взглядов... Социал-демократы, оставшиеся верными революционному духу своей про-

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, 1938, стр. 283.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 135.
[3] Н. Валентинов. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, стр. 254—255.

граммы,— и они, к счастью, почти везде еще составляют большинство,— сделают непоправимую ошибку, если не примут своевременно решительных мер для борьбы с этой опасностью» [1].

Благотворную роль в истории марксистской философии сыграла критика Плехановым попыток ревизионистов (Э. Бернштейна, А. Богданова и др.) соединить марксизм с неокантианством и другими чуждыми ему теориями. Плеханов доказывал, что все стороны миросозерцания К. Маркса самым тесным образом связаны между собой, вследствие чего нельзя по произволу удалить одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, не менее произвольно вырванных из совершенно другого мировоззрения.

Интересы международного рабочего движения, которое в конце XIX — начале XX в. росло вширь и вовлекало в активное историческое действие все более широкие пролетарские массы, властно требовали защиты и дальнейшего обоснования исторического материализма. Плеханов уже в 80—90-х годах отстаивал марксов принцип «общественное бытие определяет общественное сознание», защищал положения исторического материализма о закономерностях исторического процесса, о производительных силах и производственных отношениях, о классовой борьбе и социальной революции.

Особенное внимание Плеханов обратил на дальнейшее обоснование и конкретизацию вопросов о роли идеологии в развитии общества, о роли личности в истории, проблем эстетики, по которым Маркс и Энгельс выдвинули принципиальные исходные положения, но не успели дать детальной их разработки.

С признанием Плехановым диалектического единства решающей роли народных масс и инициативы революционных сил общества, единства исторической необходимости и свободы были связаны его взгляды на роль субъективного фактора в истории, т. е. сознательной деятельности людей, их идей и учреждений.

Плеханов показывает, что Маркс и Энгельс не только обосновали первичность общественного бытия, материальные, экономические основы идеологий, но и признавали обратное воздействие общественного сознания на общественное бытие, надстройки на базис.

В противовес представителям «экономического материализма» и другим вульгаризаторам Плеханов стремился показать развитие различных форм общественного сознания и их активное влияние на общественное бытие. «Объяснить с нашей мат[ериалистической] точки зрения развитие *искусства, религии, философии* и проч[их] *идеологий,*— писал он,— значит дать новое и сильное подтверждение матер[иализму] в его применении к *истории.* А это очень важно» [2]. Плеханов успешно, хотя и не без ошибок, решал эту задачу путем философского обобщения огромного конкретного материала по истории философии и политической мысли, истории искусства, этических учений, истории религий и других идеологий.

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 401.
[2] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. III, 1936, стр. 90.

Плеханов раскрывает сложное взаимодействие базиса и надстройки. Он решительно выступил против «экономического материализма». «Движение человечества,— писал Плеханов,— *...никогда не совершается в плоскости одной экономики... Путь от одной точки поворота к другой всегда лежит через «надстройку»*. Экономика почти никогда не торжествует сама собою, о ней никогда нельзя сказать: farà da se (будет действовать сама собою.— *М. И.*). Нет, никогда не da se, а всегда *только через посредство надстройки,* всегда *только* через посредство известных политических учреждений» [1].

Философский анализ истории идеологий приводил Плеханова к выводу о том, что все достижения мировой культуры являются законным наследием трудящихся и должны стать достоянием пролетариев всех стран мира. Плеханов замечал, что если у идеологов буржуазии и мелкой буржуазии есть идеалы, то для них они — крошечный садик в необъятном поле исторических случайностей, тогда как идеалы марксистского учения показывают, как превратить все необъятное поле в цветущий сад. «...Без революционной теории,— писал он,— нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире» [2].

Если Маркс и Энгельс, опровергая младогегельянские и другие идеалистические воззрения о критически мыслящих личностях как творцах истории, научно доказали, что народные массы играют решающую роль в истории общества, то Плеханов, следуя марксову учению о решающей роли народных масс, обратил особое внимание на научное решение вопроса о роли личности в истории.

В условиях роста революционного движения противники марксизма (анархисты, народники и др.) вновь подняли на щит опровергнутые всем ходом истории субъективистские и волюнтаристские концепции о роли личности в истории и вместе с тем приписывали марксизму ложное отрицание роли личности в истории. В своих сочинениях Плеханов опроверг субъективно-идеалистические концепции, превращавшие историю общества в арену деятельности героев. В знаменитом своем произведении «К вопросу о роли личности в истории» он писал: «личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 216.
[2] Там же, т. I, стр. 95.

является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения»[1].

Марксистское толкование Плехановым вопроса о роли народных масс и личности в истории било не только по субъективизму и волюнтаризму народников и анархистов; оно наносило удар по хвостистской «теории стихийности», распространявшейся бернштейнианцами и «экономистами» в рабочем движении, открывало широкий простор для сознательной деятельности передовых людей общества, вставших на сторону рабочего класса. «Сознание безусловной необходимости данного явления,— писал он,— может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление»[2].

Однако в меньшевистский период, после 1903 г., Плеханов недооценивал политическую сознательность, революционную инициативу русского рабочего класса, становящегося гегемоном в буржуазно-демократической революции, не понимал огромного значения союза рабочего класса с крестьянством, руководящей роли пролетариата в этом союзе. Тем самым Плеханов после 1903 г., по существу, сползал к позиции меньшевистской «теории стихийности», против которой сам же он ранее выступал, борясь с бернштейнианцами и «экономистами».

Плеханов на основе марксистской социологии стремился раскрыть структуру общественной жизни, взаимосвязь и взаимодействие ее различных сторон. Решая в основном правильно эти вопросы, он допускал известные элементы схематизма, что нашло свое выражение в пятичленной формуле Плеханова[3].

Плеханов нередко преувеличивал роль географической среды. Он считал, что развитие производительных сил обусловливается свойствами географической среды, делая таким образом в какой-то степени уступку географическому материализму.

Особое внимание Плеханов уделял вопросам общественной психологии. Подчеркивая обусловленность общественной психологии экономическими отношениями, он указывал на сложный характер взаимодействия между ними, отмечал относительную самостоятельность психологии и ее активную роль в общественном развитии.

Плеханов плодотворно занимался вопросами эстетики. Он впервые в марксистской литературе подверг критике биологическую концепцию происхождения искусства. Искусство, доказывал Плеханов, возникло в результате трудовой деятельности общественного человека. Эстетические чувства и понятия, считал Г. В. Плеханов, возникают в ходе практической деятельности людей. Плеханов отверг принцип буржуазной эстетики, что искусство есть исключительно сфера индивидуального творчества художника. Он показал, что искусство как форма общественного сознания представляет собой специфическую художественную, образную

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 322.
[2] Там же, т. II, стр. 308.
[3] См.: там же, т. III, стр. 179—180.

форму отражения общественного бытия в сознании представителей тех или иных классов общества. Разумеется, Плеханов не отрицал того, что индивидуальные особенности художника накладывают свой отпечаток на содержание и особенно на форму произведений искусства. Плеханов правильно считал, что в оценке художественного произведения критерий идейности должен сочетаться с критерием художественности.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД МАРКСИЗМА И ЕГО ИСТОЛКОВАНИЕ В ТРУДАХ ПЛЕХАНОВА

Если в центре внимания Плеханова стояли вопросы борьбы за материализм и его применение к истории общества, проблемы эстетики, истории философии и других идеологий, то это вовсе не означает, что он был безразличен к вопросам диалектического метода.

Большую ценность для истории марксистской философии представляет борьба Плеханова за применение материалистической диалектики к области социальных процессов и революционного движения, направляемая против метафизиков различного толка — от ренегата Л. Тихомирова и анархиста В. Черкезова до вульгарных эволюционистов Э. Бернштейна и П. Струве.

Развитие в обществе, с точки зрения Плеханова, идет на основе борьбы внутренних противоречий, «всякое явление,— утверждает он,— *противоречиво* в том смысле, что оно само из себя развивает те элементы, которые рано или поздно положат конец его существованию, превратят его в его собственную противоположность. Все течет, все изменяется, и нет силы, которая могла бы задержать это постоянное течение, остановить это вечное движение; нет силы, которая могла бы противиться диалектике явлений» [1].

Революцию Плеханов считает неотвратимым законом общественной жизни, суть которого в переходе количественных изменений в качественные.

Плеханов подвергает критике широко распространившиеся в России и на Западе вульгарные оппортунистические теории «мирной и спокойной эволюции», отрицая скачкообразности общественного развития, а также утверждение о притуплении, примирении противоречий в ходе развития (Тихомиров, Бернштейн, Струве и др.). Он доказывает, что «логика противоречия» находит самое блестящее подтверждение в борьбе классов, забывая о которой нельзя ничего понять в жизни классового общества. Однако данная критика метафизических взглядов на развитие является неполной и не разбивает до конца вульгарно-эволюционистской концепции развития, поскольку Плеханов не подчеркивает, что сутью, ядром диалектики является закон единства и борьбы противоположностей.

«Для популярности» Плеханов приводил большое количество примеров, свидетельствующих о единстве и борьбе противополож-

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 566—567.

ностей в явлениях природы и общества, и тем самым невольно создавал представление о диалектике как о сумме примеров. Он видел, что закон противоречия представляет собой всеобщий закон развития, относящийся не только к прошлому, но и к настоящему и будущему, но не сделал вывода, что этот закон является главным в диалектике, обусловливающим действие других ее законов. В трудах Плеханова мы не находим систематического изложения категорий диалектической логики, хотя в них есть немало глубоких мыслей об отрицании отрицания, о диалектике формы и содержания (в применении к общественной жизни, искусству и т. д.), о том, что истина всегда конкретна, зависит от условий, времени и места и т. д.

На разработку диалектики как собственно философской науки Плеханов не обратил должного внимания. В. И. Ленин отметил это, сказав, что Плехановым написано по философии около тысячи страниц, но о диалектике как о философской науке — ничего.

В работах Плеханова мы находим неоднократные упоминания о диалектике познания. Так, в труде «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» высказана глубоко верная мысль о том, что противоречие ведет вперед всюду, в том числе и в процессе познания, что именно противоречие движет к объективной истине. К сожалению, эти верные положения не были Плехановым разработаны в цельную систему и не применены в должной степени к процессу познания, к категориям логики. Он раскрывал главным образом материалистическую сущность марксистской теории познания (нередко сближая ее с теорией познания Фейербаха), но не обращал, как справедливо заметил Ленин, должного внимания на то, что марксистская диалектика и есть теория познания.

Плеханов отстаивал теорию познания диалектического материализма в борьбе с буржуазными философами — идеалистами, дуалистами, агностиками, скептиками и т. д. Но выступая с позиций марксизма против идеалистических шатаний в теории познания, он допустил в этой области существенные ошибки.

Главная из них состоит в том, что он не сумел в должной мере применить диалектику к теории познания, не обратил внимания на то, что в этом суть дела. Он допустил ошибочную формулировку в понимании опыта, которую Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» подверг справедливой критике. Известна ошибка Плеханова по части так называемых иероглифов. Еще в 1892 г. в одном из примечаний к переводу брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Плеханов утверждал: «Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут *совершенно верно* передавать как самые события, так — и это главное — и те отношения, которые между ними существуют» [1]. Близкие к этой мысли утверждения повторялись Пле-

[1] Г. В Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 501.

хановым и в его статьях против кантианцев Э. Бернштейна, К. Шмидта и др.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» подверг критике эту ошибку Плеханова в изложении теории познания диалектического материализма (ошибку, которая была не только терминологической, но и, что весьма существенно, теоретической).

Каковы же причины тех ошибок и слабостей, которые содержатся в трактовке Плехановым проблем диалектики и ее применения к теории познания? Они заключаются, во-первых, в том, что он не обратил должного внимания на новейшую революцию в естествознании конца XIX — начала XX в., что помешало ему последовательно применить диалектику к теории познания; во-вторых, в том, что в работах Плеханова по истории философии не всегда подчеркивались существенные различия между диалектико-материалистической теорией познания Маркса и гносеологией домарксистских материалистических учений, от односторонних влияний которой не освободился в известной мере Плеханов; в-третьих, в том, что в меньшевистский период своей деятельности Плеханов в своей трактовке рабочего революционного движения не сумел правильно оценить и обобщить новые явления в общественной жизни, новый опыт классовой борьбы пролетариата.

Известный отрыв теоретических работ Плеханова в XX в. от практики рабочего движения в России и влияние на Плеханова догм и канонов II Интернационала не дали ему возможности последовательно, конкретно-исторически применить диалектику к познанию общественной жизни в новых условиях — условиях эпохи империализма и пролетарских революций.

Новые теоретические вопросы, связанные с потребностями классовой борьбы и научного знания, которые не смог поставить и решить Плеханов, во всей широте были поставлены в марксистской философской науке и решены Лениным, который творчески разработал и развил в своих трудах материалистическую диалектику, открыл новый этап в истории философии марксизма.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — МАРКСИСТСКИЙ ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ

Большой интерес и значительную ценность представляют труды Плеханова по истории философии. Опираясь на данные Марксом и Энгельсом оценки великой материалистической традиции и их методологические принципы историко-философского исследования, Плеханов создал ценные труды по истории материалистической философии. Можно с полным основанием сказать, что после трудов Ф. Энгельса в XIX в. не было произведений по истории материализма, равных плехановским, хотя оценки материализма Плехановым не свободны от слабостей и недостатков, ибо нередко главное внимание он обращает на то, что соединяет, сближает различные философские материалистические учения прошлого, и не показывает то, что их отличает друг от друга.

Не ограничиваясь исследованием истории материализма, Плеханов обращается к истории диалектической традиции в философской мысли. По достоинству оценивая заслуги Гегеля, он подчеркивает, что между социальными науками «нет ни одной, которая не испытала на себе могучего и в высшей степени плодотворного влияния гегелевского гения. Диалектика, логика, история, право, эстетика, история философии и история религии приняли новый вид благодаря толчку, полученному ими от Гегеля» [1]. Нельзя не согласиться с выводом Плеханова о том, что «метафизический метод французских материалистов относится к диалектическому методу немецкого идеализма, как низшая математика к высшей» [2].

Плеханов защищает прогрессивный диалектический метод Гегеля от нападок со стороны анархистов, народнических идеологов и других метафизиков, объявляющих его философией реакции. «И эту-то *алгебру прогресса*... осмеливаются называть философией реакции жалкие люди, лишенные всякого философского образования, не прочитавшие ни одной страницы из сочинений Гегеля и вряд ли даже издали видавшие эти сочинения! Невежество всегда было самоуверенно, заносчиво и хвастливо, но в данном случае оно перешло всякую меру в своей самоуверенности и заносчивости и в своем хвастливом стремлении *«критиковать»* совершенно незнакомые предметы» [3].

Плеханов понимает качественное различие между диалектическим материализмом и материализмом метафизическим, в том числе и фейербаховским. Он подчеркивает коренное отличие революционной диалектики Маркса, органически слитой с материализмом, обращенной к настоящему и будущему, от идеалистической диалектики Гегеля, ограничиваемой и подавляемой его консервативной идеалистической системой, обращенной преимущественно к прошлому. Плеханов раскрывает классовую природу диалектического материализма как философии революционного пролетариата, которая не может просто усвоить результаты предшествующего развития философской мысли, а «отрицает» их, перерабатывает исходя из своей классовой точки зрения.

Для Плеханова история философии как науки — это выяснение самого процесса движения философской мысли, его внутренней логики, т. е. закономерностей его развития. Он пишет: «...прежде чем ответить на вопрос, *почему* развитие идей совершалось тем или иным образом, надо сперва уяснить себе, *как* шло это развитие. В применении к предмету наших очерков это значит, что объяснить, *почему материалистическая философия развивалась так,* как мы это видим у Гольбаха и Гельвеция в XVIII и у Маркса в XIX столетии, можно только после того, как ясно будет показано, *чем*

---

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр 422.

[2] Там же, т. II, стр. 129—130.

[3] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, 1938, стр. 183—184.

была в действительности эта философия, которую так часто понимали неправильно и даже совершенно извращали»[1].

Критикуя книги по истории материализма, вышедшие из-под пера буржуазных авторов (Ф. Ланге, Ж. Сури, Ф. Ибервега и др.), которые игнорировали материалистическое понимание истории, социально-исторические и этические воззрения философов-материалистов, Плеханов подвергает критике эти коренные пороки буржуазных курсов истории философии.

В центре историко-философских исследований Плеханова наряду с анализом решения основного вопроса философии мыслителями прошлого стоят философские учения об обществе, вопросы общей социологической теории. Однако при этом Плеханов иногда впадает в ошибку, когда в ряде своих работ не придает вопросам гносеологии и методологии в истории философии того значения, которое они в действительности имели.

Труды Плеханова по истории философии и общественной мысли в России характеризуют его как прекрасного знатока и ценителя передовой русской культуры.

Оценивая место Плеханова в истории русской культуры, В. И. Ленин в 1913 г. писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»[2].

Плеханов отстаивал идею тесной связи передовых течений русской мысли с прогрессивными направлениями западноевропейской общественной мысли. Логическим результатом этого процесса Плеханов считал переход на сторону марксизма лучших представителей русской общественной мысли конца XIX в. Это было особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что широко распространенные в то время в России славянофильские, народнические и подобные учения изображали русскую мысль как исключительно «самобытную», изолированную от западной культуры и противоположную ей.

Плеханов раскрыл тесную связь между творчеством Белинского — Чернышевского и разночинно-демократическим движением в России, их идейную перекличку с освободительными движениями Запада. Он показал могучее влияние русских революционеров и критиков на русскую литературу, выяснил, что они были предшественниками марксизма в России, «решительными материалистами» и сторонниками диалектики, понимаемой как «алгебра революции».

Плеханов дает научный марксистский анализ эстетических воззрений русских революционных мыслителей, показывает, что Белинский и Чернышевский провозглашали и теоретически обосновывали реализм в искусстве, применяли философский материализм к эстетике, рассматривали искусство с исторической точки зрения, вели активную и непримиримую борьбу против идеалистической

---

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 35.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

теории «искусства для искусства» и т. п. Отмечая огромное воспитательное значение литературных и критических произведений русских демократов, Плеханов говорил, например, о романе Чернышевского «Что делать?»: «Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? Кто не увлекался им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее? Кого не поражала нравственная чистота главных действующих лиц? Кто после чтения этого романа не задумывался над собственною жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее...» [1].

Несмотря на верную оценку истории русской общественной мысли, данную Плехановым в 90-х годах, он в работах меньшевистского периода под влиянием политического оппортунизма недооценивает, а иногда и предает забвению преемственность материалистических традиций в России. Плеханов не обращает должного внимания на тот факт, что философскими источниками формирования мировоззрения Чернышевского и его сторонников были не только атропологический материализм Фейербаха и идеалистическая диалектика Гегеля, но и материалистическая традиция общественной мысли, сложившаяся уже к 40-м годам XIX в. в России; он не обращает внимания также и на то, что в их общественно-политических взглядах господствовал не утопический социализм, а революционный демократизм, выражавший интересы крестьянских масс. Во втором издании своей книги о Чернышевском (1909) Плеханов опустил ряд положений, говорящих об острой критике либерализма великим русским революционером, и более подчеркивал идеалистическую сторону социальных воззрений Чернышевского, нежели их революционный демократизм. В. И. Ленин делает следующее критическое замечание по этому поводу: «Из-за *теорет[ического]* различия ид[еалистического] и мат[ериалистического] взгляда на историю Плех[ано]в *просмотрел* практич[ески] — полит[ическое] и *классовое* различие либерала и демократа» [2].

Плеханов допускал ошибки и в конкретных оценках философских учений русских мыслителей XIX в., в частности, ошибочным было его представление о том, будто просветительская и революционная точка зрения Белинского и Чернышевского мешала развитию их теоретических суждений, особенно диалектики; неправильно было и утверждение Плеханова о том, что Герцен в «Письмах об изучении природы» выступал как убежденный идеалист и т. д. В последний период своей жизни — в 1912—1917 гг.,— работая над книгой «История русской общественной мысли», которая осталась незавершенной, Плеханов-меньшевик порой подпадал под влияние либеральных толкований русской истории, соглашаясь с тем, что развитие общественной мысли в России было обусловлено внутренней логикой развития общественной мысли на Западе.

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. IV, стр. 159—160.

[2] «Ленинский сборник XXV», М., 1933, стр. 231.

Но не перечисленными ошибками и недостатками определяется суть взглядов Плеханова на историю русской философии и общественной мысли. На протяжении многих лет он с позиций диалектического материализма отстаивал русскую передовую философскую и общественно-политическую мысль, боролся против «веховцев», ликвидаторов, проповедников мистицизма и идеализма в России, особенно в эпоху реакции, которые отбрасывали и поносили наследие революционной и материалистической русской мысли XIX в. Марксистские историки философии могут учиться у Плеханова умению привлекать для историко-философского исследования огромное количество трудов и источников, критически оценивать их с позиций диалектического и исторического материализма, рассматривать процесс движения философской мысли в тесной связи с потребностями жизни общества, с развитием идеологии не только в своей стране, но и во всем мире.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПЛЕХАНОВА, ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БОРЬБА ИДЕЙ

Коммунистическая партия Советского Союза, следуя указаниям В. И. Ленина, хранит, высоко ценит и использует в своей идеологической борьбе марксистское идейное наследие Плеханова. Советским правительством был создан в 1928 г. в Ленинграде Дом Плеханова, в котором собраны почти все его рукописи, черновики и библиотека; издано восемь сборников «Литературного наследия» Плеханова.

В письмах Плеханова содержатся данные о том, что он весьма сожалел, что не без влияния оппортунистических элементов в социал-демократии не выступал до 1900 г. с критикой «легальных марксистов», особенно Струве. Так, в письме Мартову от 25 октября 1908 г. Плеханов пишет: «Я жалею, что и прежде, когда Струве выдавал себя за нашего, я не обрушился на него, как он того заслуживал. Я не делал этого, уступая настояниям А. Н.» (Потресова — *М. И.*) [1].

В другом письме от января 1901 г., адресованном В. И. Засулич, Плеханов пишет о Струве, которого они именовали Иудой: «Иуде [Струве] лучше прямо сказать, что хотели бы иметь дело с ним *именно* как с представителем демокр[атической] *оппозиции, а не как с социал-демократом.* Если бы он хотел работать с нами как соц[иал]-демократ, то мы отклонили бы это, так как *теперь пока* ... нам лучше разделиться для более точного выяснения себе и другим наших разногласий... Чем более я думаю об Иуде [Струве], тем более убеждаюсь, что он — точно Иуда, без малейшей примеси чего-нибудь другого» [2].

В конце 1890-х — начале 1900-х годов Плеханов заинтересовался вопросом о таких новых явлениях в экономической жизни капи-

[1] Сб. «Социал-демократическое движение в России», т. 1. М.—Л., 1928, стр. 186.

[2] «Ленинский сборник III». М.—Л., MCMXXV, стр. 126.

тализма, как рост монополий в промышленности и торговле. Он изучил исследование Поля де Рузье «Промышленные монополии в Соединенных Штатах», труд А. Гуреева «Промышленные синдикаты» и брошюру Макрости о росте монополизации в промышленности и торговле в Англии. Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом начинал видеть в монополизации капиталистической промышленности признаки обострения противоречий капиталистической промышленности признаки обострения противоречий капиталистической системы. Опровергая точку зрения де Рузье о случайности и искусственности монополий в США, Плеханов писал: «Монополия... является естественным и неизбежным плодом промышленного развития»[1]. Плеханов опровергает взгляды Макрости о том, будто тресты содействуют сохранению промышленного мира, предоставляют рабочим возможность косвенного участия «в прибылях объединенных в один синдикат предприятий». Критикуя Макрости, Плеханов писал: «Размножение трестов, составляющее естественное следствие современного промышленного развития, должно привести к переходу производства в общественное заведывание... Но не надо забывать, что самый переход производства в общественное заведывание предполагает наличность известных условий, при отсутствии которых такой переход принес бы обществу гораздо более вреда, чем пользы. Все зависит от обстоятельств времени и места»[2]. Плеханов приводит пример с Турцией или Персией, где национализация промышленности в условиях господства феодальных властителей привела бы лишь к хищениям и застою производства.

Отсюда видно, что Плеханов начинал проявлять интерес к новым общественным явлениям, означавшим переход капитализма в монополистическую его стадию, но не смог пойти дальше, не смог раскрыть законов развития монополистического капитализма и присущих ему противоречий.

Письма, хранящиеся в архивах Дома, свидетельствуют о том, что Плеханов в 1890 — начале 1900-х годов установил тесные связи с деятелями социал-демократических партий Германии, Франции, Италии, Болгарии, Польши и многих других стран и оказывал плодотворное влияние на идейную жизнь этих партий. Об этом говорит не только опубликованная, но и неопубликованная еще переписка Плеханова с К. Либкнехтом, А. Бебелем, Ф. Мерингом, К. Цеткин и другими немецкими социал-демократами, Ж. Гедом и другими французскими социалистами, итальянским марксистом Антонио Лабриолой, болгарскими марксистами Д. Благоевым, Г. Кирковым, Г. Бакаловым, с известной социал-демократкой Р. Люксембург и др.

Итальянский марксист Антонио Лабриола пишет Плеханову в июне 1899 г. письмо, где горячо благодарит его за статью «О материалистическом понимании истории», в которой дан разбор произведений Лабриолы. Лабриола сравнивает внимательное отношение

---

[1] Архив Дома Плеханова, ед. хр. Р. 34, I в., инв. № 6186, л. 3.
[2] Там же, лл. 12—13.

Плеханова и его ободряющий отзыв с молчанием немецких социал-демократических теоретиков. «Я никогда не ожидал,— пишет Лабриола,— что в Германии меня почтут новым Колумбом. Но молчание германских *товарищей* о моих двух книжках... меня право удивило» [1].

Немецкая пролетарская революционерка Клара Цеткин в сентябре 1913 г. советуется с Плехановым по вопросу о политическом положении в Германии и вместе с тем просит его критически оценить написанную ею брошюру о Марксе.

В письме Плеханова французскому социалисту Ж. Геду от 27 октября 1912 г. (опубликовано в органе Геда «Le socialisme», но никогда не печаталось в переводе на русский язык) говорилось: «Для нас высший закон — это интересы международного пролетариата. Война же находится в полном противоречии с этими интересами» [2].

Однако истины ради следует отметить, что не прошло и двух лет со времени написания этого антимилитаристского письма, как меньшевик Плеханов совершил тяжелое политическое грехопадение, перестав быть интернационалистом и скатившись на позиции оборончества.

Немалый интерес представляет переписка (в значительной мере неопубликованная) Плеханова с редакцией «Правды», с В. И. Лениным, А. М. Коллонтай, с меньшевиками Ю. О. Мартовым, Ф. И. Даном, Л. И. Аксельрод и другими по вопросам борьбы с ликвидаторством, а также незаконченные статьи «Довлеет дневи злоба его» и «Плеханов перешел к большевикам».

Еще в 1908 г. в письме Ф. И. Дану Плеханов резко осуждает сползание ликвидатора Потресова к кадетизму Струве и не щадит меньшевиков-махистов Валентинова, Юшкевича и др. Плеханов пишет: «Я никогда не предполагал, что, выступая крайне непримиримым в «Г[олосе] С[оциал]-Д[емократа]», мы можем в легальной печати идти под руку с Валентиновым, Юшкевичем и прочей полумарксистской сволочью. (Не поставьте мне в вину, что я раньше не выражался о них так резко: думал-то о них я всегда так) ... Пишите где хотите, но *предварительно размежуйтесь с людьми, вносящими в марксизм элементы ереси.* На очереди, по моему мнению, размежевание именно с *полу*марксистами Валентиновым, Потресовым... и т. д. ... Я не считаю позволительным быть строже к Богданову, нежели к Юшкевичу, на том основании, что первый большевик, а второй меньшевик... *Гетеродокс из лагеря большевиков для меня ничем не хуже гетеродокса из лагеря меньшевиков...* я сторонюсь обоих» [3].

Очень интересным и примечательным является неопубликованное письмо Г. В. Плеханова, написанное 9 декабря 1913 г. его последовательнице, меньшевичке Л. И. Аксельрод, которая участвовала в совместных литературных предприятиях с Мартовым,

[1] Архив Дома Плеханова, ед. хр. Б. 62, 2, инв. № 753, л. 2.
[2] Там же, ед. хр. С. 39, инв. № 10745.
[3] Там же, ед. хр. А. 28, 2, инв. № 329, л. 1 об.

Троцким, Потресовым и другими антипартийными элементами и приглашала участвовать в них и Плеханова. Плеханов писал тогда: «...Есть у нас область, в которой мы, надеюсь, до сих пор не расходимся. Это область философских взглядов, всегда имевшая в моих глазах огромную важность... Было бы чрезвычайно важно наладить *партийное* издание. Будет ли Ваш орган иметь *партийный* характер? Если да, я с Вами. Но тот факт, что Вы хотите пригласить Мартова и Троцкого, привьет нашему предприятию *фракционный* характер. И поэтому мне приходится отклонить Ваше предложение. Войти в журнал, где работает Мартов и Троцкий, это значило бы сделать неизбежным новый,— хотя бы только литературный,— раскол и притом в самое короткое время. А гг. Потресов и его соучастники? Ведь я и до сих пор не изменил, и никогда не изменю своего взгляда на их недостойное поведение» [1].

Буржуазные «критики» марксизма-ленинизма иногда пытаются противопоставить Плеханова, как и Ленина, Марксу, представить труды Плеханова как «отступничество» от философии Маркса. Так, в сборнике «Преемственность и изменчивость в русской и советской мысли» (вышел в США в издании Гарвардского университета в 1955 г.) в статье Хенкина признается, что Плеханов как марксистский философ и теоретик марксистской эстетики пользовался огромным престижем, но делается неуклюжая и тенденциозная попытка противопоставить Плеханова Марксу и Энгельсу.

В написанной М. Лазерсоном главе о русской социологии (в книге «Социология двадцатого столетия», Нью-Йорк, 1945) повторяются избитые фразы о «двух вариантах» марксизма, о том, что Плеханов принял «второй вариант», якобы сформулированный Энгельсом в конце его жизни, что «равносильно сдвигу марксизма в сторону идеализма» [2].

Открыто враждебные марксизму философы, например один из «теоретиков» Ватикана Г. Веттер, всячески извращают мировоззрение Плеханова и умаляют его роль в философии, приписывают ему фаталистический взгляд на историю, считают, что Плеханов — «западник-рационалист, просветитель», «проповедник позитивистской доктрины»; по утверждениям Веттера, Плеханов пытается свести роль Маркса к «осуществлению синтеза между гегелевской диалектикой и фейербаховским материализмом» [3].

Зарубежные фальсификаторы истории русской и советской общественной мысли извращают отношение В. И. Ленина и советских марксистов к Плеханову. Например, Р. Хеэр утверждает в своей книжке «Пионеры русской общественной мысли», что большевики осудили Плеханова, ортодоксального марксиста, как «мелкобуржуазного» «еретика-меньшевика», в результате чего он был

---

[1] Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 8, 155, инв. № 157, л. 1—2 об.

[2] «Twentieth century sociology». Ed. by G. Gurwitch and W. E. Moore. New York, 1945, pp. 689—691.

[3] G. A. Wetter. Der dialectische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien, 1958, S. 47, 97, 98.

«формально отлучен от большевистской партии (?), и с тех пор «его идеи в современной России не в почете»[1].

В отличие от них Д. Сомервилл в своей работе «Soviet Philosophy» справедливо утверждает, что «Плеханов — важный источник, особенно в своих ранних работах, из которого много почерпнул Ленин и работы которого широко используются в СССР»[2]. Так, например, французский писатель и философ-экзистенциалист Ж. П. Сартр, касаясь рассуждения Г. В. Плеханова в книге «К вопросу о роли личности в истории» о закономерности общественного развития, где Плеханов утверждает, что будь Бонапарт убит в начале своей карьеры, то нашелся бы другой генерал, и если в связи с этим темп и особенности исторического развития стали бы иными, то общая линия развития не могла быть принципиально иной, делает отсюда неправильный вывод, будто «здесь отбрасывается вся конкретная история... Случайность не существует или по крайней мере играет не такую роль, как думают»[3].

Здесь Сартр ошибочно приписывает Плеханову, как и всему марксизму, фатализм, отрицание роли личности в истории, что противоречит всему духу и сути взглядов марксиста Плеханова на исторический процесс, а также на роль в истории общества выдающейся личности.

Американский реакционный философ-прагматист Сидней Хук в своей книге «Маркс и марксисты» облыжно приписывает Плеханову догматизм и доктринерство. Он утверждает, что у Плеханова «рвение к доктринерской ортодоксии, даже когда доктрины являются двусмысленными, оказывалось сильнее его логической осторожности и проницательности». По измышлениям Хука, Плеханов «затемняет необходимые и нужные условия», «делает легкомысленные допущения», «применяет теорию исторического материализма, но не для того, чтобы проверить ее действительность, но просто для иллюстрации претензий исторического материализма»[4]. Идеалисту-реакционеру Сиднею Хуку ненавистен и невыносим революционный дух исторического материализма, активным представителем которого был Плеханов.

Католический философ И. Бохенский, известный своими фальсификациями диалектического материализма, приписывает Плеханову догматизм и даже «мессианство» — мистическую веру в спасение человечества при помощи социализма. По его утверждениям, русские революционеры конца XIX в., первым из которых был Плеханов, тяготели к марксизму потому, что это учение якобы носило доктринерский и революционный, атеистический и мессианистский характер. Бохенский запутывается в клубке вопиющих противоречий, пытаясь приписать русским марксистам соединение несоединимых вещей: доктринерства и революционности, атеизма и мессианства.

---

[1] R. Hare. Pioneers of Russian Social Thought. London, 1951, p. 174.
[2] J. Somerville. Soviet Philosophy. New York, 1946, p. 256.
[3] «Les temps modernes» septembre, 1957, p. 377.
[4] S. Hook. Marx and the Marxists, New York, 1955, pp. 58—60.

Верные марксизму коммунистические и рабочие партии, следуя указаниям Ленина, хранят, высоко ценят и используют в своей идеологической борьбе марксистское идейное наследие Плеханова.

Марксистские труды Плеханова по философии, содержащие острую и глубокую критику буржуазной реакции, философского идеализма и религии, во многом сохраняющие ценность и актуальность и в наши дни, могут и впредь послужить делу марксистского воспитания трудящихся, формированию их научного материалистического мировоззрения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава 1. Формирование философии марксизма 5

Глава 2. Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 г. 35

Глава 3. Развитие диалектического и исторического материализма в экономических трудах К. Маркса 57

Глава 4. Развитие Марксом и Энгельсом диалектического материализма после Парижской Коммуны 91

Глава 5. Разработка философских проблем естествознания после Парижской Коммуны 128

Глава 6. Развитие Марксом и Энгельсом исторического материализма в период после Парижской Коммуны 143

Глава 7. Развитие Марксом и Энгельсом теории научного коммунизма в 70—90-е годы 177

Глава 8. Развитие Марксом и Энгельсом теории нации и национальных отношений 205

Глава 9. Распространение марксизма в Англии (1900—1917) 235

Глава 10. Распространение и развитие марксистской философии в Италии 248

Глава 11. Развитие и распространение философии марксизма в Германии в конце XIX — начале XX в. 271

Глава 12. Распространение и развитие идей марксистской философии во Франции в последней четверти XIX — начале XX в. 297

Глава 13. Распространение и развитие идей марксистской философии в Болгарии 327

Глава 14. Роль Г. В. Плеханова в истории марксистской философии 344